

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 4

МОСКВА
2023

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:

О. В. Антонова, канд. филол. наук (Москва, Россия);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук (Москва, Россия);

Д. М. Савинов, доктор филол. наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия номера:

А. Е. Журавлёва, канд. филол. наук (Москва, Россия);

Е. В. Корпечкова (Москва, Россия);

Н. В. Никитин (Москва, Россия)

Редакционный совет:

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dg. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 4

MOSCOW
2023

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editors of the issue

Olga V. Antonova, Ph. D. (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc. (Moscow, Russia);
Dmitry M. Savinov, D. Sc. (Moscow, Russia)

Editorial Board of the issue

Alexandra E. Zhuravleva, Ph. D. (Moscow, Russia);
Elena V. Korpechkova (Moscow, Russia);
Nikita V. Nikitin (Moscow, Russia)

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph. D., Professor em. (Calgary, Canada);
Tore Nettet, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Сегментная фонетика и орфоэпия

<i>Беляев Д. Д.</i> Возвратный постфикс: между мягкостью и твердостью.....	11
<i>Вещикова И. А.</i> К обсуждению конструктивного принципа орфоэпической составляющей медиаречи	25
<i>Журавлёва А. Е.</i> Особенности произношения групп согласных в современном русском литературном языке (на примере сочетаний <i>-стк-</i> , <i>-стн-</i> , <i>-стс-</i>).....	38
<i>Клейнер Ю. А., Светозарова Н. Д.</i> Орфоэпия и орфофония: термины и понятия	46
<i>Коробейникова Т. Н.</i> Орфоэпические нормы в речи школьников: ошибки или новые тенденции?.....	55
<i>Корпачкова Е. В.</i> Ударные гласные южнорусских говоров с неархаическими типами диссимилятивного вокализма (качественная характеристика).....	71
<i>Селиванов М. П.</i> Особенности процесса фонетического освоения заимствований в русском языке.....	87

Суперсегментная фонетика

<i>Алтайская Е. М.</i> Особенности акцентирования сочетаний знаменательных и служебных слов в русских фразеологизмах	100
<i>Антонова О. В.</i> Акцентуация имен существительных в современном русском литературном языке: кодификация vs узус	117
<i>Богданова-Бегларян Н. В.</i> <i>Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!</i> (О смехе как реакции говорящего на собственную речевую деятельность).....	136
<i>Князев С. В., Дьяченко С. В.</i> Интонация западного среднерусского окающего говора	149
<i>Князев С. В.</i> Интонация юго-западного архангельского говора.....	175
<i>Прохватилова О. А.</i> Об особенностях интонационно-звукового строя современной православной нехрамовой проповеди	196

Фонология

<i>Андронов А. В.</i> К проблеме фонетического вмешательства в фонологические рассуждения	206
--	-----

<i>Бархударова Е. Л.</i> К проблеме анализа «позиционного» акцента в русской речи иностранцев.....	230
<i>Попов М. Б.</i> К вопросу о причинах и механизме древнерусского перехода <i>ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i</i>	240

Лексикография

<i>Каленчук М. Л., Савинов Д. М.</i> О создании нового академического акцентологического словаря русского языка	257
<i>Никитин Н. В.</i> Особенности произношения русских предлогов как объект лексикографии	273
<i>Стрейкмане Э. Р.</i> Лексикографическое представление акцентологических вариантов в словарях XVIII–XXI вв. (на примере глаголов на <i>-ить</i>)	292

Из истории науки

<i>Фуэжерон И. И.</i> Карцевский в начале научной деятельности (по материалам архива).....	307
---	-----

О фонетике весело

<i>Шмелев А. Д., Шмелева Е. Я.</i> Фонетические приемы в анекдотах	326
---	-----

CONTENTS

Segmental Phonetics and Orthoepy

<i>D. D. Belyayev</i> Reflexive Postfix: Between Softness and Hardness	11
<i>I. A. Veshchikova</i> On the Problem of the Constructive Principle of Media Speech Orthoepy	25
<i>A. E. Zhuravleva</i> Pronunciation Features of Consonant Groups in the Modern Russian Literary Language: Norm and Usage (the case of combinations <i>-stk-</i> , <i>-stn-</i> , <i>-sts</i>).....	38
<i>N. D. Svetozarova. Yu. A. Kleiner</i> Orthoepy and Orthophony: the Terms and the Notions	46
<i>T. N. Korobeynikova</i> Orthoepic Norms in Schoolchildren's Speech: Mistakes or New Trends?	55
<i>E. V. Korpechkova</i> Stressed Vowels of South Russian Dialects with Non-archaic Types of Dissimilative Vocalism (Qualitative Characteristic)	71
<i>M. P. Selivanov</i> On Russian Loanword Sound Interpretation Specifics.....	87

Suprasegmental Phonetics

<i>E. M. Altayskaya</i> On Accentuation of Content and Service Word Combinations in Russian Phraseological Units	100
<i>O. V. Antonova</i> Accentuation of Nouns in the Modern Russian Standard Language: Codification vs Usage.....	117
<i>N. V. Bogdanova-Beglarian</i> <i>Who are you Laughing at? You are Laughing at Yourself!</i> (On Laughter as a Speaker's Reaction to Their Own Speech Activity)	136
<i>S. V. Knyazev, S. V. Dyachenko</i> Phrase Prosody of a Western Middle-Russian Dialect with Okan'je	149
<i>S. V. Knyazev</i> Phrase Intonation of a South-West Arkhangel'sk Dialect.....	175
<i>O. A. Prokhvatilova</i> On the Peculiarities of the Intonation and Sound System of the Modern Orthodox Non-Temple sermon.....	196

Phonology

<i>A. V. Andronov</i> On the Problem of Phonetic Intervention into Phonological Discourse	206
--	-----

<i>E. L. Barkhudarova</i> On the Problem of Analyzing the ‘Positional’ accent in the Speech of Russian-Speaking Foreigners	230
<i>M. B. Popov</i> On the Question of the Causes and Mechanism of the Transformation of <i>ky, gy, xy</i> to <i>κ'i, g'i, x'i</i> in Old Russian	240

Lexicography

<i>M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov</i> The Creation of a New Academic Accentological Dictionary of the Russian Language	257
<i>N. V. Nikitin</i> Pronunciation Peculiarities of Russian Prepositions as an Object of Lexicography.....	273
<i>E. R. Streykmane</i> Lexicographic Representation of Accentological Variations in Dictionaries of the 18th – 21st Centuries (The Case of Verbs Ending by <i>-umb</i>).....	292

From the History of Science

<i>I. I. Fougeron</i> Kartsevsky at the Beginning of His Scientific Career (Based on Archive Materials).....	307
--	-----

Fun Facts about Phonetics

<i>A. D. Shmelev, E. Ya. Smeleva</i> Phonetics In Russian Jokes.....	326
---	-----

СЕГМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА И ОРФОЭПИЯ

Д. Д. Беляев

Тульская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ

(Россия, Тула)

beltula@gmail.com

ВОЗВРАТНЫЙ ПОСТФИКС: МЕЖДУ МЯГКОСТЬЮ И ТВЕРДОСТЬЮ

В статье рассматривается происхождение, история и современное состояние варьирования [с']/[с] в составе возвратного постфикса в русском языке. Местоименная энклитика, изменив грамматический статус и синтагматическое поведение, стала конечным аффиксом глагола. Здесь развивались нестандартные процессы: 1) утрата широкой гласной фонемы в поствокальном положении; 2) зависимость гласного звука от поствокального или постконсонантного положения; 3) регрессивно-прогрессивная ассимиляция [т^(°)с' → ц':/ц:] в 3-м л. и инфинитиве; 4) прогрессивная ассимиляция [ш^(°)с' → ш':/ш:] во 2-м л. ед. ч.; 5) прогрессивная ассимиляция по твердости. Основной фактор последнего процесса — веляризованный [л] в м. р. прош. вр. К нему присоединялись другие твердые согласные в различных формах глагола. Преобразованные словоформы послужили базой для генерализации постфиксального [с] в говорах, ставших основой московской орфоэпической нормы. В XX–XXI вв. эта твердость убывает.

Анализ материалов фоноскопических исследований 2004–2019 гг. (111 дикторов) выявил для форм ед. ч. прош. вр.: в м. р. стабильное преобладание [с] (56,3 %); в ж. и ср. р. меньшую частотность [с] (31,1 %, постепенно снижается). Главный фактор, поддерживающий твердость, — влияние предшествующего [л] (реже [с]: *отнё[с:ъ]* (2), *пронё[с:ъ]* — *спáс[с'ъ]*). В ж. и ср. р. твердость также поддерживается влиянием [л] — дистантным и потому более слабым. Но фонетический фактор дополняется грамматическим притяжением к формам м. р. Только у 10 дикторов варьирование выходит за пределы ед. ч. прош. вр., из них у шести — после твердых [ш], [м] (2-е л. ед. ч., 1-е л. мн. ч.). Этого недостаточно для формирования полноценной прогрессивной ассимиляции. Варьирование [с']/[с] характеризуется позиционной прикрепленностью, и процесс вытеснения [с] далек от завершения. Возвратный постфикс представляет собой комплекс алломорфов <с'а>/<са>/<с'>/<с>.

Ключевые слова: русский язык, возвратный постфикс, история, современное состояние, варьирование по мягкости/твердости.

История возвратной единицы *ся/си* в русском языке чрезвычайно богата событиями. Она кардинально изменила свой грамматический статус (местоименные формы В. и Д. падежей → присловные частицы → аффикс) и синтагматическое поведение (энклитики 7-го и 6-го рангов → освобождение от закона Ваккернагеля → постглагольная позиция); испытала варьирование исходного фонемного состава ((с'а)/(са)/(с'э)/(сэ)/(с'о)/(со)/(с')/(с), (с'и)/(си)/(с')/(с)) и специфические звуковые изменения при взаимодействии с предшествующими морфемами [Соболевский 1907: 91, 139; Дурново 2000: 191, 198; Обнорский 1953: 70–88; Черных 1962: 276–278; Орлова (ред.) 1970: 108–118; Колесов (ред.) 1990: 139–141; Касаткин (ред.) 2005: 155–156; Зализняк 2008: 169–220].

Альтернативная траектория, наиболее последовательно реализовавшаяся в изолированных старообрядческих говорах: примыкание к местоименным словам в качестве аффикса со значением неопределенности, иногда консервация статуса приглагольной частицы с вариативным положением [Касаткин 2008: 382–388, 407–408].

Описанные трансформации развертывались в контексте общего разложения подсистемы местоименных энклитик: «уже в позднерусский период практически выходят из употребления все энклитические местоимения, кроме *ми, ти, ма, та*, а у этих оставшихся четырех резко снижается частотность» [Зализняк 2008: 155].

Убывание коэффициента препозиции для *ся* в древнерусском разговорном языке (форма *си* отражена в текстах редко) шло параллельно с убыванием коэффициента энклитичности местоимений; оба процесса завершились к XVII в. [Зализняк 2008: 155–163, 199–202]. Испытывая грамматическое отталкивание от традиционных местоименных форм и лишаясь стабилизирующих парадигматических связей, возвратная единица приобретала повышенную лабильность. С этим может быть связано, в частности, появление загадочного варианта *се* (облегчалась контаминация с полной формой Д. п. или Р. п. [Кузнецов 1953: 274]; альтернативные объяснения: архаичная энклитика родительного падежа [Обнорский 1953: 85], особый рефлекс **е* [Касаткин (ред.) 2005: 155] — не менее гипотетичны).

Специфическая особенность эволюции возвратной единицы состоит в том, что в постглагольной позиции она подвергалась прогрессивному воздействию, усиливающему интеграцию словоформ возвратных глаголов, которая стимулировалась становлением категории залога [Колесов 2010: 350–369]. Результатом этого воздействия стало разнообразное варьирование постфикса, хронологически и диалектно неоднородное.

1. Повсеместно распространена нетипичная утрата широкой гласной фонемы в поствокальном положении. «Конечное *а* отпадает только в возвратной частице *ся*: в.-р. *боюсь, боялось, боялись*, м.-р. *боюсь, боятись* и пр. Отпадение гласной здесь, несомненно, стоит в связи с превращением формы возвратного местоимения в частичное слово» [Дурново 2000: 164]. Дополнительный грамматический фактор усиливал действие правила А. А. Зализняка о факультативном исчезновении безударных конечных гласных, не составляющих морфа [Зализняк 2002].

2. Там, где такое отпадение отсутствует, может проявляться качественное воздействие: «зависимость от положения постфикса после гласного или согласного. Прежде всего это касается вариантов с [а] и [и]» [Касаткин (ред.) 2005: 155].

3. В формах 3-го лица и инфинитива (лишившегося конечной фонемы ⟨и⟩) обычно происходит регрессивно-прогрессивная ассимиляция по способу образования: [т'с' → ц'с' → ц': (→ ц:)], см. [Соколянский 2008]; в императивах типа *ля*[ц'с']я прогрессивное воздействие блокировалось нулевым формантом.

4. В форме 2-го л. ед. ч. (также лишившейся фонемы ⟨и⟩), наряду с повсеместно известной регрессивной ассимиляцией по месту образования [ш'с' → с':] (при отвердевшем [ш] — [шс' → шс → с:]), возможна и ассимиляция прогрессивная [Колесов (ред.) 1990: 140–141; Касаткин (ред.) 2005: 156]: [ш'с' → ш': (→ ш:)] или [шс' → шс → ш:].

5. Достаточно широко встречается (особенно в северно- и среднерусских говорах) прогрессивная ассимиляция по твердости. Наиболее сильный и распространенный ассимилирующий фактор — веляризованный [л] (специфическая бемольность которого неоднократно проявлялась в истории славянских языков) в форме м. р. прош. вр. (перфектного причастия). Только после [л] твердость [с] захватывает, в частности, северо-западные области диалектного языка [Касаткин (ред.) 2005: 155].

Но ассимилировать следующий [с'] могли, видимо, и другие исконно твердые и отвердевшие согласные: [с, р, к, п] в той же форме после утраты суффиксального [л] (*пасса, перевезся, отерся, ожегся, отрекса, оскребся* и др.); [ш] (2-е л. ед. ч.), [м] (1-е л. мн. ч., 1-е л. ед. ч. 5-го класса), [х] (1-е л. ед. ч. аориста). Соотношение «[с] после твердых согласных — [с'] в прочих позициях» представлено, например, в современных курганских говорах [Харлова 2017].

Предположение, что «сокращение частицы *ся* повлекло за собой ее отвердение: *моюс, боюс, началос* и пр.» [Черных 1962: 276], недостоверно: конец слова — абсолютно сильная позиция для переднеязычных фонем (в отличие от губных), ставших центром формирующейся мягкостной корреляции.

Падение редуцированных, порождая многочисленные неоптимальные сочетания согласных, создавало в консонантизме стрессовую ситуацию, вызывавшую неспецифические реакции — разнонаправленную активизацию изменчивости, см. [Беляев 1993: 64–65]. Однако в данном случае регрессивная ассимиляция (смягчение) не представлена. Ориентирующий грамматический фактор обеспечил достаточно оперативное прохождение четырех этапов звукового изменения, см. [Журавлев 1986: 198–203]: фонетического (позиционная обусловленность аллофонов); фонологического (освобождение аллофонов от позиционной обусловленности); морфонологического (аналогическое перенесение фонемы из одной формы в другую); социолингвистического (закрепление и распространение результатов в языковом коллективе).

Словоформы, испытывавшие прогрессивную ассимиляцию, стали базой для генерализации твердости в глагольных парадигмах. Самые ранние примеры, зафиксированные в памятниках: *наладиса* (Сильвестровский сборник, конец XIV — нача-

ло XV вв.?), *оженица* (Летопись Авраамки, 1495 г.) [Соболевский 1907: 139] — уже отражают твердый [с] в формах аориста после гласного звука, причем переднего.

Закрепление результатов изменения наиболее последовательно происходило в говорах, ставших основой Владимирско-Поволжской группы и Центральной диалектной зоны, где складывалась московская норма русского литературного языка [Касаткин (ред.) 2005: 155]. Но становление нормы было длительным процессом.

Вторая половина XVIII в. (синяя система по М. В. Панову). А. А. Барсов еще трактует твердость в составе возвратного постфикса как ненормативную: «Неправильно также выговаривают и пишут ... (а) вместо (я), на пр. *дѣлается, пишется* вместо *дѣлается, пишется*»; «В рассуждении согласных букв надлежит остерегаться, чтоб обманываясь вольностью выговора, или сходством других слов, не писать. ... Ц. вместо (с), на пр. *дѣлаетца, пишетца*, вместо *дѣлается, пишется*» [Краткие правила... 1773: 85, 90–91]. Оценить реальный узус того времени отчасти позволяет рифмовка поэтических текстов (точные разнородные рифмы).

Интересный материал демонстрирует творчество В. И. Майкова, стилистически неоднородное. В далеких от высокого стиля и близких к разговорной речи иронических поэмах «Игрок ломбера» (1763) и «Елисей, или Раздраженный Вах» (1769) и в баснях различаются рифмы:

открытые «мягкие», *принёсся — Елёся, Елёся — принёсся, Елёся — отвёся* [Майков 1966: 94, 109, 133] = 3;

закрытые «твердые», *гордясь — потряс, разлучась — потряс, споткнусь — вкѹс, тотчас — согласясь* (все деепричастия с конечным ударением!) [Майков 1966: 58, 70, 80, 168] = 4.

Вряд ли это говорит о различии фонетическом. В ауслaute — самой свободной позиции для мягкости/твердости — реальное звучание воспринимается и отражается легче.

В более престижных жанрах побеждает стилистический фактор и представлена только мягкость: *связь — подавьясь* («Эпистола Михаилу Матвеевичу Хераскову», 1772); *возвратясь — князь* (трагедия «Агриопа», 1769) [Майков 1966: 278, 336].

Единственная неточная рифма *весь — небѹс* [Майков 1966: 61] не делает полученные результаты менее достоверными.

Первая половина XIX в. (голубая система). Количество и разнообразие рифм с участием возвратных словоформ возрастает. М. В. Панов, рисуя фонетический портрет С. Н. Марина, также подчеркивает значимость стилистического фактора: «Он — поэт-юморист. Именно юмористическая поэзия наиболее полно отразила разговорную речь» [Панов 1990: 253] — и приводит как пример рифмы *встрепенись — Борис, поселясь — ась?, стремясь — Парнас* (варьирование деепричастий с конечным ударением!) [Панов 1990: 257].

О. В. Антонова тщательно проанализировала подобные рифмы в текстах восьми поэтов (А. Н. Апухтин, Е. А. Баратынский, А. С. Грибоедов, Д. В. Давыдов, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, М. Ю. Лермонтов, А. С. Пушкин) [Каленчук, Касаткина (ред.) 2013: 188–194]. Были обнаружены формы 1-го л. ед. ч., прош. вр.,

ед. ч. повел. накл., деепричастия. Общее соотношение [с'] — [с] в них выглядит так: 1. 32 (40,5 %) — 47 (59,5 %). Для деепричастий с конечным ударением картина иная: 2. 23 (62,2 %) — 14 (37,8 %). Однако следует отметить, что от этого соотношения несущественно отличаются данные, полученные по всем деепричастиям: 3. 23 (59,0 %) — 16 (41,0 %).

При этом материал А. С. Пушкина, составляющий около половины всех примеров, занимает совершенно особое место. Все три соотношения радикально сдвинуты в сторону твердости, с сохранением близости соотношений 2 и 3:

1. 12 (31,6 %) — 26 (68,4 %); 2. 8 (42,1 %) — 11 (57,9%); 3. 8 (40,0 %) — 12 (60,0 %).

Представляется, что именно Пушкин наиболее адекватно отражает разговорную речь.

Вторая половина XIX — начало XX вв. (желтая система). Поэты-«москвичи» первой трети XX в. (В. Я. Брюсов, З. И. Гиппиус, Б. Л. Пастернак, М. И. Цветаева) [Каленчук, Касаткина (ред.) 2013: 196–206] весьма близки к А. С. Пушкину:

1. 98 (37,7 %) — 162 (62,3 %); 2. 9 (39,1 %) — 14 (60,9 %); 3. 23 (43,4 %) — 30 (56,6 %).

Следует критически отнестись к императивному характеру орфоэпических правил, сформулированных в начале XX в. «...Мягкая реализация возвратного постфикса у глаголов была возможна и достаточно частотна в старомосковском говоре (несмотря на то, что официально предпочтение отдавалось твердому варианту). Взаимозаменяемость твердого и мягкого вариантов у глаголов отразилась и на судьбе деепричастий с ударением на последнем слоге, где также было возможно произношение частицы и с твердым, и с мягким согласным, хотя нормативным считалось мягкое произношение» [Каленчук, Касаткина (ред.) 2013: 216].

Более того, рассмотренные данные позволяют вообще усомниться в значимости места ударения. Деепричастия в целом, находясь на периферии глагольных парадигм, неизбежно отличались от спрягаемых форм повышенной фонетической неустойчивостью.

Во второй половине XIX в. усилилась орфоэпическая конкуренция Москвы и Петербурга. «Петербургское произношение более буквенно, педантично-книжно» [Панов 1990: 150]. В частности, «частица *ся, съ*, произносимая с твердым [с] в Москве, в Питере произносится с мягким [с']» [Панов 1990: 153]. И у поэтов-«петербуржцев» первой трети XX в. (И. Ф. Анненский, А. А. Ахматова, А. А. Блок, О. Э. Мандельштам) [Каленчук, Касаткина (ред.) 2013: 207–212] закономерно преобладает мягкость:

1. 74 (66,1 %) — 38 (33,9 %); 2. 16 (88,9 %) — 2 (11,1 %); 3. 18 (75,0 %) — 6 (25,0 %).

XX в. (алая система). «...Орфоэпические различия Москвы и Ленинграда сильно сглажены. Они потеряли свою категоричность и резкость» [Панов 1990: 53]. Это сглаживание происходит и в XXI в. Московский [с] в составе возвратного постфикса продолжает сохранять высокий статус, культивируясь в сценической

и вокальной речи [Панов 1967: 322; Козлянинова, Промптова (ред.) 2002: 253; Чарели 2000: 84–85]. Но в стандартном литературном и разговорном языке прогрессирует процесс замены [с] на [с'].

«В данном случае произносительные факты изменились, несомненно, только под влиянием письма. Новые носители литературного языка привыкли доверять книге как бесспорному авторитету в отношении речевых норм» [Панов (ред.) 1968: 106]. Это утверждение выглядит излишне категоричным, если учесть существовавшую уже ранее московскую вариативность и петербургскую традицию преобладающей мягкости. Но отрицать взаимодействие двух форм языка невозможно, что продемонстрирует следующий пример.

В любом случае бесспорно, что процесс замены [с] на [с'] проходит системный фильтр, синтагматический и парадигматический. Особенно сильное сопротивление оказывает позиция после веляризованного [л]. Показательны данные 60-х гг. прошлого века о частотности [с] — 1) в целом, 2) во мн. ч. прош. вр. (на *-лись*), 3) в м. р. прош. вр. (на *-лся*) [Панов (ред.) 1968: 105–106]:

речь радиодикторов — 1) 60 %, 2) 38 %, 3) 75 %;

речь студентов-филологов — 1) 12 %, 2) 3 %, 3) 33 %.

Здесь существенны не только горизонтальные различия в звучании глагольных форм, но и различие вертикальное — между группами говорящих. Надо полагать, что помимо возраста и степени подготовки последнее различие усилено за счет способа получения речевого материала студентов (чтение фраз).

В свое время М. В. Панов предложил гипотетическое объяснение относительной устойчивости формы мужского рода потребностями системы вокализма: «Иначе говоря, [ъ] будет следовать только после таких мягких согласных, которые оканчивают морфему, не будет случаев, когда [ъ] следует после мягких, начинающих морфему. Можно предположить, что именно эта тенденция: избавиться от единственного случая, где [ъ] после мягкого согласного не начальный звук морфемы, — и поддерживает в данном случае прогрессивную ассимиляцию, вообще несвойственную русскому языку» [Панов 1967: 321]. Но для верификации этой гипотезы необходима поддержка со стороны других форм с постфиксом после твердых согласных звуков.

По материалам фоноскопических исследований 2004–2019 гг., проведенных в Тульской ЛСЭ Минюста России (111 дикторов), был проделан анализ, позволяющий оценить характер произношения возвратного постфикса в реальной разговорной речи за пределами столичного региона.

Как и ожидалось, массовое варьирование [с']/[с] демонстрируют формы единственного числа прошедшего времени.

Получены следующие общие результаты:

Ед. ч. прош. вр.			М. р.			Ж. + ср. р.		
Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]
1952	1070	882, 45,2 %	1090	476	614, 56,3 %	862	594	268, 31,1 %

В речи 52 дикторов варьирование охватывает как формы мужского, так и женского и/или среднего рода:

Ед. ч. прош. вр.			М. р.			Ж. + ср. р.		
Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]
1218	566	652, 53,5 %	629	230	399, 63,4 %	589	336	253, 43,0 %

У 45 дикторов варьирование охватывает только формы мужского рода:

Ед. ч. прош. вр.			М. р.			Ж. + ср. р.		
Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]
636	421	215, 33,8 %	430	215	215, 50,0 %	206	206, 100 %	—

С другой стороны, варьирование исключительно в формах женского и/или среднего рода характеризует речь всего лишь 7 дикторов:

Ед. ч. прош. вр.			М. р.			Ж. + ср. р.		
Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]
66	51	15, 22,7 %	11	11, 100 %	—	55	40	15, 27,3 %

Столь же малочисленна группа дикторов, в речи которых представлен только мягкий согласный (7 человек):

Ед. ч. прош. вр.			М. р.			Ж. + ср. р.		
Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]
32	32	—	20	20	—	12	12	—

Весьма вероятно, что отсутствие варьирования здесь обусловлено малым объемом материала (от 2 до 6 примеров).

Большинство дикторов составляют уроженцы и жители Тульской области. Кроме того, зафиксированы 22 уроженца других регионов: Брянск, Владивосток (2), Волгоград, Калуга (2), Кемерово (2), Крым, Курск, Москва, Псков, Смоленск, Тамбов, Беларусь (3), Баку, Ереван, Одесса (2), Черкассы. Но пространственные параметры варьирования не прослеживаются.

С целью выявления временных параметров речевой материал был проанализирован в контексте года рождения дикторов. Для 7 человек эти данные отсутствуют, но характер варьирования у оставшихся 104 дикторов достаточно близок характеристикам полного множества. Об этом говорит минимальная (гораздо

меньше 10 %) величина относительного отклонения (ОО) между долями вариантов (отношение модуля их разности к среднему значению доли).

Ед. ч. прош. вр.			М. р.			Ж. + ср. р.		
Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]
1952	1070, 54,8 %	882, 45,2 %	1090	476, 43,7 %	614, 56,3 %	862	594 68,9 %	268, 31,1 %
1867	1030, 55,2 %	837, 44,8 %	1032	457, 44,3 %	575, 55,7 %	835	573, 68,6 %	262, 31,4 %
ОО	0,7 %	0,9 %		1,4 %	1,1 %		0,4 %	1,0 %

Множество «датированных» дикторов было разбито на две группы:

- 1) 1940–1974 года рождения (52 человека);
- 2) 1975–1994 года рождения (52 человека).

Для оценки значимости выявленных различий также высчитывалось ОО.

Ед. ч. прош. вр.			М. р.			Ж. + ср. р.		
Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]
1: 1004	546, 54,4 %	458, 45,6 %	525	232, 44,2 %	293, 55,8 %	479	314, 65,6 %	165, 34,4 %
2: 863	484, 56,1 %	379, 43,9 %	507	225, 44,4 %	282, 55,6 %	356	259, 72,8 %	97, 27,2 %
ОО	3,1 %	3,8 %		0,5 %	0,4 %		10,4 %	23,4 %

Как видим, в формах мужского рода стабильно, хотя и не очень значительно, преобладают твердые варианты. В женском и среднем роде твердые варианты гораздо менее частотны и наблюдается значимое снижение их доли (очень большая величина ОО).

При этом главным фактором, поддерживающим твердость, следует признать не грамматические признаки, а ассимилятивное воздействие предшествующего согласного [л]. Имеется свидетельство от обратного — 7 форм мужского рода с нулевым суффиксом, зафиксированные в речи 6 дикторов:

[с']	[с]
<i>ошѣб[с'ъ], прѣтѣр[с'ъ], унѣр[с'ъ], снѣс[с'ъ]</i>	<i>отнѣ[с:ъ] (2), пронѣ[с:ъ]</i>

При всей своей малочисленности данные примеры показательны: после твердых [п], [р] произносится исключительно [с']. В позиции после [с], напротив, господствует [с]. Здесь поддержку твердости обеспечивает абсолютная гоморганность взаимодействующих согласных. При этом отсутствует стандартная регрессивная ассимиляция по мягкости. Ее блокируют две виртуальных единицы — нулевой суффикс прош. вр. и нулевая флексия м. р. ед. ч., см. [Беляев 2006: 8–9].

В формах женского и среднего рода твердый вариант поддерживается не предшествующими непередними гласными звуками (о чем говорит, в частности, господство мягкости после [у] в 1-м л. ед. ч.), а опять-таки воздействием [л]. Но осуществляется оно дистантно и закономерным образом оказывается более слабым. С другой стороны, фонетический фактор поддерживается, видимо, грамматическим притяжением к наиболее близким формам.

Всего лишь у 10 дикторов варьирование [с']/[с] выходит за пределы форм единственного числа прошедшего времени. Характерно, что в большинстве случаев это люди ранних годов рождения (1955–1974), хотя для категоричного вывода материала недостаточно.

КОА, 1955	4 [с'] <i>избавлюсь, поотжимаюсь, сомневаюсь</i> (2) / 1 [с] <i>понапрягаюсь</i>
КНП, 1956	1 [с'] <i>встретимся</i> / 2 [с] <i>стараясь, трудимся</i> 1 [с'] <i>признается</i> / 1 [с] <i>превратится</i> 1 [с'] <i>признайтесь</i> / 1 [с] <i>отъе...итесь</i>
ЖСА, 1957	6 [с'] <i>денешься, занимаешься</i> (2), <i>определяешься, договоришься, явишься</i> / 1 [с] <i>явишься</i>
ПГВ, 1970	1 [с] <i>познакомишься</i>
ДАИ, 1970	1 [с'] <i>надеясь</i> / 1 [с] <i>напрягаясь</i>
ТАИ, 1973	1 [с'] <i>постараюсь</i> / 1 [с] <i>пользуюсь</i>
ЛАН, 1974	2 [с'] <i>встретились, познакомились</i> / 2 [с] <i>договорились, общались</i> 1 [с'] <i>пользуюсь</i> / 1 [с] <i>разбираюсь</i>
КРЮ, 1980	2 [с'] <i>определимся, поторгуемся</i> / 2 [с] <i>вернёмся, разберёмся</i>
ЕВН, 1983	5 [с] <i>освободишься</i> (2), <i>пересечёшься, стажируешься, учишься</i>
ААИ, 1994	1 [с] <i>разберёмся</i>

Представляет интерес распределение результатов варьирования в данных участках глагольных парадигм. По числу грамматических форм с двойным перевесом (4 — 2) лидирует поствокальная позиция. Однако положение после твердых согласных звуков, напротив, преобладает и по количеству дикторов (6 — 5), и по количеству примеров:

Варьирование [с']/[с] за пределами форм ед. ч. прош. вр.			После [ш], [м] (2-е л. ед. ч., 1-е л. мн. ч.)			После гласных звуков (мн. ч. прош. вр., 1-е л. ед. ч., 2-е л. мн. ч., деесп. несов. в.)		
Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]	Всего	[с']	[с]
40	20	20, 50,0 %	21	9	12, 57,1 %	19	11	8, 42,1 %

Но эти примеры слишком малочисленны для реализации гипотетического прогноза М. В. Панова (см. выше). Полноценная прогрессивная ассимиляция

не сформировалась. Варьирование [с']/[с] по-прежнему характеризуется не позиционной обусловленностью, а позиционной прикрепленностью, см. [Пеньковский 1971].

Итак, проведенное исследование показало: варьирование [с']/[с] в парадигмах возвратных глаголов остается актуальным и сегодня. Вытеснение [с] протекает в порядке, обратном порядку его распространения, и процесс этот далек от завершения. Проанализированный материал демонстрирует для форм м. р. состояние, зафиксированное М. В. Пановым более полувека назад: «Если же она [частица -ся] следует за [л], то в равной мере встречается и твердое, и мягкое произношение: [пытáльсь] и [пытáльсь'], [знáльсь] и [знáльсь']. Твердое произношение резко преобладает над мягким в образованиях *несся, тряся, разросся, разлезся...*» [Панов 1967: 321]. Последний факт (трактовка позиции после [с]) не соответствует § 145 «Большого орфоэпического словаря» [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2018: 1013]. Преждевременной оказывается и оценка твердых вариантов форм ж. р. и ср. р. как устарелых. В прочих глагольных формах варьирование явно сходит на нет.

Возвратный постфикс представляет собой комплекс алломорфов <с'а>/<са>/<с'>/<с>. Этот факт определяет фонемный состав форм инфинитива и 3-го лица типа [бра́ц:ъ], [б'ир'о́ц:ъ], [б'иру́ц:ъ] ([ц: = ц₁ + ц₂]). Постфиксальный [ц₂], возникающий в результате прогрессивной ассимиляции по способу образования, проверяется двойко: [нъч'илсá]/[нъч'илс'á]. Применение презумпции твердости (см. [Кузьмина 1981: 31–43]) дает <с>: <бра́т'са>, <б'ор'о́т'дса>, <б'ору́т'дса> (ср. иначе: [Беляев 2006: 11–13]). Можно полагать, что это еще один фактор, поддерживающий варьирование [с']/[с].

Литература

Беляев Д. Д. Славянские заднебные после падения редуцированных // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 64–77.

Беляев Д. Д. Русский язык. Графика: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2006. 87 с.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка [1924] // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1–337.

Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. 232 с.

Зализняк А. А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 550–558.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. (ред.) Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Отв. ред.: М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. М.: Языки славянской культуры, 2013. 458 с.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка: литературное произношение и ударение начала XXI века:

норма и её варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 1024 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Русская диалектология: учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.

Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. II. 2-е изд. М.: Языки славянских культур, 2018. 752 с.

Козлянинова И. П., Промптова И. Ю. (ред.). Сценическая речь: учебник для студ. театральных учеб. заведений / Под ред. И. П. Козляниновой, И. Ю. Промптовой. 3-е изд. М.: Изд-во ГИТИС, 2002. 511 с.

Колесов В. В. (ред.). Русская диалектология: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / Под ред. В. В. Колесова. М.: Высшая школа, 1990. 207 с.

Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высш. учеб. заведений Российской Федерации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 512 с.

Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского Московского университета. М.: Унив. тип., 1773. 103 с.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. 306 с.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии: орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М.: Наука, 1981. 265 с.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 252 с.

Орлова В. Г. (ред.). Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии / Отв. ред. В. Г. Орлова. М.: Наука, 1970. 455 с.

Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 212 с.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 456 с.

Пеньковский А. Б. О несвободе свободного варьирования аллофонов // Вопросы фонологии и фонетики: VII Международный конгресс фонетических наук (Монреаль, 1971 г.): тез. докл. сов. лингвистов. М.: АН СССР, 1971. Ч. 2. С. 193–198.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М.: Унив. тип., 1907. 309 с.

Соколянский А. А. Изменение сочетания *тс* в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1. С. 106–132.

Харлова Н. М. Особенности употребления возвратных глаголов в говорах Шадринского района // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2017. № 6. С. 178–183.

Чарели Э. М. Как развить дыхание, дикцию, голос. Екатеринбург: Дом учителя, 2000. 300 с.

Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк: пособие для пед. институтов. 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1962. 375 с.

D. D. Belyayev
Tula laboratory of judicial examination
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
(Russia, Tula)
beltula@gmail.com

REFLEXIVE POSTFIX: BETWEEN SOFTNESS AND HARDNESS

The article deals with the origin, history, and current state of variation [c']/[c] in reflexive postfix *-ся/-сь* in Russian. The pronominal enclitic, having changed its grammatical status and syntagmatic behavior, became the final affix of the verb. Several non-standard processes developed here: 1) the loss of a wide vowel phoneme in the post-vocalic position; 2) the dependence of the vowel on the post-vocalic or post-consonantal position; 3) regressive-progressive assimilation [ɾ^(c)c' → ɯ':/ɯ:] in 3rd person form and in the infinitive; 4) progressive assimilation: [ɯ^(c)c' → ɯ':/ɯ:] in 2nd person sing. form; 5) progressive assimilation in hardness. The main factor is velarized [ɯ] in the past tense, masculine, as well as other hard consonants in various verb forms. The transformed word forms served as a basis for the generalization of the postfixal [c] in dialects, on which Moscow orthoepic norm is grounded. In the 20th–21st centuries this hardness decreases.

Analysis of the materials from phonoscopic studies between 2004 and 2019 (111 speakers) revealed that in the forms of past tense sing. in masc. predominates [c] (56.3 %), while in fem. and neut. lower frequency of [c] (31.1 %, gradually decreasing) is observed. The main factor that keeps hardness is the influence of the preceding [ɯ] (less often [c]: *отнѣ*[c:ъ] (2), *пронѣ*[c:ъ] — *снѣс*[c'ъ]). In fem. and neut. the hardness is also supported by the influence of [ɯ], which is distant and therefore weaker. But the phonetic factor is supplemented by grammatical attraction to the forms of masc. Only in 10 speakers does the variation go beyond sing. past, of which 6 have after hard [ɯ], [M] (2nd person sing., 1st person plur.). This is not enough to form a full-fledged progressive assimilation. Variation [c']/[c] is characterized by positional attachment, and the process of displacement of [c] is far from complete. The reflexive postfix is a complex of allomorphs ⟨c'a⟩/⟨ca⟩/⟨c'⟩/⟨c⟩.

Keywords: Russian language, reflexive postfix, history, current state, variation of softness/hardness.

References

Belyayev D. D. [Slavic velars after the fall of the jers]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1993, no. 6, pp. 64–77. (In Russ.)

Belyayev D. D. *Russkiy yazyk. Grafika* [Russian language. Graphics]. Study guide for students of higher pedagogical educational institutions. Tula, Tula State Ped. Univ. Publ., 2006. 87 p.

Chareli E. M. *Kak razvit dykhaniye, diktsiyu, golos* [How to develop breathing, diction, voice]. Yekaterinburg, Dom Uchitelya Publ., 2000. 300 p.

Chernykh P. Ya. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Kratkiy ocherk* [Historical grammar of Russian language. Short essay]. Manual for pedagogical institutes. 3rd ed. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1962. 375 p.

Durnovo N. N. [Essay on the history of the Russian language] // Durnovo N. N. *Izbrannyye raboty po istorii russkogo yazyka* [Durnovo N. N. Selected works on the history of the Russian language]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 2000, pp. 1–337. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. (eds.). *Russkaya fonetika v razviti. Foneticheskiye “ottsy” i “deti” nachala XXI veka* [Russian phonetics in development. Phonetic “fathers” and “children” of the early 21st century]. Executive editors M. L. Kalenchuk, R. F. Kasatkina. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kultury Publ., 2013. 458 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bolshoy orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka. Literaturnoye proiznosheniye i udareniye nachala XXI veka. Norma i yeye varianty* [Big orthoepic dictionary of Russian. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. The norm and its varieties]. Ed. by L. L. Kasatkin. 2nd ed., rev. and add. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2018. 1024 p.

Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Textbook for students of philological faculties of higher educational institutions. Ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, Academia Publ., 2005. 288 p.

Kasatkin L. L. *Izbrannyye trudy. T. II* [Selected works. Vol. II]. 2nd ed. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ., 2018. 752 p.

Kharlova N. M. [Features of the use of reflexive verbs in the dialects of the Shadrinsk region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, no. 6, pp. 178–183. (In Russ.)

Kolesov V. V. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Study guide for philological faculties of universities. Ed. by V. V. Kolesov. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990. 207 p.

Kolesov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian language]. Textbook for higher educational institutions of the Russian Federation. St. Petersburg, St. Peterb. State Univ. Publ., 2010. 512 p.

Kozlyaninova I. P., Promptova I. Yu. (eds.). *Stsenicheskaya rech* [Scenic speech]. Textbook for students of theater educational institutions. Ed. by I. P. Kozlyaninova, I. Yu. Promptova. 3rd ed. Moscow, GITIS Publ., 2002. 511 p.

Kratkiye pravila rossiyskoy grammatiki, sobrannyye iz raznykh rossiyskikh grammatik v polzu obuchayushchegosya yunoshestva v gimnaziakh Imperatorskogo Moskovskogo universiteta [Brief rules of Russian grammar, collected from various Russian grammars for the benefit of young people studying in the gymnasiums of the Imperial Moscow university]. Moscow, Univ. Print. Publ., 1773. 103 p.

Kuzmina S. M. *Teoriya russkoy orfografii: Orfografiya v yeye otnoshenii k fonetike i fonologii* [Theory of Russian spelling: Spelling in its relation to phonetics and phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 265 p.

Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Historical grammar of Russian language. Morphology]. Moscow, Mosc. State Univ. Publ., 1953. 306 p.

Obnorskiy S. P. *Ocherki po morfologii russkogo glagola* [Essays on the morphology of the Russian verb]. Moscow, AN SSSR Publ., 1953. 252 p.

Orlova V. G. (ed.). *Obrazovaniye severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov. Po materialam lingvisticheskoy geografii* [Formation of the North Russian dialects and Central Russian dialects. Based on materials of linguistic geography]. Executive editor V. G. Orlova. Moscow, Nauka Publ., 1970. 455 p.

Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1967. 438 p.

Panov M. V. (ed.). *Russkiy yazyk i sovetskoye obshchestvo. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnyye govory* [Russian language and Soviet society. Phonetics of the modern Russian literary language. Folk dialects]. Ed. by M. V. Panov. Moscow, Nauka Publ., 1968. 212 p.

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [History of the Russian literary pronunciation of the 18th–20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 456 p.

Penkovskiy A. B. [On the unfreedom of free variation of allophones]. *Voprosy fonologii i fonetiki: VII Mezhdunarodnyy kongress foneticheskikh nauk (Monreal, 1971 g.): Tez. dokl. sov. lingvistov* [Questions of phonology and phonetics. VII International congress of phonetic sciences (Montreal, 1971). Abstracts of reports of Soviet linguists]. Moscow, AN SSSR Publ., 1971, pt. 2, pp. 193–198. (In Russ.)

Sobolevskiy A. I. *Lektsii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. 4th ed. Moscow, Univ. Print., 1907. 309 p.

Sokolyanskiy A. A. [Changing the combination of *ts* in the history of the Russian language]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2008, no. 1, pp. 106–132. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. [The rule for dropping final vowels in Russian] // Zaliznyak A. A. *“Russkoye imennoye slovoizmeneniye” s prilozheniyem izbrannykh rabot po sovremenному russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu* [Zaliznyak A. A. “Russian nominal inflection” with the application of selected works on the modern Russian language and general linguistics]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., 2002, pp. 550–558. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskiye enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ., 2008. 280 p.

Zhuravlev V. K. *Diakhronicheskaya fonologiya* [Diachronic phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 232 p.

И. А. Вещикова

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

irinavtmg@gmail.com

К ОБСУЖДЕНИЮ КОНСТРУКТИВНОГО ПРИНЦИПА ОРФОЭПИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МЕДИАРЕЧИ

Поиски конструктивного принципа медиаречи на уровне орфоэпии продиктованы причинами двоякого рода: 1) важностью объяснить причины отсутствия взаимно однозначных отношений между нормативными установками для работников СМИ, провозглашенными более 60 лет назад, и узусом; 2) необходимостью решения научно-исследовательских и прикладных задач. Дело в том, что оценка эмпирического материала сквозь призму нормы и программа курса орфоэпии для журналистов всецело зависят от трактовки содержания и специфики медиастандарта как идеала (эталона) для медиасреды, а сам эталон — от степени изученности сложившегося и закрепившегося в практике телевидения употребления. Для получения более или менее объективных данных относительно устройства медиатекстов мы привлекали записи разных культурно-исторических эпох — советской и постсоветской; учитывали амплуа выступающего в эфире и жанрово-форматные характеристики программы; ранжировали варианты с учетом оценок профессионально ориентированных и академических словарей; опирались на работы лингвистов, теоретиков медиа, наблюдения практиков. Исследование показало, что произносительная сторона медиаречи не может быть всегда одинаковой, а нормативные указания профессионально ориентированных словарей — применяться как универсальные. Границы медиастандарта, вырисовывающиеся на основе анализа реальных текстов, закономерно раздвигаются, отражая, с одной стороны, потенциальные возможности произносительной системы, с другой — многосоставность самого телевидения. Факты говорят о том, что конструктивный принцип медиаречи как сферы бытования литературного языка заключается в коммуникативно-функциональной гибкости, находящей выражение в сосуществовании и чередовании двух основных стратегий (моделей) орфоэпического поведения. Отчетливо заявившие о себе еще в домедиатизационную эпоху дикторская и (условно) журналистская модели, выбор между которыми тесно связан с амплуа и телеформатом, складываются в единую картину, и ни одна из них не может считаться первичной

по отношению к другой. Похоже, что это неписаное правило, которого придерживались и придерживаются работающие в СМИ.

Ключевые слова: орфоэпия, медиаречь, конструктивный принцип орфоэпии медиаречи, литературная произносительная норма, произносительный медиастандарт, академические словари, профессионально ориентированные словари, телевизионное амплуа, телеформат.

«Всё-таки русская ментальность воспитана на подражании образцам, а не на запретах и понуждениях»

[Колесов 2001: 56].

«...Велика опасность ошибиться и принять за нечто доселе неслыханное что-нибудь вполне обычное просто из-за недостатка знаний»

[Бурдые 2002: 60–61].

Ортологические источники для медиасреды и их именованя

Обсуждение произносительного облика медиаречи с точки зрения предъявляемых к ней требований начинается в 30-е гг. XX в. с составления дикторской группой Центрального радио картотеки «трудных слов». Следующим шагом на этом пути можно считать предназначенные для «внутреннего пользования» словари — «В помощь диктору» (1951) и «Словарь ударений. В помощь диктору» (1954), а кульминацией — созданный на их основе и изданный в 1960 г. «Словарь ударений для работников радио и телевидения», цель которого — сформулировать «указания и рекомендации в области ударения, произношения, частично и словоизменения» для «работников радио и телевидения: дикторов, комментаторов, обозревателей, репортеров, лиц, ведущих передачи, и других, выступающих перед микрофоном» [Агеенко, Зарва 1984: 3]. Начиная с седьмого издания он стал выходить под названием «Словарь ударений русского языка» (1993) и уже в начале XXI в. уступил место трем источникам: «Русское словесное ударение: словарь нарицательных имен» [Зарва 2001], «Собственные имена в русском языке: словарь ударений» [Агеенко 2010] и «Словарь образцового русского ударения», который спустя несколько лет оказался «Словарем трудностей для работников СМИ» [Штудинер 2016]. Мотивы неоднократного переименования профессионально ориентированных описаний (словарь для дикторов → словарь для работников радио и телевидения → словарь без указания адресата → словарь для работников СМИ) были оставлены без объяснения, что вполне предсказуемо обратило на себя внимание ученых-лингвистов, в частности одного из авторов академического орфоэпического словаря: «Совершенно недопустимо произведенное начиная с 1993-го изменение названия. Принятое новое название “Словарь ударений русского языка” снимает ограничение адресата. <...> До изменения названия было ясно, каково соотношение между орфоэпическим словарем — основным и наиболее авторитетным источником — и словарем, рекомендующим норму, предназначенную для

“озвучивания” средствами массовой коммуникации. Теперь это соотношение нарушено» [Еськова 2004: 275–276]. Справедливо высказанные упреки подвели к необходимости анализа и осмысления, во-первых, предназначения и возможностей профессионально ориентированной и академической лексикографии в области орфоэпии, во-вторых, разных видов произносительных норм с точки зрения их содержания, специфики, места и роли в медиаречи как разновидности русского литературного языка. Вот об этих вопросах и будет идти речь в дальнейшем.

К сказанному остается добавить одну деталь, как правило остающуюся за скобками: к моменту 1-го издания «Словаря ударений для работников радио и телевидения» (1960) «ведущими по-прежнему оставались дикторы» [Муратов 2009: 259], однако ко времени выхода в свет его второго издания (1967) телевизионный ландшафт претерпел коренные изменения за счет «рождения, если применять сегодняшнюю терминологию, авторского ТВ». Диктор перестал быть в эфире единственным представителем студии» [Муратов 2009: 259]. Наряду с дикторами влиятельными фигурами стали ведущие просветительских и информационно-аналитических программ, в числе которых «Слово Андроникова», «Кинопанорама», «Очевидное — невероятное», «Клуб кинопутешествий/путешественников», «9 студия», «Международная панорама», «Камера смотрит в мир». К сожалению, новшества, касающиеся расширения набора основных амплуа и жанрово-форматного состава телевидения, нашли отражение лишь в заголовке словаря. Несмотря на очевидную важность суждений о том, что «создать систему “правильности” для звучащей речи, т. е. кодифицировать ее, можно только, досконально ее изучив» [Лаптева 2000: 7], и что «каждому виду экранной деятельности присущи особая методика работы, особые правила, соответствующие его специализации; смешивать их было бы непрофессионально» [Телевизионная журналистика 2002: 216], сформулированные в словарях 1951, 1954 и 1960 гг. правила орфоэпического поведения не были протестированы за пределами дикторского амплуа, но были автоматически экстраполированы на все остальные. К мнению авторитетных телеперсон о том, что «нужны индивидуальности — новые, разные, непохожие. И мы снова приходим к мысли о необходимости расширять “амплуа” — на этот раз диктора телевидения <...> надо расширять семью дикторов, подбирая их, как в театральную труппу, в которой есть исполнители на самые разные роли» [Андроников 1975: 347–364], кодификаторы тоже не прислушались. Кстати, мысль о том, что дикторская манера исполнения далеко не всегда идеальна, уместна и эффективна, обсуждалась представителями недикторского цеха разных поколений, среди которых можно назвать ведущего программы «Панорама кино» В. Годоровского: «Телевизионный ведущий, общаясь со своей аудиторией, должен говорить на максимально живом языке, даже если это приводит к каким-либо ошибкам. Можно говорить по-своему, с какими-то своими особенностями. Все это может создать некий интересный характер передачи, делающий ее непохожей на другие» [Светлана-Толстая 2007: 298]. Приведенные наблюдения говорят о том, что в ходе анализа и осмысления принципов устройства произносительной стороны медиаречи и одновременно оценки радиуса действия и реалистичности предписаний для медиасреды, декларируемых на протяжении

60 лет, целесообразно подключать исследования не только лингвистов, но также теоретиков и практиков медиа; работы орфоэпические и частно-описательные; языковой материал, почерпнутый из разных программ разных эпох.

Виды орфоэпических норм: их объем, содержание и специфика

Как отмечают ученые, «усвоение нормы всякий раз обусловлено вхождением в тот или иной социум. Поскольку в течение жизни человек может входить в разные социумы, постольку различные нормы могут наслаиваться одна на другую. Так, могут последовательно возникать требования: “говорить, как все” (в процессе нормализации детской речи, т. е. при вхождении в социальный мир), “говорить, как избранные” (при овладении социальным жаргоном, т. е. при вхождении в тот или иной замкнутый социум), “говорить и писать, как культурные люди” (при овладении книжной нормой, т. е. при вхождении в социум грамотных людей) <...> Поэтому, наряду с имманентно присущим всякой норме общим значением правильности, норма имеет еще и побочное социальное значение: она демонстрирует принадлежность к определенному социуму» [Успенский 2002: 13]. Если сказанное перенести на почву орфоэпии, то увидим обязательность дифференциации «нормы, предназначенной для “озвучивания” СМИ» [Еськова 2004: 276] (назовем ее орфоэпическим медиастандартом), и литературной произносительной нормы, владение которой «демонстрирует приобщенность индивида не к тому или иному социуму — хотя бы и достаточно авторитетному, а к культуре», вследствие чего ее авторитетность как составной части книжной нормы «обеспечивается не социальным престижем, но принципиальной консервативностью, связью с традицией» [Успенский 2002: 13].

Второе их отличие затрагивает собственно орфоэпическое содержание. *Литературная произносительная норма* не отрицает сосуществования вариантов, ее описанию посвящены академические словари, призванные с помощью системы помет запечатлеть «синхронную динамику нормы» и не допустить, чтобы кодификация стала «тормозом естественного и общественно обусловленного развития литературной нормы» [Едличка 1988: 68]. Для наглядности приведем несколько примеров: агрессия [допуст. *рэ*], одесский [дэ и *де*], рейтинг [*рэ* и *ре*], поэт [факульт. *по*], фольклор [*лэ* и допуст. *ло*], симметрия и симметрия [Еськова (ред.) 1983/2015]; аг[гр'е]ссия и а[грэ]ссия, о[д'е]сский и о[дэ]сский, [рэ]йтинг и допуст. [р'э]йтинг, п[эи^е]тесса и допуст. п[оэ]тесса, фоль[кл]ор и фоль[кл']ор, симметрия и симметрия [Каленчук и др. 2012/2017].

В качестве главенствующей характеристики *медиастандарта* словари для работников СМИ выдвинули установку на единообразие, выраженную в отказе от вариантов как «в плане хронологическом — старых и новых, так и в плане стилевом — книжных и разговорных» и призванную «устранить разноречие, отвлекающий слушателей от содержания передачи» [Агеенко, Зарва 1984: 3]. По их убеждению, оптимальными в условиях эфира являются варианты типа *по средám, одновременно, обеспéчение, ба[се]йн, О[де]сса, [по]эт, [эф-эс-бэ]*. Судя по материалу, носители языка, которые активно поддерживают идею культивирования

одного варианта, следуют за медиаперсонами даже тогда, когда они используют реализации типа *дэньгам, бу[те]рброд, ру́лит, на стена́х* (домов), которые не вполне укладываются в зону литературности или находятся на ее периферии. При этом вопрос о критериях выбора предпочтительных для СМИ вариантов составители профессионально ориентированных словарей обходят молчаливым, тогда как академическое сообщество и журналисты относятся к нему более чем серьезно. «Специалисты по СМИ, — пишет крупнейший ученый в области звучащей речи, — имеют право выбрать, отдать предпочтение одному из вариантов и рекомендовать как норму. В начале XXI в. редакторы СМИ рекомендуют ударение в корне слова, т. е. *обеспе́чение, одновременно, обру́шение*. Но значительная часть носителей литературного языка, людей знающих, образованных автоматически будет следовать своим нормам: *обеспече́ние, одновременённо*. И это не будет ошибкой, это будет равноправный выбор равноправного варианта. В этом пункте проявляется этическая проблема для редакторов СМИ» [Брызгунова 2003: 195]. Не менее важно познакомиться с точкой зрения лингвистов-лексикографов. Так, по мнению редактора «Русского орфографического словаря» РАН, «авторы этого словаря (имеется в виду “Словарь ударений для работников радио и телевидения”. — И. В.) исходят из странной предпосылки, что в звучащих текстах по радио, на телевидении — варианты недопустимы. Они дают в словаре как единственно правильное ударение *одновременно*. Значит, *одновременённо* — неправильно. Я уж не говорю о том, что в данном случае из двух практически равноправных вариантов выбран менее употребительный <...> Таким образом, через этот словарь наши радио и телевидение в лице их грамотных дикторов, ведущих исповедуют убеждение в том, что у каждого слова может быть только одно ударение, одно произношение — варианты невозможны» [Лопатин 2003]. Приведенная позиция созвучна и авторам академического орфоэпического словаря: «Рецензируемый словарь производит произвольный выбор между... равноправными акцентологическими вариантами... Как уже говорилось, “отказ” от одного из них (для чего не может существовать объективного критерия) означает искусственное вмешательство в живой язык» [Еськова 2004: 275]. Что касается имен собственных, то реализуемые «составителями инструкций для работников радио и телевидения» решения были прокомментированы создателем знаменитого грамматического словаря: «К сожалению, в их среде тезис “Правильное ударение — это то, которое совпадает с ударением в языке-источнике” ныне приобрел почти характер аксиомы; такое ударение воспринимается как “научное”, а традиционное ударение — как “ненаучное”. В результате многие указания энциклопедий и других подобных изданий (скажем, ударения *Ци́ммервальд, Гу́тенберг, Ма́ннергейм*) получают по сути дела характер справок о ситуации в языке-источнике (и в качестве таковых могут быть вполне полезны), но о том, как реально произносятся эти названия по-русски, фактически сведений не дают. Существенно, однако, то, что многие дикторы, подчиняясь инструкциям и насилуя свое языковое чутье, действительно произносят *Ма́ннергейм* и т. п.» [Зализняк 2007: 733]. Наконец, вопрос о выборе оптимальной для СМИ реализации не чужд и журналистам, на что указывают следующие их ремарки: «По поводу

обеспечения заработных плат! Или *обеспечение*, — озабоченно повернулся он (Путин) к президенту Санкт-Петербургского университета Людмиле Вербицкой. — *Обеспечения*, — кивнула она. — *Обеспечения*, — согласился и Владимир Путин, а я вздрогнул, потому что слишком хорошо помню, как на лекциях на факультете журналистики МГУ имени Ломоносова покойный ныне, а тогда уже бесконечно пожилой Дитмар Эльяшевич Розенталь во время своих нечастых появлений на журфаке внушал нам мысль о том, что ни в коем случае нельзя говорить “*обеспечение*”, а можно только “*обеспечение*”» [Колесников 2016].

Медиаречь сквозь призму предписаний профессионально ориентированных и академических словарей

Еще одно несовпадение медиастандарта и литературной произносительной нормы вытекает из их роли и места в телевизионной медиаречи. Об этом свидетельствуют данные о реальном оформлении (а не умозрительно описанном идеале) орфоэпической стороны телевидения. При их систематизации и интерпретации мы взяли за основу триаду «культурно-историческая эпоха (в противном случае установить традиционность/новизну, константность/подвижность того или иного явления невозможно) — амплуа медиаперсоны — нормативные характеристики двух типов орфоэпических словарей». Не останавливаясь на специальном рассмотрении отдельных примеров, собранных при портретировании телевизионных медиатекстов и подробно описанных в монографии «Телевизионная речь в аспекте орфоэпии» [Вещикова 2022: 102–189], сформулируем основные наши наблюдения.

Телевизионной речи советской эпохи свойственно несколько особенностей. Прежде всего подчеркнем, что дикторская практика, представленная «новостями дня», чтением анонсов, а также закадрового текста в информационно-аналитической программе «Международная панорама» и во время парадов на Красной площади, строго ориентирована как на общие установки, так и на конкретные рекомендации словаря для работников радио и телевидения. При этом бросается в глаза неоднозначность ее оценки. Фонетисты советской эпохи дают ей весьма сдержанную оценку, акцентируя то обстоятельство, «что идентичности в произношении дикторов нет» и что «это один из моментов, требующих к себе внимания» [Зарва 1976: 51]. Крайне неожиданно выглядят и признания журналистов, в частности кинодокументалиста Р. Кармена: «Сейчас кажется архаической крикливая, назойливая, излишне патетическая <...> тональность дикторского текста той поры... Зритель сегодняшний предпочитает, может быть, лишенный профессиональной актерской дикции, чуть хриловатый, но зато человечный, душевный разговор Михаила Ромма в “Обыкновенном фашизме” или грассирующую речь Константина Симонова в фильме “Гренада, Гренада, Гренада моя...”» [Светлана-Толстая 2007: 12]. Совершенно иной взгляд и беспрецедентно высокую оценку встречаем в работах конца прошлого — начала текущего столетия: «Информационно-публицистический стиль, воплощенный в речи радио- и теледикторов, в наибольшей степени олицетворяет орфоэпическую норму кодифицированного литературного языка, он близок к воплощению эталона, идеала литературной речи» [Кузьмина 1996: 13]. Что касается

не собственно дикторских выступлений, то для них отступления от рекомендаций словарей для медиасреды были вполне обычным делом, что легко проверить, даже бегло посмотрев записи популярных тогда просветительских и информационно-аналитических программ, авторами и ведущими которых были И. Андроников, С. Капица, Ю. Сенкевич, А. Каплер, Э. Рязанов, А. Бовин, Вс. Овчинников, А. Овсянников, В. Зорин, Г. Боровик, Г. Герасимов, Б. Стрельников, И. Фесуненко и др. Недикторские тексты выделяет и объединяет то, что в них наличествуют: 1) полный набор вариантов, квалифицируемых академическими словарями как литературные, 2) фонетические компрессии (разговорные варианты) с той, однако, оговоркой, что регулярно употребляющимся в этих условиях оказывается не весь их спектр, но та его часть, члены которой воспринимаются без затруднений и не препятствуют пониманию сказанного, 3) диалектные и просторечные ошибки типа бед[н'а]ков, к со[жа]лению, ни[х]то, отвер[х], вокру[х], ша[х] (шаг), п[рэ]сса, [Те]ль-Авив, [тэ]рмин и др.

Получается, что границы медиастандарта, вырисовывающиеся на основе изучения записей 60–80-х гг. прошлого века, заметно раздвигаются, а формула правильности, утверждающая нежелательность присутствия в эфире хронологически и стилистически соотнесенных вариантов, востребована прежде всего там и тогда, где и когда лицом эфира становятся дикторы. В других случаях она не является обязательной, а свободу выбора реализации ограничивают лишь рамки литературной нормы. Похоже, что это неписаное правило, которого придерживались работники телевидения. Если же в качестве мерила правильности выбрать предписания одного источника — словаря для работников СМИ, то слишком большой корпус текстов надо признать конфликтующим с канонами телеорфоэпии.

Анализ медиатекстов постсоветской эпохи подтверждает, что единой телеорфоэпии не существует. Но стоит ли в этом видеть невысокий уровень произносительной культуры работников СМИ? По-видимому, положительный ответ здесь был бы слишком формальным и не имеющим объяснительной силы. Представители разных экранных профессий следуют довольно рано сложившейся традиции с ее противопоставленностью дикторских выступлений и «всех остальных». Правда, и «все остальные» не пренебрегают выбранными для эфира еще в 1960 г. вариантами типа *одновре́менно* и *обеспéчение*, (по) *среда́м* и *творóг*, *аг[ре]ссия* и *ба[се]йн*, но за пределами этих широко обсуждаемых случаев просто стараются не выходить из зоны литературного произношения. Попутно заметим, что в отличие от политобозов, работавших на телевидении до распада СССР, авторы-ведущие сегодняшних информационно-аналитических программ Д. Киселев, И. Зейналова, А. Пушкин, А. Прохорова, О. Белова и др. редко допускают грубые ошибки, в перечень которых порой включают варианты, которые связаны с несогласованностью словарных источников и/или конфликтом кодификации и узуса (речь идет о произнесении таких, например, слов и словоформ, как *бухгалтер*, *генезис*, *включит*, *обеспечение*, *начало* (темнеть), *Бурдые*, *Пикассо*, *Кижси* и ряд др.). Отрицательный материал чаще можно заметить в произношении модераторов общественно-политических ток-шоу. Если говорить о разговорных вариантах, то

их, как считается, лавинообразный рост мы полагаем преувеличением, поскольку, с одной стороны, они присутствовали и в материалах предшествующей эпохи, с другой — частотными бывают главным образом те их типы, которые внеситуативно и внеконтекстуально узнаваемы. Большинство работающих в студии отдают себе отчет в том, что «публичная речь по своим функциям и жанровым особенностям — это прежде всего речь, учитывающая удобство слушателя. Подчеркнуто полное удовлетворение интересов слушателя — вот что в первую очередь определяет произносительную сторону публичной речи» [Панов 1968: 14]. Иными словами, медиаматериалы постсоветской эпохи убеждают в том, что представители разных телевизионных профессий по-разному относятся к диктату профессионально ориентированных словарей, рекомендации которых очевидным образом упрощают реальное положение вещей, а потому не должны выступать единственным арбитром, определяющим качество медиатекста.

Предварительные итоги

Изучение орфоэпии медиаречи в плане реальной модальности показывает и доказывает, что ее своеобразие заключается не в установке на единообразии и не в отказе от имеющих статус литературных вариантов, а в коммуникативно-функциональной гибкости в отношении использования орфоэпических ресурсов. Как правило, работающие в студии осознанно или интуитивно ориентируются на сформулированный еще в 1929 г. принцип — «для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества» [Винокур 1929: 113–114], актуальный и для произносительной составляющей изучаемых текстов.

Отчетливо выделяющиеся две основные модели орфоэпического поведения — дикторская и журналистская, обслуживая разные амплуа и разные виды и жанры передач (телеформаты), складываются в единую картину, и ни одна из них не может считаться первичной по отношению к другой. Более того, есть основания думать, что, будучи взаимодополнительны, они определяют конструктивный принцип произносительной стороны медиаречи, отражая, с одной стороны, потенциальные возможности произносительной системы, с другой — саму многоплановость «слова в эфире».

Что касается отмечаемого многими современными исследователями контраста между произносительным обликом телевизионной речи до и после «русского медиаповорота» (выражение И. В. Кондакова), то здесь нам видятся две причины. Первая из них связана с типом обследуемого эмпирического материала: в советскую эпоху информационно-аналитическое и просветительское вещание в лучшем случае было на периферии орфоэпических штудий, а все внимание специалистов занимало озвучивание дикторами информационных материалов, выдержанных, как правило, в сугубо официальной или празднично-патетичной тональности; в последние три десятилетия на первый план вышли те материалы, которые остаются за вычетом дикторских. Поэтому их явные отличия и предсказуемы, и вполне закономерны. Вторая причина кроется в сдвигах, относящихся к верстке сетки телевещания. Речь идет о том, что наблюдаемое с конца прошлого века сокращение

удельного веса дикторской речи и наоборот экспансия материалов с ярко выраженным авторским я, а также увеличение пространства «бестекстовых» передач и активность диалогических форматов наряду с монологическими, изменило соотношение конкурирующих орфоэпических стратегий в пользу журналистской, для которой характерно применение всего разнообразия литературных кодифицированных вариантов и определенного типа разговорных форм. Поэтому, чтобы избежать предвзятого отношения к наблюдаемым в узусе орфоэпическим реалиям, надо продолжать мониторинг медиаречи в тесной взаимосвязи с существующими версиями кодификации.

Литература

Агеенко Ф. Л. Словарь собственных имен русского языка. М.: ООО «Издательство “Мир и Образование”», 2010. 880 с. © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2011.

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения: ок. 75 000 словарных единиц / Под ред. Розенталя Д. Э. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1986. 810 с.

Андроников И. Л. Слово написанное и слово сказанное // Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1975. С. 207–217.

Брызгунова Е. А. Связь внутренних законов языка с нормой устной и письменной речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 189–198.

Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.

Вещикова И. А. Телевизионная речь в аспекте орфоэпии. М.: ФЛИНТА, 2022. 216 с. (1-е изд. — 2019.)

Винокур Г. О. Культура языка. М.: Федерация, 1929. 335 с.

Едличка А. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 38–134.

Еськова Н. А. Рецензия на словари: М. В. Зарва «Русское словесное ударение» и Ф. Л. Агеенко «Собственные имена в русском языке. Словарь ударений» // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 272–278.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под редакцией Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2014/2015. 1008 с. (1-е изд. — 1983; под редакцией Р. И. Аванесова.)

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Ок. 100 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М.: «Русские словари», 2007. 800 с.

Зарва М. В. Произношение в радио- и телевизионной речи / Под ред. проф. Д. Э. Розенталя. М.: Искусство, 1976. 104 с.

Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имен. Печатное издание. М.: ЭНАС, 2001. © Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2001–2002.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с. (1-е изд. — 2012.)

Колесников А. Кастинг на главную боль // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3161457> (дата обращения: 15.11.2022).

Колесов В. В. Язык, стиль, норма [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/norma/28_610 (дата обращения: 15.11.2022).

Кузьмина С. М. Состояние и задачи исследования русской фонетики в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М.: Наука, 1996. С. 5–23.

Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт в телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: УРСС, 2000. 520 с.

Лопатин В. В. Проблемы нормирования и опыт орфографической работы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

Муратов С. Телевидение в поисках телевидения. Хроника авторских наблюдений. 2-е изд., доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 275 с.

Панов М. В. Глава первая // Фонетика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование. М.: Наука, 1968. С. 9–21.

Светлана-Толстая С. В. Русская речь в массмедийном пространстве. М.: Медиа-Мир, 2007. 344 с.

Телевизионная журналистика: учебник. 4-е изд. / Редколл. Г. В. Кузнецов, В. Л. Цвик, А. Я. Юровский. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. 304 с.

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVIII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М.: Словари XXI века, 2016. 592 с.

I. A. Veshchikova

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

irinavmgu@gmail.com

ON THE PROBLEM OF THE CONSTRUCTIVE PRINCIPLE OF MEDIA SPEECH ORTHOEPY

The search for a constructive principle of media speech at the orthoepic level is relevant for two reasons: the importance of explaining the reasons for the lack of mu-

tually unambiguous relations between the normative guidelines for media workers, proclaimed more than 60 years ago, and the real practice; the need to solve research and applied problems. The evaluation of empirical material through the lens of the norm and the program of the course of orthoepy for journalists entirely depend on the interpretation of the content and specifics of the media standard as an ideal (gauge) for the media environment. The standard in its turn depends on the degree of knowledge of the established use in broadcasting. To obtain more or less objective data on the structure of media texts, we used recordings from different cultural and historical eras — Soviet and post-Soviet. We considered the role of the speaker on the air and the genre-format properties of the program. The variants were ranked taking into account the assessments of professionally oriented and academic dictionaries. The research is based on the works of linguists, media theorists, and observations of practitioners. The conducted research has shown that the pronunciation of the media language cannot always be the same, and the normative instructions of professionally oriented dictionaries cannot be applied as universal. The boundaries of the media standard, emerging on the basis of the analysis of real television texts, naturally move apart, reflecting, on the one hand, the potential capabilities of the pronunciation system, on the other — the complexity of the broadcasting itself. The facts suggest that the constructive principle of media speech as a sphere of literary language is communicative and functional flexibility, which is expressed in the coexistence and alternation of two main strategies (models) of orthoepic behavior. The announcer and correspondent models, which clearly declared themselves back in the pre-media era, the choice between which is closely related to the role and the TV format, form a single picture, and none of them can be considered primary in relation to the other. It seems that this is an unwritten rule that has been followed by those working in the media.

Keywords: orthoepy, media speech, constructive principle of media speech orthoepy, literary orthoepic norm, media orthoepic norm, academic dictionaries, specialized dictionaries, television role, TV format.

References

Ageenko F. L. *Slovar' sobstvennykh imen russkogo yazyka* [The dictionary of Russian pro-per names]. Moscow, OOO Izdatel'stvo "Mir I Obrazovanie" Publ., 2010. Available at: GRAMOTA.RU, 2011.

Ageenko F. L., Zarva M. V. *Slovar' udarenii dlya rabotnikov radio i televideniya* [The dictionary of stress for radio and TV employees]. Ed. by Rozental D. E. 5th edition. Moscow, Rus. Yaz. Publ., 1986. 810 p.

Bryzgunova Ye. A. [The connection of the internal laws of language with the norm of oral and written speech]. *Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: ucheb. posobiye* [The language of mass media as an object of interdisciplinary research: study guide]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 2003, pp. 189–198. (In Russ.)

Burd'e P. *O televidenii i zhurnalistike* [On TV and journalism]. Moscow, Fond Nauchnykh Issledovaniy "Pragmatika Kul'tury", Institut Eksperimental'noi Sotsiologii Publ., 2002. 160 p. (In Russ.)

Edlichka A. [Standard language in modern communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XX. Teoriya literaturnogo yazyka v rabotakh uchenykh CHSSR* [The theory of literary language in the works of scientists from Czechoslovakia]. Moscow. Progress Publ., 1988, pp. 38–134. (In Russ.)

Es'kova N. A. [Review of the dictionaries: M. Zarva “Russian word stress” and F. Ageenko “Russian proper names. The dictionary of stress”. The Russian word stress]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 1 (7), pp. 272–278. (In Russ.)

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheski slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [The Russian orthoepic dictionary: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. N. A. Es'kova. 10th edition. Moscow, AST Publ., 2014–2015. 1008 p. (1st edition — 1983; R. I. Avanesov (ed.))

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F., Kasatkin L. L. *Bol'shoi orfoepicheski slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The Large orthoepic dictionary of Russian language. Literary pronunciation and stress in the beginning of XXI century: the norm and its variants]. 2nd edition. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 1024 p. (1st edition — 2012.)

Kolesnikov A. [Casting for the main pain]. *Kommersant* [Kommersant newspaper]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/3161457> (accessed 15.11.2022).

Kolesov V. V. *Yazyk, stil', norma* [Language, style, norm]. Available at: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/norma/28_610 (accessed 15.11.2022).

Kuz'mina S. M. [The current state and the objectives of the research of Russian phonetics in terms of functional stylistics]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Urovni yazyka* [Russian language in its functioning. Language levels]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 5–23. (In Russ.)

Lapteva O. A. *Zhivaya russkaya rech' s teleekrana. Razgovornyi plast v televizionnoi rechi v normativnom aspekte* [The live Russian TV discourse. The spoken layer of TV discourse in normative aspect]. Moscow, URSS Publ., 2000. 520 p. (1st edition — 1990.)

Lopatin V. V. *Problemy normirovaniya i opyt orfograficheskoi raboty* [Problems of standardization and the experience of orthographic work]. Available at: <http://www.gramota.ru> (accessed 15.11.2022).

Muratov S. *Televideniye v poiskakh televideniya. Khronika avtorskikh nablyudeniy* [Television in search of television. Chronicle of author's observations]. 2nd ed., Moscow, Izd-vo Mosk. Un-ta Publ., 2009. 275 p.

Panov M. V. [Chapter one]. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Sotsiologo-lingvisticheskoye issledovaniye* [Phonetics of the modern Russian literary language. Socio-linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 9–21. (In Russ.)

Shtudiner M. A. *Slovar' trudnostei russkogo yazyka dlya rabotnikov SMI. Udarenie, proiznoshenie, grammaticheskie formy* [The dictionary of Russian language difficulties for media employees. Stress, pronunciation, grammatical forms]. Moscow, Slovare XXI Veka Publ., 2016. 592 p.

Svetana-Tolstaya S. V. *Russkaya rech' v massmediinom prostranstve* [Russian speech in the mass media]. Moscow, MediaMir Publ., 2007. 344 p.

Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVIII vv.)* [The history of Russian literary language (XI–XVIII cent.)]. 3th edition. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.

Veshchikova I. A. *Televizionnaya rech' v aspekte orfoepii* [The TV discourse in terms of orthoepy]. Moscow, FLINTA Publ., 2019. 216 p. (1st edition — 2019.)

Vinokur G.O. *Kultura yazyka* [The culture of the language]. Moscow, Federatsiya Publ., 1929. 335 p.

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskiy slovar russkogo yazyka. Slovoizmeneniye* [Grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. Ok. 100 000 slov. 4-e izd., ispr. i dop. Moscow, Russkiye Slovarei Publ., 2007. 800 p.

Zarva M. V. *Proiznosheniye v radio- i televizionnoi rechi* [Pronunciation in radio and television speech]. Ed. prof. D. E. Rozental. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 104 p.

Zarva M. V. *Russkoe slovesnoe udarenie. Slovar' naritsatel'nykh imen* [Russian word stress. Dictionary of Common Names]. Moscow, ENAS Publ., 2001. Available at: <http://www.gramota.ru/slovari/info/zarva/> (21.05.23)

А. Е. Журавлёва

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

alsomova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ГРУПП СОГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЧЕТАНИЙ -СТК-, -СТН-, -СТС-)

Исследование посвящено изучению произношения групп согласных в современном русском литературном языке на примере сочетаний *-стк-*, *-стн-*, *-стс-*. В работе используется принцип «факторного» подхода: на основе экспериментальных данных определены факторы, влияющие на распределение вариантов при упрощении групп согласных *-стк-*, *-стн-* и *-стс-*. При составлении эксперимента учитывались как языковые (сильная и слабая просодическая позиция слова, морфемный состав слов, частотность употребления слова, отнесенность лексики к профессиональной или бытовой сфере употребления, длина слова), так и социолингвистические факторы (возраст респондента, коммуникативная ситуация). Целью исследования являлось установление корреляции между особенностями произношения заявленных консонантных сочетаний и влияющими на него факторами. Данные, полученные в результате эксперимента, сопоставлялись с результатами исследований, проводимых ранее (в середине XX в.), и с нормой, зафиксированной в орфоэпических словарях.

Ключевые слова: орфоэпия, фонетика, сочетание групп согласных, консонантное сочетание, современный русский литературный язык, упрощение групп согласных.

В русском литературном языке на современном этапе происходит множество изменений: так, например, осваивается большой пласт новой заимствованной лексики, происходят активные процессы в грамматической системе, появляются новые тенденции в области орфоэпии. Наиболее явно изменение произносительных норм фиксируется в акцентологии по причине того, что трансформация ударения заметна для носителей языка и часто привлекает внимание СМИ. В последние годы появляется немалое число работ лингвистов, осмысливающих динамику акцентологических форм в различных частях речи [Савинов, Скачедубова 2016; Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017; Савинов, Скачедубова, Сомова 2020]. Однако многие

процессы, происходящие в области сегментной фонетики и влияющие на формирование и изменение орфоэпической нормы, безусловно, также заслуживают внимания, хотя они менее заметны носителям языка и, как правило, не привлекают большого интереса общественности.

Одна из интересных орфоэпических проблем в области произношения — упрощение групп согласных. В русском языке, как в языке консонантного типа, встречается немалое количество сочетаний, состоящих из трех и более согласных звуков. Такие сочетания могут произноситься по-разному.

Первый вариант — обязательное произношение всех согласных, как, например, в следующих словах с сочетаниями:

- [ств] — *есте*[ств]о, *суще*[ств]о, *цар*[ств]енный;
- [ндр] — *кориа*[ндр], *А*[ндр']ей, *налиса*[ндр], *Алекса*[ндр]а;
- [пст] — *о*[пст]оятельство, *а*[пст]инентный, *а*[пст]рактный, *о*[пст]рел и др.

В русском языке существуют слова, в которых могут всегда произноситься четыре согласных подряд (*и*[нстр]умент, *демо*[нстр]ация), и даже пять, как в слове *бо*[дрств]овать.

Второй вариант произношения группы согласных — обязательное выпадение одного из них. К таким сочетаниям относятся, например [лнц] — *со*[лнц]е, *со*[лнц]е-нек; [рцц] — *се*[рцц]е, *се*[рцц]еед и т. п.

Третий вариант — это произношение сочетания, как с упрощением группы согласных, так и с сохранением всех звуков. Именно в этой группе возможно наличие орфоэпических вариантов, которые привлекают внимание лингвистов и требуют кодификации. В русском литературном языке таких сочетаний множество. Так, в сочетании [стн] звук [т] может всегда утрачиваться (*че*[сн]ый, *уча*[сн]ик, *ше*[сн]адцать), а может иногда произноситься (*ко*[стн]ый, *челю*[стн]ой); в сочетаниях [стм] и [ктн] звук [т] может как произноситься, так и нет (*астматический*, *пластмассовый*, *абстрактный*, *компактный*). Это лишь отдельные примеры, подробное описание вариантов упрощения групп согласных в разных сочетаниях содержится, например, в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012]. Важно отметить, что иногда орфоэпические рекомендации по произношению групп согласных снабжены описанием факторов, влияющих на выбор того или иного варианта. Так, Р. И. Аванесов отмечал, что «книжность» слова предполагает полное произнесение сочетания согласных. По его мнению, это свойственно, например, сочетанию [здн], которое произносится полно в словах *бе*[здн]а, *безме*[здн]ый (в настоящее время устарелое, согласно «Словарю русского языка XVIII в.» — ‘безвозмездный; бесплатный, даровой’) и с утратой [д] в словах *по*[зн]о и *зве*[зн]ый [Аванесов 1984: 189]. Также, по мнению многих исследователей, произношение слов часто зависит от их лексического значения. По отношению к норме упрощения групп согласных такое явление наблюдается, например, в словах *шотландка* и *голландка*. В значениях ‘тип ткани’ и ‘печь’ предлагается произносить звук [т], а в значении ‘национальность’ — произносить без него. Очень подробно с точки зрения влияния различных факторов в «Большом орфоэпическом

словаре русского языка» [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012] описано сочетание [нтш] / [ндш]: в позиции после ударного гласного перед следующим гласным (перед которым может быть еще один согласный) [т] может произноситься и не произноситься (*адъютантша, комендантша, фабрикантша*), не произносится в слове *эндшиль*; в позиции перед следующим ударным гласным не произносится в более частотных словах (*мундштук*), а в более редких словах может произноситься и не произноситься (*ландштурм*), не произносится между безударными гласными (*регентша, ландштурмист*).

Также попытка описания произношения трехбуквенных сочетаний [стк], [здк], [нтк], [ндк] в их взаимосвязи с факторами фразового ударения и новизны слова для говорящего предпринималась Ж. В. Ганиевым, который, исходя из экспериментальных данных, пришел к выводу о том, что слова, имеющие на себе фразовое ударение, чаще произносятся полно, равно как и слова редкие, книжные и официальные [Ганиев 1966: 95].

Такой подход, при котором не только обозначаются произносительные рекомендации, но и предпринимается попытка объяснения выбора того или иного орфоэпического варианта в зависимости от различных факторов, представляется современным и перспективным.

Важно отметить, что нормы литературного произношения имеют тенденцию к изменению, в том числе в области упрощения групп согласных звуков. Так, например, в работе 1966 г. Т. Г. Терехова пишет, что за последние 40–50 лет наблюдается сдвиг в сторону побуквенного «книжного» произношения трехбуквенных сочетаний согласных, однако различные нормы подвергаются изменениям неодинаково [Терехова 1966: 80].

В данной статье речь пойдет о современном произношении сочетаний [стк], [стн] [стс], которые относятся к третьему из перечисленных выше типов сочетаний согласных (то есть имеющих произносительные варианты), являются весьма распространенными в русском языке и уже привлекали внимание исследователей ранее. Ниже будет представлено описание данной нормы в научной литературе и орфоэпических словарях, проанализировано современное произношение сочетаний [стк], [стн], [стс] носителями русского литературного языка с опорой на экспериментальные данные, обозначена зависимость выбора того или иного произносительного варианта от языковых (просодическая позиция, морфемный состав слов, длина слова, частотность употребления слова, отнесенность лексики к профессиональной или бытовой сфере употребления) и социолингвистических (возраст говорящего, ситуация общения) факторов.

Экспериментальные данные были получены следующим образом. В эксперименте участвовало 36 человек, разделенных на 2 возрастные группы: младшую (до 45 лет включительно) и старшую (от 46 лет и более) с целью проследить динамику произносительной нормы. Респондентам — носителям русского литературного языка (жителям Московского региона во втором-третьем поколении с высшим образованием) — предлагались к прочтению специально составленные тексты, в которых каждое из вошедших в эксперимент слов упоминалось

в двух контекстах — в условиях слабой и сильной просодических позиций (ср. *В нашем книжном магазине вы сможете приобрести последние бестселлеры по разумным ценам и Роман Ю Несбё «Снеговик» — настоящий бестселлер!*). Для слова *пóстный* был дополнительный контекст с упоминанием в переносном значении. При интерпретации результатов эксперимента использовалась программа Praat. В экспериментальные тексты вошли следующие слова: сочетание [стн] — *несча́стный, гру́стный, преле́стный, крепостно́й, пóстный, челюстно-лицево́й, ко́стно-мышечный, безжа́лостность, беспристра́тность*, [стк] — *неве́стка, активи́стка, вёрстка*, [стс] — *Ростсельма́ш, абстракциони́стский, тури́стский, бестсе́ллер, постскри́пtum*.

В «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012] по поводу вошедших в эксперимент слов с сочетанием [стн] даны следующие рекомендации: слова *несча́стный, гру́стный, преле́стный, крепостно́й, пóстный* и *безжа́лостный* (существительное *безжа́лостность* отсутствует) следует произносить без звука [т], слова *беспристра́тность, челюстно-лицево́й* и *костно-мышечный* отсутствуют, но прилагательные *беспристра́стный* и *челюстно́й* рекомендуется произносить без [т], допуская вариант с произнесением [т], а *ко́стный* — наоборот (основным в словаре дается вариант с произнесением [т], а допустимым — с его утратой).

Результаты эксперимента показали, что картина произношения группы согласных [стн] в основном соответствует рекомендациям орфоэпического словаря (особенно для слов *несча́стный, гру́стный, преле́стный, пóстный, беспристра́тность, безжа́лостность*), где в целом преобладают варианты с выпадением [т] в сочетании [стн]. В данных словах произношение без упрощения групп согласных в рамках эксперимента не превысило 11 % случаев (вне зависимости от просодической позиции). Однако следует отметить, что, например, в слове *крепостно́й* намечается тенденция к полному произнесению (слово *крепостно́й* в слабой позиции было произнесено в нередуцированном виде респондентами младшей группы в 23 % случаев и в 17 % — старшей. В сильной просодической позиции зафиксировано 23 % случаев без упрощения группы согласных в младшей группе и 11 % в старшей). Кроме того, согласно данным эксперимента, слово *крепостной* практически с одинаковой частотностью произносится без упрощения группы согласных в сравнении со словом *костно-мышечный* (а слово *ко́стный* в БОС¹ рекомендуется произносить полно). Возможно, это связано с тем, что слово *крепостно́й* в отличие от остальных употребляется реже и, скорее, относится к пласту терминологической лексики (особенно для младшей возрастной группы). Также эксперимент показал, что количество и полных вариантов сочетания [стн], и с выпадением согласного [т] практически не зависит от просодической позиции, однако имеется некоторая взаимосвязь с возрастом респондентов — в младшей возрастной группе

¹ Здесь и далее при упоминании аббревиатуры БОС имеется в виду: Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., Каленчук М. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. Под ред. Л. Л. Касаткина. М., АСТ-ПРЕСС, 2012. 1008 с.

полные произнесения фиксировались чаще (например, в слове *челюстно-лицевой* в слабой позиции без редукции произносили только респонденты младшей группы (17 %), слово *пóстный* в прямом значении в сильной позиции — 17 % случаев без упрощения группы согласных в младшей группе и ни одного в старшей). Разницы в произношении групп согласных в прямом и переносном значении для слова *пóстный* не выявлено — в обоих значениях в большинстве случаев наблюдалось выпадение [т].

В БОС для слов *невéстка* и *вёрстка* даны равноправные варианты с произнесением [стк] и [сск], а также отмечено, что в беглой речи возможно произнесение [ск]. Слово *активíстка* отсутствует.

Для слов с группой согласных [стк] прослеживается некоторая связь, хотя и едва уловимая, с просодической позицией — в слабой позиции случаи выпадения [т] встречаются чаще (для слова *невéстка* было зафиксировано 28 % случаев произношения [сск] в слабой просодической позиции и 6 % в сильной (все — в младшей группе респондентов), для слова *вёрстка* произнесение [сск] в 17 % случаев фиксировалось в слабой позиции (младшая группа) и в 17 % в сильной (старшая группа), слово *активíстка* в слабой просодической позиции в 23 % случаев произносилось с сочетанием [сск] в младшей группе и в 17 % в старшей, в сильной просодической позиции только 6 % предпочли вариант [сск] (младшая группа). Подобная тенденция отмечалась еще Ж. В. Ганиевым [Ганиев 1966: 95], который писал, что «слова, имеющие на себе фразовое ударение, чаще произносятся с сочетаниями [стк], [нтк], чем слова, стоящие вне фразового ударения» (в экспериментальное исследование Ж. В. Ганиева также входили слова *невéстка* и *активíстка*). Результаты эксперимента в области сочетания [стк], скорее, подтверждают позицию Т. Г. Тереховой, отметившую тенденцию к побуквенному произношению некоторых консонантных сочетаний еще в середине XX в. [Терехова 1966: 80]. Кроме того, эксперимент показал, что в отношении сочетания [стк] в словах *невéстка* и *вёрстка* варианты с упрощением группы согласных и без него едва ли являются равноправными.

Словам с сочетанием [стс], вошедшим в эксперимент, даны следующие орфоэпические рекомендации: имя собственное *Ростсельмáш* в БОС отсутствует, но, согласно орфоэпическим правилам, приведенным в конце словаря [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012: 987], звук [т] в данном случае может произноситься, в словах *абстракциoнистский*, *туристский* он не произносится, возможны лишь равноправные варианты с кратким и долгим [с], а слово *бестсéллер* предполагается произносить только с долгим [с].

Результаты эксперимента по сочетанию [стс] оказались самыми разнородными и требуют пословного описания. Произношение слова *Ростсельмáш* было одинаковым и в обеих просодических позициях, и в обеих возрастных группах: варианты с долгим [сс] и полным произнесением [стс] распределились примерно в пропорции 50 / 50, кроме того, как в слабой, так и в сильной просодической позициях было зафиксировано по одному произнесению *Ро[ст]ельмáш* в обеих возрастных группах, и по одному произнесению *Ро[тс]ельмáш* также в обеих возрастных

группах (всякий раз — разными респондентами). Логично предположить, что редко используемое или незнакомое слово, имеющее группу согласных на стыке, может иметь больше потенциальных вариантов произнесения и, вероятно, требует дополнительных запретительных помет в орфоэпическом словаре. Кроме того, большой процент случаев без упрощения группы согласных [стс] объясняется тем, что слово является сложносокращенным и сочетание согласных расположено на стыке значимых морфем. В прилагательных *абстракционистский* и *туристский* сочетание [стс], как правило, упрощается, поскольку в данном случае сочетание находится уже на стыке корня и суффикса (в сильной позиции все респонденты обеих возрастных групп произнесли *абстракционі[сс]кий*, в слабой — аналогично, за исключением случаев появления аффрикаты [ц] в младшей возрастной группе — у 23 % респондентов был зафиксирован вариант *абстракционі[сц]кий*). В прилагательном *туристский* в обеих просодических позициях при преобладании варианта *тури[сс]кий* в младшей возрастной группе в 17 % случаев было зафиксировано произнесение *тури[стк]ий*. Здесь такой вариант возникает, вероятно, из-за того, что имеется не три, а четыре согласных на стыке. В сильной позиции фиксировались варианты с аффрикатой [ц] — *тури[сцк]ий* (по 11 % случаев в каждой возрастной группе). Эксперимент со словом *бестселлер* показал результаты, максимально отличающиеся от предписанной орфоэпическим словарем нормы: в абсолютном большинстве случаев вне зависимости от просодической позиции оно произносилось как *бе[сц]еллер*. Вариант *бе[сс]еллер* был зафиксирован только у младших респондентов — 11 % в слабой просодической позиции и 17 % в сильной, полное произнесение *бе[стс]еллер* отмечалось лишь у 6 % в слабой просодической позиции в старшей группе респондентов.

Таким образом, норма в области произношения групп согласных является неоднородной, претерпевающей изменения и в каждом конкретном случае может зависеть от разных факторов. Кодификация данной нормы в орфоэпических словарях требует не только пересмотра рекомендуемого произношения некоторых слов, но и разработки развернутой и сложной системы помет.

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 383 с.

Ганиев Ж. В. О произношении сочетаний -стк-, -здк-, -нтк-, -ндк- // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 85–96.

Журавлёва А. Е. Современные тенденции в произношении групп согласных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 1. С. 13–19.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., АСТ-ПРЕСС, 2012. 1008 с.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9–29.

Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Современная акцентуация кратких прилагательных в свете диахронических данных // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции. М., 2016. С. 96–101.

Савинов Д. М., Скачедубова Е. С., Сомова А. Е. Изменения в акцентуации некоторых русских глаголов // Русский язык за рубежом. 2019. № 1 (272). С. 42–45.

Савинов Д. М., Скачедубова Е. С., Сомова А. Е. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация глаголов прошедшего времени // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 11–33.

Терехова Т. Г. Произношение сочетаний трех согласных в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 72–85.

A. E. Zhuravleva

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences*

(Russia, Moscow)

alsomova@yandex.ru

**PRONUNCIATION FEATURES OF CONSONANT GROUPS
IN THE MODERN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE: NORM AND USAGE
(the case of combinations -stk-, -stn-, -sts)**

The study is devoted to the study of the pronunciation of consonant groups in the modern Russian literary language using combinations -stk-, -stn- as a case study. The paper uses the principle of a ‘factorial’ approach: on the basis of experimental data we determined the factors influencing the distribution of variants when simplifying groups of consonants -stk- and -stn-. When composing the experiment, both linguistic (strong and weak prosodic position of the word, morphemic composition of words, frequency of use of the word, attribution of vocabulary to the professional or household sphere of use, word length) and sociolinguistic factors (age of the respondent, communicative situation) were taken into account. The aim of the study was to establish a correlation between the pronunciation features of the declared consonant combinations and the factors influencing it. The data obtained as a result of the experiment were compared with the results of studies conducted earlier (in the middle of the XX century) and with the norm recorded in orthoepic dictionaries.

Keywords: orthoepy, phonetics, combination of consonant groups, consonant combination, modern Russian literary language, simplification of consonant groups.

References

- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian literary pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.
- Ganiev Zh. V. [On pronunciation of combinations -stk-, -zdk-, -ntk-, -ndk-]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of phonetics of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 85–96. (In Russ.)
- Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoehpicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee variant* [A large orthoepical dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the XXI century: the norm and its variants]. L. L. Kasatkin (ed.). Moscow, AST-PRESS Publ., 2012, pp. 987–988.
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2017, no. 2 (34), pp. 9–29. (In Russ.)
- Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Modern accentuation of short adjectives in the light of diachronic data]. *Fonetika segodnya. Materialy докладов i soobshchenii VIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Phonetics today. Materials of reports and reports of the VIII International Scientific Conference]. Moscow, 2016, pp. 96–101. (In Russ.)
- Savinov D. M., Skachedubova E. S., Somova A. E. [Changes in the accentuation of some Russian verbs]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 2019, no. 1 (272), pp. 42–45. (In Russ.)
- Savinov D. M., Skachedubova E. S., Somova A. E. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of past tense verbs]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, no. 2, pp. 11–33. (In Russ.)
- Terekhova T. G. [Pronunciation of combinations of three consonants in the modern Russian literary language]. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* [Development of phonetics of the modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 72–85. (In Russ.)
- Zhuravleva A. E. [Modern trends in pronunciation of consonant groups]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 44, no. 1, pp. 13–19. (In Russ.)

Н. Д. Светозарова¹, Ю. А. Клейнер²
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
ndsvetozar@gmail.com¹; yurikleiner@hotmail.com²

ОРФОЭПИЯ И ОРФОФОНΙΑ: ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ

Светлой памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой

В статье рассматривается пара сопряженных лингвистических терминов — *орфоэпия* и *орфофония*, стоящие за ними понятия и отражение их в лексикографической практике. Восходящее к идеям Л. В. Щербы, который различал «ошибки выговора», или фонетические, и ошибки «звукосмысловые», или фонологические, деление явлений произносительной нормы на связанные с составом фонем (*орфоэпические*) и относящиеся к их реализации (*орфофонические*) было введено в отечественную научную и педагогическую литературу Миррой Вениаминовной Гординой («Фонетика французского языка» [Гордина 1973; Гордина 1997]) и детально разработано и положено в основу описания русской произносительной нормы Людмилой Алексеевной Вербицкой («Русская орфоэпия» [Вербицкая 1976]; «Давайте говорить правильно!» [Вербицкая 1993] и последующие издания). В статье обосновывается необходимость обоих терминов, отражающих наличие в языке разных уровней: уровня фонем как единиц языка и уровня их реализации в речи. В так называемых литературных (стандартных) языках оба эти уровня подвергаются нормированию и кодификации. На уровне фонем кодификация осуществляется в орфоэпических словарях посредством полной или частичной фонемной транскрипции слов, частично также в толковых и двуязычных словарях; уровень реализации описывается обычно в учебниках по фонетике данного языка, в том числе в учебных пособиях для иностранцев. В определенной степени обсуждаемые понятия имеют разных адресатов: для носителей литературного языка важна орфоэпия в узком смысле слова (выбор фонем и место ударения), правильной реализацией они владеют. Для иностранцев, а также носителей диалекта или просторечия, важно и то, и другое (орфоэпия в широком значении слова, включающая в себя орфофонию).

Ключевые слова: произносительная норма, орфоэпия, орфофония, фонологическая школа Щербы, М. В. Гордина, Л. А. Вербицкая.

Вынесенные в название статьи термины, последовательно употреблявшиеся в основном представителями Щербовской (Ленинградской) фонологической школы, стали широко известными благодаря работам Людмилы Алексеевны Вербицкой, особенно после публикации ее статьи «Орфоэпия» в первом издании «Лингвистического энциклопедического словаря» (ЛЭС) [Вербицкая 1990] и книги «Давайте говорить правильно» [Вербицкая 1993]. Сама идея этой терминологической оппозиции, как и многое другое, восходит у представителей Ленинградской фонологической школы к Л. В. Щербе, хотя понятие орфофонии используют и ученые других школ и направлений¹. Что касается практики разграничения двух областей, то в отечественной литературе оно было отчетливо проведено в первом издании «Фонетики французского языка» Мирры Вениаминовны Гординой [Гордина 1973]. Там же содержится и терминологическое обоснование этого разграничения. В главе о литературной норме [Гордина 1973: 6–10] М. В. Гордина высказывает мысль о полезности различать «в понятии литературной произносительной нормы» два аспекта. «Прежде всего, в соответствии с фонемным составом языка норма предписывает употребление определенных фонем и порядок их следования в слове, т. е. определяет фонемный состав слов... В этом смысле употребляют термин “орфоэпия”, “орфоэпическая норма”». Второй аспект Гордина определяет как «нормативную реализацию интонации, ударения и фонем в различных положениях в потоке речи». Далее М. В. Гордина пишет, что для этой второй стороны литературной нормы нередко применяют тот же термин *орфоэпия*. «Совершенно очевидно, однако, что в последнем случае речь идет о явлениях, имеющих иную природу, и что оба аспекта литературной нормы достаточно независимы друг от друга».

Делая вывод о полезности использовать в этом случае особый термин, М. В. Гордина ссылается на французскую фонетическую литературу, в которой имеется термин *ортофония* (*orthophonie*). Данное положение иллюстрируется примерами из французского и русского языков, а вновь вводимый термин — ссылкой на две сравнительно малоизвестные работы по французской фонетике [Гордина 1973: 8].

Эти рассуждения в основном повторяются во втором издании «Фонетики французского языка» [Гордина 1997], где, впрочем, делается ряд важных уточнений и дополнений, касающихся «полезности» различения названных аспектов произносительной нормы и «удобства» второго термина [Гордина 1997: 6–13], который

¹ Уже после написания данной статьи московские коллеги познакомили нас с очень ценной публикацией доклада С. С. Высотского «О московском народном говоре» (запись лекции-беседы, прочитанной в Институте русского языка АН СССР 6 июня 1972 года) [Высотский 1984: 24–37; Высотский 2009: 6–89]. В ней С. С. Высотский напоминает слушателям, со ссылкой на московских лингвистов Д. Н. Ушакова, Г. О. Винокура и Н. А. Янко-Триницкую, о том, что «у славистов есть понятие не только орфоэпия, но и ортофония», понимая под ортофонией (или орфофонией) особенности «живого произношения». История использования понятий «орфоэпия» и «орфофония» за пределами Щербовской школы достойна особого рассмотрения, но это выходит за рамки данной статьи.

«уже давно используется французскими лингвистами». В этом издании новый термин получает более привычную для русского языка форму *орфофония*, что более явно ставит его в один ряд с орфоэпией, с одной стороны, и орфографией, с другой. М. В. Гордина пишет: «Роль орфоэпии для устной речи можно сравнить с ролью орфографии для письма. Как орфография определяет буквенный состав слова на письме, так орфоэпия определяет звуковой — фонемный состав слова в произношении» [Гордина 1997: 10]. Одновременно происходит отграничение данного термина от восходящего к тому же источнику термина *ортофония*, используемого в логопедии и медицине².

Следующий шаг делает Л. А. Вербицкая в книге «Русская орфоэпия» [Вербицкая 1976], во многом повторяя аргументы Гординой, она использует оба термина, говоря о невозможности ограничиваться при описании нормативного произношения описанием одного лишь фонемного состава (т. е. орфоэпией в традиционном и узком понимании слова) и делая рассматриваемую пару терминов основой своего описания русского литературного произношения³.

В публикациях других авторов, особенно представителей школы Л. В. Щербы, термины *орфоэпия* и *орфофония* часто используются без вводных объяснений, как уже хорошо известные, а также претерпевают творческое развитие. Так, Л. В. Бондарко, отмечая, что «орфоэпические и орфофонические правила соотносятся с разными уровнями звуковой системы: орфоэпические с фонемным, орфофонические — с уровнем реализации», считает, что «такое же различие можно провести и для ударения, и для интонации» [Бондарко 1998: 249]. Последнее представляется чрезвычайно важным и соответствует приведенному выше определению орфофонии у М. В. Гординой.

Названные работы дают, казалось бы, веское основание для использования в научной литературе обоих терминов. Оба в равной степени относятся к звуковой стороне языка, которая есть у любого естественного языка (на это указывают их вторые компоненты), и одновременно к аспекту нормы и ее кодификации (что содержится в первом компоненте), которая есть не у каждого языка. В этом отношении «старший» и более известный термин (это, естественно, *орфоэпия*) может показаться предпочтительным и достаточным: *наука о правильной речи*. Однако и в том, и в другом из названных аспектов (устная речь и ее нормы) имеются настолько существенные различия в принципах описания, методах исследования и областях применения, что более тонкая терминологическая дифференциация представляется, по меньшей мере, полезной, а может быть и необходимой.

² См., например, следующие определения: *Ортофония* — специальный метод лечения расстройств голосовой функции артикуляционными, дыхательными и голосовыми упражнениями. *Ортофония* — система голосовых, дыхательных и артикуляционных упражнений, направленная на выработку координации движений.

³ Это отражается в структуре книги, в которой орфоэпические и орфофонические явления описаны отдельно. И в других работах Л. А. Вербицкой, включая упомянутую выше статью в ЛЭС, два аспекта произносительной нормы рассматриваются как равно важные, но имеющие свою специфику, они выносятся в заглавие статей (см., напр., [Вербицкая 2011]), обсуждаются в связи с другими проблемами нормы (см., напр., [Вербицкая 1998]).

В звуковой стороне языка аксиомой является наличие разных уровней: уровня фонем как единиц языка и уровня их реализации в речи. В так называемых литературных (стандартных) языках оба эти уровня подвергаются нормированию и кодификации. Но делается это по-разному. На уровне фонем кодификация осуществляется обычно в орфоэпических словарях посредством полной или частичной фонемной транскрипции слова. Строго говоря, словари бывают либо чисто орфоэпическими, либо и произносительными, в последних кодифицируются не только фонематические, но и некоторые аллофонические явления. Таковыми, например, по традиции являются словари немецкого языка (они и носят названия «произносительных» словарей, например: *Aussprachewörterbuch* или *Wörterbuch der deutschen Aussprache*)⁴. При этом, в зависимости от типа языка, часть информации о норме произнесения может даваться также в толковых или двуязычных словарях. Таково, прежде всего, разноместное словесное ударение. Кодификация же нормативных реализаций фонем обычно осуществляется в пособиях и учебниках по фонетике данного языка, особенно в учебниках для иностранцев. Таким образом, обсуждаемые термины относятся к разным дисциплинам — фонологии и фонетике. В определенной степени они имеют также разных адресатов: для носителей литературного языка важна орфоэпия в узком смысле слова (выбор фонем и место ударения), правильной реализацией они владеют. Для иностранцев, а также носителей диалекта или просторечия, важно и то, и другое (орфоэпия в широком значении слова).

Другое различие состоит в осознанности и оценке двух типов отклонений от произносительной нормы: отклонения от норм, сложившихся в определенный период развития языка (в выборе фонем или месте ударения), воспринимаются как ошибки, аналогично ошибкам в правописании, в то время как отклоняющиеся от нормы реализации фонем оцениваются как особенности, связанные с родным языком или диалектом говорящего или иными его индивидуальными особенностями. Сюда же, конечно, относятся и особенности артикуляции звуков языка, например, дорсальный или апикальный характер переднеязычных согласных, т. е. сама фонетическая материя. Соответственно, различны и методы «борьбы» с этими отклонениями и те дисциплины, которые этим занимаются. Об этом прекрасно сказал еще Л. В. Щерба во введении к своей «Фонетике французского языка»: «Если какой-нибудь иностранец будет выговаривать *шяр, шяпка, Шюра, Машия*, то это будет только смешно, если же он скажет *стол* вместо *столь...* то это будет уже разрушением смысла». В сноске к этой своей фразе Щерба предлагает «называть ошибки первого типа ошибками выговора, или фонетическими, а вторые звуко-смысловыми, или фонологическими» [Щерба 1957: 13]. Или фонематическими, что считает более правильным М. И. Матусевич в своем примечании к этой сноске в 6-м издании «Фонетики французского языка» Щербы [Щерба 1957: 186]. Правда, относительно значимости тех и других ошибок Л. А. Вербицкая в этой же связи справедливо пишет: «Считается при этом, что орфоэпические отклонения от

⁴ Обсуждение этого вопроса имеется, например, в кандидатской диссертации С. В. Освиной [Освина 2015].

нормы — самые опасные: в результате может быть произнесено другое по смыслу или бессмысленное слово (*полка* вместо *полька*, если реализован твердый вместо мягкого). Но таких случаев не может быть много. Регулярные же орфофонические отклонения могут очень затруднить восприятие всего сообщения, текста» [Вербицкая 1998: 33].

Интересное доказательство различий между орфоэпическими и орфофоническими «ошибками» можно найти в том, как они отражаются в текстах художественной литературы, когда автор характеризует особенности речи тех или иных персонажей. В статье Н. Д. Светозаровой «Орфоэпия и орфофония в русском художественном тексте» на основании изучения авторских характеристик речи персонажей делается следующий вывод:

«Вопреки существующему мнению о том, что в письменной речи передаются лишь орфоэпические отклонения, материал русской художественной прозы содержит убедительные примеры фиксации также и орфофонических отклонений от нормы. Русские писатели “слышат” аллофоническую ткань родной речи, изменение длительности (растяжки и сокращения), интенсивности (форсирование), тембра гласных и согласных (назализация гласных, их сдвиги по ряду и подъему, палатализация шипящих), особенности слоговой структуры и редукации, а также многое другое, и находят средства (как графические, так и описательные) для передачи этих особенностей» [Светозарова 2006: 200–201].

Анализ большого массива текстов позволяет перечислить наиболее часто и наиболее образно передаваемые русскими писателями орфоэпические и орфофонические особенности речи их героев. К орфоэпическим относятся: состав и количество фонем и указание места ударения для передачи «ненормы» (элементов иностранного акцента, диалекта, социолекта, просторечия); варианты нормы (еканье, иканье); индивидуальные и возрастные особенности (детская и старческая речь, дефекты речи), реже — особенности физического и психического состояния говорящего. К орфофоническим — указания на особенности аллофонического варьирования (ненормативная редукация, «чужие» аллофоны, растяжки гласных и согласных, послоговое произнесение), степень четкости (от бормотания до скандирования) для передачи, в первую очередь, типа и стиля произнесения и фонетических особенностей отдельных типов речевых актов, а также и некоторых проявлений «ненормы» и вариантов нормы, см. [Светозарова 2006].

Таким образом, различия между описываемыми явлениями есть и они серьезны. Тем не менее в русской лексикографической практике судьба обсуждаемых терминов оказалась разной. Если термин *орфоэпия* присутствует в большинстве отечественных специальных словарей (лингвистических, фонетических, словарей иностранных слов) и трактуется в целом довольно однотипно, то термин *орфофония* либо отсутствует [Ахманова 1966: 295; Розенталь, Теленкова 1976: 253; Назарян 1989: 244; Касаткин и др. 1991: 86–87], либо практически совпадает с первым [Марузо 1960: 191], либо (согласно немецкой традиции) дается как вариант первого [Баранов, Добровольский 2006: 260]. Еще одно решение реализовано

Л. А. Вербицкой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Вербицкая 1990], где орфофония описана подробно, но в рамках статьи «Орфоэпия», как один из аспектов заглавного термина. Единственное исключение — «Большой лингвистический словарь», изданный в Ростове-на-Дону [Стариченок 2008: 398–399], словарь компилятивного типа, составитель которого В. Д. Стариченок дает оба термина, в точности повторяя для каждого формулировку Л. А. Вербицкой из ЛЭС [Вербицкая 1990: 398, 400]⁵.

Выступая, как нам кажется, достаточно аргументированно за целесообразность различения и использования обоих терминов, следует все же признать, что в обсуждаемой паре есть одно серьезное неудобство, состоящее в необходимости различать широкое и узкое понимание термина *орфоэпия* в рамках корректного, но неудобного в употреблении составного термина *произносительная норма*, от которого невозможно образовать прилагательное.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что обсуждение, казалось бы, чисто терминологического вопроса ведет к далеко идущим выводам относительно того, что значит «говорить правильно» и как этого добиться.

Источники

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1966.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов: с английскими эквивалентами. М.: АСТ Пресс, 2006.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высшая школа, 1991.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Назарян А. Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. М.: Высшая школа, 1989.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976.

Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.

Rusko-český slovník lingvistické terminologie. Praha, 1960.

Zbigniew Gołąb, Adam Heinz, Kazimierz Polański. Słownik Terminologii Językoznawczej. Warszawa, 1968.

⁵ М. Л. Каленчук обратила внимание авторов данной статьи на то, что различие между обсуждаемыми терминами проводится в некоторых словарях, созданных в славянских странах. Действительно, в «Русско-чешском словаре лингвистической терминологии» (Прага 1960, с. 163) орфоэпия определяется как «наука о правильном литературном произношении», а орфофония — как «наука о правильном образовании гласных». Однако в изданном примерно в то же время польском «Словаре языковедческих терминов» (Варшава 1968, с. 398) термин *орфофония* снабжен характерной для других иностранных словарей отсылкой к термину *орфоэпия*.

Литература

- Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. Учебное пособие. Изд. С.-Петербургского ун-та, 1998. 276 с.
- Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1976. 124 с.
- Вербицкая Л. А. Орфоэпия // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 351–352.
- Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М.: Высшая школа, 1993. 144 с.
- Вербицкая Л. А. Норма при порождении и восприятии речи // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. Сб. статей в честь профессора Сакмары Георгиевны Ильенко. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1998. С. 29–34.
- Вербицкая Л. А. Современная русская орфоэпия и орфофония // Русский язык за рубежом. 2011. № 4. С. 14–19.
- Высотский С. С. О московском народном говоре // Городское просторечие. Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984. С. 22–37.
- Высотский С. С. О московском народном говоре // Незабытые голоса России. Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1. Под ред. О. В. Антоновой и Д. М. Савинова. М.: Языки славянских структур. 2009. С. 64–89.
- Гордина М. В. Фонетика французского языка. Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1973. 208 с.
- Гордина М. В. Фонетика французского языка. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1997. 299 с.
- Осовина С. В. Вариантность современной орфоэпической нормы и реальность орфоэпических рекомендаций (на материале немецкого языка). Дисс. ... канд. филол. наук. С.-Петербург, 2015.
- Светозарова Н. Д. Орфоэпия и орфофония в русском художественном тексте // Филология. Русский язык. Образование. Сб. статей, посвященных юбилею профессора Л. А. Вербицкой. СПб., 2006. С. 193–201.
- Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 6-е изд. М.: Изд. лит. на иностр. языках. 311 с.

N. D. Svetozarova¹, Yu. A. Kleiner²

St. Petersburg State University

(Russia, St. Petersburg)

ndsvetozar@gmail.com¹; yurikleiner@hotmail.com²

ORTHOEPEY AND ORTHOPHONY: THE TERMS AND THE NOTIONS

The article is concerned with two related linguistic terms, *orthoepy* and *orthophony*, as well as the concepts they describe and their reflection in lexicographic prac-

tice. The division of the phenomena of pronunciation norms into orthoepic (connected with the inventory of phonemes) and orthophonetic (the sphere of realizations), based on L. V. Shcherba's two types of "pronunciation errors" (phonetic and phonological), was introduced into Russian linguistic theory and teaching practice by Mirra Veniaminovna Gordina (French Phonetics 1973; 1997). Developed, later on, by Ludmila Alekseyevna Verbitskaya, it formed the basis for the description of the Russian pronunciation norms (*Russian Orthoepy* 1976; *Let's Speak Correctly!* 1993 and subsequent editions). The article substantiates the rationale for both terms, reflecting the two levels, viz. the level of phonemes (units of language) and the level of their realization in speech. Both are subject to codification of literary standards. At the phoneme level, it is done in dictionaries (orthoepic and possibly encyclopedias and bilingual) by means of broad or narrow transcription; the realization level is usually described in textbooks of phonetics of a given language, including manuals for foreign learners. It should be observed that the notions in question have different addressees: for speakers of a "literary language," orthoepy in the narrow sense (the choice of phonemes and place of accent, rather than realizations) is important, while for foreign learners and speakers of dialect or substandard, orthoepy in the broad sense, including orthophony is necessary.

Keywords: pronunciation norm, orthoepy, orthophony, Shcherba's phonological school, M. V. Gordina, L. A. Verbitskaya.

References

Bondarko L. V. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka. Uchebnoye posobiye* [A manual of Modern Russian phonetics]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterburgskogo Un-ta Publ., 1998. 276 p.

Gordina M. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [French phonetics]. Leningrad, Izd. Leningradskogo Un-ta, Publ., 1973. 208 p.

Gordina M. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [French phonetics]. 2th edition. St. Petersburg, Izd. S.-Peterburgskogo Un-ta Publ., 1997. 299 p.

Osovina S. V. *Variantnost' sovremennoy orfoepicheskoy normy i real'nost' orfoepicheskikh rekomendatsiy (na materiale nemetskogo yazyka)* [Variation of the modern orthoepic norm and the reality of orthoepic recommendations (based on German)]. Diss. ... kand. filol. nauk. St. Petersburg, 2015.

Shcherba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [French phonetics]. 6th ed. Moscow, Izd. Lit. na Inostr. Yazykakh Publ. 311 p.

Svetozarova N. D. [Orthoepy and orthophony in Russian literary text]. *Filologiya. Russkiy yazyk. Obrazovaniye. Sb. statey, posvyashchennykh yubileyu professora L. A. Verbitskoy*. St. Petersburg, 2006, pp.193–201. (In Russ.)

Verbitskaya L. A. *Russkaya orfoepiya* [Russian orthoepy]. Leningrad, Izd. Leningradskogo Universiteta, 1976. 124 p.

Verbitskaya L. A. [Orthoepy]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, pp. 351–352. (In Russ.)

Verbitskaya L. A. *Davayte govorit' pravil'no* [Let's Speak correctly!]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1993. 144 p.

Verbitskaya L. A. [The norm in speech production and perception]. *Rusistika: Lingvisticheskaya paradigma kontsa XX veka. Sb. statey v chest' professora Sakmary Georgiyevny Il'yenko*. St. Petersburg, Izd. S.-Peterburgskogo Un-ta Publ., 1998, pp. 29–34. (In Russ.)

Verbitskaya L. A. [Modern Russian orthoepy and orthophony]. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2011, no. 4, pp. 14–19. (In Russ.)

Vysotsky S. S. [About the Moscow folk dialect]. *Urban vernacular. Problems of study*. Ed. by E. A. Zemskaya and D. N. Shmelev. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 22–37. (In Russ.)

Vysotsky S. S. [About the Moscow folk dialect]. *Nezabytye golosa Rossii. Zvuchat golosa otechestvennykh filologov. Vyp. 1*. [Unforgotten voices of Russia. Voices of domestic philologists sound. Issue 1]. Ed. by O. V. Antonova and D. M. Savinov. Moscow, Languages of Slavic Structures Publ., 2009, pp. 64–89. (In Russ.)

Т. Н. Коробейникова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

tkorobejnikova@inbox.ru

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ В РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ: ОШИБКИ ИЛИ НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ?

В статье рассматриваются результаты орфоэпической части «Всероссийского тестирования по культуре речи». В частности, приводятся результаты выполнения школьниками и педагогами заданий, связанных с произношением согласных [ч'] и [ш] на месте буквосочетания *чн* и ударением в глагольных формах *сорит*, *звонит* и существительных *бант*, *торт*, *шарф*. Результаты тестирования сравниваются с данными экспериментов, в которых участвовали носители литературного произношения. Выясняется, что итоги анонимного массового тестирования не могут быть полезны при принятии кодификационного решения.

Однако анализ вышеупомянутых экспериментов, а также внутриязыковых тенденций позволил разграничить случаи, требующие пересмотра словарных рекомендаций, и варианты произношения, остающиеся за рамками литературной нормы. Статус вариантов произношения слов *скучный*, *очечник* и *горчичник* в орфоэпических словарях, вероятно, требуется пересмотреть, введя допустимые варианты произношения.

Ключевые слова: орфоэпия, вариативность, произносительные варианты, нормативные варианты, динамика норм.

Одним из направлений работы над звучащей речью в школе является формирование культуры произношения, в частности, — владения орфоэпическими нормами. Небольшой список «орфоэпических сложностей» содержится в школьных учебниках и в орфоэпическом словнике для ЕГЭ, на который ориентируются обучающиеся при подготовке к экзамену. Однако школьники зачастую считают верным ненормативный вариант произношения. Эти отклонения от кодифицированной нормы могут быть вызваны разными причинами¹: 1) влиянием региональных литературных норм; 2) влиянием просторечных и диалектных вариантов произношения; 3) тем,

¹ Не рассматриваются случаи отклонений, вызванных влиянием написания (произношение типа *нарó[ч']но*, *е[г]ó*).

что словари запрещают варианты произношения, которые уже стали узуальными произносительными нормами².

В двух первых случаях, с точки зрения кодификатора, варианты произношения, отличающиеся от словарных, ошибочны и могут быть лишь поводом для помещения в словари запретительных помет, если они еще не даны, в третьем случае необходимо смягчать строгие словарные рекомендации, вводя допустимые варианты произношения.

Но для верной интерпретации «массовых ошибок» необходим анализ: 1) внутриязыковых тенденций; 2) вариантов произношения, распространенных в речи образованных москвичей (см. сноску 2).

В статье анализируются результаты «Всероссийского тестирования по культуре речи» (далее — Тестирование), которое ФГБУ «Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации» проводит ежегодно. Рассматриваются результаты, полученные в 2021 и 2022 годах. Тестирование направлено на оценку уровня освоения школьниками 1–11 классов³ и педагогами орфоэпических, лексических, фразеологических, морфологических и синтаксических норм современного русского литературного языка. В 2021 г. в нем приняло участие 77 116, а в 2022 — 35 750 человек из всех регионов России. Длительность прохождения Тестирования ограничена 45 минутами. Оно анонимно, проводится онлайн и представляет собой перечень вопросов с множественным выбором ответов.

В данной статье рассматриваются результаты орфоэпической части Тестирования, а именно ответы на вопросы о качестве согласного в буквосочетании *чи*, месте ударения в глаголах на *-ить* и некоторых существительных мужского рода. При составлении тестовых заданий использовались авторитетные школьные орфоэпические словари, прошедшие педагогическую и научную экспертизу: Е. С. Скачедубова «Орфоэпический словарь русского языка, 9–11 классы» (М.: АСТ-ПРЕСС книга, 2020); И. Л. Резниченко «Словарь ударения и произношения слов русского языка, 5–11 классы» (М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017).

Анализируя данные Тестирования, важно понять, стоит ли принимать во внимание результаты массового анонимного опроса при принятии кодификационных решений⁴. Стоит ли расценивать ответы анонимных респондентов из разных

² Под узуальными произносительными нормами, как правило, понимаются «предпочтения образованных людей в звуковом оформлении слов и словоформ» [Каленчук 2021: 7]. Безусловно, узуальные нормы могут быть территориально различными, так как в разных регионах в речи местной интеллигенции могут быть закреплены различные варианты произношения [Букринская, Кармакова 2012]. Но исследователи, выявляя узуальные нормы произношения, как правило, ставят более жесткие рамки. Так, зачастую анализируют речь людей, которые «должны быть москвичами хотя бы во втором-третьем поколении, иметь высшее или неполное высшее образование, быть носителями русского литературного языка, не иметь диалектных и просторечных следов в произношении» [Каленчук 2021: 9].

³ При этом разработчики рекомендуют принимать участие в Тестировании обучающимся 4–11 классов.

⁴ Следует отметить, что в шестидесятых-семидесятых годах XX в. проводились масштабные лингвистические опросы населения, результатами которых стали монографии «Русский язык и советское общество» [Панов (ред.) 1968] и «Русский язык по данным массового обследования»

регионов страны как отражение новых произносительных тенденций? Чтобы ответить на эти вопросы, сравним итоги Тестирования с результатами лингвистических экспериментов, в которых участвовали носители литературного произношения (см. сноску 2), а также уточним состав участников Тестирования (см. раздел *Акцентуация глаголов на -ить*).

Произношение согласных на месте буквосочетания *чн*

Как справедливо отмечали исследователи, уже в конце XIX — начале XX вв. старомосковское произношение [ш] на месте *ч* в буквосочетании *чн* носило лексикализованный характер [Корш 1902: 65].

В настоящее время произношение *чн* со звуком [ш] сохранилось лишь в небольшом количестве слов. По данным словарей, в одних словах сосуществуют варианты произношения с [ш] и с [ч']: *подсвѣ[ш]ник* и *подсвѣ[ч']ник*, — в других возможен только вариант с [ш]: *конѣ[ш]но*⁵, *нарó[ш]но*. В большинстве слов с *чн* возможно только произношение [ч']: *то[ч']ный*, *безóбла[ч']ный*, *отли[ч']ник*.

Известно, что в конце XIX — начале XX вв. старомосковское произношение *чн* со звуком [ш] было распространено в словах «живого разговорного языка», то есть в тех, которые усваивались «со слуха» и использовались в разговорной речи: *конѣчно*, *скучно*, *нарóчно*, *огурѣчный*, *яблочный*, *табáчный*, *прáчечная*, *двóечник* и т. д. Хотя, по данным Р. И. Аванесова, в ряде таких бытовых слов произносился звук [ч'], если его произношение «поддерживалось родственными образованиями со звуком [ч']»: *дáчный* при *дáча*, *удáчный* при *удáча*, *ночнóй* при *ночь*» [Аванесов 1984: 182]. Впрочем, этот критерий подвергается справедливой критике в работе О. В. Антоновой [Антонова 2011: 85–86].

В книжных словах, то есть в тех, которые усваивались при чтении и не были распространены в бытовом общении, *чн* произносилось со звуком [ч']: *то́чный*, *порóчный*, *áлчный*, *анти́чный* и пр. Однако позже четкая обусловленность произношения [ш] или [ч'] в буквосочетании *чн* сферой употребления слов также была опровергнута О. В. Антоновой [Антонова 2011: 94].

Со временем количество слов, где было возможно произношение *чн* только с [ш], сокращалось, в ряде лексем отмечалась вариативность произношения. В середине XX в., согласно данным Р. И. Аванесова, только [ш] в сочетании *чн*

[Крысин (ред.) 1974]. В этих работах представлены данные, полученные с помощью анкетирования жителей страны из разных городов, разного возраста, представляющих различные профессии. Анонимный массовый опрос представлялся хорошим методом для описания социолингвистической картины в стране в целом. Однако для принятия кодификационных решений результаты опросов практически не использовались: «авторы словарей в большинстве случаев проигнорировали полученные группой под руководством М. В. Панова статистические данные» [Каленчук 2021: 19].

⁵ Примечательно, что, по устному сообщению А. К. Филиппова, среди ряда преподавателей филологического факультета СПбГУ сознательно поддерживается петербургская норма произношения буквосочетания *чн* с [ч'], в частности произношение *конѣ[ч']но*. Однако при анализе речи одного из этих преподавателей в ходе «LI международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой» были отмечены варианты произношения *конѣ[ч']но* и *конѣ[ш]но*.

отмечалось в словах *конечно, скучно, яичница, пустячный, скворечник, прачечная, горчичник, горячий*, а также в женских отчествах: *Саввична, Кузьминична, Никитична, Фоминична, Лукинична, Ильинична* [Аванесов 1984: 184]. Варианты произношения допускались в словах: *булочная, сливочное, ячневая, молочный, копеечный, порядочный, стрелочник, яблочный, корицевый*.

В начале XXI в. О. В. Антоновой было проведено анкетирование 35 москвичей — носителей литературного произношения. Это исследование в данной статье послужит верификатором результатов Тестирования. Данное исследование показало, что перечень слов, в которых отмечается только произношение [ш] в *чи*, сократился даже для старшей возрастной группы и включает лексемы: *горчичник, конечно, скучно, нарочно, прачечная, подсвечник, яичница*. Представители средней возрастной группы уже допускают вариативность произношения в словах *скучно* и *горчичники*. В младшей группе произношение только с [ш] сохраняется лишь в словах *конечно* и *нарочно* [Антонова 2007: 341]. Таким образом, очевидна тенденция к сокращению слов с произношением [ч'] в буквосочетании *чи* и закреплению его буквально в единичных словах.

Любопытно, что с течением времени изменилась оценка произношения [ш] в буквосочетании *чи* говорящими. Если в середине XX в. оно воспринималось как просторечное, сниженное, а для ряда слов — как характеризующее диалектную речь, то в начале XXI в. оно стало восприниматься как престижное, статусное, о чем свидетельствуют случаи гиперкоррекции, отмеченные в телевизионной речи: *подарочный, гостиничный, съемочный*, см. [Антонова 2007: 343].

Для заданий Тестирования на основе рекомендаций вышеназванных словарей были выбраны 1) слова, в которых следует произносить [ш] в буквосочетании *чи*; 2) слова, в которых допустимы варианты произношения с [ч'] и с [ш]; 3) слова, произносящиеся только с [ч']. Испытуемым предлагалось выбрать слова, в которых произносится [ш].

Результаты Тестирования представлены в таблице 1. В первом столбце указано количество ответов «в буквосочетании *чи* произносится [ш]» (в процентном соотношении). Во втором столбце даны словарные рекомендации произношения этих слов (рекомендации обоих словарей совпадают).

Итак, большинство участников Тестирования посчитали, что в словах *конечно, скворечник, нарочно, двоичница, яичница* произносится [ш], что соответствует словарным рекомендациям. Этот результат неудивителен: данные слова частотны в устной речи, они «на слуху», их произношение с [ш] устойчиво закрепилось в узусе и, как показало исследование [Антонова 2007], большинство москвичей — носителей литературной нормы произносит их со звуком [ш]. Примечательно, что во всех этих словах, кроме *двоичница*, непосредственно перед *ч* находится ударный гласный, что, по мнению Ф. Е. Корша, стимулирует произношение с [ч'] [Корш 1902: 65]. Очевидно, что материал Тестирования не подтверждает эту гипотезу, которая, кстати, уже подвергалась критике в [Антонова 2007: 337–338].

Для слов *горчичник, очечник* большинство испытуемых считают верным вариант произношения с [ч'] вопреки словарным рекомендациям. Эти слова нечастотны

Табл. 1. Результаты Тестирования и рекомендации словарей

Результаты обучающихся	Рекомендации школьных орфоэпических словарей
<i>безо́бла[ч']ный</i> — 3 %	нет в словаре, возможно только [ч']
<i>горчи[ш]ник</i> — 49,1 %	<i>горчи[ш]ник</i> (! неправ. <i>горчи[ч']ник</i>)
<i>дво́е[ш]ница</i> — 91,5 %	<i>дво́е[ш]ница</i>
<i>еди́ни[ш]ный</i> — 6 %	нет в словаре, возможно только [ч']
<i>коне́[ш]но</i> — 90,3 %	<i>коне́[ш]но</i> ! неправ. <i>коне́[ч']но</i>
<i>наро́[ш]но</i> — 88 %	<i>наро́[ш]но</i>
<i>оче́[ш]ник</i> — 37,5 %	<i>оче́[ш]ник</i>
<i>подсвё[ш]ник</i> — 58 %	<i>подсвё[ш]ник</i> и <i>подсвё[ч']ник</i>
<i>скворе́[ш]ник</i> — 80,3 %	<i>скворе́[ш]ник</i>
<i>ску́[ш]ный</i> — 59 %	<i>ску́[ш]ный</i> (! неправ. <i>ску́[ч']ный</i>)
<i>сьёмо[ч']ный</i> — 3 %	нет в словаре, возможно только [ч']
<i>шу́то[ш]ный</i> — 8 %	<i>шу́то[чн]ый</i> , с архаич. оттенком [шн]
<i>яи́[ш]ница</i> — 83,3 %	<i>яи́[ш]ница</i>
Результаты педагогов⁶	
<i>деви́[ш]ник</i> — 87,1 %	<i>деви́[ш]ник</i>
<i>копе́е[ш]ный</i> — 72,9 %	<i>копе́е[ш]ный</i>
<i>пра́че[ш]ная</i> — 53 %	<i>пра́че[ш]ная</i> и <i>пра́че[ч']ная</i>
<i>пустя́[ш]ный</i> — 76,1 %	<i>пустя́[ш]ный</i>

в современной речи, о чем свидетельствуют данные НКРЯ: слово *горчичник* встречается в корпусе в 213 текстах (316 примеров), при этом за последние 10 лет — только в 6 текстах, *очечник* — всего в 6 текстах (7 примеров). Устный опрос обучающихся показал, что многие из них не используют данные слова и даже не знают значения слова *горчичник*. Таким образом, нечастотные незнакомые слова обучающиеся произносят «как пишется» — с [ч']. Любопытно, что исследователи писали о том, что наличие звука [ч'] в соседнем слоге способствует сохранению старомосковского варианта произношения, поскольку скопление звуков [ч'] неблагозвучно и сложно для произношения [Аванесов 1956, Каленчук 1993]. Однако эксперимент О. В. Антоновой показал несостоятельность этого критерия [Антонова 2011: 94]. Для участников Тестирования этот фактор также оказался незначимым, что, впрочем, может быть вызвано тем, что Тестирование не предполагало озвучивания примеров⁷. Важно упомянуть, что в исследовании 2007 г. было установлено, что

⁶ Педагогам из методических соображений разработчики тестирования предложили тесты с менее частотными словами, обычно не входящими в словарики школьных учебников.

⁷ Возможно, с этим же связана не самая эффективная работа с орфоэпическими нормами в школе. Как показал мониторинг школьных учебников русского языка, проведенный ФГБУ ФИРЯ, подавляющее большинство заданий в них направлено на развитие письменной речи; системной же работы по развитию устной речи, в том числе по усвоению орфоэпических норм, не предусмотрено.

представители средней и младшей возрастных групп произносят слово *горчичник* как с [ш], так и с [ч'], что дает повод начать задумываться о смягчении в скором времени пометы в словарях, запрещающей произношение данных слов с [ч'].

Слово *скучный* с [ш] произносят только 59 % испытуемых. Это слово нельзя назвать нечастотным или незнакомым, и на вариативность в его произношении исследователи обращали внимание уже не раз, см., например, [Антонова 2007: 340; Вещикова 2010]. Но в словарях вариант произношения с [ч'] сопровождается запретительной пометой. Важно отметить, что в орфоэпических словариках учебников для начальной школы распространенных линеек («Школа России», «Перспектива») это слово также встречается и имеет только один вариант произношения — с [ш]. В исследовании [Антонова 2007: 340] говорится, что москвичи — носители литературного произношения произносят это слово с [ч'] и с [ш] (процентное соотношение вариантов в указанной статье, к сожалению, не указывается). Таким образом, строгие словарные рекомендации относительно произношения данного слова, вероятно, нуждаются в пересмотре.

Интересно, что 58 % участников посчитали вариант произношения *подсвѣ*[ш]-*ник* верным, что коррелирует с рекомендациями орфоэпических словарей, которые признают варианты с [ч'] и с [ш] равноправными. Согласно словарным предписаниям, в слове *шуточный* следует произносить [ч'], произношение [ш] имеет архаический оттенок. Результаты Тестирования созвучны данной рекомендации: только 8 % участников посчитали вариант с [ш] верным.

В словах *безоблачный*, *единичный*, которые Р. И. Аванесов относил к книжным [Аванесов 1984: 183], то есть таким, в которых [ш] в буквосочетании *чи* не произносился, этот звук произносят лишь 3 % и 6 % участников соответственно. В относительно новом слове *съёмочный* вариант произношения с [ш] выбрали лишь 3 % испытуемых.

Результаты тестирования учителей показывают четкую корреляцию со словарными рекомендациями. Слова *копеечный*, *пустячный*, *девичник* большинство учителей произносят с [ш], в слове *прачечная* наблюдается вариативность, соответствующая равноправности вариантов с [ч'] и [ш] в словарях.

Таким образом, ненормативный вариант произношения слова *скучный* с [ч'] распространен не только в речи обучающихся из разных регионов России, но и в речи москвичей — носителей литературного произношения [Антонова 2007]. Отклонения от кодифицированной нормы встречаются и в нечастотных словах *горчичник*, *очечник*, вариативность в произношении которых также отмечалась в вышеупомянутом исследовании. Вероятно, рекомендации для этих слов в орфоэпических словарях в скором времени стоит пересмотреть, смягчив запретительные пометы для вариантов произношения с [ч'].

Отметим также, что рассмотренные результаты Тестирования не противоречат ни внутриязыковой тенденции к сокращению слов с [ш] в буквосочетании *чи*, ни данным эксперимента с москвичами — носителями литературного произношения. Однако это не дает повода считать результаты массового исследования подходящими для принятия кодификационного решения, что будет доказано ниже.

Акцентуация глаголов на *-ить*

Для глаголов, оканчивающихся на *-ить*, выделяется два основных типа ударения: неподвижное на окончании и подвижное. Наиболее активный процесс для данного класса глаголов — постепенное уменьшение доли конечного ударения. Особенно интенсивно оно заменяется подвижным ударением [Воронцова 1979: 226]. Так, устаревшими считаются варианты произношения *варíт, валíт, делíт* и др. Их заменили варианты произношения с ударением на корне. Во многих глаголах переход от конечного ударения к подвижному не завершился, что находит отражение в словарях (наличие двух равноправных вариантов произношения или варианта с подвижным ударением как с допустимым). Исследование [Стрейкмане 2020: 11] на материале речи 60 коренных жителей Москвы с высшим образованием из трех возрастных групп — «младшая» (до 25 лет), «старшая» (от 56 лет) и «средняя» (от 26 до 55 лет) — выявило, что «на сегодняшний день вариант с подвижным ударением в глаголах на *-ить*, выбираемый большинством носителей современного русского литературного языка, часто трактуется орфоэпическими словарями как ошибочный, несмотря на то, что в полной мере отражает активный процесс перехода слов из одной акцентной парадигмы в другую, начавшийся более двухсот лет назад».

В Тестирование вошли словоформы *сорит* и *звонит*. Слово *звонíт* было представлено в тестах для учащихся 1–4 классов, слово *сорíт* — в тестах для учителей. Стоит отметить, что эти слова имеют разные исходные условия: первое находится в центре внимания общественности, по произношению его форм зачастую определяют уровень грамотности, второе слово не считают маркером интеллигентности, однако оно входит в школьные орфоэпические словари и орфоэпический словарь для ЕГЭ, составленный ФИПИ⁸. Результаты Тестирования получились следующими: в слове *звонíт* ударение на окончании как верное отметили 74 % участников, в слове *сорíт* — 64 %.

Исследование [Стрейкмане 2020] показало, что слово *звонит* большинство респондентов — носителей литературного произношения произносит с ударением на окончании⁹. Слово *сорит* в вышеназванное исследование, к сожалению, не вошло, однако в приставочном образовании от него *насорит* среди представителей всех трех возрастных групп приблизительно поровну были употреблены варианты как старшей, так и младшей нормы [Стрейкмане 2020: 44].

Для выявления причин выбора ненормативных вариантов акцентуации данных слов в Тестировании проанализируем его результаты по регионам России¹⁰,

⁸ Словник размещен на сайте ФИПИ <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory>

⁹ Процентное соотношение вариантов в статье не указано, отмечается, что в глаголах *облегчить, разлучить* также преобладает флексивное ударение.

¹⁰ Данные по регионам были любезно предоставлены техническим отделом ФГБУ «Федеральный институт родных языков» в 2021 г. Для произношения [ш] в буквосочетании *чи* как старомосковской черты, имевшей диалектную основу [Аванесов 1984: 183], данные по регионам проанализировать было бы также небезынтересно, но, к сожалению, в настоящее время разработки в силу экстралингвистических причин уже не могут предоставить их.

поскольку наосновное ударение в некоторых из них может быть мотивировано влиянием региональных или диалектных вариантов произношения. Наиболее активное участие в Тестировании приняли жители Белгородской (12 649 участников), Воронежской (13 171), Нижегородской областей (13 496), республик Дагестана (4444) и Чечни (1984). Участников из других регионов было значительно меньше (например, из Москвы было лишь 343 участника, из Санкт-Петербурга — 27), поэтому анализ их результатов следует признать статистически незначимым.

Ниже представлены результаты регионов, которые приняли наиболее активное участие в Тестировании.

Белгородская область: *звонít* — 75 %; *сорít* — 65 %.

Воронежская область: *звонít* — 90 %; *сорít* — 72 %.

Республика Дагестан: *звонít* — 59 %; *сорít* — 62 %.

Нижегородская область: *звонít* — 78 %; *сорít* — 62 %.

Республика Чечня: *звонít* — 48 %; *сорít* — 53 %.

Меньше всего вариантов ответов с ударением на флексии зафиксировано в Чечне, что может быть вызвано влиянием чеченского языка, в котором ударение фиксированное и падает на первый слог основы слова и оно неподвижно (при образовании грамматических форм слова и образовании от него новых слов). В республике на чеченском как на родном говорят 1,3 млн человек, то есть 95 % населения, на русском как родном говорят 1,92 % (по переписи 2010 г.).

Кроме того, в Чечне отмечается низкий уровень владения русским языком в целом, о чем свидетельствуют результаты прохождения других разделов Тестирования представителями республики и данные, представленные в работе [Алиева 2014], согласно которой в речевой практике школьников преобладает родной язык. «Учащиеся заменяют русское сильноцентрированное ударение в слове равным распределением силы между двумя, тремя слогами; трудно усваивается учащимися и подвижность русского ударения при образовании тех или иных грамматических форм» [Алиева 2014: 11]. Однако по условиям Тестирования его участники должны владеть русским языком как родным. Вероятно, испытуемых следует считать чеченско-русскими билингвами, орфоэпическую компетенцию которых, безусловно, не следует учитывать при принятии кодификационных решений.

Меньшее отклонение от словарных норм в акцентуации глаголов отмечено в Дагестане, что может объясняться бóльшим количеством постоянно говорящих на русском языке. На территории Дагестана сосуществуют более 40 языков, жители сел говорят между собой на родных языках, а с соседями общаются уже не на их языке, а по-русски. Следовательно, испытуемые из этого региона также являются билингвами, речь которых подвержена интерференции.

В Белгородской и Воронежской областях распространены говоры, где в данных словах отмечается подвижное ударение, то есть в словоформах *звонит* и *сорит* ударение может падать на основу [Касаткин 2013: 148]. Следовательно, диалектным влиянием можно было бы объяснить ответы *звóнит* и *сóрит*, полученные из

этих областей. И если вариант *збóнит* не так распространен в связи с особым статусом этого слова, то *сбóрит* встречается достаточно часто (28 % в Воронежской области и 35 % в Белгородской). В обширной Нижегородской области исторически проживали переселенцы из других регионов, а также марийцы, эрзя, мокша. Нижегородские говоры также весьма различны, поэтому без данных о конкретных населенных пунктах, в которых проживают испытуемые, к сожалению, нет возможности сделать вывод о диалектном влиянии.

Таким образом, отклонения от кодифицированных вариантов произношения в результатах Тестирования могут объясняться иноязычным и диалектным влиянием. Полученные данные могут быть полезны для методики преподавания русского языка в школе, но для принятия кодификационных решений в орфоэпии они нерелевантны. Однако исследование Э. Р. Стрейкмане показало, что внутриязыковая тенденция к переносу ударения на основу в глаголах на *-ить* отражается в речи москвичей — носителей литературного произношения, но не во всех словах (*звонить, облегчить, разлучить*) [Стрейкмане 2020].

Акцентуация односложных существительных мужского рода

Слова *бант, шарф и торт* — относительно поздние заимствования из немецкого языка. При этом, согласно словарю Фасмера, *торт* — прямое заимствование, *бант* и *шарф* пришли в русский язык через польский [Фасмер 2007]. А. А. Зализняк, анализируя односложные имена существительные мужского рода, приводит слова *торт, бант* и *шарф* в сравнительно небольшом списке лексем, которые относятся к акцентному типу *a*, то есть сохраняют ударение на основе во всех формах единственного и множественного числа, и при этом отмечает, что данные слова имеют особенности, располагающие их к переносу ударения на окончание во всех формах, то есть переходу в тип *b*, так как:

- 1) обозначают конкретные предметы;
- 2) употребительны в разговорной речи;
- 3) (для слов *бант* и *торт*) оканчиваются на *невзрывной согласный + т*.

Кроме того, А. А. Зализняк справедливо отмечает, что в разговорной речи и просторечии во множественном числе у данных слов встречается флективное ударение [Зализняк 2002: 501–502]. Попробуем выяснить, насколько распространено произношение форм слов *бант, шарф* и *торт* с флективным ударением и пора ли пересмотреть произносительные рекомендации для этих слов.

А. А. Зализняк, анализируя литературное произношение, опирался на данные словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова [Аванесов, Ожегов (ред.) 1959] и толковых словарей под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков (ред.) 1940] и С. И. Ожегова [Ожегов (ред.) 1960]. Современные орфоэпические словари также рекомендуют во всех трех словах наосновное ударение [Касаткин (ред.) 2012, Еськова (ред.) 2015].

Вслед за академическими словарями данные слова с наосновным ударением дают и школьные орфоэпические словари. Например, словарь Т. А. Байковой «Словарь ударений. Как правильно произносить слова?» [Байкова 2022]. В орфоэпических словариках школьных учебников даются словоформы *ба́нты*, *то́рты*, *ша́рфы*.

Формы слов *бант*, *торт*, *шарф* были даны в заданиях Тестирования для обучающихся 1–4 классов. Результаты получились следующими: *ба́нты* — 68 %, *то́рты* — 86 %, *ша́рфы* — 51,8 %, *ша́рфом* — 84 %. Словоформа *банты* также встретилась в тесте для обучающихся 5–9 классов. Ответ *ба́нты* дали 79 % респондентов.

Результаты Тестирования показывают существенные колебания в постановке ударения в формах *банты* и *шарфы*. Но, как известно из предыдущего раздела, на эти данные нельзя опираться при анализе динамики произносительных норм. По ним, безусловно, можно судить о количестве школьников, которые в силу разных причин (диалектного и иноязычного влияния, невнимательности или волнения при прохождении онлайн-опроса) выбрали ответ, отличный от зафиксированного в словарях.

Приведем результаты эксперимента, проведенного А. Е. Журавлевой и Е. В. Корпечковой, в котором участвовали 30 москвичей — носителей русского литературного языка во втором-третьем поколении, имеющих высшее или неполное высшее образование, не имеющих диалектных и просторечных следов в произношении¹¹.

Формы ед. ч.: *ша́рфа* (90 % — старшая группа, 90 % — средняя, 100 % — младшая); *то́рта* (100 % — ст., 100 % — ср., 80 % — мл.); *ба́нта* (90 % — ст., 100 % — ср., 80 % — мл.).

Формы мн. ч.: *то́рты* (80 % — ст., 100 % — ср., 90 % — мл.), *ба́нты* (40 % — ст., 100 % — ср., 80 % — мл.), *ба́нтам* (60 % — ст., 90 % — ср., 60 % — мл.).

Эксперимент показал, что значительное количество ответов с флективным ударением отмечено лишь в формах *банты* и *бантам* у респондентов старшей возрастной группы. Вариант *банта́м* отмечен и в 40 % ответов в младшей возрастной группе. С этой и других нечастотных форм косвенных падежей, вероятно, и начинается расшатывание нормы. Формы множественного числа слова *шарф*, к сожалению, не вошли в эксперимент.

Показательно, что результаты младших школьников коррелируют с результатами респондентов старшей возрастной группы. Можно предположить, что старшие школьники и студенты, представлявшие младшую группу в эксперименте, ориентируются на то, «как правильно по словарю», поскольку либо готовятся к ЕГЭ,

¹¹ Среди опрошенных старшей группы (от 60 лет) были люди разных профессий: экономисты, филологи, управленцы; в среднюю возрастную группу (от 30 до 60 лет) вошли педагогические работники, методисты, сотрудники ИТ-сферы, представители сферы услуг, младшая группа была представлена преимущественно студентами МПГУ, обучающимися на факультетах начального образования и информатики.

повторяя словарные нормы, либо еще хорошо помнят, как готовились, а младшие школьники и информанты старшей возрастной группы, вероятно, чаще выбирали распространенный в устной речи вариант.

Чтобы проверить распространенность флективного ударения в формах данных слов в диахроническом аспекте, приведем сведения из поэтического подкорпуса НКРЯ.

Словоформа *шарфы* встретилась в 16 текстах подкорпуса. В одном произведении ритм и стихотворный размер диктуют ударение на флексии.

Сырая мягкость в воздухе глухом,
Шарфы́ стянувшая узлами,
Сливается с растаявшим столбом
И с зыбкомягкими углами...
Б. Б. Божнев. Оратория для дождя, мужского голоса и тумана:
«Как Байрон дождь — плащи, плащи, плащи...» (1948)

Форма *шарфа* встретилась только с наосновным ударением (12 вхождений), в словоформе *шарфом* отмечен 1 пример с конечным ударением из 24 вхождений.

Ответ лежит под белым дном,
Драконом невысоких гор,
Как дева на ветру **шарфо́м**,
загородился.
Е. А. Шварц. «Я в заснеженном Египте...» (1974)

Таким образом, колебания в ударении форм слова *шарф* не являются новшеством, но недостаточно распространены, чтобы стать поводом к пересмотру словарных рекомендаций.

Словоформа *торты* не встретилась в корпусе с флективным ударением (11 вхождений), но были отмечены 2 примера с формой множественного числа *торта́*. Один пример у В. В. Маяковского:

Как будто
на язык
за кусом кус
кладут
воздушнейшие **торта́** —
такой
установился
феерический вкус
в благоуханных
апартаментах
рта.
*В. В. Маяковский. Я счастлив! («Граждане,
у меня огромная радость...»)* (1929)

Также 1 пример у Г. Н. Оболдуева:

— **Торта́** церквей,
Жженые головешками галок,
Оплывают теплотой к реке,
Точно кто весной накачал их.
Г. Н. Оболдуев. *Справка («Не деревни и полей...»)* (1926)

Эти примеры могут быть фактами языковой игры, основанной на высмеивании просторечного произношения, однако могут быть и проявлением тенденции к расширению круга существительных мужского рода, имеющих окончание *-a* во множественном числе. В. Л. Воронцова писала о том, что «среди существительных, принимающих формы им. падежа мн. числа на *-a*, значительно преобладают заимствования» [Воронцова 1979: 95], также отмечая, что формы на *-a* имеют «разговорный характер» и имеется «определенная зависимость употребления этих слов в литературном языке от частотности слова» [Воронцова 1979: 98]. Появление этих форм (даже в просторечии) в начале XX в. свидетельствует о том, что слово *торт* давно стремится к переходу в тип *b*. Однако и почти через 100 лет колебания в ударении и качестве гласного флексии данного слова остаются за рамками литературного произношения.

Словоформа *банты* отмечена в корпусе с флективным ударением в 1 случае из 40.

Над ним летают утки
И судки,
Расстилаются **бинты́**,
Заворачиваясь в **банты́**,
Трубка клизмы извивается,
Как
Гадюка.
«Эвридика! Эвридика!»
Г. В. Сангир. *Потоп («Распахнулись окна. Ветер...»)* (1958–1962)

Примеров с окончанием *-a* во множественном числе не обнаружено. Формы *банта* и *бантам* зафиксированы только с наосновным ударением.

Таким образом, данные эксперимента и поэтического подкорпуса НКРЯ показали, что формы с флективным ударением всех трех слов продолжают бытовать в сфере разговорной речи, формы с наосновным ударением сохраняют статус кодифицированных вариантов.

Заключение

Анализ результатов «Всероссийского тестирования по культуре речи» показал, что массовые анонимные исследования не могут быть основой для принятия кодификационных решений, хотя они могут быть полезны с методической точки зрения, при анализе «слабых мест» школьной программы, в том числе по орфоэпии.

Результаты экспериментов, в которых участвовали москвичи — носители литературного произношения, показали следующее: 1) для большинства рассмотренных слов с буквосочетанием *чн* нет необходимости пересматривать словарные рекомендации, колебания в их произношении остаются за рамками литературной нормы. Обратить внимание необходимо на слово *скучный*, а в скором времени, вероятно, и на слова *очечник* и *горчичник*, в которых носители литературного произношения часто произносят звук [ч']; 2) в акцентуации глагола *звонит*, а также форм существительных *шарф*, *бант* и *торт* достаточно давно отмечаются колебания, но и они на сегодняшний момент не являются поводом для пересмотра словарных рекомендаций.

Литература

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 240 с.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1984. 383 с.

Аванесов Р. И., Ожегов С. И. (ред.). Русское литературное произношение и ударение. М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1959. 708 с.

Алиева М. А. Первоначальное обучение русской устной речи учащихся в условиях чеченско-русского двуязычия. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Махачкала, 2014. 27 с.

Антонова О. В. Произношение согласных на месте буквосочетания *чн* в современном русском литературном языке // Проблемы фонетики V / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 2007. С. 337–343.

Антонова О. В. Система старомосковского произношения и ее рефлексy в современной звучащей речи. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, 2011. 164 с.

Байкова Т. А. Словарь ударений. Как правильно произносить слова? 1–4 классы. М.: АСТ-Пресс, 2022. 224 с.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2012. С. 153–164.

Вещикова И. А. Не скучно или не скушно? Представление слов с буквенным сочетанием *чн* в орфоэпических руководствах и справочниках // Русская словесность. 2010. № 5. С. 14–17.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения / В. Л. Воронцова. М.: Наука, 1979. 328 с.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, изд. 10-е, испр. и доп. / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с.

Каленчук М. Л. Орфоэпическая система современного русского литературного языка. Дисс. доктора филол. наук. М. 1993. 417 с.

Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации. Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М., 2021. С. 4–25.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1001 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Русская диалектология / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013. 304 с.

Корш Ф. Е. Русское правописание // Изв. ОРЯС АН. Кн. 1. СПб., 1902. 56 с.

Крысин Л. П. (ред.). Русский язык по данным массового обследования / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 351 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия., 1964. 900 с.

Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Кн. 1–4 / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.

Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 кл. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2021. 368 с.

Скачедубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 352 с.

Стрейкмане Э. Р. Звони́шь и звóнишь — ошибка или новая норма? // Русская речь. 2020. № 3. С. 35–46.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938–1940.

Чернышев В. И. Законы и правила русского произношения. Петроград: Акад. наук, 1915. 108 с.

Tatiana N. Korobeynikova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

tkorobejnikova@inbox.ru

ORTHOEPIC NORMS IN SCHOOLCHILDREN'S SPEECH: MISTAKES OR NEW TRENDS?

The article examines some results of the orthoepy part of “The all-Russian online speech culture test”. In particular, the present paper reports the results of the test-tasks connected with pronunciation of consonants [tʃ] and [ʃ] in letter clusters *чи*, stress in the verb forms *сорит* (to litter), *звонит* (to call) and the nouns *бант* (bow-knot), *торт* (cake), *шарф* (scarf). The results of ‘The all-Russian online speech culture test’ have been compared with the results of the experiments in which the speakers of Modern Standard Russian participated. It turns out that the test results are irrelevant for orthoepic codification.

The analysis of language development trends and common pronunciation variants in speech of Modern Standard Russian speakers shows some cases of norm change and non-normative variants of pronunciation. It turns out that deviations from the normative variants from verbs and nouns are the pronunciation mistakes. It seems reasonable to reconsider pronunciation variants of the words *конечно* (of course), *очечник* (eyeglass case), *горчичник* (mustard plaster), in orthoepic dictionary, introducing new pronunciation variants.

Keywords: orthoepy, orthoepic norm, pronunciation variants, normative variants, non-normative variants, norm change.

References

Alieva M. A. *Pervonachal'noe obuchenie russkoj ustnoj rechi uchashchihhsya v usloviyah chechensko-russkogo dvuyazychiya* [The first mastering Russian oral speech in the conditions of Chechen-Russian bilingualism]. Doctoral dissertation summary. Makhachkala, 2014. 27 p.

Antonova O. V. [Pronunciation of consonants in place of the letters *чн* in modern Russian language]. *Problemy fonetiki V* [Phonetics issues V]. Ed. by R. F. Kasatkina. Moscow, 2007, pp. 337–343. (In Russ.)

Antonova O. V. *Sistema staromoskovskogo proiznosheniya i ee refleksy v sovremennoj zvuchashchej rechi* [System of old Moscow pronunciation and its reflexes in the contemporary oral speech]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, 2011. 164 p. (In Russ.)

Avanesov R. I. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of contemporary Russian language]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1956. 240 p.

Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie* [Russian literary pronunciation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 383 p.

Avanesov R. I., Ozhegov S. I. (ed.). *Russkoe literaturnoe proiznoshenie i udarenie* [Russian literary pronunciation and stress]. Moscow, Gos. izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej Publ., 1959. 708 p.

Bajkova T. A. *Slovar' udarenij. Kak pravil'no proiznosit' slova? 1–4 klassy*. [Dictionary of accents. How to pronounce words correctly? 1–4 classes]. Moscow, Ast-Press Publ., 2022. 224 p.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [The language situation in small towns of Russia]. *Issledovania po slavianskoj dialectologii. Vyp. 15* [Research on Slavic dialectology, Issue 15]. Ed. by L. E. Kalnyn'. Moscow, 2012, pp. 153–164. (In Russ.)

Chernyshev V. I. *Zakony i pravila russkogo proiznosheniya* [The laws and rules of Russian pronunciation]. Petrograd, Akademia Nayk, 1915. 108 p.

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskie slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. N. A. Es'kova, S. M. Borunova, V. L. Vorontsova. Ed. by N. A. Es'kova. 10th edition, corrected and amended. Moscow, AST Lingua Publ., 2015. 1007 p.

Kalenchuk M. L. [Usual and codificated pronuncion norms]. *Proiznositel'nye normy v uzuse i kodifikacii* [Pronunciation norm in usus and codification]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, 2021, pp. 4–26. (In Russ.)

Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskkii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. 2nd ed., corrected and amended. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2012. 1001 p.

Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. S. V. Bromley, L. N. Bulatova, O. G. Getsova. Ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, Ast-Press Publ., 2013. 304 p.

Korsh F. E. [Russian orthography]. *Izvestiya ORYAS RAN*, Book 1, St. Petersburg, 1902. 56 p.

Krysin L. P. (ed.). *Russkij yazyk po dannym massovogo obsledovaniya* [Russian language according to a mass survey]. Ed. by Krysin L. P. Moscow, Nauka Publ., 1974. 351 p.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian language dictionary]. Moscow, Sovetskaya Encyclopedia Publ., 1964. 900 p.

Panov M. V. (ed.). *Russkij yazyk i sovetskoe obshchestvo. Sociologo-lingvisticheskoe issledovanie. Knigi 1–4* [Russian language and Soviet society. Sociological and linguistic research. Books 1–4]. Ed. by Panov M. V. Moscow, Nauka Publ., 1968.

Reznichenko I. L. *Slovar' udareniya i proiznosheniya slov russkogo yazyka 5–9 kl* [Dictionary of accents of the Russian language]. Moscow, AST-PRESS Shkola Publ., 2021. 368 p.

Skachedubova E. S. *Orfoepicheskkii slovar' russkogo yazyka. 9–11 klassy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. 9–11 grades]. Moscow, AST-Press SCHOOL Publ., 2020. 352 p.

Streikmane E. R. [Zvoní sh' or Zvónish' — deviation or a new standard?]. *Russkaya Rech'*, 2020, no. 3, pp. 35–46. (In Russ.)

Ushakov D. I. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. T. 1–4. [Explanatory dictionary of the Russian language. V. 1–4]. Moscow, Gos. Izd-vo Inostr. I Nats. Slov. Publ., 1938–1940.

Veshchikova I. A. [Not dull or boring? Representation of words with the letter combination *chn* orthoepic in manuals and handbooks]. *Russkaya slovesnost'*, 2010, no. 5, pp. 14–17. (In Russ.)

Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya* [The Russian standard stress in the 18th–20th centuries. Inflection forms]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.

Zalizniak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow, Yazyki Slavyankoj Kul'tury Publ., 2002. 752 p.

Е. В. Корпечкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

lelene@yandex.ru

**УДАРНЫЕ ГЛАСНЫЕ ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРОВ
С НЕАРХАИЧЕСКИМИ ТИПАМИ
ДИССИМИЛЯТИВНОГО ВОКАЛИЗМА
(КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)**

В статье представлено инструментально-фонетическое исследование ударных гласных двух говоров Белгородской области с разными типами диссимилятивного вокализма: оба характеризуются жиздринским типом аканья, в одном из них наблюдается суджанское яканье (с. Берёзовка), во втором — щигровское яканье (с. Присынок). Анализ аудиозаписей показывает, что в двух рассматриваемых говорах отсутствует различие фонем верхне-среднего и среднего подъёмов, то есть распределение [а] или [и] в предударных слогах напрямую не связано с качеством ударного гласного. Система ударных гласных этих двух говоров похожа, отмечаются черты, характерные для некоторых говоров с архаическими типами вокализма: упередненные гласные (в говоре с щигровским яканьем), гласные пониженного образования (в обоих говорах на месте гласных верхнего и среднего подъёма, в говоре с суджанским яканьем и на месте гласных нижнего подъёма). Согласные произносятся мягко перед гласными переднего ряда (гласные после мягких согласных представлены дифтонгами или имеют выраженный начальный переходный элемент после мягкого согласного); гласные, реализующие фонему /о/ имеют начальный переходный элемент, а также могут быть представлены дифтонгом [уо] — как правило, после губных и заднеязычных согласных. Набор слов, в которых зафиксированы отступления от общей модели вокализма, обусловлен грамматически.

Ключевые слова: диалектная фонетика, южнорусское наречие, суджанское яканье, щигровское яканье.

Исследования южнорусских говоров с разными типами диссимилятивного вокализма свидетельствуют о том, что существует определенное соответствие ударного и безударного вокализма: архаические типы аканья и яканья обычно отмечаются в говорах, имеющих различие семи фонем под ударением, в говорах с сильным

аканьем и яканьем, как правило, различается пять фонем. Инструментальные исследования показывают, что после твердых согласных в этих говорах отмечается такое же разнообразие типов вокализма, как и после мягких [Касаткин (ред.) 2005: 39–40; Касаткина, Щигель, 1995: 298; Савинов 2013: 164]. При этом исследователи отмечают, что на современном этапе развития языка не существует диалектов с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов, аллофоны этих фонем отличаются высокой вариативностью. Помимо противопоставления звуков по признаку дифтонг-монофтонг, в разных говорах, в том числе и архаических, может иметь значение подъем гласного, его долгота, характер коартикуляции с предшествующим согласным и другие признаки.

В материалах «Диалектологического атласа русского языка» [Аванесов, Бромлей (ред.) 1986] (далее — ДАРЯ) имеются сведения о говорах с архаическим диссимилятивным аканьем и яканьем при пятифонемном ударном вокализме, однако эти данные получены методом аудирования и при использовании инструментального анализа аудиозаписей таких говоров в них часто выявляется различие в том или ином виде семи фонем [Дьяченко, 2021: 14; Корпечкова, 2021: 61].

В говорах с другими типами диссимилятивного вокализма — сильным или жиздринским аканьем, жиздринским, суджанским, щигровским яканьем — также обычно отмечается пятифонемный вокализм. Тем не менее в говорах с щигровским и суджанским типами диссимилятивного яканья существует формальная зависимость от этимологии ударного гласного. Следовательно, возникает вопрос: существует ли в таких говорах в том или ином виде различие фонем верхнего и верхне-среднего подъемов, которое могло бы быть основой для последовательной реализации названных типов предударного вокализма.

Для инструментального анализа были выбраны аудиозаписи из двух говоров севера Белгородской области. Говор с. Берёзовка Ивнянского района характеризуется жиздринским типом диссимилятивного аканья и суджанским типом яканья. В говоре с. Присыпок Губкинского р-на наблюдается также жиздринский тип аканья и яканье щигровского типа [Корпечкова, 2010]. Согласно данным ДАРЯ (комплекты № 492-Юг и № 448-Юг), в них отсутствует различие гласных верхне-среднего и среднего подъемов.

Материалом для анализа ударных гласных говоров послужили четыре полуторачасовые записи (по две из каждого населенного пункта) от четырех информантов, коренных жительниц этих сел. Была сделана сплошная выборка примеров; для получения данных о предударном вокализме прослушано большее количество записей, так как гласные в некоторых позициях встречаются достаточно редко. Рассматривались примеры с частотой основного тона не более 280 Гц, без повышения или понижения тона в пределах слова, без акцентного выделения.

В говоре с. Берёзовка наблюдается жиздринский тип аканья и суджанский тип яканья, следовательно, после твердого согласного на месте /a/, /o/ в 1-м предударном

слоге произносится [а] перед всеми ударными, кроме /а/, в слоге, перед которым наблюдается [э]; после мягкого согласного [и] произносится перед слогом с ударным гласным /о/ любого происхождения, [а] — перед /е/ любого происхождения, в том числе перед [’о] на месте *е, *ь. В произносительной системе частиц, предлогов и приставок, находящихся в позиции первого предупредительного слога, в отличие от системы, представленной в самостоятельных словах, последовательно наблюдается принцип иканья (за исключением одного достаточно частотного слова *н[’амно]го*).

На месте /а/ в позиции между твердыми согласными в 20 % случаев наблюдаются несколько пониженные по сравнению с литературным языком гласные, в частности, F_1 [а] достигает 1000 Гц, в то время как в литературном языке первая его форманта обычно не превышает 850 Гц¹ [Касаткин 2014: 12; Князев, Пожарицкая 2011: 106]: [а] $F_1 = 700\text{--}850$ Гц, $F_2 = 1400\text{--}1700$ Гц: *отк[эз’а]льс’ь, зелен[эв’а]мая, н[эх’а]ла*; [а] $F_1 = 850\text{--}1000$ Гц, $F_2 = 1400\text{--}1700$ Гц: *с[эм’а]нные, д[’ирж’а]к, ти[’итн’а]дцать* (рис. 1).

В позиции перед мягким согласным произносится звук с теми же формантными характеристиками, что и звук в [а] в позиции между твердыми, в небольшом количестве примеров (в 20 % случаях) было отмечено произнесение звука с выраженным конечным переходным участком: первая часть имеет характеристики $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 1200\text{--}1600$ Гц; в конечной переходной части, составляющей 20–25 % от общей длительности звука, первая форманта его понижается, а значение второй увеличивается: $F_1 = 600\text{--}700$ Гц, $F_2 = 1600\text{--}2300$ Гц: *пом[оу’а]ют, кар[эв’а]й, к[эс’а]ми*.

В позиции после и между мягкими согласными ударный звук на месте /а/ реализуется неоднородными звуками. В позиции после мягкого согласного звук обладает начальным переходным элементом длительностью 25–40 % от его общей продолжительности, который имеет следующие характеристики: $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2100\text{--}2500$ Гц. Основная часть звука совпадает с аналогичным звуком в позиции между твердыми согласными: $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 1600\text{--}1800$ Гц: *пор[эс’е’а]та, зр[’иш’е’а]ной², дер[’ив’е’а]ная*.

В позиции между мягкими согласными ударный обладает двумя практически равными частями. Первая часть звука имеет $F_1 = 400\text{--}520$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2700$ Гц. Вторая часть звука по отношению к ударному [а] между твердыми согласными имеет повышенную первую форманту и пониженную вторую: $F_1 = 600\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1900\text{--}2100$ Гц. Обе части, как правило, имеют собственный пик интенсивности: *выг[эн’иа]ють, гл[’ид’иа]ть, ост[эвл’е’а]ть*.

¹ В данных исследованиях рассматриваются формантные характеристики ударных гласных литературного языка, произнесенных изолированно, однако характеристики стационарного участка звучания такого гласного максимально близки к характеристикам стационарного участка гласного, употребленного в сочетаниях с различными согласными [Бондарко 1977: 68].

² Гречневой.

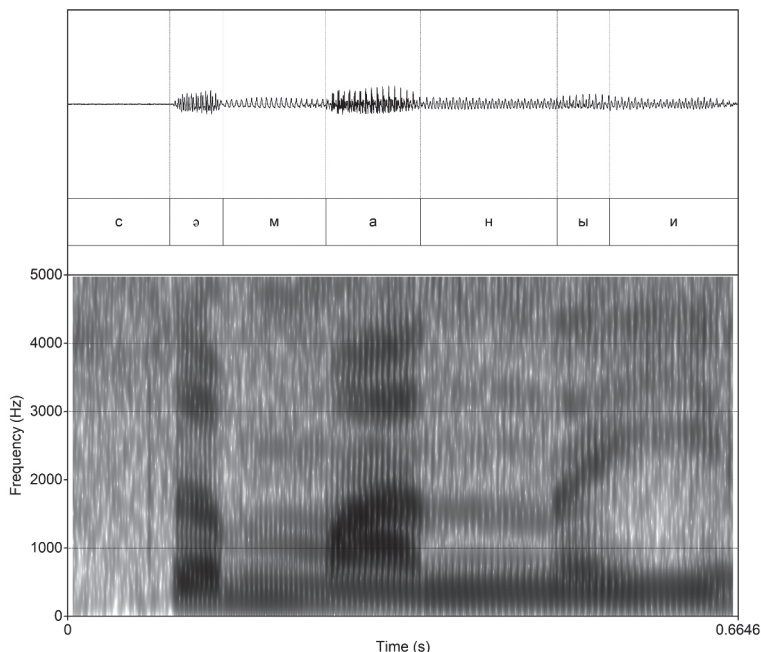

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *саманные*.

[а] — $F_1 = 1034$ Гц, $F_2 = 1549$ Гц; 52 мс; [э] — $F_1 = 577$ Гц; $F_2 = 1564$ Гц; 92 мс

На месте этимологического **ъ* в данном говоре произносятся двукомпонентные звуки: в позиции перед твердым согласным: в 80 % от всех примеров это звук [ие] с $F_1 = 350\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}2800$ Гц в первой части и $F_1 = 500\text{--}700$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2200$ Гц во второй, первая часть составляет 40–50 % от общей продолжительности звука: *д[’ир’ие]вня*, *н[’иб’ие]сное*, *с[ас’ие]д*; в остальных 20 % случаев это более открытый звук — [еε] с первой частью $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2400$ Гц и второй $F_1 = 550\text{--}700$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2200$ Гц: *ка[ал’ие]нощкы*, *п[ај’еε]хъл*, *заб[ал’еε]л*.

В позиции перед мягким согласным может произноситься звук [ие] с теми же характеристиками, что и между твердыми согласными, — в первой части $F_1 = 350\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2600\text{--}2900$ Гц и во второй части $F_1 = 550\text{--}600$ Гц, $F_2 = 2200\text{--}2400$ Гц: *св[’ид’ие]тель*, *[јишм’ие]нь*, *эл[’ид’ие]ть*, *н[’ид’ие]лю*.

В трети примеров встречается также монофтонг [е] с начальным и конечным переходным участком перед и после мягкого согласного длительностью до 20 % от общего звучания: $F_1 = 450\text{--}470$ Гц, $F_2 = 2600\text{--}2900$ Гц: *Ал[’икс’е]евкы*³.

На месте /е/ (из **e*, **b*) в большинстве случаев как перед твердым, так и перед мягким согласным произносятся те же звуки, что и на месте этимологического **ъ*

³ Алексеевка (название села).

(см. рис. 2, 3) — в слове *холодец* произносится [ие] на месте *ь, как и в слове *соседки* на месте *ѣ: [ие] $F_1 = 380\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2600$ Гц: *ц[’итв’ие]рг*, *б[’иүл’ие]ц*, *хол[ад’ие]ц*, *возн[’ис’ие]нии*, *л[’иш’ие]ние*; [еє] $F_1 = 550\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1500\text{--}2000$ Гц: *соб[’ир’еє]мси*, *[ад’еє]жду*, *с[ас’еє]д*.

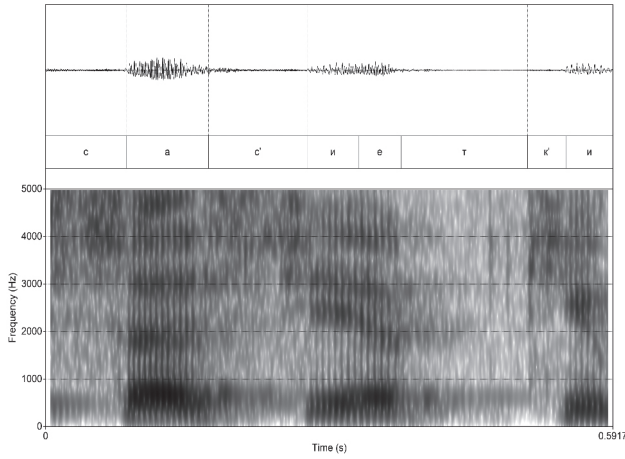

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *соседки*:
[ие] — $F_1 = 443$ Гц, $F_2 = 2430$ Гц; 50 мс; $F_1 = 566$ Гц, $F_2 = 1900$ Гц; 44 мс;
[а] — $F_1 = 653$ Гц; $F_2 = 1972$ Гц; 74 мс

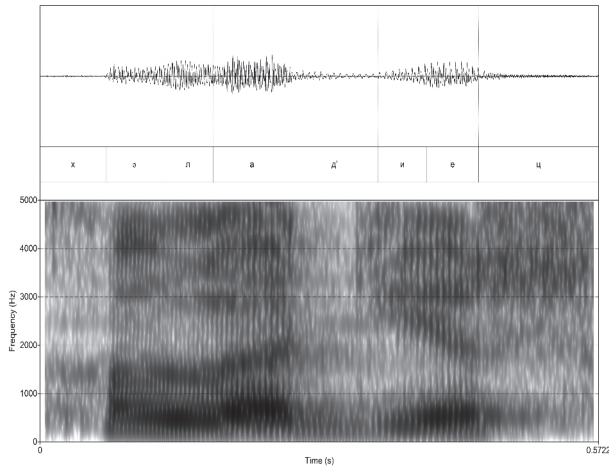

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *холодец*:
[ие] — $F_1 = 374$ Гц, $F_2 = 2676$ Гц; 34 мс; $F_1 = 520$ Гц, $F_2 = 1910$ Гц; 54 мс;
[а] — $F_1 = 660$ Гц; $F_2 = 1577$ Гц; 72 мс

Звук [е] с переходным участком до 20 % от общего звучания в этой позиции встречается в 20 % случаях — $F_1 = 480\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}2600$ Гц: *нап[’ик’е]шь*, *к[ар’е]и*, *б[’ир’е]м*, он также может быть несколько пониженным (F_1 до 600 Гц) — $F_1 = 450\text{--}600$ Гц, $F_2 = 2600\text{--}2900$ Гц: *тп[’ис’е]ть*, *мат[’ир’е]й*.

Таким образом, в данном говоре на месте /е/ как в соответствии с **ъ*, так и в соответствии с **е*, *ь* преобладает произнесение звука [ие], с выраженным переходным участком, составляющим 40–50 % от его общей длительности, то есть в местной вокалической системе представлена одна обобщенная фонема /е/, как и в литературном языке.

Гласный /о/ из **ω* перед твердым согласным в 70 % случаев представлен звуком [уо] с примерно равными по длительности первой частью [у] $F_1 = 400\text{--}450$ Гц, $F_2 = 700\text{--}800$ Гц и второй [о] — $F_1 = 550\text{--}600$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1100$ Гц: *толст[’икуо]-вая*, *прин[имуо]гла*, *сам[аруо]д*; в 30 % примеров это звук без выраженного начального переходного участка (до 20 % от общей длительности) [о] с $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1200$ Гц: *П[’итро]вна*, *П[’атро]в день*.

Перед мягким согласным в том же соотношении может быть как дифтонг [уо] $F_1 = 400\text{--}500$ Гц, $F_2 = 800\text{--}1000$ Гц, вторая часть — $F_1 = 550\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1200\text{--}1900$ Гц: *дор[ауо]я*, *зол[атуо]е*, *з[алуо]ю*, так и звук [о] с $F_1 = 480\text{--}600$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1300$ Гц в первой части и $F_1 = 500\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1000\text{--}1200$ Гц во второй: *к[аро]че*, *медс[’астро]ю*.

На месте *о* из **о* и **ь* произносятся те же звуки: перед твердым согласным это может быть неоднородный звук с примерно равными по длительности первой частью [у] $F_1 = 400\text{--}450$ Гц, $F_2 = 700\text{--}800$ Гц и второй [о] — $F_1 = 550\text{--}600$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1100$ Гц: *п[’исуо]к*, *в[’еадруо]м*, *б[’илкуо]м*; а также звук [о] с характеристиками $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1100$ Гц: *м[’ешо]к*, *п[’исо]к*, *в[’еадро]м*.

В позиции перед мягким согласным звук [уо] испытывает его влияние, вторая форманта во второй половине звучания несколько повышается: $F_1 = 400\text{--}450$ Гц, $F_2 = 900\text{--}1000$ Гц; $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 1200\text{--}1900$ Гц: *ж[алтуо]щик*, *к[акуо]й*, *б[эл’шуо]й*.

Также в этой позиции может быть звук [о] с небольшим по длительности начальным у-образным переходным участком: $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 1000\text{--}1400$ Гц: *м[’ешо]щик*, *с[’адо]й*, *св[’икро]вья*.

В немногочисленных примерах как в позиции перед твердым, так и в позиции перед мягким согласным было отмечено произнесение пониженного звука [э], первая форманта которого достигает значения 600 Гц: *дев[’анэ]сто*, *б[’илэ]к*, *св[’икрэ]вья*. Этот звук был зафиксирован только на месте **о*, *ь*.

Следовательно, на современном этапе развития в данном говоре фонемы /о/ и /ω/ не различаются. На их месте независимо от происхождения может быть двухкомпонентный звук [уо], имеющий практически равные по длительности части, или [о] с начальным переходным элементом до 20 % от общей длительности. Можно отметить, что в звук [уо] чаще встречается после заднеязычного или губного согласного, то есть может быть отчасти обусловлен артикуляционно.

Гласные звуки верхнего подъема говора несколько ниже, чем соответствующие гласные литературного языка: значение первой форманты гласных [и], [у] в литературном языке в среднем составляет 300 Гц. [и]: $F_1 = 300\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2400\text{--}2800$ Гц перед твердым согласным и $F_1 = 300\text{--}450$ Гц, $F_2 = 2600\text{--}2800$ Гц перед мягким: *мол[аг'и]лка, маш[ан'и]ст, про[вар'и]ла, под[ал'и]ли, подн[ал'и]ся.*

Звук [у] в говоре с. Берёзовка имеет следующие характеристики: в позиции между твердыми согласными $F_1 = 350\text{--}550$ Гц, $F_2 = 850\text{--}1050$ Гц, перед мягким согласным имеет чуть более высокие значения второй форманты, в позиции после мягкого и между мягкими согласными $F_1 = 380\text{--}500$ Гц, $F_2 = 700\text{--}1600$ Гц: *м[ану]ла, н[еаку]ть, н[еаш'у]рок, кр[еапл'у]ся.*

Звук [ы] в большинстве случаев как в позиции перед твердым согласным, так и в позиции перед мягким, неоднороден и состоит из двух частей: начинается с гласного пониженно-верхнего подъема среднего ряда, а затем значение первой и второй форманты увеличивается: $F_1 = 500\text{--}550$ Гц, $F_2 = 1200\text{--}2000$ Гц, $F_1 = 350\text{--}400$ Гц, $F_2 = 1900\text{--}2400$ Гц, в позиции перед мягким согласным вторая форманта имеет большие значения $F_1 = 450\text{--}550$ Гц, $F_2 = 1500\text{--}2000$ Гц, $F_1 = 370\text{--}400$ Гц, $F_2 = 2400\text{--}2600$ Гц, то есть во второй части этот гласный может достигать *и*-образного звучания: *ш[ыи]ло, н[и жиш]дкое, пр[эбыи]ли.* Дифтонгичные звуки [ыи] характерны как для литературного языка, так и для некоторых других южнорусских говоров [Бондарко 2004: 73; Савинов, 2013: 72].

Таким образом, инструментальный анализ записей говора показал, что формантные характеристики ударных звуков на месте **ѣ* и **е*, *ь* не отличаются, так же как и звуков из **ω* и **о*, *ь*. На месте как **ѣ*, так и **е* в большинстве случаев произносится дифтонгичный гласный [ие]. Вне зависимости от этимологии фонему /о/ представляют дифтонг [уо] или монофтонг среднего подъема [о], притом дифтонги отчасти обусловлены артикуляцией предшествующего звука (чаще встречаются после губных или заднеязычных согласных). Редко, в словах с неподвижным ударением на основе и в существительных, оканчивающихся на *-ок*, был отмечен гласный средне-нижнего подъема [э]: *св[икр'э]вью, б[ил'э]к, л[ис'э]к.*

Несмотря на то что в данном говоре не сохраняется противопоставление фонем верхне-среднего и среднего подъема, можно отметить черты данного говора, совпадающие с особенностями вокализма некоторых говоров с архаической системой (в т. ч. говора с. Солдатское Староскольского р-на Белгородской обл., [Корпечкова, 2021]):

- 1) наличие гласных пониженного подъема, реализующих фонемы /а/ и /е/,
- 2) более высокое, чем в литературном языке, значение F_1 гласных верхнего подъема,
- 3) а также звук [э], который может наблюдаться в отдельной группе слов.

Известно, что не только качество звука (подъем, его дифтонгичность или однородность) может иметь значение для противопоставления фонем в южнорусских говорах с диссимильативным вокализмом, но и характер коартикуляции гласных

и согласных звуков, соотношение длительности ударного гласного и гласного первого предударного слога.

В данном говоре согласные воспринимаются на слух как мягкие перед /e/ вне зависимости от его этимологии, а гласный в этой позиции всегда имеет либо начальный переходный элемент, либо первую и-образную часть, сравнимую по длительности со стационарной частью. В говорах с архаическим аканьем и яканьем гласные на месте *e, ь могут быть однородны на всем протяжении либо иметь определенные особенности коартикуляции с предшествующим согласным, в то время как на месте *ʒ сохраняется дифтонг либо звук, обладающий выраженным и-образным начальным переходным элементом [Корпечкова 2021; Дьяченко 2017].

На месте /o/ в говоре чаще произносится неоднородный гласный, причем начальная у-образная фаза в говоре составляет в среднем 40–55 % от общей длительности звука. Более закрытое и более огубленное начало этого гласного — характерная особенность литературного [o] [Бондарко 1998: 56]. В говорах с архаическим вокализмом, напротив, отсутствие начального переходного у-образного участка или особый характер формантной картины этого отрезка может являться характерной чертой гласных на месте *o, ь [Дьяченко 2017].

Таким образом, характер взаимодействия гласных и предшествующих им мягких согласных, а также согласных, предшествующих аллофонам /o/, в говоре с. Берёзовка ближе к литературному языку, чем к упомянутым архаическим говорам.

Противопоставление ударного и гласного 1-го предударного слога по длительности в данном говоре также не соответствует аналогичному противопоставлению в архаических говорах, где перед ударными гласными нижнего и среднего подъема произносится более короткий безударный, а перед гласными верхнего и верхне-среднего подъемов, напротив, первый предударный гласный по длительности превосходит ударный [Савинов 2013: 14, 23]. В говоре с. Берёзовка предударный гласный перед ударным гласным верхнего подъема оказывается большей длительности только в 40 % случаев (60 из 150), перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъемов — в 10 % примеров (в среднем длительность предударного гласного неверхнего подъема составляет в обоих случаях 60–70 % длительности ударного). Последовательно прослеживается расподобление ударного и безударного звуков по длительности лишь перед ударным, представляющим фонему /a/: длительность гласного первого предударного слога в этой позиции составляет 50–70 % от длительности ударного и никогда не превышает ее. Вероятно, это способствует последовательной реализации жиздринского аканья в говоре: несмотря на то, что в немногочисленных случаях первый предударный звук и ударный на месте /a/ практически равны по подъему, по длительности они всегда противопоставлены (рис. 4). Перед остальными ударными произносится [a] в первом предударном слоге после твердого согласного.

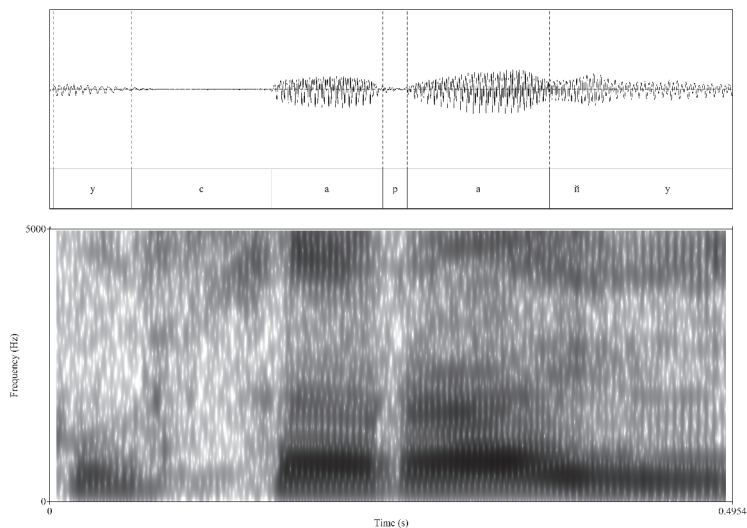

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *y caráyo*.

[á] — $F_1 = 700$ Гц, $F_2 = 1613$ Гц; 94 мс; [а] — $F_1 = 667$ Гц; $F_2 = 1820$ Гц; 74 мс

Тип яканья говора имеет особенности, связанные с распределением звуков в первом предударном слоге перед ударным [о] на месте *о, *ь и *ω в определенных категориях слов, общих для разных говоров с суджанским и щигровским яканьем [Захарова 1971: 7–11; Захарова 1977: 52].

В позиции после мягких согласных перед ударным [а] в 1-м предударном слоге всегда произносится звук [и], перед гласными верхнего подъема [и], [ы], [у] — звук [а]. Также не отмечено исключений перед ударным [е] разного происхождения: в этой позиции всегда произносится [и]. Между тем тип яканья в данном говоре имеет ряд особенностей, связанных с распределением звуков в первом предударном слоге перед ударным [о] на месте *о, *ь и *ω. Тот или иной звук — [и] или [а] — произносится в определенных грамматических категориях или в отдельных словах.

Перед ударным [о] из *ω обычно наблюдается произношение [а], звук [и] возможен в позиции 1-го предударного слога в формах косвенных падежей существительных первого склонения (с[’истр^ой]и), что, возможно, связано с влиянием формы И. п. (закономерно произносится с [и] перед ударным [а]: с[’истр^а]).

Перед ударным [о] из *о и *ь гласный [а] произносится в И. п. прилагательных м. р.: с[’ад^ой]и, св[’ат^ой]и, земл[’ан^ой]и — и Тв. п. существительных ср. р.: с[’ал^ом], в[’ад^ом]. Такое произношение также, по мнению К. Ф. Захаровой [Захарова, 1971: 13], утвердилось под действием грамматической аналогии. У существительных это влияние формы И. п. ед. ч. (в[’ад^ом] как в[’ад^о]). У прилагательных, напротив, выравнивание основ происходит под действием форм косвенных падежей м., ж., ср. р. (с[’ад^ой]и старик как у с[’ад^ой]и старухи).

Звук [и] перед ударным [о] из *о и *ъ наиболее последовательно произносится в основах слов, не знающих чередования гласных под ударением, то есть в словах с неподвижным ударением на основе (*св[’икр’о́в]ья, св[’икб’]лочку, м[’иш’о́]чек* и др.) и неизменяемых словах (*б[’иг’о́]м, в[’ир’о́]м*). Именно в некоторых из этих слов под ударением в говоре было отмечено произнесение звука [’о́] пониженного образования: (*св[’икр’о́]вью, л[’ис’о́]к* и др.). Хотя примеров слов в записях статистически недостаточно, можно предположить, что произнесение [и] в первом предударном слоге, возможно, поддерживается тем, что именно в этих словах в данном говоре под ударением может сохраняться звук [’о́]. Иначе говоря, грамматикализуется не только гласный [и] 1-го предударного слога, но и ударный гласный [’о́], исконно являвшийся аллофоном фонемы /о/, противопоставленной /ω/.

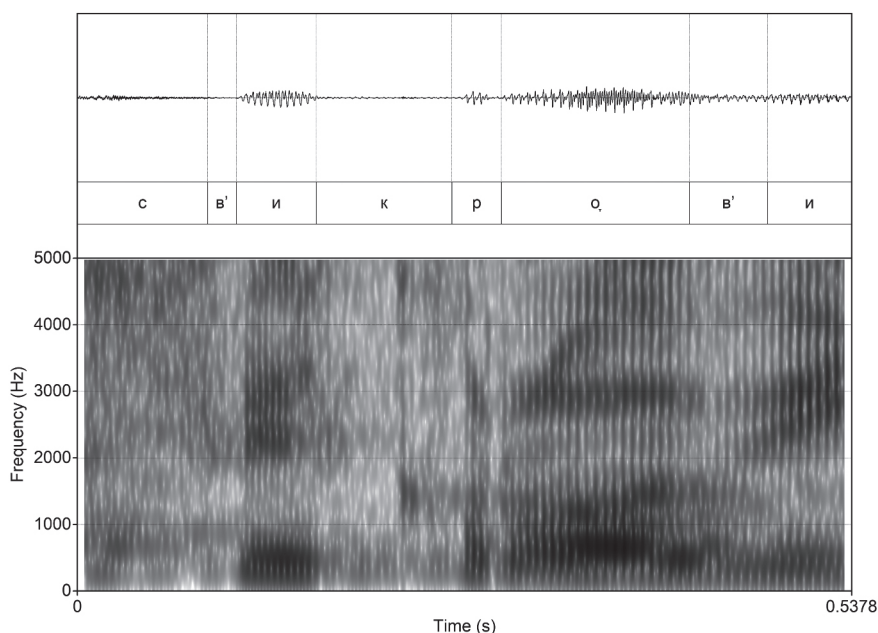

Рис. 5. Осциллограмма и спектрограмма словоформы *свекр’ови*:

[о] — $F_1 = 628$ Гц, $F_2 = 1160$ Гц; 117 мс; [и] — $F_1 = 420$ Гц; $F_2 = 2310$ Гц; 55 мс

В говоре с. Присынок Губкинского р-на наблюдается жиздринский тип аканья и яканье щигровского типа и так же, как и в говоре Берёзовки, отсутствует различение гласных верхне-среднего и среднего подъемов. Уровень подъема аллофонов пяти гласных фонем говора в целом соответствует аллофонам литературного языка, можно отметить б’ольшую упередненность гласных переднего ряда: значение F_2 гласного верхнего подъема [и] может достигать 3100 Гц, гласного [е] — 2900 Гц. Упередненность гласных присуща и другим южнорусским архаическим говорам, в том числе говору с. Роговатое [Тер-Аванесова, Дьяченко 2018: 39].

В данном говоре отсутствует [а]-пониженное, F_1 данного звука в позиции между твердыми согласными не превышает 800 Гц: $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 1550\text{--}1700$ Гц: *в[’иза́]ла, нед[эста́]тки, з[эка́]тывается.*

В позиции перед мягким согласным звук тот же, но F_2 несколько выше — $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, F_2 составляет 1600–1900 Гц: *св[’икра́]ми, встр[’ива́]ть, сл[’ипа́]я.*

В позиции после мягкого согласного наблюдается звук [ea], состоящий из двух частей, первая из которых составляет 40–50 % от общей продолжительности звука: $F_1 = 450\text{--}600$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2500$ Гц. Вторая часть звука имеет следующие характеристики: $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 1700\text{--}2300$ Гц. По отношению к позиции между твердыми согласными, F_2 основной части несколько выше, частота F_1 не отличается: *т[’ил’еа́]ты, д[’ив’еа́]том, мор[эз’еа́]ка.*

В позиции между мягкими согласными ударный [ea] обычно обладает двумя равными по продолжительности частями. Первая часть звука имеет $F_1 = 500$ Гц, $F_2 = 2300\text{--}2700$ Гц, вторая часть — $F_1 = 700\text{--}800$ Гц, $F_2 = 2100\text{--}2300$ Гц: *дв[’ир’еа́]ми, н[эш’а́]ми, н[эр’а́]де.* Также произносится звук с небольшим по длительности переходным участком [a], его $F_1 = 550\text{--}650$ Гц, $F_2 = 2100\text{--}2300$ Гц: *кр[’ис’т’ја́]не, х[эз’а́]йством, н[эч’а́]ли.*

На месте /e/ как из этимогического **ǣ*, так и из **e*, *ь* перед твердым согласным чаще наблюдается произнесение дифтонгичного звука [ие] $F_1 = 350\text{--}450$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}2900$ Гц, вторая часть — $F_1 = 500\text{--}650$ Гц, $F_2 = 1800\text{--}2300$ Гц: *загр[’ам’ие]л, чел[ав’ие́]к, пот[’емн’ие́]л; к[ан’ие́]ц, кл[ад’ие́]шь, д[’ир’ие́]вня.* В позиции перед мягким согласным произносится звук [e] с начальным переходным элементом до 20 % от общей длительности: $F_1 = 380\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2600\text{--}2800$ Гц: *бл[’аст’е́]ли, н[’ед’е́]лю, з[аб’е́]лются; б[’из д’е́]нег, н[а п’е́]чку, ст[’ир’е́]чь; или, в единичных примерах, [и]: п[аст’и́]ли.*

В данном говоре произносится [о] вне зависимости от этимологии звука, в позиции между твердыми согласными $F_1 = 540\text{--}650$ Гц, $F_2 = 950\text{--}1400$ Гц, и с незначительными изменениями в позиции перед мягким согласным: $F_1 = 500\text{--}600$ Гц, $F_2 = 1100\text{--}1200$ Гц, [о]: *н[а по́]л, с[ало́]му, н[ало́]в; н[’ашко́]м, пл[ато́]к, н[’ицо́]т; с[ало́]ме, м[ало́]ть, цв[’атно́]й (ж. р); д[асто́]чки, св[’икро́]вью, сл[’апо́]й (м. р).*

Возможно также произнесение позиционно обусловленного звука [yo] с практически равными по длительности частями после губных согласных: *час[авуо́]й, сн[апуо́]чком, н[ахуо́]дят.*

Звуки верхнего подъема также имеют более низкое значение первой форманты, кроме того, можно отметить их более переднее образование по сравнению с литературным языком — значение второй форманты может превышать 3000 Гц. В говоре с. Присынок [и] имеет характеристики $F_1 = 300\text{--}500$ Гц, $F_2 = 2500\text{--}3000$ Гц перед твердым согласным, перед мягким согласным первая форманта имеет меньшее значение: $F_1 = 300\text{--}400$ Гц, $F_2 = 2700\text{--}3100$ Гц: *реб[’ат’и́]шки, пос[ад’и́]ла, н[’а в’и́]жу; в[ад’и́]щку, х[ад’и́]ть, мол[ат’и́]ли.*

Звук [ы] имеет следующие характеристики: $F_1 = 400\text{--}600$ Гц, $F_2 = 1800\text{--}2600$ Гц, перед мягким согласным вторая форманта несколько выше: $F_1 = 400\text{--}600$ Гц,

$F_2 = 2100\text{--}2800$ Гц: *n[авы́]сушили, пер[’еары́]ву, н[’еа вы́]звали; ч[’аты́]ре, б[’аз мы́]льца, шерст[’аны́]е.*

Звук [y] в позиции между твердыми согласными имеет следующие характеристики: $F_1 = 350\text{--}550$ Гц, $F_2 = 700\text{--}900$ Гц, перед мягким согласным: $F_1 = 350\text{--}500$ Гц, $F_2 = 700\text{--}1100$ Гц, в позиции после мягкого согласного $F_1 = 350\text{--}450$ Гц, $F_2 = 1000\text{--}1300$ Гц, перед мягким согласным: $F_1 = 350\text{--}450$ Гц, $F_2 = 1000\text{--}1300$ Гц: *к[аду́]шках, к[апу́]стки, н[’а ху́]же; пр[акру́]тишь, н[’иа бу́]дя, д[’ижу́]рили, дв[ају́]родные, б[’еаз ју́]бки, см[’ају́]тся, н[а д’у́]же; н[’а чу́]ю, н[’а пју́]ть, ж[ан’у́]сь.*

Ударные гласные переднего ряда говора с. Присынок характеризуются несколько большей упрежденностью, чем гласные литературного языка, гласные пониженного образования отсутствуют. Гласные звуки в позиции после мягких согласных дифтонгичны, всегда имеют начальный переходный участок, также начальный переходный участок всегда имеют ударные гласные на месте /o/, что говорит о лабиализованности предшествующего согласного.

Соотношение длительности ударного и предударного звуков, характерное для архаических типов вокализма, отчасти прослеживается в данном говоре в случае с ударными гласными верхнего и нижнего подъемов: перед гласными верхнего подъема гласный 1-го предударного слога в половине примеров превышает по длительности ударный гласный, перед гласными нижнего подъема в 1-м предударном слоге произносится всегда менее длительный звук. Гласные неверхнего подъема в 1-м предударном слоге перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъемов длительнее ударного в 20 % случаев.

Так же как и в говоре с. Берёзовка, на выбор гласного в первом предударном слоге в позиции после мягкого согласного в этом говоре влияют, по всей видимости, грамматические причины — тенденция к выравниванию основ, которая затрагивает парадигмы существительных и прилагательных. Слова с постоянным ударением на основе, не испытывающие этого влияния, могут произноситься с предударным гласным в соответствии с этимологией ударного.

Перед гласными верхнего, нижнего подъемов и ударным /e/ и [o] из * ω в первом предударном слоге принцип диссимиляции прослеживается последовательно.

В позиции перед ударным [o] из * ω преобладает произношение [a] в 1-м предударном слоге. Исключением является существительное *село*, которое может произноситься как с [a], так и с [и] с равной частотой, что, по всей видимости, связано с большой его частотностью в речи.

В 1-м предударном слоге перед слогом с ударным [o] из * ω , * ъ отмечается наибольшее количество вариантов. В ряде случаев произношение одного и того же слова допускает разное произношение даже в речи одного информанта. Так, например, встречается *д[’идо́]к* и *д[’адо́]к*, *б[’илк]ом* и *б[’алк]ом*, *цв[’ито́]чках* и *цв[’ато́]чками* в пределах одной полуторачасовой записи, что говорит о том, что в этой позиции норма произношения находится в стадии развития.

Преобладает произношение [a] в форме Т. п. существительных мужского и среднего рода: *[йайцо́]м*, *з[’арно́]м*, *с[’арпо́]м*; в форме И. п. прилагательных мужского

рода: шерст[’анó]й, сл[’апó]й, н[’амó]й — и в наречиях: в[’архó]м, н[’ашкó]м, б[’агó]м и б[’игó]м.

Произносится как [и], так и [а] в формах И. п. и Т. п. существительных, оканчивающихся на -ок: д[’идó]к и д[’адó]к, б[’илó]к и б[’алó]к, сн[’ажó]к, рем[’ашó]к, кит[’итó]к; н[’исó]к, м[’ашкó]м — и в Р. п. местоимений [йиуó] и [йауó], ч[’иуó] и ч[’ауó] и пр.

Меньше всего случаев появления [а] в словах с ударением на основе: в существительном св[’икрó]вьья и св[’акрó]вьья (4 из 6 раз произнесено с предупредным [и]), прилагательном св[’икó]льныйй, а также у числительных: н[’ицó]м, вост[’им’сó]м (только с [и]). Позиция в корне слова, не допускающая чередований гласного под ударением при словоизменении, остается наиболее устойчивой к появлению [а], однако в данном говоре возможно появление [а] и в этой позиции.

В 1-м предупредном слоге перед слогом с [о] из *о, *ь отмечается большое количество вариантов даже в речи одного информанта. Набор слов, обладающих вариантным произнесением, значительно шире, чем в говоре с. Берёзовка, но в целом выбор звука подчиняется влиянию схожих причин.

Таким образом, анализ аудиоматериала показывает, что в двух рассматриваемых говорах отсутствует различие фонем верхне-среднего и среднего подъёмов, то есть распределение [а] или [и] в предупредном слоге напрямую не связано с качеством ударного гласного.

Системы ударных гласных этих двух говоров похожи, отмечаются черты, характерные для некоторых говоров с архаическими типами вокализма: упрежденные гласные (в говоре с щигровским яканьем), гласные пониженного образования (в обоих говорах на месте гласных верхнего и среднего подъема, в говоре с суджанским яканьем — также на месте гласных нижнего подъема). Согласные произносятся мягко перед гласными переднего ряда (гласные после мягких согласных представлены дифтонгами или имеют выраженный начальный переходный элемент после мягкого согласного); гласные, реализующие фонему /о/, имеют начальный переходный элемент, а также могут быть представлены дифтонгом [уо] — как правило, после губных и заднеязычных согласных. Расподобление ударного и предупредного гласного по длительности в обоих говорах последовательно наблюдается только в позиции перед ударным [а]. Набор слов, в которых зафиксированы отступления от общей модели вокализма (сохранение [и] в словах с ударным о из *о, *ь), обусловлен грамматическими причинами — преимущественно это слова без чередования гласных под ударением при словоизменении, причем в отдельных случаях в этих словах также зафиксировано произношение пониженного гласного под ударением.

Литература

Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5–82.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Бондарко Л. В. Основы общей фонетики. М.: Академия, 2004. 160 с.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Вып. 1: Фонетика. М., 1986.

Дьяченко С. В. Особенности коартикуляции в южнорусском говоре // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2017. № 2 (12). С. 11–34.

Дьяченко С. В. Архаическое аканье и яканье в южнорусских говорах: ареальная характеристика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2. С. 11–26.

Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах (лексико-морфонологическая характеристика) // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 3–18.

Касаткин Л. Л. (ред.). Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: ИЦ Академия, 2005. 288 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: ИЦ Академия, 2014. 272 с.

Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики II. Сб. статей / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295–309.

Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учебное пособие для вузов. М.: Гаудеамус, 2011. 430 с.

Корпечкова Е. В. Развитие архаических типов вокализма в говорах севера Белгородской области // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 143–157.

Корпечкова Е. В. Система ударных гласных одного южнорусского говора с архаическим вокализмом (инструментально-фонетическое исследование) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2. С. 60–76.

Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М.: ИРЯ РАН, 2013. 378 с.

Савинов Д. М. Южнорусские системы ударного вокализма как источник для исторических реконструкций // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 87–103.

Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В. Фонетика заимствований и заимствованная фонетика в русском говоре с семифонемным вокализмом: основы, содержащие е-образные фонемы // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20. Москва, 2018. С. 36–67.

E. V. Korpechkova
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lelene@yandex.ru

**STRESSED VOWELS OF SOUTH RUSSIAN DIALECTS
WITH NON-ARCHAIC TYPES OF DISSIMILATIVE VOCALISM
(QUALITATIVE CHARACTERISTIC)**

The article presents an instrumental study of the stressed vowels of two dialects of the Belgorod region with different types of dissimilative vocalism: both are characterized by the Zhizdrinskoye akanye, in one of them there is a Sudzhansky yakanye (Berezovka village), in the second — Shchigrovskoe yakanye (Prisynok village). The analysis of audio shows that in the two dialects under consideration there is no distinction between the phonemes of upper-middle and middle elevations, that is, the distribution of [a] or [i] in pre-stressed syllables is not directly related to the quality of the stressed vowel. The system of stressed vowels of these two dialects is similar, there are features characteristic of some dialects with archaic types of vocalism: averaged vowels (in a dialect with Shchigrovsky yakanye), vowels of reduced formation (in both dialects in place of upper and middle vowels, in a dialect with Sudzhansky yakanye and in place of lower vowels). Consonants are pronounced softly before vowels of the front row (vowels after soft consonants are represented by diphthongs or have a pronounced initial transitional element after a soft consonant); vowels implementing the phoneme /o/ have an initial transitional element, and can also be represented by a diphthong [yo] — as a rule, after labial and posterior consonants. The set of words in which deviations from the general model of vocalism are recorded is due to grammatical ones.

Keywords: dialect phonetics, South Russian dialect, Sudzhanskoe yakanye, Shchigrovskoe yakanye.

References

Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka. Tsentral'noy Evropeiskoy chasti SSSR* [Dialectological atlas of the Russian language. Center of the European part of the USSR]. Ed. by R. I. Avanesov, S. V. Bromlei. Vyp. 1: Fonetika. Moscow, 1986. (In Russ.)

Bondarko L. V. *Zvukovoi stroi sovremennogo russkogo yazyka* [Sound system of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 175 p.

Bondarko L. V. *Osnovy obshchei fonetiki* [Fundamentals of General Phonetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 160 p.

D'yachenko S. V. [Features of coarticulation in the South Russian dialect]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2017, no. 2, pp. 11–35. (In Russ.)

D'yachenko S. V. [Archaic akanye and yakanye in South Russian dialects: Areal Characteristics]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2021, no. 2, pp. 11–26. (In Russ.)

Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya: Uchebnik dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Russian dialectology: Textbook for students]. Ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, Akademiya Publ., 2005. 288 p.

Kasatkin L. L. *Sovremennyy russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2014, 272 p.

Kasatkina R. F., Shchigel' E. V. [Assimilative-dissimilative akanye]. *Problemy fonetiki II: sb. statei* [Problems of phonetics II: collection of articles]. Ed. by L. L. Kasatkin. Moscow, 1995, pp. 295–309. (In Russ.)

Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyy russkii literaturnyy yazyk: Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics and spelling: Textbook for universities]. Moscow, Gaudeamus Publ., 2011. 430 p.

Korpetchkova E. V. [The development of archaic types of vocalism in the dialects of the north of the Belgorod region]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2010, no. 1 (19), pp. 143–157. (In Russ.)

Korpetchkova E. V. [Stressed vowel system of one South Russian dialect with archaic vocalism (instrumental-phonetic study)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2021, no. 2, pp. 60–76. (In Russ.)

Savinov D. M. *Evolutsiya sistem vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh* [The evolution of vocalism systems in South Russian dialects]. Moscow, IRYA RAN Publ., 2013. 378 p.

Savinov D. M. [South Russian systems of percussive vocalism as a source for historical reconstructions]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2015, no. 5, pp. 87–103. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V., D'yachenko S. V. [Phonetics of borrowings and borrowed phonetics in the Russian dialect with seven-phonemic vocalism: the basics containing e-shaped phonemes]. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii*, 2018, no. 19–20, pp. 36–67. (In Russ.)

Vysotskii S. S. [Determination of the composition of vowel phonemes in connection with the quality of sounds in Northern Russian dialects]. *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov* [Essays on the phonetics of Northern Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 5–82. (In Russ.)

Zakharova K. F. *Tipy dissimilyativnogo yakan'ya v russkikh govorakh (leksiko-morfologicheskaya kharakteristika)* [Types of dissimilative yakanya in Russian dialects (lexical and morphonological characteristics)]. *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 2, 1971, pp 3–18. (In Russ.)

М. П. Селиванов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

selivanov-michele@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОНЕТИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению процесса фонетического освоения заимствований в русском языке. В основе статьи лежит анализ работ ученых XX–XXI вв., посвященных вариативности произношения иностранных слов. На сегодняшний день выделяются три способа фонетического освоения заимствования: русификация, стилизация и цитация, — их появление было сопряжено с целым рядом факторов, не все из которых можно отнести к строго лингвистическим. Среди них — учащение визуального контакта с текстом (в том числе и на иностранном языке), формирование и размывание определенных социальных групп (напр., интеллигенция в XX в.), повсеместное повышение уровня образования и знакомство с иностранным языком и феноменами мировой культуры. Именно в XX–XXI вв. в мировой лингвистике под пристальное внимание исследователей попадает проблема осознанности в выборе варианта произношения, вопрос фонетического освоения некогда иностранного слова выходит на новый уровень лингвистического понимания, неразрывно связанный с экстралингвистическими факторами и изменением отдельных устанавливаемых социальных параметров.

Ключевые слова: заимствование, варианты, фонетическое освоение, форма слова, социальный параметр.

В 1936 г. в докладе «О понятии смещения языков» Л. В. Щерба выделяет три способа заимствования: 1) появление в речи собственно нового иностранного слова; 2) влияние иностранного слова на слова условно «родные» (у Л. В. Щербы это рассматривается на примере появления французского *haut* при соединении германского придыхательного *h* и латинского *altus*); 3) слово иностранное, но перенятое с «ошибкой» (думается, «ошибка» могла быть как в значении, так и в форме) [Щерба 1974: 61–62]. На формальном уровне это деление можно понимать как: 1) копирование формы иностранного слова, 2) влияние формы иностранного слова на форму слова принимающего языка, 3) измененная форма иностранного слова.

В похожем ключе фонетика заимствований рассматривается учеными и сегодня. В 2019 г. в статье «Особенности произношения заимствованных слов в русской литературной речи начала XXI века» М. Л. Каленчук выделяет следующие способы освоения заимствования: *русификация, стилизация и цитация* [Каленчук 2019]. Русификация подразумевает полное подчинение заимствования фонетическим законам русского языка: слова содержат только те звуки, которые относятся к русской фонетической системе, и только в обычных для них в русской литературной речи позициях: [п'э]нтиум, м[э]кинтош, ма[г]дональдс, ной[с] (нойз) и т. д. Стилизованные слова характеризуются включением «русского» звука в необычной для него позиции (*вло[г]*); если брать шире, — произношение не по-русски и не в соответствии с фонетикой языка-оригинала ([ф'ишыг'н] (фишинг)). Цитация представляет собой копирование звуковой оболочки иностранного слова или включение иностранного звука или звуков (типа [w]и́мблдон (*Уимблдон*)).

Все перечисленные способы звукового оформления заимствования появлялись в русском языке последовательно. «Заимствования в XVIII в. хлынули в русскую речь; это был просто потоп. Новые иностранные слова включались в русскую речь неразборчиво, часто — без меры и вкуса, опрометчиво. При этом не было и мысли точно воспроизвести звуковой облик чужого слова. Все звуки слова-источника заменялись, небрежно и неточно, русскими подобиями» [Панов 2007: 408–409]¹. «Размывание» существующей до этого фонетики зависело не только от факта появления иностранного слова в русской речи, но и от выбора произношения, сопряженного, например, со сферой употребления, характером речи. Так, «иностранцы», «принятые лексикой гуманитарного назначения», требовали соблюдения правила [эр'] перед губными (*Мине[р']ва*), в то время как общеупотребительные типа *ве[р]фь* — эту закономерность не поддерживали [Панов 2007: 386]. При этом очевидных свидетельств того, что выбор основывался на некотором «контрасте» речи, соответствовал определенному стилю изъясняться, — нет. Влияние заимствованного слова на «привычное» для русской фонетики могло зависеть от простой потребности в том или ином слове, т. е. частотности его употребления. При этом, как

¹ Носовые в позиции перед билабиальным вроде голландского *ring port* заменялись привычными [мп] и [мб] [Панов 2007: 382], французский *и*, немецкий *ü* — заменялись нелабиализованными гласными [Панов 2007: 403]. [ü] — на письме передавался как *и* (*до Мидена (Münden), город Ангерминд (Argemünde), курфюрст(р)* (нем. *Kurfürst* — князь)). Потом, ближе к концу XVIII в., слух русскоязычного человека начал различать [ý], — так появились *дюплситэ, эмюляция, бюрлэск*, — потому что до появления «иностранцев» «русские гласные рядом с мягкими согласными были дизные, повышенные, но изменение тональности было небольшое. И сдвиг артикуляции кпереди — незначительным. <...> Произносили: [л'ул'кь], [л'уд'и], [гр'эжу], [знáжу] и т. д.» [Панов 2007: 404]. Согласно приведенным М. В. Пановым примерам графической фиксации заимствования, появлялись скопления согласных (*контриарты, генерал Олден стерн, в Карлкрное, при Люнбши, в Ягерсбурге, акт, тракт, трактир*) и зияния гласных (*при Доаи крепости, городу Доаю, до Геизерс-форта, Клаэс-холм, Неугебауэр, аудиэнция*), — пополнение «русского» лексикона в период «русификации» имело особую значимость для развития артикуляционной базы русскоязычного человека: «Была пора, когда перед [т] считался незаконным согласный [к], он заменялся звуком [х]» [Панов 2007: 388], — к слову о появлении *контракт, проспект* и т. д.

видно из приведенного выше, употребительность заимствования не подразумевала тенденции к его «обрусению», что в некоторой степени расходится с приводимыми М. В. Пановым же замечаниями, что по мере пребывания иноязычного включения в речи ощущалась некая «нужда подстроить» иноязычное под «свое» [Панов 2007: 257].

Вслед за развитием артикуляционной базы русскоязычного человека образовывалась так называемая «группа заимствованных слов», условием существования которой было отсутствие намерения «воспроизвести иностранный звук как иностранный; он должен быть превращен в звук этой системы» [Панов 2007: 409], группа заимствований, позиционные чередования в которых были отличными от тех, что наблюдались в «русских» словах. Важно отметить, что включение заимствования в речь в то время зависело от индивидуального выбора произношения, в равной степени осознанного² и нет³. Заключительный этап формирования группы — ассимиляция [Панов 2007: 147] французских вставок начала XIX в.: «Слова-туристы, которые не желали поступиться ни одной своей привычной чертой», были не по нраву «читателям, не способным придать своему выговору “тонкостей произношения”» [Панов 2007: 244–245]⁴. Следует обратить внимание, что М. В. Панов выделяет группу заимствованных слов на основании ощущения их «чуждости», а не иноязычного происхождения [Панов 2007: 146]. Концепция «подсистемы» получает свое развитие у М. Я. Гловинской: однако здесь основной критерий выделения слова в группу с особой фонетикой — лексическая соотнесенность слова с его иноязычным происхождением [Гловинская 1971: 54]. Уже на втором месте — наличие варианта произношения, свободного от правил русской фонетической системы: «Например, в одних словах фонема /o/ в 1-м предударном слоге после твердых представлена звуком [a], в других — звуком [o]: *н[о]та* — *н[а]тация*, *з[о]о* — *з[а]олог*, *шезл[о]нг* — *л[о]нгшез*, *б[о]а*, *рок[о]ко*, *б[о]монд* и т. д.» [Гловинская 1971: 55]. На основании этого условия делается вывод, что поведение фонем в словах группы регламентируется не существующими на определенный момент языковыми правилами, но статистикой, как в случае с произносительными вариантами в речи разных поколений: «Правила позиционных изменений фонем — это продуктивные, живые, фонетические законы» [Гловинская 1971: 56].

² «Есть и такая рифма: *Минерва* — *стерва* (Ломоносов, Сумароков), *стерву* — *Минерву* (Кантемир)» [Панов 2007: 386].

³ Кажется очевидным, что при «потопе» заимствований в XVIII в. способность выговаривать один и тот же гласный полностью зависела от того, что Л. Р. Зиндер называет «изменением артикуляции в индивидуальном произношении» [Зиндер 1979: 193].

⁴ Согласно этому утверждению, следующими после *брош[ү]ра* и *б[ү]вар* в языке появлялись слова вроде *бюро* с лабиализованным [ү], перед твердым, не как [ү] в «русских» словах, но и не имеющий ничего общего с естественным французским [ü] в этой позиции. Таким образом объясняется и появление твердого согласного в позиции перед [э] и [э] внутри одной морфемы (*модель*, *мерседес*, *мэтр* и т. д.). Однако и появление парного твердого в позиции перед [э] сопровождалось наличием вариантов произношения: напротив, появляется целая группа слов [Панов 2007: 126] вроде *кон[с'э]рвы*, в XIX в. еще новый *бу[т'э]рбрød* [Панов 2007: 149].

М. Я. Гловинская предлагает также и фонетический критерий выделения подсистемы, однако об успешности применения этого критерия данных не предоставляется [Гловинская 1971: 58]. Информанты, принимавшие участие в эксперименте⁵ и читавшие данный им текст, были поделены только по двум признакам: возрасту и сфере деятельности, — что кажется странным в связи с существующим с конца XIX в. в отечественной лингвистике принципом социального деления в произношении заимствования, который отмечается и М. Я. Гловинской: «Распространение образования, роль в усвоении литературного языка книги или устного общения, наличие или отсутствие семейных традиций литературного говорения, степень приобщенности к иноязычным культурам — все это влияет на произношение заимствованных слов» [Гловинская 1968: 116]. М. Я. Гловинская отдельно останавливается на роли книги в совершенствовании произношения заимствования.

Как показывает время, в разговоре о заимствовании совершенствование это не подразумевает этимологического эталона⁶: в современном русском языке существуют профессиональное *кованáнт* и общеупотребительное *кóвен*, они пришли из языка письменного, их произношение сильно отличается от оригинального. И если причиной встречающегося нередуцированного *ко[в'э]нáнт* ([^hklvəpənt]) кажется его особый узус, не допускающий аллегрского произношения (так или иначе — особая просодическая позиция, не обязательно связанная с актуальным членением предложения), то эволюцию [^hklv(ə)n] в *кóвен* с нетипичным для русского [э] в заударной позиции можно рассматривать только как абсолютное влияние графической формы (*coven*). Произношение «на английский лад» здесь вызовет только недопонимание. При этом еще относительно недавно «отделять» чужое слово было приметой хорошего тона: «Диктору телевидения необходимо произнести название журнала *The Wall Street Journal*. Он может это сделать, точно используя звуки английского языка [ði: wɔ:lstri:tɔ:dʒ:nəl] — это прямая цитация... Такая манера произношения была принята в СМИ после перестройки, когда считалось престиж-

⁵ Наряду с носовыми /ã/ и /õ/ (*бомонд, рандеву*), передними /o/ и /u/ (*блѣф (блеф), меню*), в эксперименте предлагается состав согласных фонем подсистемы («встретившиеся не менее 10 раз в произношении людей, не владеющих иностранными языками» [Гловинская 1971: 62]): /б/ (*аббат*), /п/ (*труппа, группа, подгруппа*), /м/ (*зуммер, гамма, иммортель*), /ф/ (*диффузность*), /ф'/ (*эффekt*), /д'/ (*буддизм*), /т/ (*сеттер, атташе, бааттерфляй*), /т'/ (*аттический*), /ц/ (*палаццо*), /н/ (*мадонна, бонна, геенна*), /л/ (*атолловый, в холле, коллоквиум*), /л'/ (*роллер, эллин, аллергический*), /с/ (*масса, пресса, принцесса*), /с'/ (*миссия, кассета, миссионер*), /р/ (*мирра*), /к/ (*мокко*), — итого 16 долгих согласных со 128 примерами (преимущество по долготе получает интервокальный согласный после ударного). Отдельно, «по причине малого количества слов», выделяют: /ш'/ (*пишот*), /ж'/ (*жюри*), /ч'/ (*бухгалтер, бюстгальтер*). Приводятся и мягкие заднеязычные: (*гэзы, гюйс, генетика, ликёр, кюри, кегли, хедер* (в значении начальной еврейской школы; ср. с совр. [хэ]дер — шапка статьи, интернет-издания)). «...Корреляция по твердости-мягкости является в подсистеме более сформированной. Это достигается по двум направлениям: 1) Дополнение корреляции новыми парами за счет новых мягких фонем: /ж — ж'/, /ш — ш'/, /к — к'/, /г — г'/, /х — х'/...> 2) Выравнивание неравномерности позиций путем превращения всех позиций в сильные» [Гловинская 1971: 76].

⁶ Подробнее об этом см. далее о «Verbal behavior» Б. Ф. Скиннера.

ным демонстрировать хорошее знание английского языка» [Каленчук 2019: 6]. Как видно, влияние определенного социального параметра, будь то возраст, знание иностранного языка или что-либо еще, на звуковую форму заимствованного слова, как и в словах «русских», сопряжено с целым рядом смежных проблем, не все из которых можно с уверенностью отнести к «социолингвистическим»⁷. Из наиболее часто упоминаемых — «ощущение новизны» заимствования и осознанность в произношении заимствования [Селиванов 2022]. Думается, что наиболее точное объяснение «осознанности» было предложено еще в конце XIX в.: М. И. Михельсон утверждал, что должный эффект заимствование в речи оказывает только при подобающей своей (оригинальной) форме («...для украшения и большей убедительности» [Михельсон 1896:2]). Но заимствованное слово в лингвистике представляет собой не только свершившийся факт, наличие «сигнала» [Панов 2007: 146]. Произношение заимствованного слова всегда связано с выбором варианта. Ранее связь иностранного слова и выбора его звуковой формы описывалась в том числе как негласное правило «не брать слов, которые для русского звучат странно» [Брандт 1883: 7–8]. Это подтверждало мысль, что выделение заимствованного слова — это вопрос не только его звуковой формы, но и вопрос ощущения, которое несет в себе эта форма, не всегда чуждая русской фонетике (у А. И. Соболевского для сравнения: «иностранное, мимолетное» *паньё*⁸ и «несомненно русское» *Европа*) [Соболевский 1891: 8]. Наряду с этим уже в конце XIX в. внимание лингвистов привлекает факт видоизменения формы оригинального слова («смешение французского с нижегородским» у М. И. Михельсона, «коверканье» у Р. Ф. Брандта), — так описание социального разделения в звучащем иностранном слове начинает существовать сегодня разграничение способов фонетического освоения. В начале следующего века сближение «ощущения заимствованности» и «ощущения новизны» продолжает И. И. Огиенко [Огиенко 2016: 10–11]⁹. Получает свое расширение и непосредственно социолингвистический параметр [Корш 1907: 755–756]. Вслед за социальным разделением звучащего заимствования (вроде «интеллигентской звуковой системы» Е. Д. Поливанова с «западноевропейского типа» в самых различных позициях: *ля, локатив, Нельсон*

⁷ При этом социолингвистический параметр может подразумевать и экстралингвистический фактор вхождения заимствования (например: свойственное месту и времени оригинальное произношение заимствования, свойственное определенной группе оригинальное произношение или соотношение произношения по перечисленным двум условиям с другими вариантами оригинального произношения (например, с литературным); в разговоре о формальной стороне заимствования в принимающем языке сюда же можно отнести и графику, орфографию и этимологию оригинального слова), и непосредственно социальное определение говорящего (устанавливаемый социальный параметр, отношение к социальной группе, например).

⁸ Следует отметить, что «не принявшее русской формы» *паньё* [Соболевский 1891: 2] не отличается от русского *вваньё*.

⁹ Определенно, внимание И. И. Огиенко привлекает и непосредственно время появления иноязычного слова: время устанавливает форму, в которой существует заимствование («Что же касается слов, заимствованных в новое время, то их иностранное происхождение обыкновенно чувствуется легко» [Огиенко 2016: 11]).

и т. д.) появляется мысль, что индивидуальный выбор произношения дает начало изменениям в языковой системе вообще: «Так как субстрат (т. е. контингент носителей) всякого данного языка или диалекта, составляющего целостную и единую в лингвистическом отношении величину, определяется составом коллектива, связанного перекрестными и специфическими кооперативными потребностями (и неспособного обслуживаться каким-либо языком или диалектом, кроме данного), то при вступлении данной общины в кооперативно-языковые связи более широкого масштаба естественно изменяется и субстрат данного языка» [Поливанов 1931: 141], — несвойственное основной фонетической системе звучание здесь есть некоторый социальный параметр и, как следует из заключения выше, — потенциально, «полигон для опробования новых закономерностей» (см. [Каленчук 2019: 6]).

Важным остается понимание того, что выделение заимствования на основании происхождения — это условность, которая объясняет, например, смысл графической фиксации слова в диахроническом разрезе для фонетики заимствований. Как только подобное выделение теряет роль условного методологического инструмента, появляются ошибочные сценарии процесса заимствования, вроде этого: «происходит своеобразная замена звуков чужого языка близкими русскими фонемами. См., например, регулярные соответствия, или субституции, для некоторых звуков английского языка и звуков русского языка: [θ] — [т], [h] — [х], [dʒ] — [дж], [v] — [в]; [ŋ] передается сочетанием [нг] и др.» [Маринова 2021: 83]. Странность формулировки — не единственное, чем грешит положение о некоторых «заменах» при заимствовании: «*Менс Хел*[с], но /hɛlθ/ (*health*), «*Сау*[с] *Парк*», но /sauθ/ (*south*), [с]энкс, но /θæŋks/ (*thanks*), [г]ендер, но /'dʒendə(r)/ (*gender*), л[оŋ]-[д]ринк, но /lɒŋ dʒɪŋk/ (*long drink*), [г]екльберри Финн, но /'hʌklbəri/ (*Huckleberry*), ла[ф]стори, но /lʌv/ (*love*). В конечном итоге появление в теории некоторой «замены» полностью противоречит естественному представлению фонетического освоения заимствования как попытки артикулировать что-то кажущееся «чужим»¹⁰. При этом идея некоей регулярной замены может объясняться как попытка описать сочетание лингвистической некомпетентности (социального параметра) и письменной формы заимствования (экстралингвистического фактора): *гал(л)ина бланка* (исп. *Gallina Blanca*) вместо *гайна бланка**, *бунгало*

¹⁰ Понятие «замещения» или «замены», гипотеза регулярности при заимствовании, имеет свое законное место в фонематическом описании языка в диахроническом срезе и допускается только при невозможности непосредственного анализа звучащей речи определенного периода. В 1990 г. В. Г. Демьянов публикует «Фонетико-морфологическую адаптацию иноязычной лексики в русском языке XVII века». Возможности услышать, как действительно произносили заимствование в XVII в., очевидно, нет [Демьянов 1990: 11]. Кажется, в контексте диахронического исследования под «заменой» чаще всего подразумевается собственно иностранное слово, а не его звуковая сторона: «Базой наших наблюдений над способами адаптаций явились субституции, т. е. русские звуки, представленные в письменной зафиксированной форме, которым соответствуют, для которых являются исходными звуки внешнего источника — языка-посредника» [Демьянов 1990: 15].

(англ. *bungalow*) вместо *ба́нгало**, *це́дра* (итал. *cedro*) вместо *че́дро** и множество других примеров, где русское «замещение» может оказаться артикуляционно затратнее (например, появление вибранта, как в *эйча́*[p] (*HR*), и взрывного, как в [Г]о*лливу́д*)¹¹, чем его оригинальная форма.

Фактор вариативности оригинала для отечественной лингвистики, по непонятным причинам, остается подчас незамеченным. Но ведь именно этот фактор может быть объяснением звуковой формы слова уже в русском языке. В 1957 г. выходит «*Verbal Behavior*» Б. Ф. Скиннера, задокументированный за десять лет до этого цикл лекций, посвященный изучению сигнала в языке. Согласно основным положениям книги, если говорящий репродуцирует оригинальное или «некогда иностранное» слово, то слово это наделяется множественным предопределением (*multiple determination*). Это может быть: изменение оригинальной формы¹², изменение формы репродуцированной, изменение оригинального значения или изменение заведомо ложного или деривационного значения [Skinner 1957: 115 и далее]. Таким образом, смысловозначение изначально является следствием артикуляционного «отличия», а не его причиной (другими словами — упомянутое ощущение «чуждости» или «новизны» существует только при восприятии слова и исчезает при его репродукции). Взаимосвязь сигнала, речи и языка преобладает над говорящим: звуковой идентификатор «чужого» включается в речь неосознанно, — трактовка необычной звуковой оболочки заимствования строго как сознательного акта является следствием наличия соответственной лингвистической и языковой компетенций. Отсюда кажущееся неестественным произношение вроде [ф'эик] вместо нормативного [фэйк] является, напротив, осознанным¹³ [Aktürk-Drake 2015: 19]. И также является следствием того, что с начала XX в. в отечественной лингвистической литературе было принято считать языковым пуризмом, существующим вследствие неопределенных индивидуальных мотивов и тормозящим естественное развитие языка [Огиенко 2016].

В перспективе изучения формы заимствования как особого сигнала, который со временем меняет всю языковую систему (см. определение выше), сегодня нельзя

¹¹ Стоит обратить внимание, что приведенные примеры не имеют ничего общего с транслитерацией.

¹² Нет никаких оснований полагать, что заимствованное слово восходит к «фонетически корректному» этимону. Так, например, если послушать новости на английском языке, становится понятно, что русские *кóвид* и *ковíд* могут одновременно восходить к [ˈkou.vid], [ˈkəu.vid], [ˈkl.vid] и [ˈkɒ.vid].

¹³ Сегодня можно смело утверждать, что повторить услышанное (насколько это позволяет артикуляционная база) легче, чем его изменить [Thomason 2001: 71]. Ситуация, когда в изолированную группу заимствование приходит посредством письма, в настоящем исследовании не рассматривается. Полная русификация слова вроде *кофе мо́*[кэ] может производить впечатлительное намеренной деформации и обособляться определенным контекстом, способствующим морфологизации слова в языке, вроде: «Не разбираюсь я в этих ваших интер[н'э]тах; «Ну, станцуй мне свою фламенку». В то время как затронутая выше цитация скорее содержит информацию о принадлежности социальной группе: «Народ здесь хороший. Особенно вот русское [kəˈmju:nəti] здесь... Отличное».

не упомянуть так называемый *variationist approach*, актуальной задачей которого представляется уточнение языковой ситуации, которая определяет выбор [Poplack 1993: 252–253]. Подобный подход основывается на условии, что «множественность» всегда предопределена (например — в «свободной» от позиционной зависимости реализации фонемы), ее нельзя вынести за скобки, не важно, насколько детализирован контекст (вплоть до позиции в слове). Отсюда, однако, не следует, что множественность не может быть условно структурирована (см. выше о выделении типов заимствований у Л. В. Щербы и М. Л. Каленчук). Современные задачи уточнения языковой ситуации — статистическое определение выбора в его связи с возрастным, гендерным и национальным самоопределением, уровнем образования и т. д. и возможным влиянием на выбор определенной ситуации, которая в зависимости от степени закрытости страны/сообщества может не соотноситься в полной мере с самим говорящим. Индивидуальный выбор (осознанный или нет) произношения так или иначе является частью процесса постоянного изменения языка. Язык в отрыве от варианта исключает возможность сохранения в заимствовании оригинального: европейский португальский адаптирует слова *joker*, *jogging*, *ginger ale*, *check-up*, *check-in* в [ʒ]oker, [ʒ]ogging, [ʒ]inger ale, [ʃ]eck-up, [ʃ]eck-in [Vigário 2021: 7]. В то время как частота употребления в речи и не всегда осознанное желание маркировать заимствование¹⁴ (например, при повторении услышанного) представляют собой отмеченную [Poplack 1993] связь функции и формы: варианты [ʒ]eans и [dʒ]eans, [ʃ]at и [tʃ]at. Сопоставление проблем реализации этой связи в разных языках помогает понять природу процесса заимствования. Например, вызывающие определенные трудности английский [ɹ] в португальском [Vigário 2021], французский носовой [ɔ̃] в голландском [Van de Velde, van Hout 2002] для русского языка никогда таковыми не являлись. Русское восприятие английского аппроксиманта как [p], например, может объясняться следующим: а) заимствование происходит из письменного текста, заимствующий ориентируется на сопоставительные источники; б) заимствующий ориентируется на диалектное или индивидуальное произношение; в) воспроизводящий звук ориентируется на артикуляцию звука, а не на его акустические данные. Очевидно, что наиболее вероятный сюжет — воспроизведение оригинального звука обуславливается или интерпретацией его артикуляции (отсюда возможность графического *У́ндоус*, *уо́ки-то́ки*, *Уи́мблдо́н*, *Уи́нстон*, *Уолл*, *уикéнд* и т. д.) или сознательной идентификацией звука в целом с языком, с которым в той или иной степени знаком заимствующий. Думается, что именно объединение разных вариантов воспроизведения фонемы (определение аллофона может быть затруднительным для иноязычного коммуниканта) в некотором артикуляционном единстве и служит показателем того, что в языке-реципиенте

¹⁴ «Variationist approach» предполагает различие классического заимствования (loanwords) (полное языковое освоение, наличие синонима на родном языке, широкое распространение, напр.: *фантазия* — *небылица*, *желание* и т. д.) и заимствования актуального (pounce borrow) (исключается обязательность наличия синонима и широкого распространения, напр.: *трендсéттер*, *блóттер*, *колдбéйв*) [Poplack 1993: 256–257].

появилась новая фонема. Однако вопрос о том, действительно ли важно изменение фонематического строя языка с позиций не лексикологии и морфемики, но анализа звучащей речи и орфоэпии, остается неоднозначным. Проблема реализации /w/ у социальной группы, частично владеющей в том числе и русским языком, описывалась не только в отечественной лингвистике [Aktürk-Drake 2015: 20]. Отмечается, что возникновение и дальнейшее нивелирование проблемы обуславливается не столько пребыванием в другой языковой среде, сколько частотностью иностранного слова в речи.

Таким образом, на основании проделанного анализа русских и зарубежных исследований, на сегодняшний день можно заключить, что появление заимствованного слова в русском языке в упрощенном виде происходит по следующему сценарию.

1) Заимствованное по происхождению слово может по своей форме быть представленным вариантно. Множественность эта подразумевает а) наличие кодифицированных вариантов произношения одного и того же оригинального слова; б) существование вариантов абсолютного неологизма (под абсолютным здесь понимается то, что приходит сегодня (как в случае с *covid* и семантически измененным *lockdown* в «ковидную эпоху»); в) индивидуальные особенности артикуляции.

2) Перцепция одного из вариантов оригинального заимствованного слова носителем принимающего языка тоже множественна и обуславливается целым рядом экстралингвистических факторов и социальных параметров, но, обращаясь к вроде бы потерявшему сегодня актуальность определению фонемы И. А. Бодуэна де Куртенэ, варианты перцепции как иностранного слова, так и отдельного иностранного звука можно свести к «некоторому артикуляционному единству», в отчетливом представлении которого может помочь графическая фиксация заимствования.

3) «Некоторое артикуляционное единство», своего рода фонетический этимон заимствования, репродуцируется (или пересоздается) в принимающем языке, и в русском языке на сегодняшний день существует три способа этой репродукции, т. е. «освоения заимствованного слова»: русификация, стилизация и цитация заимствования. В случае со словами, которые «пришли сегодня», — заимствование может «осваиваться» одновременно несколькими способами. При этом способы стилизация и цитация также дают свободу отдельным вариантам произношения, существование которых определяется экстралингвистическими факторами и социальными параметрами говорящих. В случае с русификацией, кажется, наличие вариантов произношения сводится к вопросам суперсегментной фонетики. Данный сценарий называется «упрощенным» по причине существования таких феноменов, как «повторное заимствование», когда некогда канувшее в Лету заимствованное слово (*дискета, магнитофон, VHS* и множество других) появляется в речи новых поколений напрямую из иностранного языка, при этом оставаясь в памяти предыдущих, или по причине освещенной в данной статье проблемы преобладания письменной формы над устной (см. пример выше с *coven*). Рассмотрение проблемы

заимствования как процесса в отечественной и мировой лингвистиках показывает, что только установление или опровержение актуальных и постоянно меняющихся факторов влияния на звуковую форму некогда иностранного слова может дать некоторый прогноз эволюции звуковой системы языка при включении в нее «чужеродных» элементов.

Литература

Брандт Р. Ф. Несколько замечаний об употреблении иностранных слов: Речь, сказанная на годовичном акте Нежинского Историко-Филологического института 1882 г. 30 августа профессором Романом Брандтом. М.: б. и., 1883. 23 с.

Гловинская М. Я. Развитие фонетической системы заимствованных слов // Фонетика современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 116–130.

Гловинская М. Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971. С. 54–96.

Демьянов В. Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века. М.: Наука, 1990. 159 с.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высш. школа, 1979. 312 с.

Каленчук М. Л. Особенности произношения заимствованных слов в русской литературной речи начала XXI века // Русский язык за рубежом. 2019. № 2. С. 4–8.

Корш Ф. Е. Опыты объяснения заимствованных слов в русском языке. СПб.: Известия Императорской Академии Наукъ, VI серия, 1907. Т. 1, выпуск 17. С. 755–768.

Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Ленанд, 2021. 536 с.

Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. СПб.: Типография императорской академии наукъ, 1896. 616 с.

Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык. М.: Либроком, 2016. 136 с.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: КомКнига, 2007. 456 с.

Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931. С. 139–151.

Селиванов М. П. Из истории изучения произношения заимствованных слов в отечественной лингвистике // Русская речь. 2022. № 4. С. 37–47.

Соболевский А. И. Русские заимствованные слова. СПб.: СПб. ун-т, Литограф. Д. Руднева (Литограф. рукопись), 1891. 128 с.

Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 60–74.

Aktürk-Drake M. Phonological adoption through bilingual borrowing. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:781029/FULLTEXT02> (accessed 01.12.2022).

Poplack S. Variation theory and language contact. Available at: https://www.researchgate.net/publication/317039603_Variation_theory_and_language_contact (accessed 01.12.2022).

Skinner B. F. Verbal behavior. William James Lectures. Harvard, Harvard University Press, 1957. 184 p.

Thomason S. G. Language contact: an introduction. Washington, D.C., Georgetown University Press, 2001. 240 p.

Van de Velde H., Van Hout R. Loan words as markers of differentiation. Available at: https://www.researchgate.net/publication/46629631_Loan_words_as_markers_of_differentiation (accessed 01.12.2022).

Vigário M. Loanword adaptations and European Portuguese segmental phonology. Available at: https://www.researchgate.net/publication/350709951_Loanword_adaptations_and_European_Portuguese_segmental_phonology (accessed 01.12.2022).

M. P. Selivanov

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
selivanov-michele@yandex.ru*

ON RUSSIAN LOANWORD SOUND INTERPRETATION SPECIFICS

The article represents the development of Russian loanword phonetics research in XX–XXI centuries through the selected works of Russian and foreign researchers that highlight the multiple-choice (i.e., multiple determination) phenomenon in loanword pronunciation. There are 3 main domains in loanword sound interpretation in terms of Russian phonetics. Those are 1) russification, 2) stylization, 3) quotation. Their appearance is due to many factors, not all of them might be called linguistic. Amongst them several are of high importance today: primacy of writing (foreign writing included), social strata formation and disintegration (p. e., “intelligentsia” in the XX century), total education improvement and allegiance to foreign language studying process and world-wide intercultural phenomena. The period of time is marked by the scientists’ focus on consciousness grade in multiple-choice pronunciation and its connection to social factors.

Keywords: loanword, option, sound interpretation, word form, social parameter.

References

Aktürk-Drake M. *Phonological adoption through bilingual borrowing*. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:781029/FULLTEXT02> (accessed 01.12.2022).

Brandt R. F. *Neskol'ko zamechanii ob upotreblenii inostrannykh slov: Rech', skazannaya na godichnom akte Nezhinskogo Istoriko-Filologicheskogo instituta 1882 g. 30 avgusta professorom Romanom Brandtom* [Several statements on the loanword usage: Nezhinskiy Historical-Philological Institute annual proceedings report by prof. R. F. Brandt on 30th of August, 1882]. Moscow, 1883. 23 p.

Dem'yanov V. G. *Fonetiko-morfologicheskaya adaptatsiya inoyazychnoi leksiki v russkom yazyke XVII veka* [Phonetic and morphological adaptation of foreign lexics in XVIIth century Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 159 p.

Glovinskaya M. Ya. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian language phonetics]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 116–130. (In Russ.)

Glovinskaya M. Ya. *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka* [Evolution of phonetics in modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 54–96. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Features of pronunciation of loan words in the Russian standard speech of the beginning of the XXI century]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 2019, no. 2, pp. 4–8. (In Russ.)

Korsh F. E. [Russian language borrowing theory research]. St. Petersburg, *Izvestiya Imperatorskoy Akademii Nauk*, VI seriya, 1907, vol. 1, no. 17, pp. 755–768. (In Russ.)

Marinova E. V. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: Problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign words in Russian speech of the end of the XX century — beginning of the XXI century: assimilation and function problems]. Moscow, Lenand Publ., 2021. 536 p.

Mikhel'son M. I. *Khodyachie i metkie slova* [On witty and catch words]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1896. 616 p.

Ogienko I. I. *Inozemnye ehlementy v russkom yazyke: istoriya proniknoveniya zaimstvovannykh slov v russkii yazyk* [Russian language foreign items: the history of loanwords entry into Russian language]. Moscow, Librokom Publ., 2016. 136 p.

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [Evolution of Russian standard pronunciation in XVIII–XX centuries]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 456 p.

Polivanov E. D. [Intelligentia language phonetics]. *Za marksistskoe yazykoznanie* [After Marx glossology]. Moscow, Federatsiya Publ., 1931, pp. 139–151. (In Russ.)

Poplack S. *Variation theory and language contact*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/317039603_Variation_theory_and_language_contact (accessed 01.12.2022).

Selivanov M. P. The excerpts of the study of loanwords pronunciation in Russian linguistics. *Russkaya Rech'*, 2022, no. 4, pp. 37–47.

Shcherba L. V. [On confusion of tongues phenomenon]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language system and speech production]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 60–74. (In Russ.)

Skinner B. F. *Verbal behavior. William James lectures*. Harvard, Harvard University Press, 1957. 184 p.

Sobolevskii A. I. *Russkie zaimstvovannnye slova* [Loanwords in Russian language]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., Litogr. D. Rudneva (Litogr. rukopis) [Lit. Scr.], 1891. 128 p.

Thomason S. G. *Language contact: an introduction*. Washington, D.C., Georgetown University Press, 2001. 240 p.

Van de Velde H., Van Hout R. *Loan words as markers of differentiation*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/46629631_Loan_words_as_markers_of_differentiation (accessed 01.12.2022).

Vigário M. *Loanword adaptations and European Portuguese segmental phonology*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/350709951_Loanword_adaptations_and_European_Portuguese_segmental_phonology (accessed 01.12.2022).

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vyssh. Shkola Publ., 1979. 312 p.

СУПЕРСЕГМЕНТНАЯ ФОНЕТИКА

Е. М. Алтайская

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
ekaterina.altayskaya@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТИРОВАНИЯ СОЧЕТАНИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ И СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Фразеологические сочетания, существующие в современном русском литературном языке, имеют ряд отличительных особенностей — в том числе в области акцентирования. В некоторых фразеологизмах наблюдается перенос ударения со знаменательной лексемы на служебную, например: *во сто крат, встать на ноги, рука об руку*. В составе таких сочетаний акцентируется предлог, а полнозначное слово — существительное или, реже, числительное — становится энклиноменом. Данное явление затрагивает ограниченный круг знаменательных и служебных лексем, который с течением времени все же меняется.

Большинство фразеологизмов с напредложным ударением остаются часто употребительными. Некоторые сочетания исчезают из языка, некоторые утрачивают напредложное акцентирование. Отмечено также появление некоторого количества новых фразеологизмов с переносом ударения. Автором впервые исследованы и определены фонетические, морфологические, лексические и экстралингвистические факторы, влияющие на особенности акцентирования таких фразеологизмов и на частоту их употребления в современной живой звучащей речи. В результате выявлены тенденции развития данных произносительных норм.

Ключевые слова: фразеологические сочетания, знаменательная лексема, служебная лексема, вариативность акцентирования, перенос ударения, энклиномен.

Введение

Известно, что не все слова в речи имеют собственное ударение. Многие союзы, односложные предлоги, частицы и местоимения, которые произносятся без ударения, примыкают к ударным словам (как правило, знаменательным) и вместе с ними составляют одно фонетическое слово. Но бывает, что ударение в подобных случаях ставится не на полнозначном, а на служебном слове. При этом безударное знаменательное слово становится энклиноменом, например: *за день, по лесу, на зиму, за полночь, на два, не было, за городом*. Явление затрагивает три знаменательных

части речи (существительное, числительное и глагол), две служебных части речи (предлог и частицу) и наблюдается в трех типах сочетаний: «предлог плюс существительное» (*на спину, за косы, по полю*), «предлог плюс числительное» (*на два, по трое*), «отрицательная частица плюс глагольная форма» (*не было, кто бы ни был, не жили, не дан*).

Для современного русского языка можно составить конечный список сочетаний с таким смещением ударения, а также полные списки знаменательных и служебных лексем, которые затрагивает данное явление. Сочетания с переносом ударения со знаменательной лексемы на служебную могут быть как свободными (*за год, на ноги, по полу*), так и фразеологическими (*рука об руку, держать нос по ветру, во сто крат, на ночь глядя, бальзам на душу*). Поскольку фразеологизм — устойчивое сочетание слов, в котором обычно «консервируется» присущая ему форма, закономерности постановки ударения на знаменательном или служебном слове иные, чем в свободных сочетаниях. Количество фразеологических сочетаний с напредложными ударениями достаточно велико. Конечные списки фразеологизмов, где происходит такой перенос, были составлены в ходе проведенного в 2007–2022 гг. исследования. Материал для исследования был собран тремя способами:

- 1) путем анализа данных таких лексикографических источников, как: словарь «Русское литературное произношение» под редакцией С. И. Ожегова и Р. И. Аванесова (1959); 10-е издание «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1973); издания 1–6 «Орфоэпического словаря русского языка» под ред. Р. И. Аванесова (1983–1997); «Краткий словарь трудностей русского языка» Н. А. Еськовой (1994); «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение» А. А. Зализняка (2003); «Словарь ударений русского языка» И. Л. Резниченко (2008); 1-е издание «Большого орфоэпического словаря русского языка» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной (2012); 10-е издание «Орфоэпического словаря русского языка» под редакцией Н. А. Еськовой (2015); 2-е издание «Большого орфоэпического словаря русского языка» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной (2017); «Словарь ударения и произношения слов русского языка» И. Л. Резниченко (2021);
- 2) в процессе направленного наблюдения за спонтанной звучащей речью носителей русского литературного произношения (всего было зафиксировано 4732 примера фразеологизмов — среди 14 165 сочетаний, допускающих ударение на служебной лексеме);
- 3) сплошной выборкой фразеологических сочетаний с напредложным ударением при просмотре и прослушивании телепередач, кинофильмов, мультфильмов, телесериалов и радиопередач с фиксацией акцентирования таких сочетаний.

Для подтверждения данных, полученных разными способами, использовался Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). В тех случаях, когда необходимо было определить место ударения во фразеологизме, прибегали к мульт-

тимедийному подкорпусу, а когда проверялось само наличие фразеологизма в текстах, к основному подкорпусу. Также в ходе исследования данные спонтанной речи, теле-, радио- и киноречи были сопоставлены с рекомендациями орфоэпических словарей различных периодов. В настоящей статье рассматривается не диахронический, а синхронический аспект явления переноса ударения во фразеологизмах, поэтому приводится материал трех наиболее современных из рассмотренных лексикографических источников: десятого издания «Орфоэпического словаря русского языка» под редакцией Н. А. Еськовой (2015); второго издания «Большого орфоэпического словаря русского языка» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной (2017); «Словаря ударения и произношения слов русского языка» И. Л. Резниченко (2021).

В результате анализа полученных данных было выявлено, что список фразеологизмов с напредложным акцентированием меняется с течением времени, возможно отвечая изменениям внеязыковой действительности и внутренним языковым закономерностям. Некоторые из таких сочетаний уходят из языка, некоторые утрачивают способность к переносу ударения на предлог, одновременно с этим появляются новые фразеологизмы. Список устойчивых сочетаний с энклименами, полученный в ходе исследования, был разделен на четыре группы в зависимости от соотношения рекомендаций в лексикографических источниках и функционирования таких сочетаний:

- 1) исчезающие из языка — сочетания, фиксируемые в лексикографических источниках, однако почти не встречающиеся в современной звучащей речи;
- 2) теряющие напредложное ударение — сочетания, где в современной спонтанной речи по результатам исследования более чем в половине случаев вместо переноса ударения наблюдается традиционное акцентирование знаменательной лексемы;
- 3) с абсолютным преобладанием напредложного акцентирования — сочетания, где в современной звучащей речи более чем в половине (а иногда и в 90–100 %) случаев отмечается напредложное ударение;
- 4) новые, незафиксированные в словарях, но встречающиеся в современной живой речи.

Исчезающие фразеологизмы с энклименами

В ходе направленного наблюдения за спонтанной речью носителей языка (а также просмотра и прослушивания кинофильмов, телепередач и радиопередач 2000–2022 гг.) не были зафиксированы семь устойчивых сочетаний с ударением на предлоге, указанных в словарях: *притянуть за волосы*; *по ворот в грязи*; *на крик кричать*; *не по носу табак*; *поклониться до полу*; *скор на руку*; *охулки на руку не класть*. Полученные данные были проверены в ходе работы с Национальным корпусом русского языка.

Примеров с фразеологизмом *притянуть за волосы* с различными формами глагола в мультимедийном корпусе НКРЯ не отмечено, хотя общий массив корпуса содержит тринадцать текстовых примеров его употребления до 1983 г. включительно.

По данным наблюдения видно, что в ситуациях, где был бы уместен фразеологизм *притянуть за волосы*, в современной речи прозвучит устойчивое сочетание с другим «безударным» существительным: *притянуть за уши*.

Аналогична ситуация с сочетанием *по ворот в грязи*: данный фразеологизм не найден ни в одном из корпусов НКРЯ, ни в процессе собственного наблюдения, а в рекомендуемых словарями различных периодов контекстах вместо него будет услышано *по уши в грязи*.

Близкое к народно-поэтическим устойчивое сочетание *на крик кричать* также отсутствует в мультимедийном корпусе НКРЯ (при запросах с различными формами глагола), оно не было зафиксировано и в ходе наблюдения. При этом в корпусе содержатся три текстовых примера, наиболее современный из которых относится к 1928 г., что позволяет предполагать сравнительно раннее исчезновение данного фразеологизма из языка. Вместо него часто употребительными стали такие сочетания, как *вопить что есть силы*, *орать благим матом* и т. д.

Фразеологизм *не по носу табак*, имеющий значение ‘не по средствам, не по силам’, также отсутствует в мультимедийном корпусе НКРЯ. В общем массиве корпуса содержатся девять текстовых примеров его употребления до 1978 г. включительно. В современной спонтанной речи данное сочетание заменено синонимичными *не по силам*, *не по плечу* и т. д. Возможно, это обусловлено таким изменением внеязыковой действительности, как уход нюхательного табака из широкого употребления.

Фразеологизм *поклониться до полу* не отмечен ни в одном из корпусов НКРЯ, а также не зафиксирован в процессе наблюдения за спонтанной живой речью носителей языка. Однако замены данного фразеологизма в речи не происходит — вероятнее всего, в силу исчезновения самого обычая.

Для фразеологизма *скор на руку*, имеющего два значения ‘человек, которому быстро и легко удастся какая-либо работа’ и ‘вспыльчивый человек, быстро и легко поднимающий руку на кого-либо’, в общем массиве НКРЯ содержатся пять текстовых примеров за период с 1873 по 2001 г., что дает основание предполагать редкое его употребление. В мультимедийном корпусе и в ходе наблюдения фразеологизм не отмечен. Причины исчезновения данного сочетания из языка неясны. Также в НКРЯ (при отсутствии примеров в мультимедийном корпусе) содержится 56 текстовых примеров с фразеологизмом *охулки на руку не класть*, в том числе в не отмеченном в словарях варианте *охулки на руку не положить*. Наиболее современный из данных примеров относится к 1974 г. Исследуемое сочетание имеет значение ‘не упускать своей выгоды’, ‘понимать, из чего можно извлечь пользу’, ‘не ошибаться в своем выборе’ и, вероятно, исчезло из языка, когда в повседневной речи прекратилось употребление существительного *охулка*, имеющего значения ‘хула’, ‘осуждение’ и не употребляемого вне данного фразеологизма.

Рекомендации лексикографических источников в определенной степени более традиционны, чем живая речь. Так, сочетание *за версту* приведено во всех трех рассматриваемых современных словарях, и только в «Словаре ударения и произношения» [Резниченко 2021] ударение на предлоге отмечается как устаревший вариант

без пометы «допустимый». В то же время ни в одном из словарей не отмечены исчезнувшие фразеологизмы *притянуть за волосы, по ворот в грязи, не по носу табак, скор на руку, охулки на руку не класть*.

Фразеологизм *на крик кричать* отмечается только в 10-м издании «Большого орфоэпического словаря» [Еськова 2015]. Возможность сочетаемости фонетического слова *до полу* с глаголом *поклониться* также указана в данном источнике.

Отметим, что каждое из восьми рассматриваемых сочетаний обладает сочетанием нескольких фонетических и морфологических характеристик, способствующих сохранению напредложного акцентирования. Эти характеристики таковы:

- наличие предлогов *на, за, по* или *до*, акцентируемых в сочетании с наибольшим количеством лексем (*за волосы; по носу; на руку*);
- нахождение знаменательной лексемы в форме винительного падежа (реже родительного или дательного, также благоприятных для переноса ударения). Ср. *по ворот, на крик, на руку*;
- интенсивность и громкость ударного гласного предлога выше, чем интенсивность и громкость ударного гласного знаменательной лексемы, либо равна ей (*за волосы; на крик; по носу; до полу*);
- длина фонетического слова с напредложным ударением — в основном три слога (*по ворот; на крик; по носу; до полу; на руку*).

В целом же причины исчезновения фразеологизмов из языка связаны скорее с тем, что значение некоторых включенных в них лексем стало неясным для современных носителей языка (как, например, в сочетании с лексемой *охулка*), и/или заключаются в изменениях внеязыковой действительности (сочетание *не по носу табак* может быть уже неясным современному носителю языка).

В процессе исчезновения устойчивых сочетаний из языка постепенно перестают являться энклиноменами такие лексемы, как *верста, ворот, крик*.

Сочетания с энклиноменами, положение которых остается неясным

Следует отдельно отметить три фразеологизма, которые не были зафиксированы ни в ходе направленного наблюдения, ни в процессе просмотра телепередач и кинофильмов и прослушивания радиопередач, однако представлены в НКРЯ текстовыми примерами 2000-х и 2010-х гг. Это фразеологизмы *за полдень, тяжел на руку и на стену лезть*.

К резкому сокращению употребления сочетания *за полдень* в спонтанной речи с большой вероятностью могли привести системные изменения трудового режима и всеобщая электрификация нашей страны в первой половине XX столетия. При этом по-прежнему часто употребительно устойчивое сочетание *за полночь* (антонимичное указанному). В мультимедийном корпусе НКРЯ для рассматриваемого фразеологизма приводится только один пример: «И за полночь пиши, и спи за полдень, и будь счастлив, и бормочи во сне!» (Д. С. Самойлов, «Болдинская осень», 1961). Здесь акцентирование словоформы существительного может быть обусловлено

ямбическим размером. Однако в общем массиве корпуса содержится 254 текстовых примера употребления данного фразеологизма. Наиболее современный из них относится к 2019 г.

Фразеологизм *тяжел на руку*, по данным НКРЯ, употребляется редко: в корпусе содержатся три текстовых примера за период с 1966 по 2013 гг. С учетом даты наиболее современного употребления данного сочетания, вывод о его исчезновении из языка представляется крайне спорным или преждевременным. Фактором сохранения данной единицы в языке может выступать и параллелизм конструкций (ср. ...и *крепко на руку нечист* у А. С. Грибоедова).

По данным словарей, сочетание *тяжел на руку* имеет следующие значения: ‘вспыльчивый человек, быстро и легко поднимающий руку на кого-либо’; ‘человек, терпящий неудачи во всех делах и приносящий их другим’. В современной звучащей речи сочетание во всех указанных значениях, как правило, заменяется синонимичным *тяжелая рука* (устойчивое сочетание *легкая рука* противоположно ему по значению).

Текстовые примеры употребления фразеологизма *на стену лезть* также отмечены в общем массиве НКРЯ: 20 примеров с инфинитивом глагола, 19 — с формой третьего лица настоящего времени (до 2003 г. и до 2013 г. соответственно). В современной спонтанной речи при этом часто употребительно производное от данного устойчивое сочетание с инверсией: *лезть на стéнку*. Такая замена, вероятно, связана с большей частотой употребления существительного *стенка* в узусе.

Фразеологизмы, теряющие напредложное ударение

При произношении ряда фразеологизмов, допускающих перенос ударения на служебное слово, в настоящее время усиливается тенденция к акцентированию знаменательной лексемы. В процессе исследования она выявлена для двенадцати устойчивых сочетаний: *пóд боком*; *зá версту*; *бросать/пустить на ветер* (говорится, как правило, о деньгах); *с глазу на глаз*; *ízo дня в день*; *говорить себе пóд нос*; *пóд носом*; *заткнуть зá пояс*; *ловить на слове*; *зá сорок* (о возрасте); *вó сто крат*; *мотать/намотать на ус*. Полученный материал был сопоставлен с информацией, содержащейся в мультимедийном корпусе НКРЯ.

Приведенные в корпусе примеры употребления фразеологизма *пóд боком* относятся к периоду 1954–2015 гг. В каждом из них ударение ставится только на словоформе имени существительного.

Фразеологизм *зá версту* (включая варианты *зá версту видно*, *зá версту увидеть*) теряет напредложное ударение уже в советскую эпоху. Наиболее современные примеры, включенные в мультимедийный корпус НКРЯ, датированы 1973–1979 гг., и во всех случаях акцентируется словоформа имени существительного:

[Генка (Владимир Дичковский, муж, 13, 1960)] Да ты что? На эти деньги построим стадион. Летом будет футбольное поле, зимой каток. Для ребят вход бесплатный! Никаких контролёров-билетёров за верстú близко не подпускать! (К/ф «Кортик», 1973);

[Худой волк (Владимир Басов, муж, 54, 1923)] Это только в сказках волки дымят напропалую. А в жизни курящий волк обречён на вымирание. От него будет так нести дымом, что каждый цыплёнок почует его за версту! (К/ф «Про Красную шапочку», 1977);

[Людмила (Ирина Муравьева, жен, 30, 1949)] Вот именно, что «ничего». Лимитчики вроде нас с тобой, за версту́ видно. Не... Полюбить, так королеву, проиграть, так миллион! (К/ф «Москва слезам не верит», 1979).

В настоящее время вместо *за́ версту* носитель языка скажет *за километр*, вместо *за́ версту увидеть (видно)* — *за километр видно*. В связи с изменением системы мер в первой половине XX в. лексема *верста* стала историзмом и вышла из активного употребления, однако приведенный фразеологизм продолжает существовать в языке еще не одно десятилетие: в общем массиве корпуса насчитывается 721 текстовый пример употребления изучаемого сочетания (без указания места удара). Самый современный из примеров относится к 2003 г. Также в НКРЯ содержатся 25 примеров употребления сочетания *за́ версту видно* вплоть до 2014 г.

Примеры употребления фразеологизма *бросать/пустить на ветер* охватывают период с 1956 по 2009 гг. Ударение ставится на словоформе имени существительного, за единственным исключением:

[Митя (Юрий Белов, муж, 27, 1930)] Не могу ж такие деньги на́ ветер бросать (К/ф «Девушка без адреса», 1957).

Случаи произношения сочетания *с глазу на́ глаз*, указанные в мультимедийном корпусе, охватывают период с 1938 по 2005 гг. и в течение всего периода характеризуются вариативностью с преобладанием насубстантивного акцентирования. Приведем некоторые примеры:

[Фандорин (Олег Меньшиков, муж, 45, 1960)] В Петросовских банях/ в третьем кабинете. Знаете ли/ удобнейшее место для беседы с глазу на гла́з (К/ф «Статский советник», 2005);

[Роджерс (Алексей Золотницкий, муж, 41, 1946)] Простите/ сэ́р. Мне очень нужно... переговорить с вами. С глазу на́ глаз (К/ф «Десять негрятя», 1987);

[Пронин (Александр Хвыля, муж, 37, 1905)] В большом я долгу у немцев. Пора отдавать долг этот. Стрелять я их не буду. Настрелялись [нрзб]/ довольно. А вот повстречаться мне с глазу на гла́з вот так надо/ во! (К/ф «Непобедимые», 1942);

[Мать Толстого (Марина Неелова, жен, 51, 1947)] Ну мы и так с глазу на гла́з. Я не понимаю/ какие могут быть секреты... А где он/ кстати? (К/ф «Сибирский цирюльник», 1998).

Примеры произношения сочетания *и́зо дня в день*, отмеченные в корпусе, относятся к периоду с 1968 по 2009 г. При этом самый ранний пример 1968 года является единственным с напредложным ударением:

[Мельников (Вячеслав Тихонов, муж, 40, 1928)] Это будет перед вами и́зо дня в день! Налюбуется (К/ф «Доживем до понедельника», 1968);

[Андрей (Иван Бортник, муж, 48, 1939)] Ты не видел главного/ Серёжа! Они меняются. Если изо дня в день повторять одно и то же/ они запоминают. (К/ф «Зеркало для героя», 1987).

Вероятно, утрата напредложного акцентирования в указанном сочетании связана с тем, что *изо* — единственный двусложный предлог, способный принимать ударение, и поэтому его первый ударный слог не может находиться в непосредственном соседстве с ударным слогом в словоформе знаменательной лексемы. Также важно отметить более слабую интенсивность гласного [и] в сравнении с ударным гласным словоформы существительного. Данный фактор, возможно, является определяющим и для односложного предлога *из*, в определенной степени утрачивающего способность принимать ударение в свободных сочетаниях с энклименами.

Группа схожих устойчивых сочетаний *говорить себе под нос, бормотать себе под нос* и т. д. зафиксирована в мультимедийном корпусе НКРЯ в период с 1974 по 2006 г. Два примера с напредложным ударением относятся к 1974 г.:

[Голос за кадром (Ростислав Плятт, муж, 66, 1908)] Черепаха лежала на солнышке и мурлыкала себе под нос весёлую песенку (м/ф «Как львенок и черепаха пели песню», 1974);

[Голос за кадром (Ростислав Плятт, муж, 66, 1908)] И он подошёл поближе. А черепаха мурлыкала себе под нос, не замечая львёнка. Потому что глаза у неё были закрыты от удовольствия (там же);

[Гена Сысоев (Владимир Носик, муж, 37, 1948)] А что ты бормотала себе под нос? (К/ф «Самая обаятельная и привлекательная», 1985);

[Александр (Анатолий Белый, муж, 34, 1972)] Что у тебя за манера бубнить себе под нос? (К/ф «Жесть», 2006).

Все отмеченные в корпусе примеры произношения сочетания *под носом* — охватывающие период с 1968 по 2008 гг. — имеют насубстантивное акцентирование, что соответствует отмеченной в ходе исследования тенденции к отказу от напредложного ударения в сочетаниях с формами Тв. п. (в данной падежной форме отдает ударение предлогам наименьшее количество энклименов).

[Генрих Шварцкопф (Олег Янковский, муж, 24, 1944)] Вы лучше бы ловили партизан/ они у вас под носом! (К/ф «Щит и меч», 1968);

[Тэрнер (Паулс Буткевич, муж, 42, 1940)] Это невозможно! Мы под носом у русских (К/ф «Случай в квадрате 36-80», 1982).

Указанные в мультимедийном корпусе НКРЯ случаи употребления фразеологизма *за пояс заткнуть* в период с 1939 по 1983 гг. характеризуются насубстантивным акцентированием. Единственный пример с ударением на предлоге отмечен в кинофильме «Печки-лавочки» (1972).

[Трактористка, жен] Да/ мы таких орлов двух за пояс заткнём! (К/ф «Трактористы», 1939);

[Профессор Степанов (Всеволод Санаев, муж, 60, 1912)] Семьдесят пять-то? Да он любого молодого за пояс заткнёт! (К/ф «Печки-лавочки», 1972);

[Костя (Игорь Скляр, муж, 26, 1957)] Она у самого Эрла Самберга пела. Представляете/ если она будет петь у нас. Мы всех за пояс заткнём (К/ф «Мы из джаза», 1983).

Случаи употребления фразеологизма *ловить на слове*, согласно данным корпуса, отличаются вариативностью акцентирования. Например:

[Лиза (Сидоренко Татьяна Ивановна, жен)] Кузнецов! Ловлю тебя на слове. Завтра же мы пойдём в Третьяковку (Л. А. Филатов, спектакль «Часы с кукушкой», постановка С. Евлахишвили, 1978);

[Миша (Леонид Филатов, муж, 34, 1946)] Ловлю вас на слове. Если я такой симпатичный, может, отобедаете со мной, одиноким? (К/ф «Вам и не снилось», 1980).

Возможность постановки насубстантивного ударения в данном фразеологизме может быть обусловлена формой П. п. имени существительного. Для данной формы, как и для формы Тв. п., тенденция к переносу ударения на предлог выражена значительно слабее, чем для форм других трех косвенных падежей.

Примеры с фразеологизмом *за сорок* в мультимедийном корпусе не содержатся.

В акцентировании фразеологизма *во сто крат* данные мультимедийного корпуса за период с 1969 по 2005 г. вариативны, с преобладанием насубстантивного ударения.

[Таня (Жанна Болотова, жен, 31, 1941)] Да я умнее тебя во сто крат/ умнее и талантливее/ и ты это великолепно знаешь (К/ф «Любить человека», 1972);

[Лисичкин (Михаил Пуговкин, муж, 56, 1923)] Во сто крат хуже (К/ф «Ах, водевиль, водевиль!», 1979);

[Эсфирь (Эмилия Спивак, жен, 24, 1981)] Такие/ как вы/ вежливые/ лощёные/ ещё хуже/ чем откровенные держиморды/ во сто крат опаснее (К/ф «Статский советник», 2005).

Для фразеологизма *мотать/намотать на ус* в период с 1953 по 1985 г. в корпусе зафиксировано только насубстантивное ударение.

[Авдей Спиридонович (Владимир Дорофеев, муж, 58, 1895)] Знай своё дело/ исполняй да слушай! Да на ус мотай (К/ф «Свадьба с приданым», 1953);

[Петя (Егор Голобородько, муж)] Ты слушай да на ус мотай! Ну-ка сядь! (К/ф «Каждый охотник желает знать...», 1985).

Рекомендации словарей для данной группы устойчивых сочетаний в некоторой степени более консервативны в сравнении с тенденциями, наблюдаемыми в живой речи. В лексикографических источниках приведен фразеологизм *бросать слова на ветер* (при отсутствии указания на сочетание *бросать/пустить деньги на*

ветер), для которого в одном из современных источников отмечена нормативность напредложного ударения [Еськова 2015], а в другом, более новом, рекомендовано исключительно насубстантивное акцентирование [Резниченко 2021].

Для фразеологического сочетания *с глазу на глаз* (означающего «наедине») современные орфоэпические словари [Еськова 2015, Каленчук 2017, Резниченко 2021] отмечают равенство напредложного и насубстантивного вариантов акцентирования. Для сочетания *изо дня в день* в лексикографических источниках также равноправны оба варианта. Для сочетаний *говорить себе под нос, под носом* и *за пояс заткнуть* словарями [Еськова 2015, Резниченко 2021] рекомендовано только напредложное ударение. Для фразеологизма *ловить на слове* все три рассматриваемых словаря [Еськова 2015, Каленчук 2017, Резниченко 2021] отмечают равноправие двух вариантов акцентирования.

Напредложное ударение во фразеологизме *за сорок* в «Орфоэпическом словаре» [Еськова 2015] рассматривается как допустимый устаревший вариант произношения, во втором издании «Большого орфоэпического словаря» [Каленчук 2017] — как особенность старшей произносительной нормы, в «Словаре ударения и произношения» [Резниченко 2021] данное сочетание не указано.

Для фразеологизма *во сто крат* во всех трех рассматриваемых лексикографических источниках рекомендовано только напредложное ударение.

Напредложное ударение при произношении сочетания *намотать на ус* отмечено как допустимый устаревший вариант произношения [Еськова 2015; Резниченко 2021].

Для тех из рассматриваемых сочетаний, где не идет речь о двусложном предлоге или формах Тв. п. и П. п., причины потери напредложного ударения представляются не вполне ясными. Однако следует предположить, что для фразеологизмов *с глазу на глаз, заткнуть за пояс, за сорок, мотать/намотать на ус* определяющее значение имеет фактор отсутствия других сочетаний с данными энклиноменами, допускающих перенос ударения на служебную лексему. В их акцентировании реализуется тенденция к отказу от исключений.

Видно, что постепенно перестают быть энклиноменами числительное *сорок* и существительные *глаз, пояс, ус*.

Фразеологизмы с абсолютным преобладанием напредложного акцентирования

В ходе исследования было зафиксировано 95 частотных фразеологических сочетаний, причем преимущественно с напредложным ударением. Данный тип акцентирования, как правило, совпадает с указаниями словарей, в большинстве случаев отмечающих перенос ударения на служебную лексему как единственный или предпочтительный вариант произношения указанных сочетаний.

Речь идет о следующих фразеологизмах с существительными-энклиноменами: *с боку на бок; бок о бок; без вести пропавший; без вести пропасть; держать нос по ветру; скрыться из виду; идти по воду; выйти на воду; спустить на воду;*

ни *на* волос; *без* году неделя; год *от* году; с году *на* год; год *на* год не приходит-ся; *за* голову схватиться; *на* голову выше; *поставить на* голову; *сесть на* голову кому-либо; с ног *на* голову; как снег *на* голову; *идти под* гору; *за* город; *за* городом; день *за* день; день *на* день не приходится; со дня *на* день; *на* дом; *на* дух не переносить; *за* душу берет; бальзам *на* душу; *брать* грех *на* душу; как Бог *на* душу положит; зуб *на* зуб не попадает; *посадить на* кол; *поставить на* кон; *до* крови; что в лоб, что *по* лбу; *на* люди; *на* людях; *по* миру ходить/*идти*; *по* миру пустить; *за* море; *за* морем; *за* морем телушка — полушка, а перевоз — рубль; нога *за* ногу (*сидеть*); нога *на* ногу (*сидеть*); с ноги *на* ногу; *поставить на* ноги; *встать на* ноги; *поднять на* ноги; нога *за* ногу (*идти*); кровь *из* носу; *получить по* носу; *водить за* нос; *на* нос не налезет; *на* ночь глядя; с утра *до* ночи; *до* полу; *от* роду; *столько-то лет от* роду; *на* руку кому-либо; *нечист на* руку; *рука об* руку; *вести под* руки; *идти под* руки; *до* свету; *со* свету *сжить/сживать*; слово *за* слово; *верить на* слово; *по* сердцу; *за* сердце берет; *на* сердце лечь; *положа* руку *на* сердце; *сделать что-нибудь на* смех; *сделаешь наспех* — *сделаешь на* смех; *поднять/поднимать на* смех; курам *на* смех; *до* смерти; *при* смерти; не на жизнь, а *на* смерть; *на* спор; *на* сторону; *ходить на* сторону; *без* толку; *притянуть за* уши; *за* уши не *оттащишь* (*от* чего-л.); *тугой на* ухо; *говорить/шептать на* ухо; *медведь на* ухо наступил; *вешать лапшу на* уши; *по* уши (*в* чем-либо); *влюбиться по* уши; *на* фиг; час *от* часу не легче.

Также абсолютным преобладанием акцентирования служебной лексемы характеризуется устойчивое сочетание с глагольной формой-энклиноменом: *не жили богато, нечего и начинать*. Как видно, все знаменательные лексемы, отдающие ударение предлогам в составе фразеологизмов, часто употребительны в повседневной речи. Они обозначают внешнее строение организма, внутренний мир человека, время и ряд других распространенных реалий.

Все рассматриваемые энклиномены (как и все русские энклиномены в целом) имеют исконно русское происхождение. В подавляющем большинстве они непроезодны в синхроническом аспекте — за исключением существительных *полночь*, *смех* и *спор*. Для энклиноменов, употребляемых во фразеологических сочетаниях, обязательна также характеристика неодоушевленности.

Размер «безударных» словоформ знаменательных лексем — как правило, односложный или двусложный. Исключением из данной закономерности являются словоформы *городом*, *голову*, *сторону*; при этом следует отметить, что исторически существительные *город*, *голова* и *сторона* содержали полногласные сочетания.

Во всех без исключения приведенных сочетаниях ударным слогом в словоформе знаменательной лексемы изначально является первый слог, т. е. предлог принимает ударение с соседнего слога. При этом интенсивность гласного предлога во многих случаях выше, чем интенсивность ударного гласного словоформы энклиномена, либо равна ей [Касаткин 2003].

Более чем в двух третях приведенных фразеологизмов лексема-энклиномен стоит в форме В. п. На втором месте по распространенности — форма Р. п.

На третьем — форма Д. п. Фразеологизмы с безударными формами Тв. п. и П. п. представляют собой единичные случаи.

Почти в половине случаев ударение со знаменательных лексем принимает предлог *на*. На втором месте — предлог *за*. На третьем — предлог *по*. Данное распределение ударных предлогов зафиксировано и для свободных сочетаний.

В приведенных фразеологизмах ударение также принимают предлоги *без, до, из, о, об, от, под, при, со*.

В исследуемых единицах отдают ударение предлогам словоформы сорока различных имен существительных. Некоторые из данных знаменательных лексем способны передавать ударение служебным лексемам исключительно в составе фразеологизмов. Это девятнадцать существительных: *весть, вид, город, дух, душа, кол, кон, кровь, человек* (перенос ударения происходит в супплетивной форме мн. ч. *люди*), *мир, род, свет* (в значении 'рассвет'), *слово, смерть, спор, сторона, толк, фиг, час*.

Из соотношения числа устойчивых сочетаний и входящих в них существительных-энклименов видно, что для знаменательных лексем, способных отдавать ударение предлогам в таких сочетаниях, характерна включенность в состав двух и более фразеологизмов. «Лидерами» по числу сохраняющих напредложное акцентирование устойчивых сочетаний являются девять лексем: *год* — четыре фразеологизма рассматриваемого типа; *голова* — шесть фразеологизмов с переходом ударения на служебную лексему; *душа* — четыре фразеологизма; *нога* — шесть; *нос* — четыре; *рука* — пять; *сердце* — четыре; *смех* — четыре; *ухо* — восемь. Все они, за исключением имени существительного *душа*, отдают ударение предлогам также в свободных сочетаниях. Вероятно, указанное свойство способствует сохранению напредложного ударения, т. к. даже фразеологизмы с рассматриваемыми энклименами не являются единичными.

Новые фразеологизмы с напредложным ударением

С 2015 г. в лексикографических источниках [Еськова 2015, Каленчук 2017, Резниченко 2021] зафиксированы три не отмеченных в более ранних словарях фразеологических сочетания, а также два новых варианта старых фразеологизмов: *за́ душу хватает* (ранее было возможно только *за́ душу берет*); *на́ зиму глядя; по́д руку попасться; что-н. делать по́д руку кому-н.; слон на́ ухо наступил* (наряду с *медведь на́ ухо наступил*). При этом вариант одного из приведенных сочетаний — *говорить по́д руку* — был отмечен ранее в «Словаре русского языка» [Ожегов 1973] как относящийся к разговорной речи. Ряд фразеологических сочетаний был зафиксирован только в ходе исследования спонтанной речи, а также теле-, кино- и радиоречи. Это семь фразеологизмов и один новый вариант старого устойчивого сочетания: *руки за́ голову; больной на́ голову; на́ дух не переваривать* (в данном случае возможно смешение двух существующих в языке синонимичных устойчивых сочетаний — *на дух не переносить* и *не переваривать*); *на́ нос* («на человека», «на каждого»); *поймать за́ руку; играть на́ руку; руки за́ спину; поставить на́ уши*.

Также в звучащей речи отмечен ряд просторечных фразеологизмов с акцентированием служебных лексем в сочетании с рядом форм существительного *фиг.*

Как видно, большинство сравнительно новых фразеологизмов с напредложным акцентированием содержит словоформы тех имен существительных, которые отдают ударение служебным лексемам в составе нескольких фразеологических сочетаний одновременно. Ударение принимают предлоги *за, на* и *под*, а в одном из фразеологизмов с лексемой *фиг* — также частица *не*. Преобладающие лексические, фонетические и морфологические факторы совпадают с выявленными для предшествующей группы.

Заключение

Как показало проведенное исследование, в большинстве случаев сочетания знаменательных и служебных слов в составе фразеологизмов продолжают произноситься с ударением на предлоге.

В состав таких сочетаний входят знаменательные лексемы с семантикой, предполагающей наибольшую частоту употребления в повседневной спонтанной речи. Как правило, они способны отдавать ударение служебным словам также в свободных сочетаниях. Поэтому возможно предположить, что фразеологизмы с переносом ударения представляют собой не «архаизм в акцентировании», а языковой маркер частоты употребления тех или иных единиц в повседневной речи.

На изучаемом участке системы отмечены две противоположных тенденции — к сокращению числа фразеологизмов, произносимых с переносом ударения, и к появлению новых сочетаний, которые затрагивает данное явление. Выявлен также ряд морфологических, словообразовательных и фонетических факторов, сопровождающих акцентирование служебных слов в изучаемых единицах и благоприятствующих ему.

Следует предположить, что полный отказ от переноса ударения в устойчивых сочетаниях в ближайшее время маловероятен.

Литература

Аванесов Р. И., Ожегов С. И. Русское литературное ударение и произношение. Словарь-справочник. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959. 708 с.

Алтайская Е. М. Закономерности акцентирования сочетаний предлогов с существительными в современном русском литературном языке // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции, 8–10 октября 2007 года. Москва, 2007. С. 3–5.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, около 63 500 слов / Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 1983. 704 с.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, около 63 500 слов / Под ред. Р. И. Аванесова. 2-е изд. М.: Русский язык, 1985. 704 с.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, около 63 500 слов / Под ред. Р. И. Аванесова. 3-е изд. М.: Русский язык, 1987. 704 с.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, около 63 500 слов / Под ред. Р. И. Аванесова. 4-е изд. М.: Русский язык, 1988. 704 с.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, около 63 500 слов / Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд. М.: Русский язык, 1989. 685 с.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, около 63 500 слов / Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М.: Русский язык, 1997. 684 с.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы, свыше 70 000 слов / Под ред. Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. Около 1200 слов. М.: Русский язык, 1994. 448 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 2003. 795 с.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Новый орфоэпический словарь русского языка: произношение и ударение // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений V международной научной конференции, 8–10 октября 2007 года. М., 2007. С. 87–90.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с.

Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 223 с.

Лефельдт В. Акцент и ударение в современном русском языке. М.: Языки славянской культуры, 2010. 288 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Советская энциклопедия, 1973. 848 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 960 с.

Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 944 с.

Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. 368 с.

E. M. Altayskaya
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
ekaterina.altayskaya@gmail.com

**ON ACCENTUATION OF CONTENT
AND SERVICE WORD COMBINATIONS
IN RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS**

Phraseological combinations existing in the modern Russian literary language have a number of distinctive features, and especially in the field of accentuation. In some phraseological units, there is a shift of emphasis from the content lexeme to the service one, for example: *vó sto krat* ('a hundredfold'), *vstat' ná nogi* ('stand on your feet'), *ruka ób ruku* ('hand in hand'). In these combinations, a preposition is emphasized, and a full-valued word — a noun or, less often, a numeral — becomes an enclynomen. This phenomenon affects a limited range of content and service tokens, which changes over time.

Most phraseological units with a simple accent remain frequently used. Some combinations disappear from the language, some lose their simple accentuation. The appearance of a certain number of new phraseological units with stress transfer is also noted. The author investigated and determined phonetic, morphological, lexical and extralinguistic factors affecting the peculiarities of accentuation of such phraseological units and the frequency of their use in modern live sounding speech. As a result, the work reveals trends in the development of these pronouncing norms.

Keywords: phraseological units, content word, service word, variability of accentuation, stress shift, enclynomen.

References

Altayskaya E. M. [Patterns of accentuation of combinations of prepositions with nouns in the modern Russian literary language]. *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshchenii V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 8–10 oktyabrya 2007 goda* [Phonetics today. Materials of reports and statements of the V International scientific conference, October 8–10, 2007]. Moscow, 2007, pp. 3–5.

Avanesov R. I., Ozhegov S. I. *Russkoe literaturnoe udarenie i proiznoshenie. Slovar'-spravochnik* [Russian literary accent and pronunciation. Dictionary-reference]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovari Publ., 1959. 708 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy, okolo 63 500 slov* [Orthoepical dictionary of the Russian language: Pronunciation, stress, grammatical forms of about 63 500 words]. R. I. Avanesov (ed.). Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 704 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy, okolo 63 500 slov* [Orthoepical

dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms of about 63 500 words]. R. I. Avanesov (ed.). 2nd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 704 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy, okolo 63 500 slov* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms of about 63 500 words]. R. I. Avanesov (ed.). 3rd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 704 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy, okolo 63 500 slov* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms of about 63 500 words]. R. I. Avanesov (ed.). 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1988. 704 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy, okolo 63 500 slov* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms of about 63 500 words]. R. I. Avanesov (ed.). 5th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 685 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy, okolo 63 500 slov* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms of about 63 500 words]. R. I. Avanesov (ed.). 6th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1997. 684 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy, svyshe 70 000 slov* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms, over 70,000 words]. N. A. Es'kova (ed.). 10th ed. Moscow, AST Publ., 2015. 1008 p.

Es'kova N. A. *Kratkii slovar' trudnostei russkogo yazyka: Grammaticheskie formy. Udarenie. Okolo 1200 slov* [A short dictionary of the difficulties of the Russian language: Grammatical forms. Accent. About 1200 words]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 448 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F., Kasatkin L. L. [New orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation and stress]. *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshchenii V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 8–10 oktyabrya 2007 goda* [Phonetics today. Materials of reports and statements of the V International scientific conference, October 8–10, 2007]. Moscow, 2007, pp. 87–90.

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F., Kasatkin L. L. *Bol'shoi orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large orthoepical dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 1008 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoehpicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [A large orthoepical dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the XXI century: the norm and its variants]. 2nd ed. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2017. 1024 p.

Kasatkin L. L. *Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: uchebnoe posobie* [Phonetics of the modern Russian literary language: a textbook]. Moscow, Mosk. Un-ta Publ., 2003. 223 p.

Lefel'dt V. *Aktsent i udarenie v sovremennom russkom yazyke* [Accent and stress in modern Russian]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2010. 288 p.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1973. 848 p.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az Publ., 1992. 960 p.

Reznichenko I. L. *Slovar' udarenii russkogo yazyka* [Dictionary of accents of the Russian language]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2008. 944 p.

Reznichenko I. L. *Slovar' udareniya i proiznosheniya slov russkogo yazyka. 5–9 klassy* [Dictionary of stress and pronunciation of words of the Russian language. Grades 5–9]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2021. 368 p.

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie*. [Grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. 4th ed. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 2003. 795 p.

О. В. Антонова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

ovantonova@gmail.com

АКЦЕНТУАЦИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ: КОДИФИКАЦИЯ VS УЗУС

Настоящая работа посвящена изучению тех случаев, когда акцентологические рекомендации словарей резко расходятся с произношением, принятым в узусе наших современников, говорящих на литературном языке; при этом частотные варианты ударения могут иметь даже запретительные пометы. Речь идет как о собственно орфоэпических, так и иных словарях, к примеру толковых; как подготовленных к выпуску под эгидой Российской академии наук, так и не имеющих грифа РАН; как относящихся к последнему десятилетию, так и изданных ранее.

С другой стороны, возможна и обратная ситуация: словари не содержат сведений об устарелых вариантах, которые сохранились в речи образованных людей благодаря знанию текстов классической русской литературы, и в качестве рекомендованного выступает произношение, прямо противоречащее примерам из классической поэзии. Особой проблемой при нормативной характеристике акцентных вариантов выступает проблема стилевого разнообразия (разграничения произносительных типов) в орфоэпии.

Анализ подобных случаев приводит к осознанию необходимости: 1) устранения противоречий между нормативными рекомендациями специальных орфоэпических словарей и узусом говорящих на литературном языке; 2) уточнения рекомендаций в орфоэпических словарях путем дополнения их сведениями относительно статуса вариантов, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих в текстах русской литературы XVIII–XX вв.; 3) отражения в словарях широко распространенных в узусе акцентных вариантов, по каким-либо причинам не попавших в поле зрения лексикографов.

Ключевые слова: орфоэпическая норма, орфоэпические словари, изменение нормы, ударение, произносительные стили, произносительные типы.

0. Нередки случаи, когда акцентологические рекомендации словарей резко расходятся с произношением, принятым в узусе наших современников, говорящих на

литературном языке; при этом частотные варианты ударения могут иметь даже запретительные пометы. Речь идет как о собственно орфоэпических словарях, так и иных, к примеру толковых; как подготовленных к выпуску под эгидой Российской академии наук, так и не имеющих грифа РАН; как относящихся к последнему десятилетию, так и изданных ранее. Драматизм этой ситуации нарастает в связи с принятой в современном обществе тенденцией легализовать старые, ушедшие орфоэпические нормы как наиболее престижные (Р. Ф. Касаткина называла такую тенденцию в устной речи стремлением к *нобилизации*)¹. Таким образом, искусственным орфоэпическим эталоном наших дней (при поддержке экстралингвистических факторов) становится смесь своеобразного «французского с нижегородским» — это речь человека, который владеет не только орфоэпической нормой (обладающей набором специфических черт, присущих именно современному состоянию языка²), но и случайным набором неких устарелых черт, которые назначаются лакмусовой бумажкой интеллигентности и общего уровня культуры, принадлежности к клубу посвященных в тайны старшей (в терминологии М. В. Панова) нормы. Все это ставит лексикографа наших дней в крайне затруднительное положение: ведь словарная традиция, и без того консервативная по природе своей, вынужденно оказывается еще более консервативной, т. к. внедрение новых вариантов, соответствующих актуальным тенденциям в орфоэпии,

¹ Ср. звучащие в последние годы в речи дикторов СМИ произносительные варианты, формально относящиеся к старшей норме, но на практике употребляемые крайне редко: *до[ж'ж']и́, дэ́ньгами, кули́нэрия* и под. Такие варианты вновь широко проникают в узус говорящих на литературном языке, обретают в нем вторую жизнь, т. к. именно звучащие средства массовой коммуникации в наши дни следует признать одним из самых мощных факторов влияния на устную речь [Вещикова 2020: 33–34; Нешименко 2001: 100]. При этом очевидно: носители литературного языка, использующие в речи (особенно в СМИ) черты старомосковского говора, не являются, как правило, лингвистами и, следовательно, замечают и выводят на передний план лишь те яркие произносительные черты, что очевидны всем (таковы ударение, как в случае с примерами *дэ́ньгами, кули́нэрия*, замена одних согласных другими, как в случае с *до[ж'ж']и́* и пр.); при этом менее очевидные (т. к. их труднее обнаружить при самонаблюдении, а соответственно, контролировать и имитировать), но гораздо более значительные в общем лингвистическом плане особенности (таковы разрушение позиционной мягкости в большинстве групп согласных [Антонова 2018] или победа *йканья* в литературном языке [Панов 1990]) обычно игнорируются.

² Также имеет значение, что орфоэпия в СМИ, как правило, придерживается традиционных позиций, в ряде случаев противоречащих актуальным научным представлениям. Если в СМИ существует строгая тенденция к кодификации лишь *одного* варианта (и таковы в большинстве своем орфоэпические справочники для работников радио и телевидения — в них проводится лишь один правильный, нормативный вариант), то в современных орфоэпических академических словарях акцент делается на «отражении всего многообразия вариантов, присущих литературному языку» [Касаткин (ред.) 2018: 4]. Необходимо отметить, что идея представления в орфоэпическом словаре нескольких произносительных вариантов (как допустимых, так и неверных, снабженных запретительными пометами) отражена еще в первом собственно орфоэпическом словаре русского языка [Аванесов (ред.) 1983: 5–7], однако с течением времени список допустимых вариантов значительно расширился (в соответствии с концепцией, восходящей к научным представлениям М. В. Панова); также расширен и список запретительных помет.

подвергается попыткам сознательного сдерживания; при этом основная задача современного словаря состоит в фиксации именно современной нормы³.

Такие расхождения многочисленны⁴, и в настоящей работе мы обратимся к некоторым их разновидностям, а именно:

- а) словарная рекомендация противоречит узусу говорящих на литературном языке;
- б) словарь не содержит достаточных сведений относительно вариантов, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих в словах и словоформах, входящих в корпус текстов русской литературы XVIII — нач. XX века, широко известных читателю и зачастую попадающих в поле зрения учащихся средней и высшей школы (примечательно, что некоторые такие формы могут и вовсе отсутствовать в специализированных словарях);
- в) один из частотных вариантов может не отражаться в словарях вследствие тех или иных причин (к примеру, акцентуация какой-либо лексемы в одном из значений прочно вошла в специализированный узус (профессиональное аргю), однако будто бы «по традиции» продолжает игнорироваться словарями, не только собственно орфоэпическими, но и толковыми и проч.; в некоторых таких случаях имеются и запретительные пометы).

Рассмотрим несколько таких случаев.

1. В современном русском литературном языке лексема *паж* в формах косвенных падежей ед. ч. и в подпарадигме мн. ч. имеет флексийное ударение, т. е. про-

³ С другой стороны, возможна и обратная картина: словари не содержат сведений об устаревших вариантах, которые сохранились (в основном благодаря знанию текстов классической русской литературы) в речи образованных людей, и в качестве рекомендованного выступает произношение, противоречащее примерам из классической поэзии.

⁴ Необходимо учитывать, что другой стороной отмеченной проблемы является расхождение лексикографических рекомендаций разных академических словарей *между собой*. И если с научной точки зрения такие расхождения необходимы, т. к. способствуют дальнейшим исследованиям, то с практической они приводят к проблеме *верификации результатов* различных *экзаменов*, содержащих задания из области орфоэпии (в том числе ЕГЭ и ОГЭ). Принято считать, что подобные несоответствия не должны беспокоить лексикографов, однако практика использования словарей в образовательном пространстве не позволяет игнорировать существование такой проблемы — ведь именно на практике сведения из академических словарей привлекаются в качестве последних аргументов. При определении же полноты информации в словаре следует помнить, что для современных лексикографов, как и для их предшественников, зачастую крайне важным оказывается следование русской лексикографической традиции в целом, склонной к сознательному сдерживанию, ограничению вливания в словари новых нормативных вариантов.

Таким образом, при устранении указанных противоречий необходимо учитывать два вида расхождений:

- а) расхождения в орфоэпических рекомендациях в различных словарях;
- б) расхождение словарной информации с узусом говорящих на литературном языке.

износят ед. ч. *пажа́, пажу́*, мн. *пажи́, паже́й* и проч. Такую рекомендацию дают собственно орфоэпические словари ([Касаткин (ред.) 2012], РСУ⁵) и толковые словари, к примеру:

Табл. 1. Формы слова *паж* в словарях

Орфоэпические словари		Толковые словари		
БОС	PCY	ТСРЯ	МАС	БТС
ПАЖ , пажá, <i>мн.</i> пажи́, пажáм	ПАЖ , пажá, -óм; <i>мн.</i> пажи́, -éй	ПАЖ , -á	ПАЖ , -á	ПАЖ , -á; <i>мн.</i> пажи́, -éй

Аналогичную информацию дает Н. А. Еськова в Орфоэпическом словаре (ОС), приводя, однако, примеры форм с наосновным ударением, характерные для поэзии XIX в. [Еськова (ред.) 2015]. Ср.:

паж, пажá, *мн.* -í, -éй

18–19: ед. пáжа, -у, -ом, о пáже, *мн.* пáжи, -ей

| И если уж дóлжно быть опыту снов,
То рыцаря вышли, не пáжа младова.
Жуковский. Кубок

См. также [Еськова 2008: 96], где иллюстративный ряд шире.

Таким образом, на основании приведенных рекомендаций возможно понять, что большинство форм слова *паж* с флексийным ударением являются в современном языке единственно допустимыми, в то время как формы с корневым ударением

⁵ В статье используются следующие сокращения.

БОС — Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018.

БТС — Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. С.-Петербург: Норинт, 1998.

МАС (Малый академический словарь) — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. III.

П–Р. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

РОС — Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь. Чельцова Л. К., Нечаева И. В., Лопатин В. В. / Под ред. Лопатина В. В., Ивановой О. Е. М.: АСТ-ПРЕСС, 2020.

РСС — Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998.

PCY — Зарва М. В. (ред.). Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имен. М.: ЭНАС, 2001.

ТСРЯ — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 3: П — Ряшка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940.

Школьн. ОС — Счадудубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.

господствовали в XVIII–XIX вв. При этом остается неясен статус корневых акцентуаций в наши дни, хотя тексты, о которых идет речь, широко известны читателю, относятся не только к указанному периоду, а проникают и в поэзию XX в. и входят в учебные программы по русской литературе, ср.:

И бросил графа на́ двадцать шагов,
Как маленького **па́жа**; как все дамы
Привстали с мест, когда сама Клотильда,
Закрыв лицо, невольно закричала...
А. С. Пушкин. Скупой рыцарь (1830)

Однако если обратиться к данным НКРЯ (ruscorpora.ru), то мы сможем увидеть, что формы с флексийным ударением также были многочисленны в поэзии XIX в., причем формы мн. ч. получали такое ударение раньше и последовательнее форм ед. ч., ср.:

Пажа́ оттуда видит,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Пажа́ оттуда видит,
Он в черном весь одет.
Н. В. Берг (1854)

* * *

Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных **паже́й**,
Высокий идеал московских всех мужей.
А. С. Грибоедов. Горе от ума (1822–1824)

* * *

Ты шпорами звучишь,
Ерошишь свой тупе,
Пажа́м подносишь шиш
И носишь портупей.
А. К. Толстой (1835–1840)

* * *

Стражи тут тревогу бьют,
Видно, как **пажи́** в аркадах
С канделябрами бегут...
А. Н. Майков (1858–1859)

* * *

Мне как следует кади!
Эй, **пажи́**, псари!
Мужиков травы, пори!
М. Л. Михайлов (1855–1862)

* * *

Пожелал король увидеть
Пастуха — и вот бегут,
Понеслись **пажи́**, что стрелы,
И чрез миг его ведут.

А. Н. Майков (1866)

* * *

«Вот, — сказал он, — три вопроса:
Разрешись — возьму в **пажи́**!

А. Н. Майков (1866)

* * *

Были тут и лицеисты,
И **пажи́**, и юнкера,
И незрелые юристы,
И купцы... et caetera.

Н. А. Некрасов (1875)

Также любопытно, что формы с флексийным ударением полностью заместили наосновное лишь в середине XX в., а вплоть до 30-х гг. оба варианта существовали параллельно (в том числе в дискурсе одного и того же поэта, как, например, у М. И. Цветаевой), хотя акцент на флексии уже был преобладающим.

Ср. ударение на корне у поэтов нач. XX в.:

Он служит ей плененным **па́жем**,
Но гроб обятий невозможен;
На миг прильнула, обомлела...
Н. Д. Бурлюк (1910)

* * *

Вы родились певцом и **па́жем**
Я — с золотом в кудрях.
М. И. Цветаева (1913)

И, напротив, ударение на окончании в нач. XX в.:

Когда был жив мой старый дед,
Я был задумчивей **пажа́**.
А. А. Блок (18.07.1903)

* * *

Но открыть ли, что нас свяжет,
Что **пажа́м** вас чтить прикажет
Королевами всего?
А. А. Блок (07.11.1905)

* * *

И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, **пажи́**.

М. И. Цветаева (03.12.1911)

* * *

И вновь с заржавленным серпом
Старуха стала у крыльца,
Как встарь, когда я был **пажóm**
Без обручального кольца.

А. А. Блок (18.07.1903)

* * *

В глубине средневековья
Я принцесса, что, дрожа,
Принимает славословья
От красивого **пажа́**.

Н. С. Гумилев (1916)

* * *

из гроба,
 тише, чем мыши,
мундиры
 пропив и прожив,
из гроба
 выходят «бывшие»
сенаторы
 и **пажи́**.

В. В. Маяковский (1929)

Итак, несмотря на то, что в словарях формы лексемы *паж* с ударением на корне не обсуждаются нигде, кроме работ Н. А. Еськовой, кажется, что этого комментария недостаточно, т. к. из приведенной информации следует лишь, что ударение на основе было справедливо для XVIII–XIX вв., хотя приведенные примеры говорят, что в XIX в. и первой трети XX в. акцентуация таких форм была вариативной. Представляется, что рифмы и ударения, входящие в состав хрестоматийных текстов, не следует игнорировать: они требуют более подробного комментария с указанием их статуса в современном русском языке, и характер такого комментария ни в коем случае не должен быть запретительным (к примеру, такие формы могли бы включаться в словари с пометой *в поэтич. речи возможно устарелое (старш.)* и под.).

2. В словарях русского языка акцентуация падежей подпарадигмы мн. ч. лексемы *пан* расценивается неодинаково. Формы мн. ч. *пáны*, *пáнов*, *пáнам* с ударением на корне в орфоэпических словарях обычно сопровождаются запретительными пометами (либо же варианты с ударением на флексии приводятся в качестве

единственно возможных). В прочих словарях рекомендации менее категоричны, варианты *па́нов* и *панóв* даются в качестве равноправных, либо наосновное окончание допускается как устарелое, ср.:

Табл. 2. Формы слова *пан* в словарях

Орфоэпические словари				Прочие словари				
БОС	ОС	Школьн. ОС	РСУ	ТСРЯ	МАС	РСС	РОС	БТС
ПАН, па́на, мн. па́ны, па́нам (! не рек. па́ны, па́нам...).	пан, -а, мн. па́ны, -о́в ! не рек. мн. па́ны, -ов	ПАН, па́на, мн. па́ны, па́нам ! неправ. па́ны, па́нам	пан, -а; мн. па́ны, -о́в	ПАН, -а, мн. ы́ (па́ны устар.)	ПАН, -а, мн. па́ны и па́ны	ПАН, -а, мн. -ы́, -о́в и (устар.) -ы, -ов	пан, -а, мн. па́ны, па́но́в	ПАН, -а; мн. па́ны, -ов и па́ны, -о́в

В книге, посвященной истории русского ударения, Н. А. Еськова комментирует наосновное ударение в подпарадигме мн. ч. для лексемы *пан* как устарелое, присутствующее поэтической речи в XIX в. [Еськова 2008: 96–97], и приводит ряд убедительных примеров, ср.:

Я знаю только то,
 Что в Кракове явился самозванец
 И что король и па́ны за него.
А. С. Пушкин. Борис Годунов (1824–1825)

* * *

Его сам Пушкин видел,
 Как приезжал впервой он во дворец
 И сквозь ряды литовских па́нов прямо
 Шел в тайную палату короля.
А. С. Пушкин. Борис Годунов (1824–1825)

* * *

«Изменник!» — звенели тюльпаны,
 Надувшись, как важные па́ны.
Л. Н. Трефолов (1866–1889)

При этом анализ данных НКРЯ (ruscorpora.ru) наглядно демонстрирует, что ударение на корне было не единственно возможным вариантом реализации для подпарадигмы мн. ч. у лексемы *пан* в XIX в., ср. многочисленные примеры:

Ты туфли обругал, а их бояря носят,
 Бояря на тебя отмщения в том просят,
 Бояря иль па́ны. Зияет всякий пан,
 Держа в руке большой венгерского стакан...
А. П. Сумароков (1757)

* * *

К концу приходит скоро перемирье,
Но Жигимонт и мы, **пань́**, хотим
Уже забыть вражду с Москвою.
А. К. Толстой. Царь Борис (1868–1869)

* * *

«Сорву!.. хоть с сатаной бороться я готов
За огненный цветок! Сорву — и клад открою!
И буду я богат... богаче всех **панов́**!
И будет милая так счастлива со мною!..»
П. Д. Бутурлин (1880–1893)

Также любопытно, что ударение на основе в подобных случаях сохранялось и в поэзии XX в., ср.:

Наши братья
Шли в солдаты
Погибать за **панов́**.
Г. Н. Оболдуев (1933)

* * *

Эй, товарищ,
С нами вдарись
Паненок и **панов́**.
Г. Н. Оболдуев (1933)

* * *

Сейм точно улей гудит; на скамьях горделивые **паньы**
Ссорятся, спорят и громко кричат, друг друга не слыша.
Б. А. Садовской (1918)

Данные фонетических экспериментов последнего времени подтверждают, что признанное маргинальным орфоэпическими словарями корневое ударение в формах мн. ч. слова *пан* было преждевременным. В частности, к таким выводам приводит предпринятое недавно фонетическое исследование, целью которого было установление частотности выбора коренного либо флективного ударения в формах И. п. мн. ч. *паньы* и Д. п. мн. ч. *панам* в речи литературно говорящих информантов. В эксперименте участвовали 120 респондентов-москвичей во втором или третьем поколении. Испытуемым предлагалось прочитать некоторые тексты большого объема (в контекст которых были включены интересующие нас слова, замаскированные таким образом, чтобы не привлекать к себе пристального внимания информантов). Информанты, как это принято в современной орфоэпической и социолингвистической практике, были разделены на три группы по

возрастному критерию: старшую, среднюю и младшую. Сбор орфоэпического материала был осуществлен Е. С. Скачедубовой и Т. Н. Коробейниковой.

Результаты обработки экспериментальных данных продемонстрировали следующее, см. табл. 3.

Табл. 3. Результаты эксперимента для форм мн. ч. *паньы, панам*

	Старш. гр.	Средн. гр.	Младш. гр.
па́ны	80 %	90 %	100 %
па́ны́	20 %	10 %	
па́нам	90 %	100 %	90 %
па́на́м	10 %		10 %

Поскольку в эксперименте были явно продемонстрированы узуальные предпочтения информантов, в подавляющем большинстве случаев во всех трех поколениях выбравших вариант с наосновным ударением в формах мн. ч. (*па́ны, па́нам*), и принимая во внимание, что, согласно современным орфоэпическим воззрениям, именно распространенность в речи образованных людей выделяется как один из важнейших признаков, необходимых для кодификации того или иного варианта [Каленчук 2016; Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 10], мы должны признать, что рекомендации, касающиеся выделенных форм, должны быть уточнены следующим образом:

- а) необходимо возвращение форм мн. ч. *па́ны, па́нов, па́нам* и др. в специализированные орфоэпические словари без каких-либо запретительных помет;
- б) статус этих форм должен быть отмечен как **предпочтительный** по сравнению с флексийным ударением мн. ч. *па́ны́, па́но́в, па́на́м*.

Таким образом, словарная статья должна содержать рекомендацию:

па́ны и па́ны́,

либо же:

па́ны и допуст. па́ны́.

3. У слова *партер* в значении ‘нижний этаж зрительного зала с местами для публики’ (или же примыкающем к нему, более старом значении ‘цветник, газон’ — в «Словаре русского языка XVIII века» [Сорокин (ред.) 2011] это значение стоит на первом месте) ударение падает на второй слог: *па́рте́р*.

В XX в. появляется третье значение, обычно сопровождающееся пометой *спорт.*, — ‘положение, когда борец лежит на ковре или, стоя на коленях, опирается на ковер руками’. Для всех трех значений в качестве нормативного указывается ударение на втором слоге, однако любопытно, что в орфоэпических словарях присутствуют и запретительные пометы разной степени категоричности, отвергающие

произношение *пáрттер*. В БОС [Касаткин (ред.) 2018] такая форма имеет самую строгую запретительную помету *грубо неправ.* Ср.:

Табл. 4. Лексема *парттер* в словарях

Орфоэпические словари				Прочие словари		
БОС	ОС	Школьн. ОС	РСУ	ТСРЯ	МАС	БТС
ПАРТЭ́Р , партэ́ра, мн. партэ́ры, партэ́рам (! <i>грубо неправ.</i> па́рттер...) \ \ пар[тэ́]р. ПАРТЭ́РНЫЙ (! <i>грубо</i> <i>неправ.</i> па́рттерный) \ \ пар[тэ́]рный.	партэ́р , -а [тэ́] ! <i>неправ.</i> па́рттер	ПАРТЭ́Р , партэ́ра ! <i>неправ.</i> па́рттер...	партэ́р [тэ́; <i>не</i> па́рттер] партэ́рный [тэ́; <i>не</i> па́рттер- ный]	ПАРТЭ́Р	ПАРТЭ́Р	ПАРТЭ́Р

Однако в специализированном спортивном дискурсе, в новостях спорта, в программах, посвященных единоборствам, а также в узусе литературно говорящих респондентов, имеющих отношение к профессиональному или любительскому спорту, вариант *пáрттер* в третьем значении ‘положение в борьбе’ произносится исключительно с ударением на первом слоге. Упоминание о подобной возможности автору исследования удалось найти только в Викисловаре (см. [Пример 1]).

Полностью подтвердили все сказанное выше результаты анкетирования, проведенного среди 24 информантов разного пола и возраста, владеющих литературным языком, чья деятельность так или иначе связана со спортом (преимущественно — с единоборствами). Среди респондентов не было ни одного, кто произнес бы в указанном значении слово *пáрттер* с ударением не на первом слоге. Эти данные подтверждаются многочисленными записями теле- и интернет-речи (выпуски новостей спорта на ТВ, см. [Пример 2], спортивные блоги, см. [Пример 3, 4]), в которой вариант *пáрттер*, *пáрттера*, *в пáрттере* встречается системно, вариант же, рекомендуемый словарями, встречается крайне редко и расценивается как чужеродный, ошибочный, принадлежащий человеку, не владеющему спортивной терминологией.

Таким образом, рекомендации в орфоэпических словарях должны быть уточнены, а именно:

- а) при описании акцентуации следует развести 1-е, 2-е и 3-е значения слова *парттер*;
- б) при выделении 3-го значения снабдить его пометой *спорт*.
- в) для 3-го значения указать в качестве нормативного вариант ударения на первом слоге: *пáрттер*.

4. Нередки случаи, когда фразеологизированные сочетания диктуют особые схемы ударения, как правило сохраняя старшую норму. Но подобная «консервация» происходит не во всех случаях. Так, в сущ. м. р. и ж. р. *калика*, согласно рекомендациям в БОС, ОС [Аванесов (ред.) 1983] и ОС [Еськова (ред.) 2015], ударение

падает на второй слог: *ка́лика*, при этом в БОС ударение на первый слог маркируется запретительной пометой: ! *неправ.* *ка́лика*.

Лексема *калика* входит в состав фразеологизированных сочетаний с грамматич. м. и ж. р. и во мн. ч.: *калика переходжий (перехожая), калики переходжие*. Однако слово встречается и изолированно, ср. у С. А. Есенина: *Вынимали ка́лики поспешливо // Для коров сбереженные крохи* (1910).

В большинстве случаев в поэтических текстах ударение на втором слоге, ср. далее (и мн. др.):

Не палят сияния
на Иван Великий;
просят подаяния
хитрые **ка́лики**.
Н. Н. Асеев (1914)

Но встречаются и контексты с ударением на первом слоге (здесь и далее примеры из НКРЯ), ср.:

Под окно мое, окошко, тихо **ка́лики** пришли,
Смирноглазые, седые, дети бедственной земли.
С. М. Городецкий (1912)⁶

* * *

И только «тогда» начальник бригады
Не уяснил, — как паровоз переходжие *ка́лики*, —
Как мог человек за четыре декады
Выстроить город на кальке.
Л. А. Лавров (1932)

* * *

Путь ли бездомный, быт ли наш кочевой,
каждый в России — *ка́лика* переходжий.
О. Г. Чухонцев (1985)⁷

* * *

Я не буду стоять,
Будто **ка́лика** на перепутье.
tatatafa (2007)⁸

Любопытно следующее: при абсолютно преобладающем ударении на второй слог (*ка́лика*) редкие случаи отступлений (*ка́лика*) можно было бы интерпретировать как более новые, колеблющие старую норму (в словаре Ушакова [Ушаков

⁶ При хорее ударение определяется бесспорно.

⁷ При дольнике ударение *ка́лика* более вероятно.

⁸ Ударение *ка́лика* в данном случае характерно для вольного анапеста.

1935–1940] в качестве нормативного дана только форма с ударением на второй слог). Однако ранее, в словаре В. И. Даля [Даль 1912] указано двоякое ударение (*ка́лика*), а сама лексема объединена в гнездо с сущ. *ка́личь* и *калѣчь*. В современном же произношении, особенно в речи молодежи, вариант *ка́лика* нередок: так, многие представители младшего поколения на прямой вопрос об ударении в этом слове отвечали либо *ка́лика*, либо допускали оба варианта: *ка́лика* и *калі́ка*. Представляется, что на начальном этапе бытования говорящими осознавалась внутренняя связь лексем *калі́ка*⁹ и *калѣ́ка* — и постановка ударения в первом слове зависела от второго (по мнению некоторых исследователей, производящего). Впоследствии, когда эти этимологические связи стерлись, ударение в *калика* стало вести себя более свободно, и в современных орфоэпических словарях вариант с ударением на первом слоге уже имеет право на фиксацию с пометой *допуст.*

Таким образом, очевидно, что не только в данном слове, но на всем участке системы необходимы дополнительные экспериментальные исследования, в результате которых могут быть скорректированы орфоэпические рекомендации.

5. Также особым вопросом, требующим специального решения, остается стилевая принадлежность звучащего высказывания. Различные научные взгляды на стилевое разнообразие в фонетике и орфоэпии (см., к примеру, [Панов 1963; Бондарко, Вербицкая, Гордина и др. 1974]) до сих пор не имеют разработанных рекомендаций и четкого теоретического обоснования. Попытка выделить произносительные стили (а также произносительные типы) сталкивается с невозможностью исчерпывающего описания их особенностей и, следовательно, невозможностью отделить одни произносительные типы от других. С одной стороны, очевидно, что выделение только двух произносительных типов, восходящее к работам Л. В. Щербы, отмечавшего, будто «достаточно различать два типа произношения, которые назовем один — полным стилем, а другой — разговорным» [Щерба 1957: 154], либо же трех стилей, высокого, разговорного и нейтрального [Панов 1963], совершенно недостаточно¹⁰. Так, обращаясь к акцентным вариантам, мы понимаем, что устаревшее произношение *музы́ка*, *библио́тека* может относиться как к высокому стилю (при чтении стихов Пушкина или Жуковского, при желании подчеркнуть важность самого понятия и др.), так и к сниженному, ироническому, гротескному — характерному для разговорного стиля. При этом очевидно, что эту особую контекстуальную смысловую нагруженность акцентных вариантов крайне трудно отразить в словаре (современная лексикографическая практика подобные случаи в основном игнорирует).

⁹ Ср. также распространенную версию происхождения от лат. *caliga* ‘сапог’.

¹⁰ Любопытно, что Л. В. Щерба отметил одновременное существование в речи множества стилей: «в соответствии с большим разнообразием социальных условий речи можно различать множество стилей» [Щерба 1937: 19], однако посчитал возможным объединить все многообразие их в две крупных общности, полный и разговорный (неполный) стиль.

Однако сама проблема — описание стилистических особенностей различных произносительных типов, их разграничение — существует и требует теоретического осмысления в соответствии с современной орфоэпической ситуацией.

6. Итак, в свете всех приведенных выше сведений представляется важным:

- 1) устранить противоречия между нормативными рекомендациями специальных орфоэпических словарей и узусом говорящих, владеющих нормами русского литературного произношения; на это направлен ряд публикаций последнего времени, см. [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017; Антонова 2021; Каленчук, Савинов (ред.) 2021];
- 2) скорректировать орфоэпические рекомендации в словарях, дополнив их сведениями относительно вариантов, не принятых в современном литературном произношении, но присутствующих в текстах русской литературы XVIII–XX вв., широко известных читателям (так как очевидно, что некоторые подобные тексты могут оказывать большее влияние на орфоэпическую норму, чем прочие — таковы, к примеру, тексты А. С. Пушкина); также нельзя отрицать: пусть основная задача современного орфоэпического словаря — отражение *современной* нормы, но наличие исторического комментария с определением статуса каждого акцентного варианта следует считать скорее плюсом, нежели минусом;
- 3) отразить в словарях широко распространенные в узусе (к примеру, в профессиональной речи) орфоэпические варианты, по каким-либо причинам до сих пор не попавшие в поле зрения лексикографов.

При этом необходимо иметь в виду, что зачастую решение для каждой лексемы (а порой и для каждой словоформы) следует принимать с учетом точечных научных изысканий. Такой подход, безусловно, усложняет работу лексикографа, потому важно выявить обобщенные тенденции движения языковых норм. Особую, не решенную в настоящий момент проблему составляет интерпретация орфоэпической нормы с точки зрения стилового разнообразия.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.11.2022).

Пример 1. Викисловарь. <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B5%D1%80>

Пример 2. Блог Дениса Зенкова. <https://www.youtube.com/watch?v=37VztXdp5H8&t=41s>

Пример 3. Новости спорта. <https://www.youtube.com/watch?v=xcbuWV6g7rQ&t=53s>

Пример 4. Блог Pride team. <https://www.youtube.com/watch?v=7YtzbJXTrZY&t=10s>

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983. 704 с.

Антонова О. В. Позиционная мягкость согласных в старомосковском говоре // Проблемы фонетики VI / Под ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М., 2014. С. 6–24.

Антонова О. В. Варианты акцентуации непроемных имен существительных ж. р. с основой на -а (-я) // Норма произношения в узусе и кодификации. Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М., 2021. С. 26–57.

Вещикова И. А. О роли и функциях медиаречи в современной орфоэпической ситуации // Русская речь. 2020. № 2. С. 31–43.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974, № 2. С. 64–70.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 2. И–О. СПб.–М.: Изд. тов. М. О. Вольф, 1912. 2030 ст.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. III. П–Р. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 797 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 26.11.2022).

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008. 960 с.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Lingua, 2015. 1007 с. — С 1-го по 9-е изд. под ред. Р. И. Аванесова.

Зарва М. В. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имен. Печатное издание М.: ЭНАС, 2001. 596 с.

Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и в словарях // Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отв. ред. В. А. Тишков. М., 2016. С. 262–270.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9–28.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). Норма произношения в узусе и кодификации: Монография / Под редакцией д. ф. н. проф. М. Л. Каленчук, д. ф. н. проф. Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. 248 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 1008 с.

Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь. Чельцова Л. К., Нечаева И. В., Лопатин В. В. Под ред. Лопатина В. В., Ивановой О. Е. М.: АСТ-ПРЕСС, 2020. 896 с.

Немищенко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–132.

Панов М. В. О стилях произношения (в связи с проблемами стилистики) // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Издательство академии наук СССР, 1963. С. 5–38.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1990. 453 с.

Скачедубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка. 9–11 классы. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 352 с.

Сорокин Ю. С. (ред.). Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Вып. 18. (Открытие — Пена). СПб.: Наука, 2011. 261 с.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т 1–4. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.

Шведова Н. Ю. (ред.). Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. В 4-х томах. М.: Азбуковник, 1998–2007.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка, Л. — М.: Высшая школа, 1937. 256 с.

Щерба Л. В. Теория русского письма // Избр. Работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

O. V. Antonova

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
ovantonova@gmail.com*

ACCENTUATION OF NOUNS IN THE MODERN RUSSIAN STANDARD LANGUAGE: CODIFICATION VS USAGE

This work studies the cases where the pronunciation adopted in the usage of modern literary language users sharply diverges from the accentological recommendations of the dictionaries. The article considers the cases where frequency variants of stress can even have prohibitive marks in dictionaries. The study concerns both orthoepic and other

dictionaries, for example, explanatory ones; both prepared for release under the auspices of the Russian Academy of Sciences, and those not labeled by the Russian Academy of Sciences; both related to the last decade and published earlier.

On the other hand, it is possible that the dictionaries do not contain information about obsolete variants that have been preserved in the speech of educated people due to knowledge of the texts of classical Russian literature, and the recommended pronunciation directly contradicts the examples from classical poetry. A special problem in the normative characteristic of accent variants is the problem of stylistic diversity (differentiation of pronunciation types) in orthoepy.

The analysis of such cases urges us to:

1) eliminate the contradictions between the normative recommendations of special orthoepic dictionaries and the usage of literary language speakers; 2) clarify the recommendations in orthoepic dictionaries by supplementing them with information about the status of variants that are not accepted in modern literary pronunciation, but are present in texts of Russian literature of the 18th-20th centuries; 3) add accent variants widespread in the usage, which for some reason did not come under scrutiny of lexicographers, to the dictionaries.

Keywords: orthoepic norm, orthoepic dictionaries, norm change, stress, pronunciation styles, types of pronunciation.

References

Antonova O. V. [Positional softness of consonants in the Old Moscow dialect]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, 2014, pp. 6–24. (In Russ.)

Antonova O. V. [Variants of accentuation of non-derivative feminine nouns with a stem in *-a (-ya)*]. *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [Pronunciation norm in usus and codification]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, 2021, pp. 26–57. (In Russ.)

Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation. Accent. Grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 703 p.

Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V., Zinder L. R., Kasevich V. B. [Pronunciation styles and types of pronunciation]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1974, no. 2. Pp. 64–70. (In Russ.)

Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian language] / Ed. by I. A. Baudouin de Courtenay. T. 2. I–O. St. Petersburg–Moscow, Comrade M. O. Wolf Publ., 1912. 2030 col.

Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'*. *Poyasnitel'nye stat'i* [The standards of the Russian language in the 18th–19th centuries. The stress. Grammatical forms. Variant forms of words. Explanatory articles]. Moscow, 2008. 960 p.

Es'kova N. A. (ed.). *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. Pronunciation.

Accent. Grammatical forms]. N. A. Es'kova, S. M. Borunova, V. L. Vorontsova. Ed. by N. A. Es'kova. 10th edition, corrected and amended. Moscow, AST Lingua Publ., 2015. 1007 p.

Evgenieva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. III. P–R* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. III. P — R]. RAS, Institute of Linguistic Research. 4th edition. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Polygraphresursy Publ., 1999. 797 p. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 26.11.2022).

Kalenchuk M. L. [Pronunciation norms in living speech and in dictionaries]. *Trudy Otdeleniya Istoriko-filologicheskikh nauk RAN* [Proceedings From divisions of historical and philological sciences of the Russian Academy of Sciences]. Ed. V. A. Tishkov. Moscow, 2016, pp. 262–270. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2017, no. 2 (34), pp. 9–28. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds.). *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [Pronunciation norm in usus and codification]. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute (RAS) Publ., 2021. 248 p.

Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. 2nd ed., corrected and amended. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2018. 1008 p.

Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. Compiler S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. Cheltsova L. K., Nechaeva I. V., Lopatin V. V. Ed. by Lopatin V. V., Ivanova O. E. Moscow, AST-PRESS Publ., 2020. 896 p.

Nemishchenko G. P. [The dynamics of speech standard of modern public verbal communication: problems and development trends]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2001, no. 1, pp. 98–132. (In Russ.)

Panov M. V. [About pronunciation styles (in connection with the problems of stylistics)]. *Development of phonetics of the modern Russian language*. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963, pp. 5–38. (In Russ.)

Panov M. V. *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVIII–XX vv.* [The history of Russian literary pronunciation of the 18th–20th centuries]. Ed. by D. N. Shmelev; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Rus. Lang. Moscow, Nauka Publ., 1990. 453 p.

Shcherba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of the French language]. Leningrad–Moscow, Higher School Publ., 1937. 256 p.

Shcherba L. V. *Izbrannye Raboty po russkomu yazyku* [Theory of Russian writing. Selected Works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 188 p.

Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Vol. 1–4. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998–2007.

Skachedubova E. S. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. 9–11 klassy* [Orthoepic dictionary of the Russian language. 9–11 grades]. Moscow, AST-Press SCHOOL Publ., 2020. 352 p.

Sorokin Yu. S. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. Ch. ed. by Yu. S. Sorokin. Issue 18. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 261 p.

Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, Gos. Izd-vo Inostr. i Nats. Slovari Publ., 1935–1940.

Veschikova I. A. [On the role and functions of media speech and its orthoepic aspect in the modern linguistic situation]. *Russkaya Rech'*, 2020, no. 2, pp. 31–43. (In Russ.)

Zarva M. V. *Russkoe slovesnoe udarenie. Slovar' naritsatel'nykh imen* [Russian verbal stress. Dictionary of common names]. Moscow, ENAS Publ., 2001. 596 p.

Н. В. Богданова-Бегларян
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
n.bogdanova@spbu.ru

**НАД КЕМ СМЕЕТЕСЬ? НАД СОБОЙ СМЕЕТЕСЬ!
(О СМЕХЕ КАК РЕАКЦИИ ГОВОРЯЩЕГО
НА СОБСТВЕННУЮ РЕЧЕВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)¹**

Объектом внимания в статье является смех как паралингвистический элемент (ПЭ) устного спонтанного монологического текста. На материале 28 монологов разного типа (чтение, пересказ, описание изображения, рассказ) из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека», записанных от одного информанта (девушка, студентка-нефилолог, типичный экстраверт), показаны различные функции смеха как невербальной дискурсивной единицы: смех как маркер начала или конца текста; смех как реакция на что-то нетривиальное в речи (не в жизни, что в лингвистическом отношении менее интересно), в частности, на собственную языковую креативность; смех как реакция на ошибку или речевой сбой. Каждый речевой сценарий записывался от данного информанта четыре раза, в течение трех лет, с интервалом в два месяца каждый, что позволило, во-первых, анализировать действительные характеристики речи данной языковой личности, а не особенности, спровоцированные конкретной речевой ситуацией. Во-вторых, это позволило сравнивать полученные тексты между собой в разных аспектах, в том числе — прагмалингвистическом. Минимум смеха как ПЭ обнаружился в монологах чтения (0–2,46 % от общего количества токенов), максимум — в монологах, построенных по наиболее трудным коммуникативным сценариям: в пересказах (1,92–5,6 %) и в описаниях изображения (1,33–6,43 %). Значительное количество подобных ПЭ в исследованном материале можно рассматривать как смех говорящего над собой. Многие такие употребления смеха очевидно полифункциональны. Результаты этого и подобных исследований могут быть полезны в самых разных аспектах лингвистики, как теоретических (лингвистика текста, коллоквиалистика,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 94033528 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

психо- и социолингвистика), так и сугубо практических (лингвокриминалистика, создание искусственного интеллекта и проч.).

Ключевые слова: спонтанный текст, монолог, паралингвистический элемент, прагмалингвистика, смех, полифункциональность.

Введение

Важным аспектом анализа устной речи является *прагматический*, позволяющий увидеть работу самого механизма построения спонтанного текста. Предмет исследования в рамках *прагмалингвистики* — самые разные действия говорящего или единицы текста: мимика, жесты, звуковые артефакты, прагматические маркеры и, в числе прочего, паралингвистические элементы (ПЭ) звуковой цепи. ПЭ — смех, вздох, кашель (а также зевота, плач, рыдания, свист, шмыганье носом и нек. др. [Крейдлин 2002: 29, 34–35])², — помимо выражения физиологического состояния говорящего, различения моделей его поведения или реакции на ситуацию или тему разговора, могут также выполнять в устной речи различные дискурсивные функции, что изучено пока явно недостаточно (см. некоторые наблюдения такого рода, полученные, в частности, на корпусном материале, используемом и в настоящем исследовании: [Bogdanova-Beglarian, Baeva 2018; Богданова-Бегларян 2019]). Предметом анализа в работе стал смех (*С) как паралингвистический элемент (подробнее о смехе в устной коммуникации см., например, [Турчик 2010]).

Материал и результаты анализа

Предлагаемые в работе наблюдения сделаны на материале 28 монологов одного информанта (И) (девушка, 19–21 год, студентка-нефилолог, типичный экстраверт) из корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) [Богданова-Бегларян (ред.) 2013; Богданова-Бегларян (ред.) 2014; Богданова-Бегларян и др. 2017; Богданова-Бегларян и др. 2019]: 4 свободных рассказа на заданную тему (отдых, семья, мечты, учеба), 8 монологов чтения (4 сюжетных текста и 4 несюжетных) и 8 их пересказов, а также 8 описаний изображения: 4 — сюжетного и 4 — несюжетного. Экстравертный тип личности И³, а также близкое знакомство с собирателем-экспериментатором⁴ обеспечили большое количество смеха в ее монологах.

Меньше всего *С ожидаемо обнаружилось в *монологах чтения*, хотя и здесь его доля от общего количества токенов в каждом тексте составила от 0 (в трех монологах из 8) до 2,46 % — в отрывке из повести А. П. Платонова «Котлован»,

² Согласно данным А. Мерабяна, словесная сторона коммуникации занимает в среднем всего 7 %, звуки и интонация — 38 %, остальные 55 % — это невербальная коммуникация [Mehrabian 1981]. Поэтому очень важно при изучении живой речи рассматривать ее неотрывно от невербальных сигналов и знаков.

³ Психотип И, так же как и всех других информантов корпуса САТ, был установлен в ходе тестирования с применением психологического теста Г. Айзенка [Личностный опросник... 1995].

⁴ Подробнее о характеристиках языковой личности И см. [Никрус 2010; Богданова-Бегларян (ред.) 2014].

где И развеселил целый ряд единиц: *активная жадность, остаточный батрак, товарищ Пашкин, кузня*. Последнее слово подтолкнуло И к объемному метакоммуникативному комментарию (в примерах выделено шрифтом):

- 1) *но ещё Чиклин / или Чиклѐн и Елисей не дошли до кузни... / **цы должно быть / но тут написано до кузни** / не дошли до кузни / как товарищ Пашкин *С / уже вышел из помещения и отбыл на машине обратно.*

При следующем упоминании *кузни* И уже смеется и как бы играет с этим словом:

- 2) *Чиклин / он же Чиклѐн / с Настей на руках / вошли в кузню / **цу** *С / Елисей же остался постоять снаружи *С.*

Так же играет И и с фамилией героя, в которой читателю неизвестно место ударения: фрагментам (1)–(2) в данном монологе предшествует еще одна пространная метакоммуникативная вставка на эту тему, превратившаяся фактически в микродиалог читающего с самим собой:

- 3) *но ещё Чиклин / **Чиклин Чиклѐн / Чиклин** / мне так больше нравится / но ещё Чиклин и Елисей / **так Чиклин или Чиклѐн / действительно?!***

Смех в конце контекста (2) можно считать в результате общей реакцией на все языковые коллизии прочитанного отрывка, вызвавшие у И столько эмоций.

Самое большое количество *С обнаружилось — также вполне ожидаемо — в монологах, построенных по наиболее трудным коммуникативным сценариям, — в *пересказах* (1,92–5,6 % от общего количества токенов) и *описаниях изображения* (1,33–6,43 %). Такой смех во многом можно считать смехом говорящего над самим собой, порождающим, не без трудностей, спонтанный монологический текст.

Причины смеха в спонтанном монологе

Причины появления смеха в монологах разного типа (и, соответственно, его дискурсивные функции) вполне поддаются систематизации. Проиллюстрируем это.

1. **Маркирование начала или конца текста.** В первом случае смех связан с трудностями, которые испытывает любой говорящий, начиная неподготовленный монолог, во втором это может быть смех-облегчение: монолог закончен, и можно вздохнуть, ср.:

- 4) **С подожди секунду *С Ветлуга очевидно взыграла (чтение);*
- 5) **С Облонский какие-то люди неизвестные Левин и Щербитские / Щербатские / что там потом / Кити была ещё ребёнком *С / **это я запомнила** (пересказ);*
- 6) *занудство какое / я не могу пересказывать / реально // у меня пересказ две секунды займёт наверное / серьёзно // я не знаю с чего начать / честно говоря /// могу вот так слова подряд все рассказать / ну не все / конечно /// *С в общем / лопухи были *С / верхушки лопухов (пересказ);*

- 7) в общем картинка очень красивая даже // **вот** // *С / э-э-э (описание);
- 8) э-м-м **ну да / вот как-то так примерно** // *С (описание);
- 9) **вот такая страшная история // щас нажму на стоп** *С (рассказ).

Шрифтом в приведенных контекстах выделены метакоммуникативные вставки, которые либо также играют роль пограничных маркеров (*вот; ну да / вот как-то так примерно; щас нажму на стоп*), либо прямо вербализуют трудности говорящего в построении монолога. Видно, как много в этих текстах подобной метакоммуникации, сопровождающей смех.

2. **Реакция на устаревшие, редкие или иные нетривиальные единицы** читаемого текста (см. также примеры (1)–(2) выше; соответствующие единицы в контексте выделены):

- 10) в нескольких шагах на большой глубине и лопух и мать-мачеха и вся зелёная братия стояли уже **безропотно и тихо** *С молодой **ивняк** с зелёными нависшими ветвями **вздрагивал от ударов зыби** // *С // на том берегу **весело кудрявились ракиты** *С / на том берегу **весело кудрявились ракиты** / молодой **дубнячок и вётлы** // за ними тёмные ели **рисовались зубчатую чертой / далее высились красивые / э-э-э / *С далее высились красивые осокори и величавые сосны** (чтение).

Ясно, что предложенный выбор единиц, вызвавших смех читающего, во многом субъективен. Не исключено, что И показалось нетривиальным что-то другое, а может быть — просто обилие таких слов в одном небольшом отрывке. Видно также, что смех может возникнуть как после прочтения необычного слова (*эффект прайминга*⁵), так и перед ним (известно, что в ходе чтения глаз всегда несколько опережает язык) (*эффект «фьючеринга»*⁶).

⁵ Под *праймингом* в психологии и нейрофизиологии понимается предшествование одного стимула другому — обычно в процессе проведения эксперимента (см., например, работы [Posner, Snyder 1975; Schacter, Buckner 1998; Buckner et al. 2000; Dobbins et al. 2004; Марченко 2005]). О «естественном прайминге» как одном из методологических средств антропоцентрической лингвистики см. [Русакова 2013: 55 и далее].

⁶ Рабочим термином «фьючеринг» можно назвать ситуацию, противоположную праймингу, когда реакция говорящего наступает не после сказанного, а перед ним, когда слово или фраза еще только сложились у него в голове и он готовится их произнести. В случае чтения — когда информант уже видит слово, которое ему предстоит прочитать. Ср. употребления в корпусном материале «упреждающего рефлексива», близкие к эффекту «фьючеринга»:

- *взял на нашем / **извиняюсь** / отстойном пруду <смех> поймал такую рыбку* (САТ);
- *каждый } укладывает свой парашют самостоятельно / потому что } э-а (...) **прошу прощения за стилистику** / именно } твоей заднице лететь под куполом / и лучше / что если / этот парашют будет уложен именно тобой* (САТ);
- *и / значит / э-э **так скажем** немолодой уже / мужчина отправляется / э-э на отдых* (САТ).

Видно, что эффект «фьючеринга» возникает в ситуации, когда к употреблению готовится какая-то не вполне тривиальная единица: стилистически сниженная или эвфемистическая (в контекстах подчеркнуты) [Богданова-Бегларян 2017].

3. Реакция И на собственную языковую креативность, в том числе языковую игру. Таких примеров в материале исследования особенно много, ср.:

- 11) я б закрылась на три месяца и лежала бы прям / купила бы книжечек каких-нибудь / журналов всяких там / DVD и вот лежала бы и / **отращивала жиры** / *С (рассказ);
- 12) когда спрашивали типа / а дедушка где / а он на Кубе / говорила я / а что он там делает / я говорила в кубики играет *С // потому что я думала что **на Кубе надо обязательно играть в кубики** (рассказ);
- 13) ну меня так когда в детстве тоже меня спросила / Ксюша тебе погуще суп или пожирше / и я сказала **побольше** *С // мне значения этих слов мне видимо были непонятны *С (рассказ);
- 14) город город Чудово / в Новгородской области / там спички делаются делаются сами / ох *С (рассказ);
- 15) ну в общем группа у нас ужасная какая-то попалась / там только **пара нормальных паранормальных** *С // человек *С / пара приличных человек (рассказ);
- 16) вот учусь на гуманитарном факультете / п-приобретаю специальность связи с общественностью / а сдаю почему-то русский уже 4 года подряд / какие 4 семестра 4 курса подряд / не так 4 полугодия подряд сдаю русский / тоже удачно / на все четвёрки **магия чисел** *С (рассказ);
- 17) он надел халат / вышел в переднюю и э-э-э замеш.../ замес.../ замешкавшись какое-то время всё-таки вышел из э-э ком... / ну из // **жилища** *С // **своего дома** / **бунгало** / **шикарного пятизвёздочного отеля** *С (пересказ);
- 18) на следующее утро-о-о // **гончий** *С в общем / человек который ездил на коне и привозил новости / никак мне не вспомнить как он назывался / а-а-а / привёз печальную / печальное известие (пересказ);
- 19) **человек из / низшего сословия практически** *С / работает с... дворником / **менеджером по уборке так скажем** (описание);
- 20) один сидит на пенёчке а второй на него летит прям как / **белка-летяга** *С // **хвост торчком** / **лапы там** / **пяточком** *С (описание).

Видно, что порой креативность И продиктована не только ее несомненным чувством языка, но и тем обстоятельством, что она просто не может вспомнить то или иное слово или наименование и вынуждена его придумать (*гончий*). С личностью говорящего этот смех связан вполне очевидным образом: это либо искренний и непосредственный смех от радости за себя, такую креативную, либо смех над собой, такой забывчивой. Особенно показателен в этом отношении контекст (17): не вспомнив сразу, откуда именно вышел персонаж того фрагмента, который И пересказывает, она неоднократно сбивается — и смеется: сначала из-за того, что ей так плохо удалось воспроизвести этот пассаж текста (тем более, что запинки в этом ее монологе были и выше: *и э-э-э замеш.../ замес.../ замешкавшись*), а потом еще и потому, что она от души лингвистически «порезвилась», припоминая, как называется это помещение: *ну из // жилища *С // своего дома / бунгало / шикарного*

пятизвёздочного отеля (именно про такую ситуацию обычно говорят: «Остапа понесло...»). Несомненно, И здесь смеется именно над собой.

4. Возможен смех и как реакция на прямую ошибку или оговорку И, ср.:

- 21) *потом очень бы хотела бы съездить в Южную Америку / там в Португалию или Аргентину /// ой / *С не в Португалию / а в Бразилию / я думала про Бразилию / а сказала Португалия *С // очень хотелось бы в Бразилию или Аргентину / я не то сказала / по географии у меня 5 было всю жизнь / практически / так что я в курсе дела где Португалия где Бразилия (рассказ);*
- 22) *Семья / как много в этом звуке для сердца юного слилось / так ведь было / у Пушкина ли это было / да // ну не у Пушкина так не у Пушкина / у меня литература закончилась я не Инга *С // так что мне очень хорошо *С / литературы нет счастье есть (рассказ);*
- 23) *звенела зыбь ударяя в ворота старой лодки *С // нет // ударяясь / ударяя в борта старой лодки (чтение).*

Многие из приведенных примеров демонстрируют возможное сочетание разных причин смеха в одной его реализации, что делает этот ПЭ таким же полифункциональным, как большинство прагматических (ПМ) или дискурсивных (ДМ) маркеров устного дискурса [Schiffrin 1987; Fraser 1990, 1996; Redeker 2006; Богданова-Бегларян 2021].

Смех как супraseгментный паралингвистический элемент

Интересен еще и тот факт, что в устной речи смех, так же как и другие ПЭ, может употребляться не только как сегментная единица, занимающая определенное место в линейном развертывании звуковой цепи, но и как супraseгментный элемент, который реализуется вместе с лексической единицей, как бы накладываясь на нее. Такие случаи маркируются в транскриптах разными способами: <со смехом>, <с усмешкой>, <смеясь> и под. Примеры такого типа нашлись не в монологах И (что может быть связано просто с установкой автора этих записей и одновременно расшифровщика — на единообразии), но в других текстах корпуса САТ, ср.:

- 24) *свободный монолог // так // меня зовут *** // я учусь на третьем курсе и свободного времени у меня нет // конец // <смеется> шутка // на самом-то деле свободного времени у меня действительно нет потому что во-первых у меня ещё я сейчас буду жаловаться <смеясь> // у меня немецкий <плача> мне работать надо / на / вот (студ.);*
- 25) *приготовлю этот бигмак / а-а / и-и // <смеется> и унесу его домой то есть первый раз в жизни поем-м из «Макдака» дома // еду вот эту вот // мерзкую фаст-фуд <смеясь> (студ.).*
- 26) *этот кот тащил всё что ему попадалось под руку / под лапу <со смехом> (мед.);*

- 27) *вот // ну / его хотели наказать / но он выскочил в окно и / бросился на берёзу / с берёзы его стряхнули и тогда он забрался под дом / и там устроил / <со смехом> кошачий концерт (мед.);*
- 28) *однажды он украл / кусок ливерной колбасы / вот забрался на / дерево / стал / жадно её есть <со смехом> эта колбаса упала кому-то на голову / из ребят (мед.).*

Причины и характер обоих типов смеха — и как сегментной, и как супрасегментной функциональной единицы устного дискурса, — по-видимому, одинаковы, хотя это можно и проверить в специальном исследовании.

Смех и близкие паралингвистические элементы

Встретились в корпусе САТ (снова не в материале И, а в других текстах) и пометы, маркирующие в речи говорящих не *смех*, а *усмешку* или *ухмылку*, ср.:

- 29) *они были намного <ухмыляясь> ну сейчас они изменились (студ.);*
- 30) *пожарили там шашлыков // всё это выпили // под громадное количество <усмешка> виски // вот (юр.);*
- 31) *с удовольствием <усмешка> поговорю <смех> на тему / отпускную тему (юр.);*
- 32) *ну и конечно хочется на самом деле / каких-то новых впечатлений / ощущений // то есть побыть на самом деле в каком-то [7 может быть] в раю / действительно / ничего вот этого не видеть / о работе каждый день не слышать / и не загружаться // <усмешка> ой <вздых> сейчас (юр.).*

Подобные контексты ставят перед исследователями новые задачи: например, установление просодической дифференциации таких паралингвистических элементов, как *смех*, *усмешка* и *ухмылка*. Сюда же можно, по-видимому, добавить и *улыбку* (таких помет в материале САТ пока не нашлось). Помимо их несомненного семантического различия, что фиксируется толковыми словарями, существует, по-видимому, и просодическое, которое фиксируют расшифровщики устных монологов. Особенно хорошо это видно в примере (31), где в одном небольшом фрагменте отчетливо разведены пометы *<усмешка>* и *<смех>*.

В контексте (32) соседствуют *<усмешка>* и *<вздых>*, а в контексте (24) — пометы *<смеясь>* и *<плача>*, что еще повышает значимость подобных функциональных элементов устного дискурса и важность их анализа.

Заключение

В целом проведенное исследование смеха (в первую очередь смеха говорящего над самим собой) как паралингвистического элемента спонтанного монологиче-

⁷ Знаком (J) в расшифровках монологов юристов обозначены паузы хезитации. Подробнее об особенностях дискурсивной транскрипции материалов САТ см. [Чэн Чэнь 2021].

ского текста и полученные результаты свидетельствуют о несомненной перспективности описания ПЭ в самых разных аспектах, особенно таких как:

- собственно лингвистика текста;
- коллоквиалистика как теория разговорной речи: ПЭ-смех рассматривается как функциональная речевая единица;
- прагмалингвистика: ПЭ-смех может рассматриваться как реализация того или иного речевого акта;
- социолингвистика: ПЭ-смех может рассматриваться в корреляции с социальными характеристиками говорящего (гендер, возраст и т. п.);
- психолингвистика: ПЭ-смех может рассматриваться в корреляции с психотипом говорящего;
- когнитивистика: ПЭ-смех как способ познания действительности, смех в речи на родном и неродном языках;
- лингвокриминалистика: ПЭ-смех как способ диагностировать личность говорящего;
- создание искусственного интеллекта; и проч.

Список принятых сокращений

ДМ дискурсивный маркер

И информант

ПМ прагматический маркер

ПЭ паралингвистический элемент

*С тег для обозначения смеха в расшифровках корпусного материала

САТ корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека»

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Богданова-Бегларян Н. В. (ред.). Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 396 с.

Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиальное» в нашей речи: взгляд с позиции говорящего (раздумья над корпусным материалом) // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 5. 2017. С. 32–38.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматика невербального в русской устной речи // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития. Международная на-

учная конференция. Сб. статей. 24–25 октября 2019 г. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. С. 21–26.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019. С. 111–126.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Личностный опросник EPI (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов. М.: КСП, 1995. С. 217–224.

Марченко О. П. Обзор по теме: «Прайминг». 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.neuroscience.ru/content/view/328/100> (дата обращения: 12.12.21).

Никрус И. В. Языковая личность в спонтанном монологе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. Выпуск 4. 2010. С. 176–182.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / Ред.: М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай. М.: Языки славянских культур, 2013. 568 с.

Турчик А. В. Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 21–36.

Чэнь Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. СПб.: Нестор-История, 2021. 232 с.

Bogdanova-Beglarian N., Baeva E. Nonverbal elements in everyday Russian speech: an attempt at categorization // Computational models in language and speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018) co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (TEL 2018). Vol-2303. Kazan, Russia, November 1, 2018. Ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky Institute of Mathematics and Mechanics; Moscow, Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, 2018, pp. 3–13.

Buckner R. L., Koutstaal W., Schacter D. L., Rosen B. R. Functional MRI evidence for a role of frontal and inferior temporal cortex in amodal components of priming. *Brain*, 2000, no. 12, pp. 620–640.

Dobbins I. G., Schnyer D. M., Verfaellie M., Schacter D. L. Cortical activity reductions during repetition priming can result from rapid response learning. *Letters to Nature*, 2004, no. 428, pp. 316–319.

Fraser B. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, 1990, pp. 383–395.

Fraser B. Pragmatic markers. *Pragmatics*, vol. 6 (2), 1996, pp. 167–190.

Mehrabian A. Silent messages: Implicit communication of emotions and attitudes. 2nd edition. Wadsworth, Belmont, 1981. 216 p.

Posner M. I., Snyder C. R. R. Facilitation and inhibition in the processing of signals. Rabbit P. M. A., Dornic S. (eds.). Attention and performance V. New York, Academic Press, 1975, pp. 669–682.

Redeker G. Discourse markers as attentional cues and discourse transitions. Approaches to discourse particles. Studies in Pragmatics. Vol. 1. *K. Fischer* (ed.). Oxford, Elsevier, 2006, pp. 339–358.

Schacter D. L., Buckner R. L. Priming and the Brain. Review. *Neuron*, 1998, no. 20, pp. 185–195.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.

N. V. Bogdanova-Beglarian
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
n.bogdanova@spbu.ru

WHO ARE YOU LAUGHING AT? YOU ARE LAUGHING AT YOURSELF!
(ON LAUGHTER AS A SPEAKER'S REACTION
TO THEIR OWN SPEECH ACTIVITY)

The article focuses on laughter as a paralinguistic element (PE) of an oral spontaneous monologue text. The article presents various functions of laughter as a non-verbal discursive unit on the material of 28 monologues of different types (reading, retelling, description of the image, story) from the “Balanced Annotated Text Library” corpus, recorded from one informant (a woman, non-philologist student, typical extrovert). The functions include: laughter as a marker of the beginning or the end of the text; laughter as a reaction to something non-trivial in speech (not in life, which is linguistically less interesting), in particular, to one’s own linguistic creativity; laughter as a reaction to an error or speech failure. Each speech scenario was recorded from this informant 4 times, over a period of three years, with an interval of two months each, which made it possible, firstly, to analyze the actual characteristics of the speech of a given linguistic personality, and not the features provoked by a specific speech situation. Secondly, this made it possible to compare the received texts with each other in various aspects, including pragmalinguistic ones.

The minimum of laughter as PE was found in reading monologues (0–2.46 % of the total number of tokens), the maximum — in monologues built according to the most difficult communicative scenarios: in retellings (1.92–5.6 %) and in image descriptions (1.33–6.43 %). A significant number of such PEs in the studied material are cases when the speaker laughed at herself. Many of these usages are obviously polyfunctional. The results of this and similar studies can be useful in various aspects of linguistics, both theoretical (text linguistics, colloquialistics, psycho- and sociolinguistics) and purely practical (linguocriminalistics, the creation of artificial intelligence, etc.).

Keywords: spontaneous text, monologue, paralinguistic element, pragmalinguistics, laughter, polyfunctionality.

References

Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chteniye. Pereskaz. Opisaniye* [Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2013. 532 p.

Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya Chast' 2. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty analiza. Tom 1. O nekotorykh osobennostyakh ustnoy spontannoy rechi raznogo tipa. Zvukovoy korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoy auditorii* [Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech. Collective monograph. Part 2. Theoretical and practical aspects of the analysis. Volume 1. On some features of spontaneous speech of various types. Sound corpus as a material for teaching the Russian language to foreigners]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2014. 396 p.

Bogdanova-Beglarian N. V. [“Non-trivial” in our speech: a view from the position of the speaker (reflections on corpus material)]. *Sotsio- i psikholingvisticheskiye issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies]. Issue 5, 2017, pp. 32–38. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. [Pragmatics of non-verbal in Russian oral speech]. *Russistika v XXI veke: tendentsii i napravleniya razvitiya. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. [Russian Studies in the 21st century: trends and directions of development. International scientific conference. Sat. articles]. Yerevan, YSU Publishing House Publ., 2019, pp. 21–26. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. *Pragmaticheskiye markery russkoy povsednevnoy rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic markers of Russian everyday speech: monograph-dictionary]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2021. 520 p.

Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Zaides K. D. [Corpus “Balanced Annotated Text Library”: a technique for multi-level analysis of Russian monologue speech]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR³-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of colloquial Russian speech (AR³-2017): Proceedings of the Seventh Interdisciplinary Seminar]. St. Petersburg, Polytechnic-Print Publ., 2017, pp. 8–13. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Zaides K. D., Sherstinova T. Yu. [Corpus “Balanced Annotated Text Library” (SAT): the study of the specifics of Russian monologue speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Natsional’nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. National Corpus of the Russian Language: research and development]. Issue 21. Moscow, 2019, pp. 111–126. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N., Baeva E. Nonverbal elements in everyday Russian speech: an attempt at categorization. *Computational models in language and speech. Proceedings of Computational Models in Language and Speech Workshop (CMLS 2018)* co-located with the 15th TEL International Conference on Computational and Cognitive Linguistics (*TEL 2018*). Vol-2303. Kazan, Russia, November 1, 2018. Ed. by A. Elizarov, N. Loukachevitch. Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University, N. I. Lobachevsky Institute of Mathematics and Mechanics; Moscow, Lomonosov Moscow State University, Research Computing Center, 2018, pp. 3–13.

Buckner R. L., Koutstaal W., Schacter D. L., Rosen B. R. Functional MRI evidence for a role of frontal and inferior temporal cortex in amodal components of priming. *Brain*, 2000, no. 12, pp. 620–640.

Chen Cheng. *Khezitatsii v russkoy ustnoy rechi nositeley kitayskogo yazyka* [Hesitations in Russian speech of native Chinese speakers]. St. Petersburg, Nestor-History Publ., 2021. 232 p.

Dobbins I. G., Schnyer D. M., Verfaellie M., Schacter D. L. Cortical activity reductions during repetition priming can result from rapid response learning. *Letters to Nature*, 2004, no. 428, pp. 316–319.

Fraser B. An approach to discourse markers. *Journal of Pragmatics*, vol. 14, 1990, pp. 383–395.

Fraser B. Pragmatic markers. *Pragmatics*, vol. 6 (2), 1996, pp. 167–190.

Kreydlin G. Ye. *Neverbal’naya semiotika. Yazyk tela i yestestvennyy yazyk* [Nonverbal semiotics. Body language and natural language]. Moscow, New Literary Review Publ., 2002. 592 p.

Lichnostnyy oprosnik EPI (metodika G. Ayzenka) [EPI personality questionnaire (G. Eysenck’s method)]. *Al’manakh psikhologicheskikh testov* [Almanac of psychological tests]. Moscow, KSP Publ., 1995, pp. 217–224. (In Russ.)

Marchenko O. P. *Obzor po teme: “Praying”. 2005* [Review on the topic: “Priming”. 2005]. Available at: <http://www.neuroscience.ru/content/view/328/100> (accessed 12.12.21).

Mehrabian A. *Silent messages: implicit communication of emotions and attitudes*. 2nd edition. Wadsworth, Belmont, 1981. 216 p.

Nikrus I. V. [Linguistic personality in a spontaneous monologue]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Philology. Oriental studies. Journalism]. Series 9, issue 4, 2010, pp. 176–182. (In Russ.)

Posner M. I., Snyder C. R. R. Facilitation and inhibition in the processing of signals. *Attention and performance V*. Rabbit P. M. A., Dornic S. (eds.). New York, Academic Press, 1975, pp. 669–682.

Redeker G. Discourse markers as attentional cues and discourse transitions. *Approaches to Discourse Particles. Studies in Pragmatics*. Vol. 1. K. Fischer (ed.). Oxford, Elsevier, 2006, pp. 339–358.

Rusakova M. V. *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of anthropocentric grammar of the Russian language]. Moscow, Language of Slavic Cultures, 2013. 568 p.

Turchik A. V. [Conversion analysis of laughter in speech interaction: a case of constructing estimates of power]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 2010, no. 1, pp. 21–36. (In Russ.)

Schacter D. L., Buckner R. L. Priming and the brain. Review. *Neuron*, 1998, no. 20, pp. 185–195.

Schiffrin D. *Discourse markers*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 364 p.

С. В. Князев¹, С. В. Дьяченко²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Российской академии наук

(Россия, Москва)

svknia@gmail.com¹; svet-lan-a@list.ru²

ИНТОНАЦИЯ ЗАПАДНОГО СРЕДНЕРУССКОГО ОКАЮЩЕГО ГОВОРА

Статья посвящена исследованию фразовой интонации в западном среднерусском окающем говоре Новгородского района Новгородской области на материале записей 2019 и 2022 гг. общей длительностью 7,5 часов. Проведенный анализ дает основания утверждать, что просодическая система говора весьма сходна с литературной как в отношении набора фонологических тональных средств, так и в плане их использования для оформления базовых коммуникативных категорий — общего и частного вопроса, утверждения, незавершенности, императива. Как и в литературном языке, мы постулируем в ней три тональных акцента — восходящий, нисходящий и низкий, а также два базовых конечных пограничных тона — высокий и низкий. Фонологические различия между начальными пограничными тонами и фразовыми тонами, по-видимому, отсутствуют. При этом основные различия между говором и литературным языком заключаются в фонетической реализации тональных акцентов и их употреблении: 1) восходящий тональный акцент (L+N*) характеризуется более ранним таймингом достижения тонального максимума — в середине, а не в конце ударного слога; 2) наоборот, тайминг нисходящего тонального акцента (N*+L) является более поздним: начало падения тона приходится на середину, а не начало ударного гласного, причем понижению предшествует повышение на самом ударном, а не на предударном гласном, что объясняется отличием ритмической структуры слова говора от литературной; 3) утвердительные предложения как с узким, так и с широким фокусом в говоре в подавляющем большинстве случаев оформляются при помощи нисходящего акцента N*+L; акцент L* используется преимущественно в составе мелодического контура с высоким конечным пограничным тоном.

Ключевые слова: западные среднерусские говоры, фонетика, интонация, тональный акцент.

1. Введение

Как известно, фразовая интонация русской диалектной речи исследована незначительно и фрагментарно [Касаткина 2002: 134]. При этом в наименьшей мере изучена просодия среднерусских говоров. В настоящей статье предлагается предварительное описание основных тональных параметров, используемых для просодического оформления базовых коммуникативных категорий (общий и частный вопрос, утверждение, незавершенность, вокатив, императив) в одном западном окающем среднерусском говоре Новгородской группы.

2. Материал исследования

Материалом исследования служила спонтанная речь двух жительниц д. Ильмень, одной жительницы д. Курицко и одной жительницы д. Хотяж Новгородского района Новгородской области¹ общей продолжительностью 7,5 часов. Расстояние между тремя деревнями, в которых проживают информанты, 3–5 км. Все информанты — коренные деревенские жительницы, то есть и сами они, и их предки родились и всю жизнь прожили в Ильменском Поозерье (на северо-западном берегу озера Ильмень) и демонстрируют хорошую сохранность говора.

- МВП1931 — д. Курицко, образование 2 кл.,
- НАМ1937 — д. Ильмень, образование 10 кл. и курсы библиотекарей,
- ВФН1940 — д. Ильмень, образование 7 кл. и бухгалтерское училище,
- АВК1933 — д. Хотяж, образование 3 кл.

В рассматриваемых говорах наблюдается неполное оканье, при котором в первом предупредном слоге после твердых согласных фонемы /a/ и /o/ различаются, а в других безударных слогах совпадают, как правило, в звуке [ъ] (в конечном открытом слоге перед паузой — чаще в [a]). После мягких согласных в первом предупредном слоге также наблюдается различие /a/, /o/, /e/ и /и/, однако /o/ и /e/ могут совпадать в *e*-образном звуке, в других безударных слогах /a/, /o/ и /e/ нейтрализуются в *и*-образном звуке (но в конечном открытом слоге /a/ обычно представлена *a*-образным звуком, а /o/ и /e/ — *e*-образным).

Специфика интонационного оформления фразы, а также место размещения тонального акцента (тайминг) связаны с устройством ритмической структуры слова. В отношении ритмической структуры новгородские говоры при среднем темпе речи характеризуются достаточно выраженной двухступенчатостью признаков безударности: первый предупредный слог значительно более долгий, чем другие безударные, хотя этот контраст выражен гораздо меньше, чем во владимирских говорах и литературном русском языке [Высотский 1973: 35–36].

¹ Записи говора осуществлены С. В. Дьяченко, А. В. Малышевой и А. В. Тер-Аванесовой в ходе двух экспедиций в 2019 и 2022 гг., они хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии ИРЯ РАН; общая продолжительность звучания — около 16 часов.

3. Общий вопрос

3.1. Оформление общего вопроса в русском языке

Основным мелодическим контуром, маркирующим общий вопрос в современном русском литературном языке (СРЛЯ), является восходяще-нисходящее движение тона, многократно описанное в литературе как третья интонационная конструкция (ИК-3): «Предударная часть произносится на среднем тоне. Ударная часть начинается с более высокой точки по сравнению с предударной. Далее в пределах слога тон продолжает повышаться... На заударной части происходит понижение тона ниже среднего» [Брызгунова 1967: 37]; «характеризуется подъемом тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс падение на заударных, если они есть» [Янко 2008: 31].

Восходящий тональный акцент, ассоциированный с ударным гласным акцентоносителя (центром ИК-3), в литературном русском языке характеризуется **поздним таймингом**: точка максимума частоты основного тона (ЧОТ)² приходится на самый конец ударного слога при отсутствии заударных слогов или даже на начало заударного слога при его наличии (см. рис. 3.1)³ [Igarashi 2006: 190, 193].

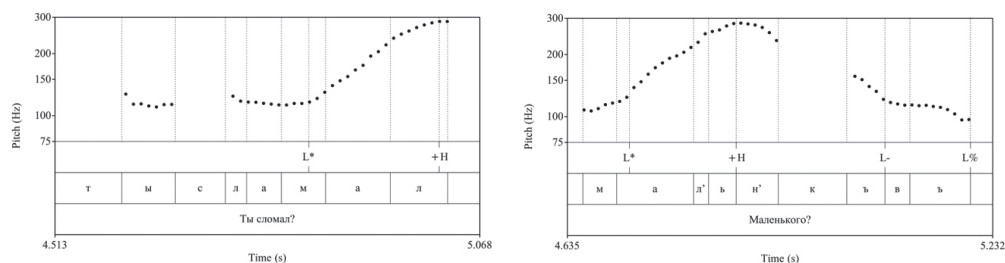

Рис. 3.1. Кривая ЧОТ общих вопросов *Ты сломал? Маленького?* (СРЛЯ)

При отсутствии постцентральной части (безударных слогов после ударного гласного словоформы-акцентоносителя) этот мелодический контур подвергается усечению ('truncation') [Odé 2005], «т. е. заударное падение тогда отсутствует» [Янко 2004: 92]; «the low boundary tone L% was found to be truncated following bitonal, not monotonal pitch accents» [Rathcke 2017: 225], см. выше рис. 3.1.

В русском диалектном языке общий вопрос может оформляться иначе: так, в юго-западных говорах после повышения тона на ударном гласном акцентоносителя может происходить дальнейшее увеличение ЧОТ на заударных слогах [Касаткина

² Ниже на графиках обозначается знаком Н, подробнее о фонологической интерпретации тональных акцентов см. ниже.

³ В подписях к рисункам используется упрощенная транскрипция, в которой, однако, отражаются основные произносительные особенности. Кроме того, все фразы приводятся в орфографической записи. Если кривая ЧОТ на рисунке представляет собой фрагмент общего вопроса (и он дается в транскрипции), в строке орфографической записи обычно приводится весь вопрос целиком.

2002; Kachkovskaia et al. 2016; Янко 2017]. В севернорусских говорах широко распространен мелодический контур общего вопроса со значительной задержкой падения ЧОТ после повышения на ударном гласном акцентированного слова [Post 2005: 49; Пост 2007; Post 2008; Князев 2022b].

3.2. Результаты исследования

Ниже приводятся наиболее типичные для говора примеры реализации мелодического контура общего вопроса. Они разбиты на три группы в зависимости от места ударения в словоформе-акцентоносителе: 1) со словесным ударением на последнем слого в фразе (рис. 3.2–3.5); 2) с ударением на предпоследнем слого (рис. 3.6–3.10); 3) с ударением на третьем от конца слого и ранее (рис. 3.11–3.16).

Эти примеры свидетельствуют о том, что

- повышение частоты основного тона начинается в инициали ударного слога (на согласном);
- высшая точка ЧОТ достигается до окончания ударного гласного, приблизительно в его середине;
- после достижения тонального максимума на ударном гласном может наблюдаться относительно продолжительный (около 50 мс) отрезок ровного тона;
- после этого на том же ударном гласном фиксируется понижение ЧОТ, достигающее максимально низкого значения на том же гласном, если он является последним во фразе, или на заударном слого.

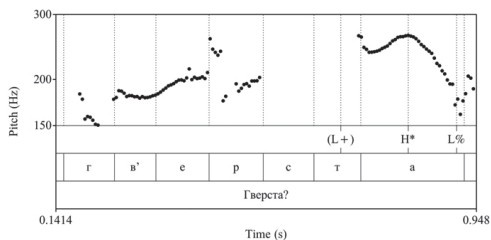

Рис. 3.2. Гверста? (МВП1931)

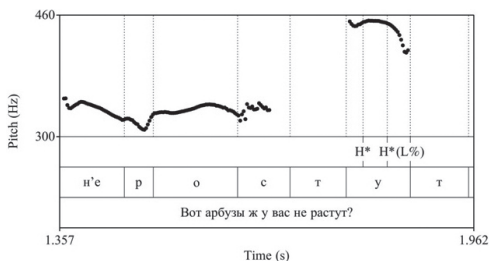

Рис. 3.3. Не растут? (АВК1933)

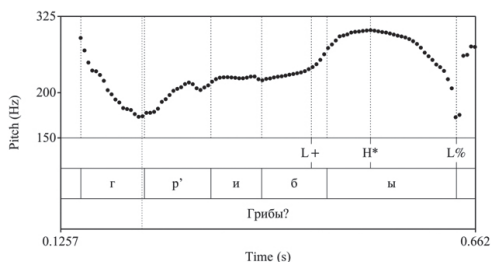

Рис. 3.4. Грибы? (АВК1933)

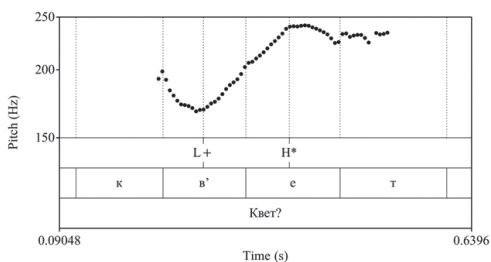

Рис. 3.5. Квет? (МВП1931)

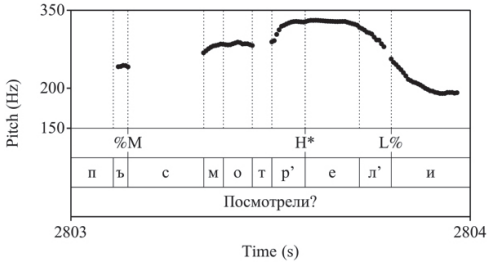

Рис. 3.6. *Посмотрели?* (HAM1937)

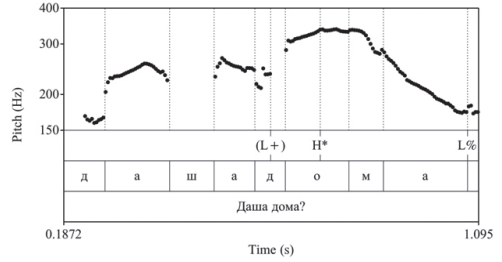

Рис. 3.7. *Даша дома?* (MBP1931)

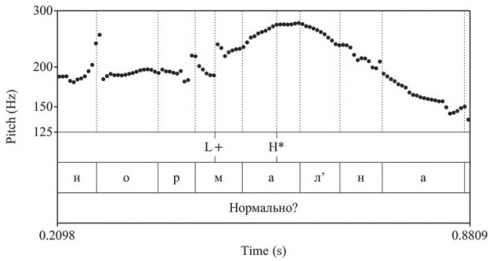

Рис. 3.8. *Нормально?* (MBP1931)

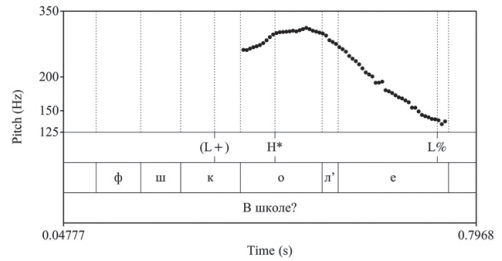

Рис. 3.9. *В школе?* (HAM1937)

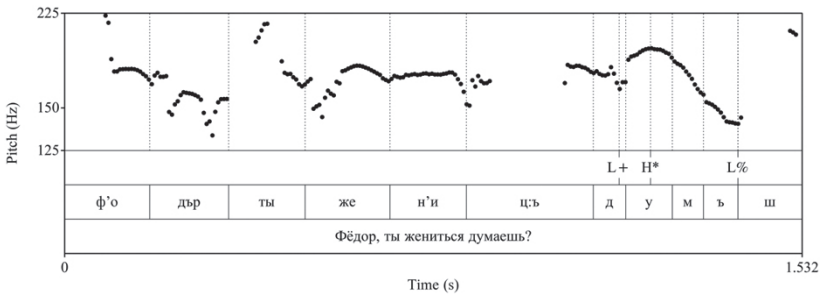

Рис. 3.10. *Фёдор, ты жениться думаешь?* (MBP1931)

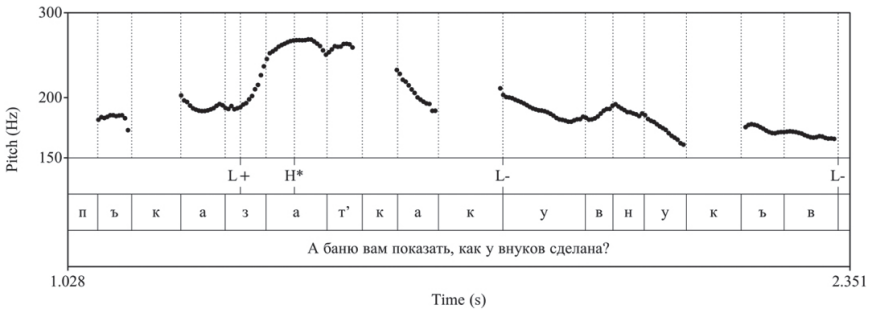

Рис. 3.11. *Показать, как у внуков?* (HAM1937)

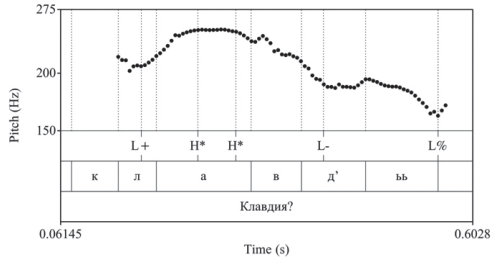

Рис. 3.12. Клавдия? (ABK1933)

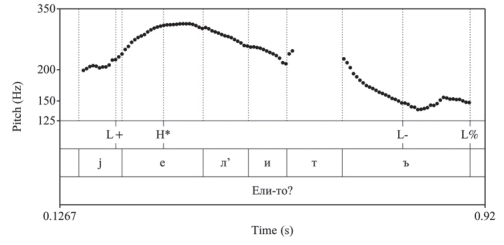

Рис. 3.13. Ели-то? (HAM1937)

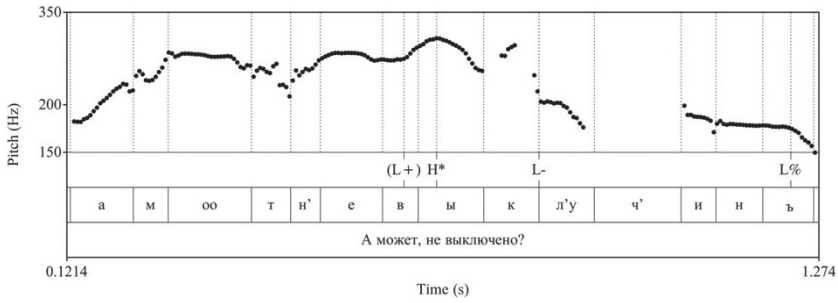

Рис. 3.14. А может, не выключено? (HAM1937)

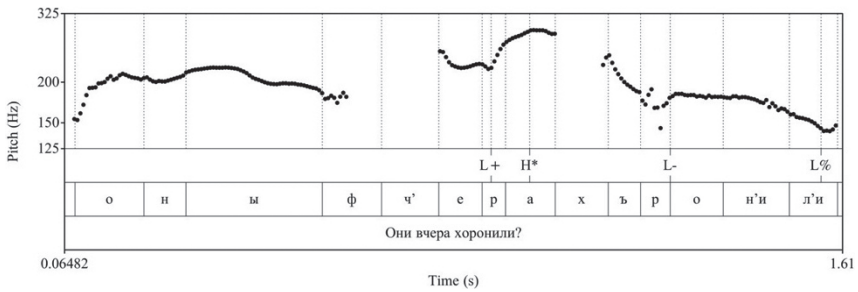

Рис. 3.15. Они вчера хоронили? (MBP1931)

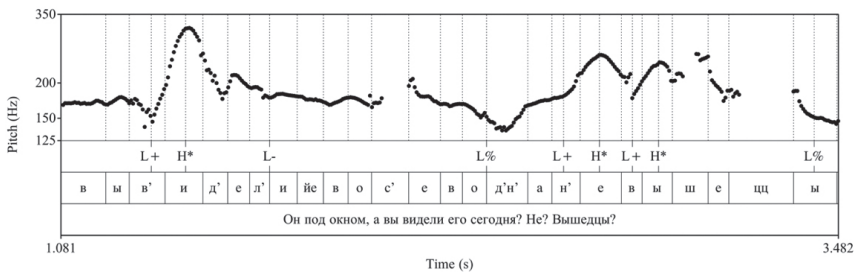

Рис. 3.16. Вы видели его сегодня? Не? Вышедцы? (MBP1931)

Полные данные о длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в процентах от общей длительности ударного гласного акцентоносителя) для каждого информанта приведены ниже на рис. 3.17.

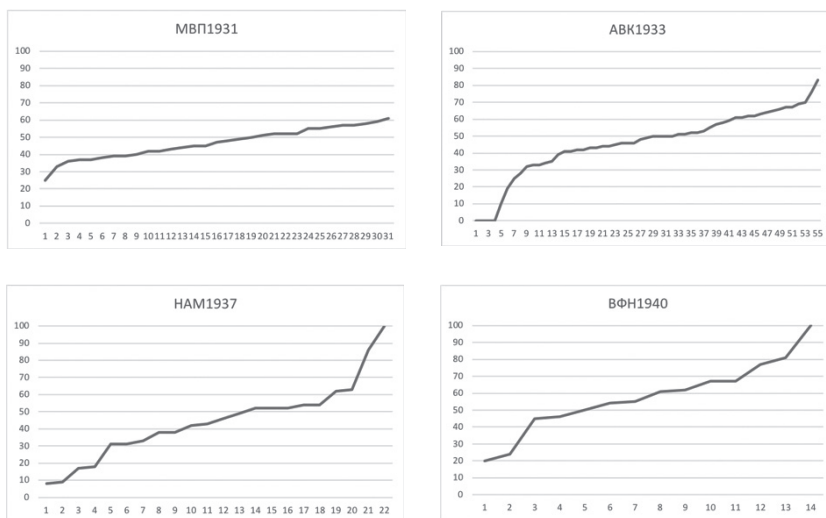

Рис. 3.17. Длительность отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности ударного гласного акцентоносителя)

В обобщенном виде эти же данные представлены на диаграммах размаха, или «ящиках с усами» (рис. 3.18), на которых видно, что полученные нами данные весьма компактно расположены в области около 50%, и это позволяет с уверенностью утверждать, что в общем вопросе **тональный максимум восходящего акцента** в исследованных новгородских говорах **приходится на середину ударного гласного акцентоносителя**. При этом на общем фоне своей наибольшей компактностью особо выделяются данные самого старшего (и наименее образованного) из информантов, МВП1931. Средняя длительность ударного гласного составила 113,7 мс, длительность начального отрезка ударного гласного до достижения точки тонального максимума — 53,7 мс, или 47,25 % общей длительности гласного.

Выше отмечалось, что после достижения тонального максимума на ударном гласном часто наблюдается продолжительный отрезок ровного тона. По нашим наблюдениям, тональный акцент с ровным высоким тоном чаще, чем в собственно вопросах, встречается в переспросах. Так, в идиолектах МВП1931 и АВК1933, от которых получено больше всего примеров, ровный тон встречается приблизительно в половине всех общих вопросов (48 % и 45 % соответственно), при этом в случае переспросов число контуров с ровным тоном составляет уже три четверти всех примеров (75 % и 73 % соответственно) — см. рис. 3.19.

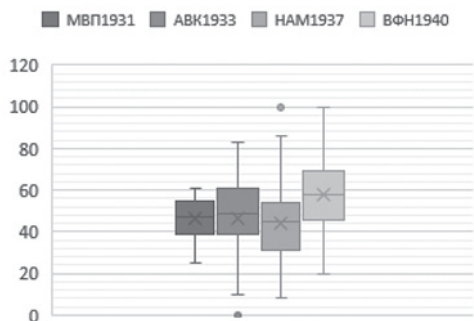

Рис. 3.18. Длительность отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (% от общей длительности гласного)

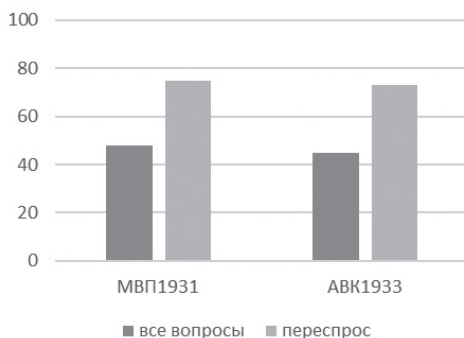

Рис. 3.19. Количество примеров с ровным высоким тоном — общий вопрос и переспрос (% от общего числа): МВП1931, АВК1933

3.3. Выводы

Основные выводы проведенного исследования мелодического контура общего вопроса в новгородском говоре можно сформулировать следующим образом:

- тональный максимум восходящего акцента приходится на середину ударного гласного акцентоносителя;
- нисходящее движение тона начинается в начале первого заакцентного слога и завершается к его концу или началу второго заакцентного слога (при его наличии), после чего сохраняется ровный низкий тон;
- в случае отсутствия заударных гласных понижение ЧОТ осуществляется на ударном, тем самым, усечение тонального контура отсутствует;
- падение тона может начинаться как сразу после достижения максимума, так и после промежутка, на котором сохраняется ровный высокий тон (эти две стратегии приблизительно равновероятны, причем выбор той или иной из них не зависит от количества заакцентных слогов);
- в рамках автосегментно-метрической фонологической модели этот контур может быть охарактеризован как (L+)Н* L- L% (восходящий акцент с нейтральным таймингом + низкий фразовый тон + низкий пограничный тон) или как Н* L- L% в случае, если отрезок с ровным высоким тоном по продолжительности превышает отрезок с восходящим.

Таким образом, можно сказать, что тональный контур общего вопроса в исследованном нами западном среднерусском окающем говоре занимает промежуточное положение между соответствующими мелодическими фигурами литературного русского языка и севернорусских говоров:

- при значительной общности (восходящий тон на ударном слоге акцентоносителя, последующее падение до низкого);

- от литературного его отличает более ранний тайминг⁴ (см. рис. 3.20) и отсутствие усечения нисходящего тона при реализации на последнем слоге во фразе;
- от архангельского — отсутствие ровного высокого тона на заударных слогах.

В обобщенном виде эти данные приведены в табл. 1.

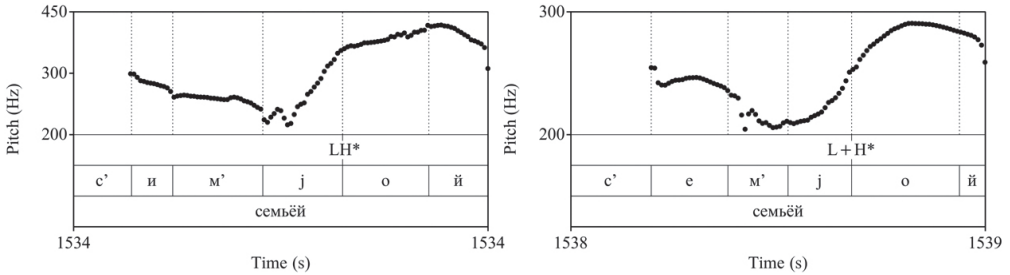

Рис. 3.20. Тайминг восходящего акцента в слове *семьей*: СРЛЯ (слева), АВК1933 (справа)

Табл. 1. Основные различия тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, архангельских и новгородском говорах

	СРЛЯ	Архангельские	Новгородский
Поздний тайминг восходящего акцента	+	—	—
Ровный высокий тон на заударных слогах	—	+	—
Усечение нисходящего тона	+	—	—
Тип мелодического контура	LH* L- L%	(L+)H* H- L%	(L+)H* L- L%

3.4. Некоторые следствия: восходящий акцент в СРЛЯ

В разных автосегментно-метрических описаниях восходящий тональный акцент общего вопроса (ИК-3) интерпретируется как L+H* [Igarashi 2006; 2008] или L*+H [Rathcke 2017: 225]. Действительно, в современном русском литературном языке фонологического контраста между акцентами L*+H и L+H*, по всей вероятности, не существует. Однако в севернорусских говорах оба эти акцента отмечены в пределах одной просодической системы [Князев 2022b]. При этом акцент L+H* в архангельских и — как показано в настоящем исследовании — в новгородских говорах отличается от восходящего акцента СРЛЯ более ранним таймингом, а L*+H и L+H* оба разнятся от литературного наличием ровного тона в первой или второй половине ударного гласного соответственно.

⁴ В архангельских говорах, в отличие от СРЛЯ, тайминг этого акцента тоже не является поздним, в них «на повышение тона приходится меньшая часть ударного гласного — в среднем 55,3 мс (48 %) общей длительности, а на ровный участок — большая часть — 60,3 мс (52 %)» [Князев 2022а: 128].

Таким образом, если рассматривать просодическую систему СРЛЯ изолированно, то восходящий тональный акцент общего вопроса типа ИК-3 может быть, конечно, интерпретирован как L+N* или как L*+N (убедительных аргументов в пользу выбора той или иной альтернативы, на наш взгляд, пока не существует). Если же, однако, перед исследователем стоит задача описания русской просодии в целом (включая диалекты) в рамках одной фонологической модели, ни то, ни другое решение не представляется разумным, так как эти акценты существуют в русском диалектном языке и существенно отличаются от литературного. Мы предлагаем поэтому для фонологической интерпретации ИК-3 литературного языка избрать обозначение вида LN*, эксплицирующее тот факт, что в СРЛЯ тональный акцент ориентирован именно на **изменение** тона, а не на его **значение**, как в севернорусских и (западных) среднерусских говорах.

4. Вопрос с вопросительным словом

В современном русском литературном языке основным способом оформления частного вопроса является нисходящий тональный акцент с последующим низким пограничным тоном⁵. При этом мелодический контур может содержать

- либо один тональный акцент с нейтральным таймингом на вопросительном слове (ИК-2⁶), которому обычно предшествует повышение тона на предударном слоге («занос») [Keijsper 1983; Odé 1989; Кодзасов 2009; Дурягин 2021]),
- либо два: восходящий на вопросительном слове и нисходящий с более ранним таймингом⁷ [Дурягин 2021: 152] на последнем слове синтагмы, соединенные ровным высоким тоном (ИК-5).

В исследованном нами новгородском говоре контур типа ИК-5 литературного языка фиксируется относительно редко (см. ниже рис. 4.8); даже с учетом того, что многие частные вопросы состоят лишь из одного вопросительного слова, можно сказать, что более распространенным способом их оформления являются конструкции с акцентом N*+L (см. рис. 4.1–4.7), весь контур имеет вид %L N*+L L%. В том, что касается фонетической реализации этого акцента, можно отметить два факта:

- 1) в случае наличия предударных слогов повышения на них ЧОТ, предшествующего падению, обычно не происходит (см. рис. 4.1–4.4), так что занос отсутствует;
- 2) понижение тона часто начинается не в самом начале ударного слога, а в его середине, причем падению обычно предшествует повышение ЧОТ (см.

⁵ Еще один, не нейтральный, способ — нисходяще-восходящий контур типа ИК-4, который в этом случае передает «оттенок недовольства» [Брызгунова 1980: 114].

⁶ В автосегментно-метрической модели этот акцент интерпретируется как N*+L [Igarashi 2008; Дурягин 2021: 150] или как N+L* [Duryagin, Knyazev 2022].

⁷ Как в ИК-1 (в отличие от ИК-2).

рис. 4.1, 4.3–4.7; 4.9, 4.10); таким образом, от восходящего акцента L+H* он отличается таймингом (более ранним достижением точки тонального максимума) и преобладанием нисходящей части над восходящей.

На этом основании мы считаем, что данный акцент фонетически характеризуется таймингом несколько более поздним, нежели ожидаемый: <H*+L.

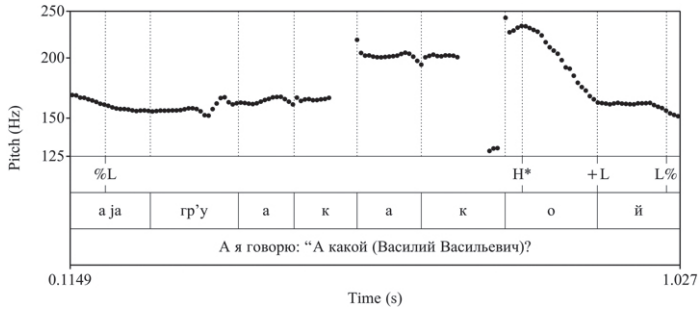

Рис. 4.1. А какой? (НАМ1937)

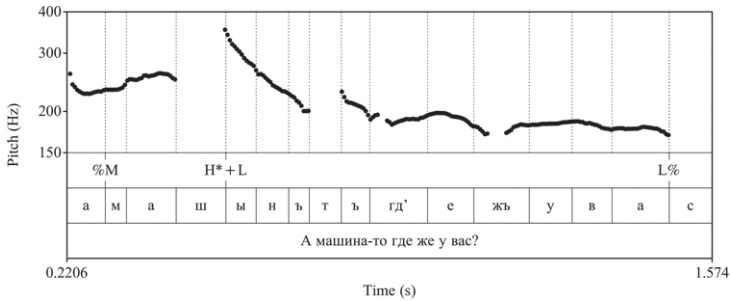

Рис. 4.2. А машина-то где же у вас? (ВФН1940)

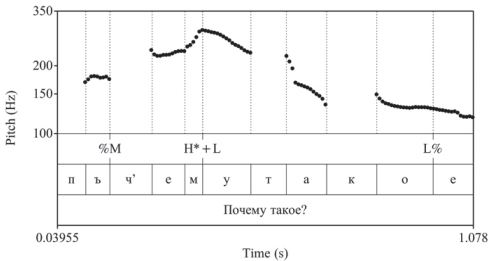

Рис. 4.3. Почему такое? (ВФН1940)

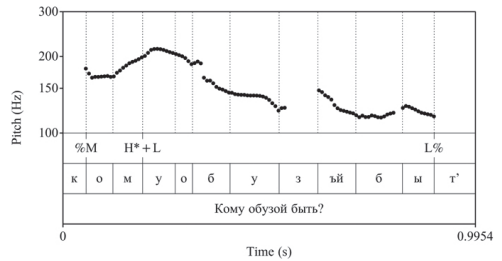

Рис. 4.4. Кому обузой быть? (ВФН1940)

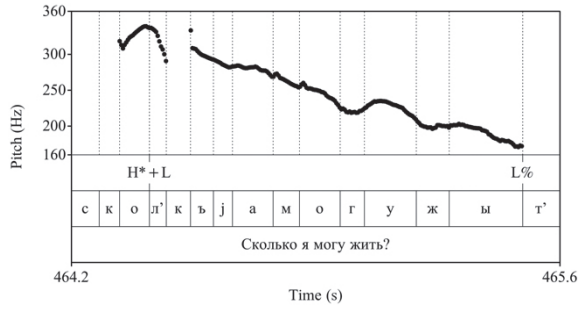

Рис. 4.5. *Сколько я могу жить?*
(ABK1933)

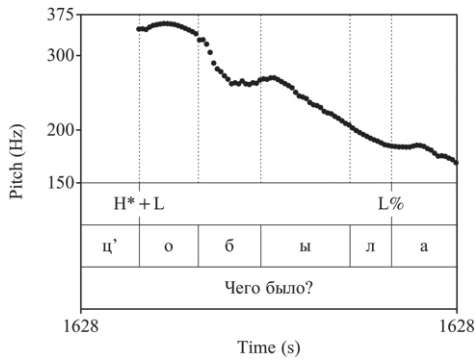

Рис. 4.6. *Чего было?*
(ABK1933)

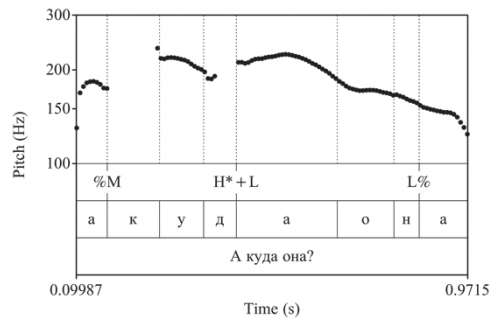

Рис. 4.7. *А куда она?*
(ВФН1940)

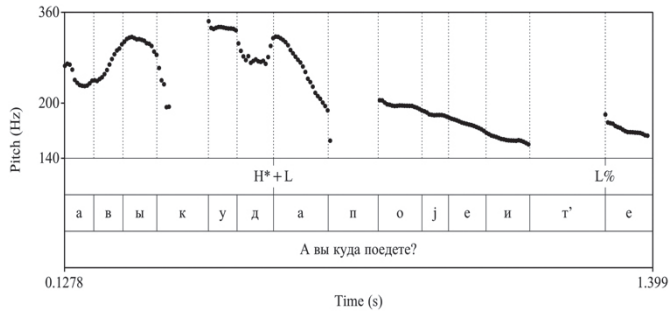

Рис. 4.8. *А вы куда поедете?*
(ABK1933)

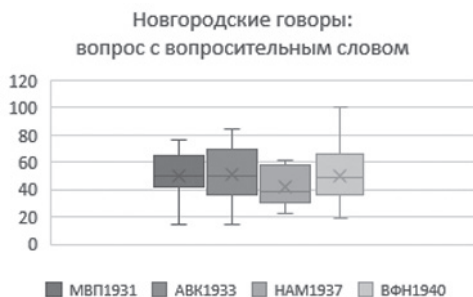

Рис. 4.9. Частный вопрос: начало падения ЧОТ относительно начала ударного слога (новгородский говор)

Рис. 4.10. Начало падения относительно начала ударного гласного в % от общего числа случаев: СРЛЯ и новгородский говор

5. Утверждение

Утвердительные высказывания как с узким, так и с широким фокусом в подавляющем большинстве случаев оформляются в новгородском говоре мелодическим контуром с тональным акцентом Н*+L (см. рис. 5.1, 5.2, 5.3, 5.5, 5.10). В случае «риторического давления на собеседника» [Кодзасов 2009: 20] после акцента имеет место восходяще-нисходящее движение тона на конечном слоге фразы (нисходящий конечный пограничный тон, НL%) — см. рис. 5.7, 5.8.

Отметим еще раз в этом случае наличие повышения ЧОТ в начале ударного слога перед падением во второй части (см. рис. 5.1, 5.2, 5.11, 5.12).

Тональный акцент L* используется в говоре преимущественно в составе мелодического контура L* Н%, сходного с ИК-4 литературного языка — см. рис. 5.9.

Контур, близкий ИК-1 литературного языка (см. рис. 5.7), в говоре встречается очень редко. В этом отношении диалект отличается как от СРЛЯ, так и от южнорусских и восточных среднерусских говоров, в которых акцент L* в составе контура %Н L* L% является одним из самых частотных при оформлении нейтральных утвердительных реплик (ср. рис. 5.3 и 5.4; 5.5 и 5.6).

Важным отличием новгородского говора от южнорусских и владимирского является также отсутствие в нем (фонологического) высокого начального пограничного тона, что, в свою очередь, сближает его с СРЛЯ.

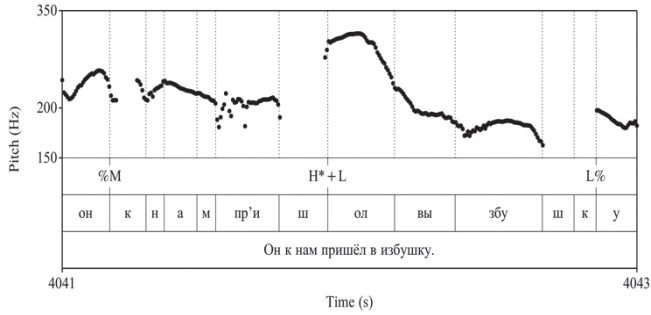

Рис. 5.1. Он к нам пришёл в избушку (HAM1937)

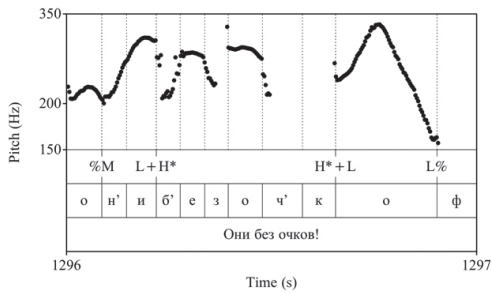

Рис. 5.2. Они без очков! (ABK1933)

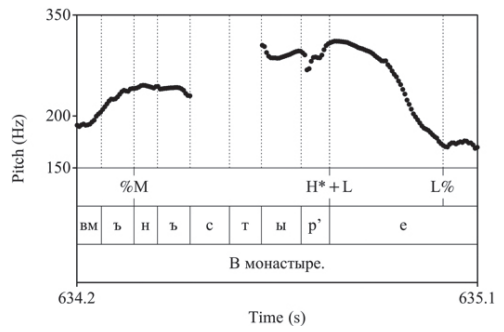

Рис. 5.3. В монастыре (ABK1933)

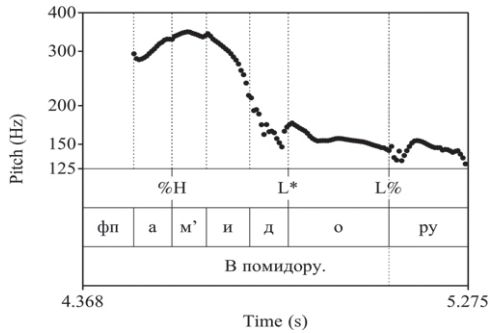

Рис. 5.4. В помидору (KAM1939, влд. ср.-р.)

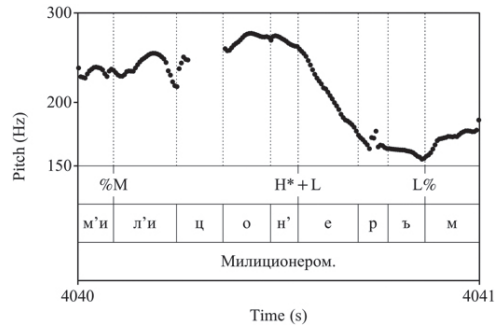

Рис. 5.5. Милиционером (HAM1937)

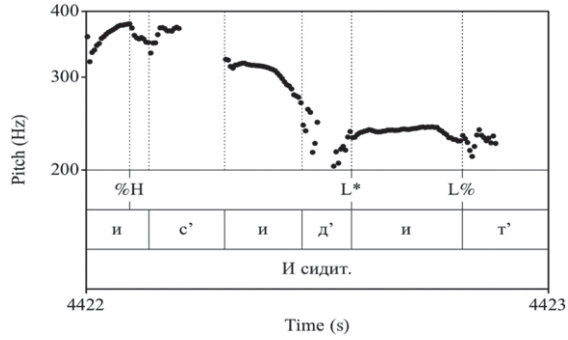

Рис. 5.6. *И сидит*
(AAD1926, ю.-р.)

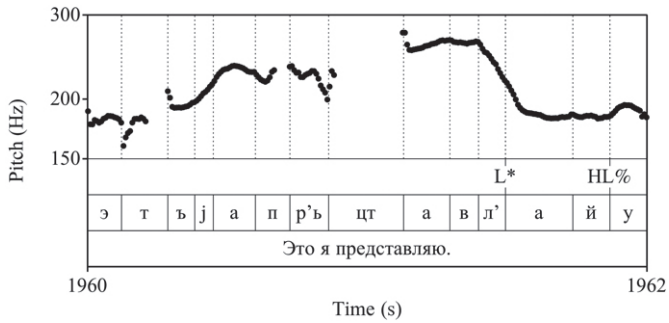

Рис. 5.7. *Это я представляю*
(ABK1933)

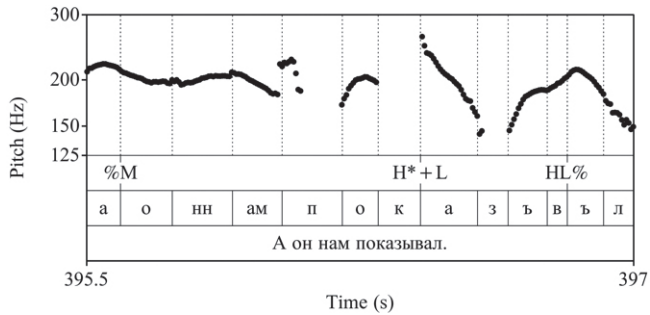

Рис. 5.8. *А он нам показывал*
(MVP1931)

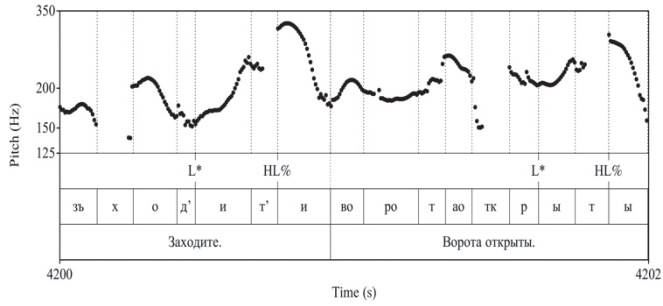

Рис. 5.9. *Заходите. Ворота открыты*
(HAM1937)

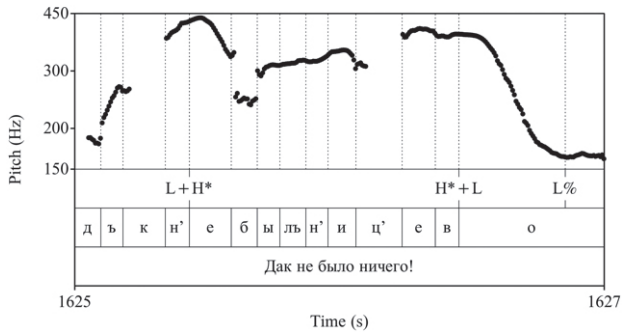

Рис. 5.10. *Да́к не было́ ничего!*
(ABK1933)

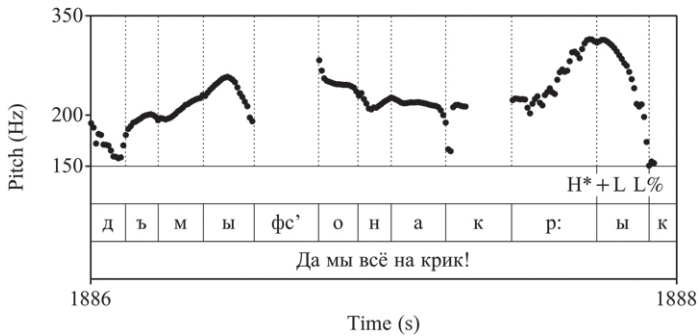

Рис. 5.11. *Да́ мы всё на́ крик!*
(ABK1933)

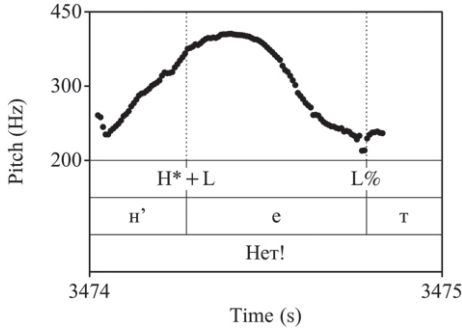

Рис. 5.12. Нет! (ABK1933)

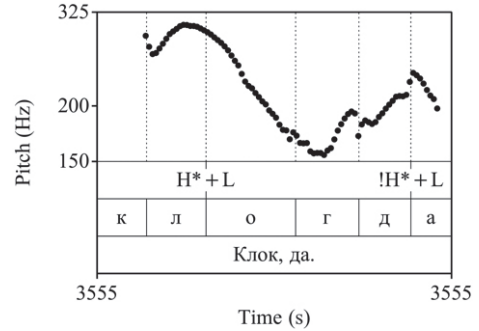

Рис. 5.13. Клок, да (ABK1933)

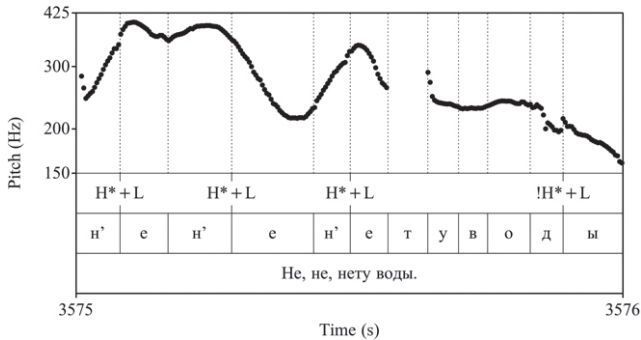

Рис. 5.14. Не, не, нету воды (ABK1933)

6. Незавершенность

Способы выражения незавершенности в новгородском говоре весьма сходны с теми, которые представлены в СРЛЯ:

- восходящий тональный акцент с низким конечным пограничным тоном типа ИК-3 ($L+H^* L\%$, см. рис. 6.1, 6.2),
- низкий тональный акцент с высоким конечным пограничным тоном типа ИК-4 ($L^* H\%$, см. рис. 6.3),
- восходящий тональный акцент с высоким конечным пограничным тоном типа ИК-6 ($L+H^* H\%$, см. рис. 6.4).

Начальный пограничный тон в этих примерах обычно средний. Основное отличие от СРЛЯ заключается при этом в большей распространенности контуров с высоким конечным пограничным тоном в новгородском говоре.

Наряду с этим при оформлении незавершенности, как и в случае общего вопроса, в говоре зафиксирован и контур с тональным акцентом H^* — ровным высоким (рис. 6.5). Отметим в очередной раз, что различие между акцентами $L+H^*$

(незавершенность) и Н*+L (утверждение) весьма тонкое, оно заключается в тайминге восходяще-нисходящего движения тона — более раннем в последнем случае (см. рис. 6.6).

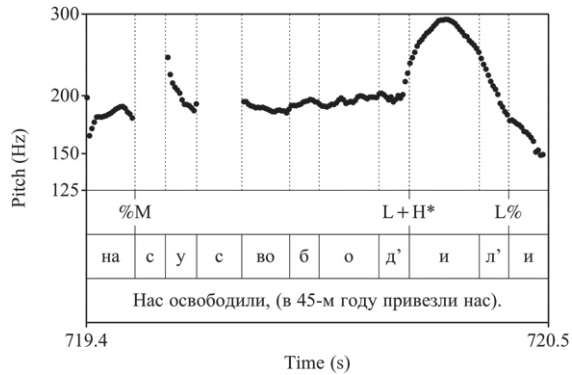

Рис. 6.1. Нас освободили... (АВК1933)

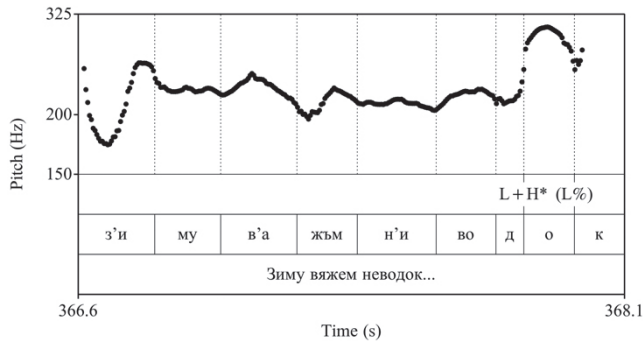

Рис. 6.2. Зиму вяжем неводок... (АВК1933)

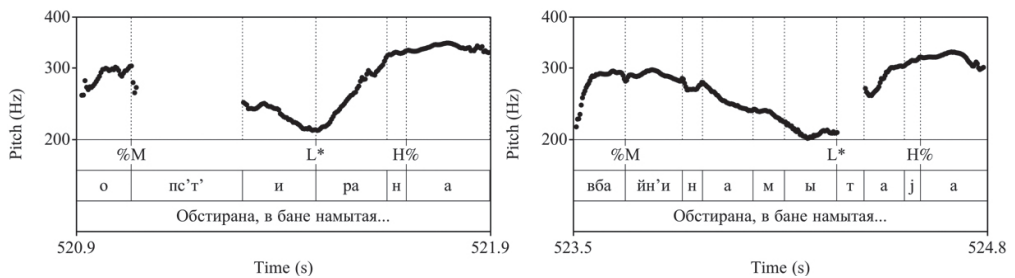

Рис. 6.3. Обстирана, в бане намытая... (АВК1933)

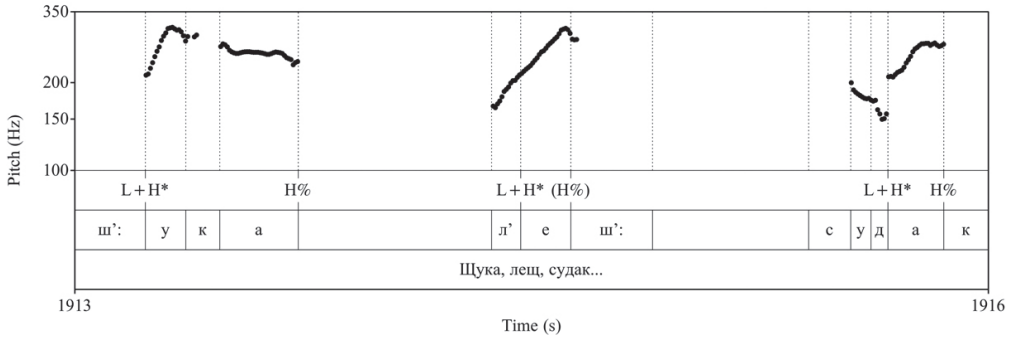

Рис. 6.4. Щука, лещ, судак... (МВП1931)

Рис. 6.5. Тётушка-то жила не здесь (АВК1933)

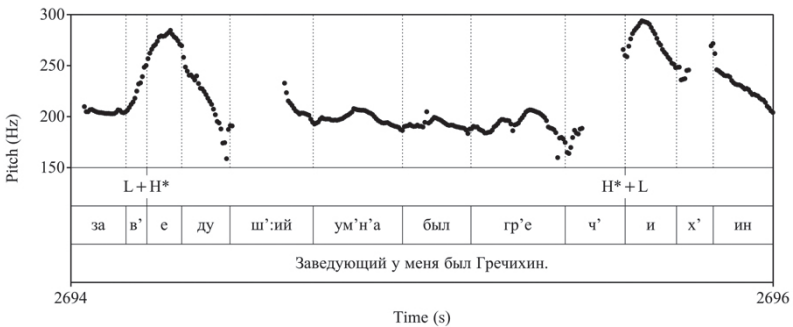

Рис. 6.6. Заведующий у меня был Гречихин (АВК1933)

7. Императив

Императивные конструкции представляют собой более или менее непрерывный ряд на шкале от очень вежливой просьбы до настойчивого требования, почти приказа. Первые обычно оформляются в новгородском говоре акцентом L*+H

(см. ниже рис. 7.1), для последних характерно использование контура с тональным акцентом N^*+L (см. ниже рис. 7.2–7.5). В этом отношении говор, по-видимому, не отличается от СРЛЯ.

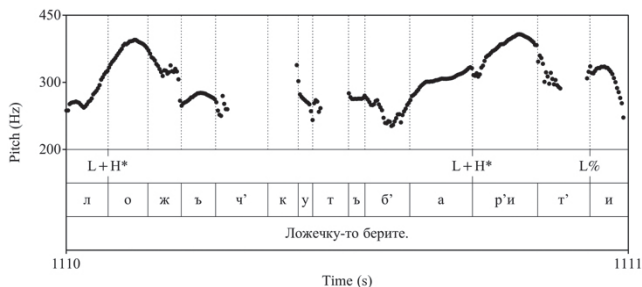

Рис. 7.1. Ложечку-то берите! (АВК1933)

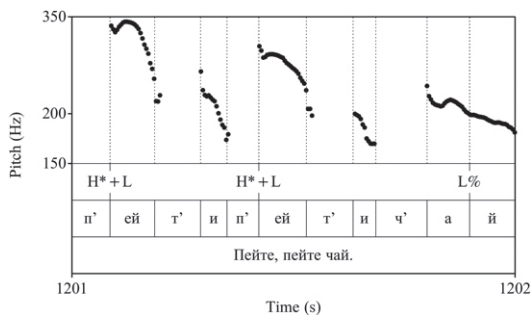

Рис. 7.2. Пейте, пейте чай (АВК1933)

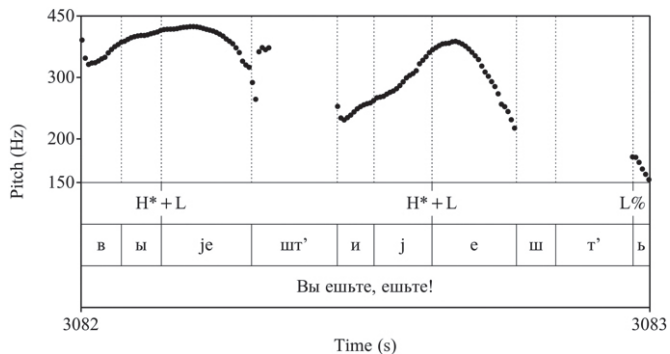

Рис. 7.3. Вы ешьте, ешьте! (НАМ1937)

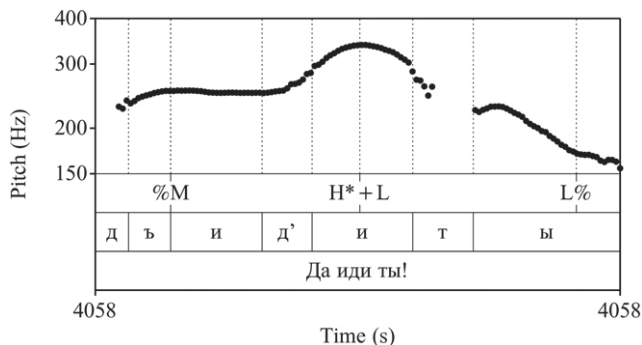

Рис. 7.4. Да иди ты! (НАМ1937)

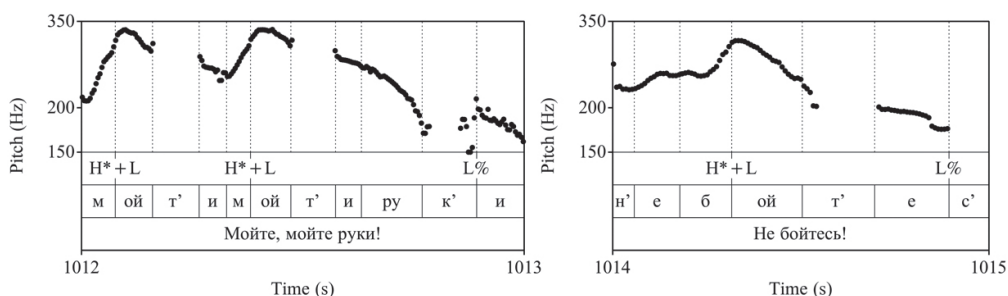

Рис. 7.5. Мойте, мойте руки! Не бойтесь! (ABK1933)

8. Вокатив

Просодия вокативов в СРЛЯ подробно исследована С. В. Кодзасовым [Кодзасов 2009: 161–174]. Среди нейтральных обращений С. В. Кодзасов выделяет два основных типа:

- 1) «просьба на вступление в контакт», глубинная форма этой тональной фигуры — «восходящий акцент на ударном слоге и нисходящий акцент на конечном, промежуточные слоги, если они есть, имеют ровный тон» [Кодзасов 2009: 162], см. рис. 8.1 (где второй акцент реализован на последнем ударном слоге);
- 2) обращения, характерные для «менее кооперативного общения», которые используются «для вступления в конфликтный диалог или для психологического дистанцирования от собеседника»; в этом случае «восходяще-нисходящее движение тона осуществляется внутри ударного слога независимо от наличия других слогов в слове» [Кодзасов 2009: 163].

Пример вокатива группы 1 из новгородского говора приведен на рис. 8.1. Его просодическое оформление отличается от литературного отсутствием второго (нисходящего) акцента.

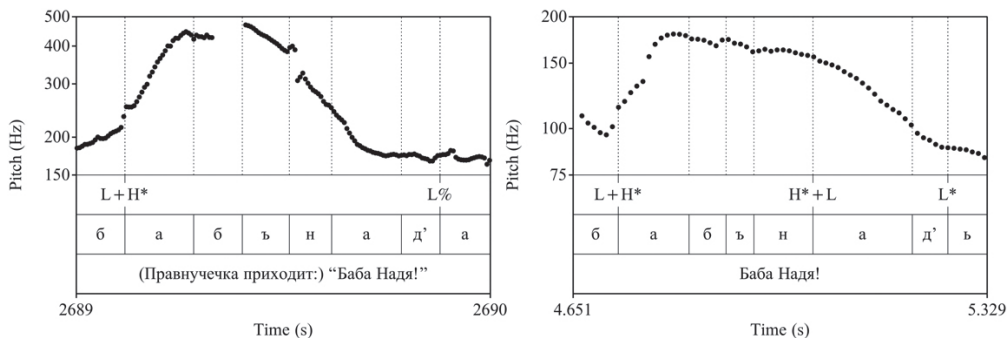

Рис. 8.1. Баба Надя! (слева — НАМ1937, справа — СРЛЯ)

9. Выводы

Анализ просодической системы новгородского говора показал, что она в целом весьма сходна с литературной. Это касается как набора фонологических тональных средств, так и их использования для оформления базовых коммуникативных категорий — общего и частного вопроса, утверждения, незавершенности, императива.

Как и в литературном языке, мы постулируем в ней три основных тональных акцента — восходящий, нисходящий и низкий, а также два базовых конечных пограничных тона — высокий и низкий. В качестве факультативного тонального акцента в говоре может быть выделен высокий H^* , встречающийся в переспросах, значительно реже — при оформлении незавершенности; однако вопрос о том, является ли H^* отдельным тональным акцентом или вариантом восходящего $L+H^*$ со сверхнормальным таймингом, требует дальнейших исследований.

Фонологические различия между начальными пограничными тонами и фразовыми тонами в говоре, как и в СРЛЯ, по-видимому, отсутствуют.

Основные различия между говором и литературным языком заключаются, таким образом, в фонетической реализации тональных акцентов и их употреблении:

- 1) восходящий тональный акцент ($L+H^*$) при оформлении общего вопроса и незавершенности характеризуется более ранним таймингом достижения максимума ЧОТ, чем в СРЛЯ, — в середине, а не в конце ударного слога, усечение тонального контура при этом отсутствует;
- 2) наоборот, тайминг нисходящего тонального акцента (H^*+L) является более поздним, чем в литературном языке: начало падения ЧОТ приходится на середину, а не начало ударного гласного, причем понижению тона предшествует его повышение на самом ударном, а не на предупредительном гласном (что, по-видимому, объясняется спецификой ритмической структуры слова в говоре);
- 3) утвердительные предложения как с узким, так и с широким фокусом в говоре в большинстве случаев оформляются при помощи нисходящего акцента H^*+L ; акцент L^* используется преимущественно в составе мелодического контура с высоким конечным пограничным тоном (типа ИК-4 СРЛЯ).

Литература

- Брызгунова Е. А.* Интонация и смысл предложения // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 35–40.
- Брызгунова Е. А.* Интонация. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Шведова Н. Ю. (ред.). М.: Наука, 1980. С. 103–118.
- Высотский С. С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973. С. 17–41.
- Дурягин П. В.* Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (41). С. 137–177.
- Касаткина Р. Ф.* Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII). М.: Наука, 2002. С. 134–150.
- Князев С. В.* О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением // Русский язык в научном освещении. 2022а. Т. 43, № 1. С. 113–153.
- Князев С. В.* О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022b. № 1. С. 7–39.
- Кодзасов С. В.* Исследования в области русской интонации. М., Языки славянских культур, 2009. 496 с.
- Пост М.* К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.
- Янко Т. Е.* Русская интонация в задачах и примерах // Русский язык в научном освещении. 2004. Т. 2 (8). С. 86–123.
- Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.
- Янко Т. Е.* О просодической вариативности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XIII: Культура русской речи. М.: ИРЯ РАН, 2017. С. 205–214.
- Duryagin P. V., Knyazev S. V.* Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties // Russian linguistics, 2022, vol. 46, 2, pp. 55–77.
- Igarashi Y.* Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations // Y. Kawaguchi, I. Fónagy, T. Moriguchi (eds.). Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2006, pp. 175–196.
- Igarashi Y.* Russian interrogatives and intonational categories // A. Steube (ed.). The discourse potential of underspecified structures. Berlin, De Gruyter, pp. 227–269.
- Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N.* CoRuSS — a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech // Proceedings of LREC 10, 2016, pp. 1949–1954.
- Keijsper C. E.* Comparing Dutch and Russian pitch contours // Russian Linguistics, 1983, 7, pp. 101–154.
- Odé S.* Russian intonation: a perceptual description. Amsterdam, Brill, 1989. 304 p.

Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication*, 47 (1–2), 2005, pp. 71–79.

Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institut for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005. 572 p.

Post M. Post-nuclear prominence patterns in Northern Russian question intonation // *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008, pp. 233–236.

Rathcke T. A perceptual study on Russian questions and statements. *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel*, 2006, 37, pp. 51–62.

Rathcke T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 2017, 73, pp. 194–228.

Sergey V. Knyazev¹, Svetlana V. Dyachenko²
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svknia@gmail.com¹, svet-lan-a@list.ru²

PHRASE PROSODY OF A WESTERN MIDDLE-RUSSIAN DIALECT WITH OKAN’JE

This paper deals with the intonation of the Western Middle-Russian dialects with *okan’je* spoken in Novgorod district of Novgorod region. The study is based on the material of dialectal speech recordings made in the 2019 and 2022 (four speakers born in 1931–1940, total duration — 7,5 hours). It reveals that the prosodic system of these dialects is relatively similar to that one of the Modern Standard Russian, sharing with it most pitch accents (L*, H*+L, L*+H) and association of tonal structures with the basic communicative categories — statements with broad and narrow focus, yes-no questions, wh-question, non-finality, commands and requests. Meanwhile, the difference between the Novgorod dialect and Standard Russian is not that noticeable and lays in the domain of phonetic realization and the degree of manifestation of particular elements of prosodic structure as well as in the degree of their prevalence rather than in the set of prosodic units. Thus, our data shows the earlier timing of the rising L*+H tonal accent and the later timing of the falling H*+L pitch accent in the dialect as well as more narrow distribution of the L* accent, which combines with the high boundary tone rather than with low one. We finally suggest the interpretation of LH* L- L% for the yes-no questions in Standard Russian emphasizing the contour nature of the pitch accent in this variety as opposed to

L+H* H- L% for Northern Russian and L+H* L- L% for Western Middle-Russian dialects with okan'je.

Keywords: Western Middle-Russian dialects, phonetics, prosody, pitch accent.

References

- Bryzgunova E. A. [Intonation and meaning of the sentence]. *Russkii yazyk za ru-bezhom*, 1967, no. 1, pp. 35–40. (In Russ.)
- Bryzgunova E. A. *Intonatsiya. Russkaya grammatika. Vol. 1: Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya*. [Intonation. Russian grammar. Vol. 1: Phonetics, phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 103–118.
- Vysotskii S. S. [About sound structure in Russian dialects]. *Issledovaniya po russkoi dialektologii*. Ed. by S. V. Bromlei. Moscow, 1973, pp. 17–41. (In Russ.)
- Duryagin P. V. [Russian wh-question intonation: Experimental data on some sources of variation.]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, no. 1 (41), pp. 137–177. (In Russ.)
- Kasatkina R. F. [Remarks on Southern Russian intonation]. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii I (VII)*. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 134–150. (In Russ.)
- Knyazev S. V. [The structure of pitch accent in Russian dialects with “word-by-word” melodic contour.]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022a, no. 1 (43), pp. 113–153. (In Russ.)
- Knyazev S. V. [Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2022b, no. 1, pp. 7–39. (In Russ.)
- Kodzason S. V. *Issledovaniya v oblasti russkoi intonatsii* [Research in the field of Russian intonation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. 496 p.
- Post M. [On the Problem of Describing the Intonation of a yes-no Question in a Northern Russian Dialect]. *Fonetika segodnya*. In M. L. Kalenchuk, & R. F. Kasatkina (Eds.). Moscow, IRiA RAN Publ., 2007, pp. 156–157. (In Russ.)
- Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte* [International strategies of Russian speech in comparative dimension]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. 312 p.
- Yanko T. E. [On Prosodic Variation]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. XIII: Kul'tura russkoi rechi*. Moscow, IRiA RAN Publ., 2017, pp. 205–214. (In Russ.)
- Yanko T. E. [Russian intonation in problems and examples]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 2 (8), pp. 86–123. (In Russ.)
- Duryagin P. V., Knyazev S. V. Prosodic diversity in Standard Russian: pitch alignment in Central and Northern varieties. *Russian linguistics*, 2022, vol. 46, 2, pp. 55–77.
- Igarashi Y. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (Eds.). *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2006, pp. 175–196.

Igarashi Y. Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), *The discourse potential of underspecified structures*. Berlin, De Gruyter, pp. 227–269.

Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N. CoRuSS — a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech. *Proceedings of LREC 10*, 2016, pp. 1949–1954.

Keijsper C. E. Comparing Dutch and Russian pitch contours. *Russian Linguistics*, 1983, no. 7, pp. 101–154.

Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech Communication*, vol. 47 (1–2), 2005, pp. 71–79.

Odé S. *Russian intonation: a perceptual description*. Amsterdam, Brill, 1989. 304 p.

Post M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation. *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008, pp. 233–236.

Post M. *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech*. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005. 572 p.

Rathcke T. A perceptual study on Russian questions and statements. *Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung der Universität Kiel*, vol. 37, 2006, pp. 51–62.

Rathcke T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, vol. 73, 2017, pp. 194–228.

С. В. Князев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

svknia@gmail.com

ИНТОНАЦИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО АРХАНГЕЛЬСКОГО ГОВОРА

В статье излагаются результаты исследования некоторых наиболее ярких особенностей фразовой просодии в говоре села Климовского Коношского района Архангельской области. Проведенный на материале диалектных записей 1970 г. (8 информантов, 5,5 часов звучания) анализ дает основания утверждать, что к их числу можно отнести: 1) оформление общего вопроса тональным контуром с восходящим тональным акцентом и низким пограничным тоном без фразового тона ($L+N^* L\%$), что отличает его как от северо-восточных архангельских говоров, которым свойственен высокий фразовый тон ($L+N^* H- L\%$), так и от литературного русского языка (низкий фразовый тон, $L+N^* L- L\%$); 2) высокий начальный пограничный тон ($\%H$) в утвердительных предложениях; 3) ровный высокий тон (H^*) предъядерных тональных акцентов; 4) наличие даунстепа — понижения тонального уровня на каждом последующем предъядерном тональном акценте ($!H^*$); 5) оформление незавершенности высказывания при помощи высокого конечного пограничного тона ($H\%$), который также может быть реализован с даунстепом ($!H\%$). При этом наиболее распространенные гипотезы, объясняющие наличие даунстепа в просодических системах, на материале архангельских говоров не подтверждаются.

Ключевые слова: севернорусские говоры, фонетика, фразовая интонация, общий вопрос, пограничный тон, тональный акцент, даунстеп.

1. Климовское: общий вопрос

1.1. Наиболее типичным способом оформления общего вопроса в современном русском литературном языке (СРЛЯ) является восходяще-нисходящее изменение частоты основного тона (ЧОТ), или третья интонационная конструкция (ИК-3): «На ударном слоге выделенного слова тон резко повышается. При этом необходимо иметь в виду две особенности повышения тона: ударный слог начинается с высокой точки по сравнению с предударным слогом; в пределах ударного слога тон продолжает повышаться... На заударном слоге тон резко понижается» [Брызгунова 1963: 240, 243], после этого на всем протяжении фразы сохраняется низким.

Восходящий тональный акцент в центре ИК-3 СРЛЯ характеризуется **поздним таймингом**: тональный максимум достигается в конце ударного слога, а при наличии заударного слога — часто на нем (см. рис. 1¹) [Igarashi 2006: 190, 193].

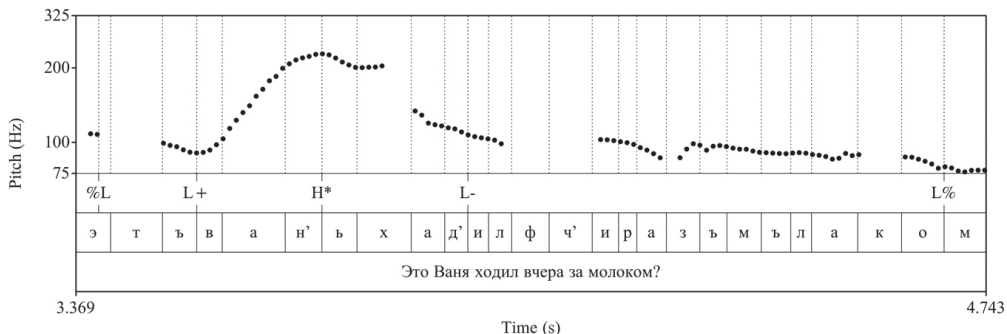

Рис. 1. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это Ваня ходил вчера за молоком?* (СРЛЯ)

Если заакцентная часть (безударные слоги после ударного гласного акцентоносителя) в высказывании отсутствует, этот тональный контур в СРЛЯ подвергается усечению («truncation»): падения тона после его подъема не происходит [Odé 2005; Янко 2004: 92; Rathcke 2017: 225].

1.2. Во многих архангельских (Пинежских, Верхнетоемских, Мезенских, Лешуконских и др.) и некоторых вологодских говорах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителе наблюдается значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего (реже — предпоследнего) сохраняется высокий ровный уровень ЧОТ [Post 2005; Князев 2022b] (см. рис. 2, 3).

Этот мелодический контур в говоре д. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. описан в работах М. Пост [Post 2005; Пост 2007; Post 2008; Пост 2008] и назван ей «широкой шляпой» («broad hat»²): “Whereas in ИК-3 the fall starts immediately after the stressed syllable of the accented word... it starts later in this movement, possibly only in the last syllable or syllables” [Post 2005: 49]; его структура близка к ИК-5, но отличается от нее, в частности, более поздним таймингом нисходящего движения тона и описывается, на наш взгляд, следующим образом: %L L+Н* Н- L% [Князев 2022a, b]. При этом в терском говоре данный контур сосуществует со стандартным

¹ Ниже в подписях к рисункам используется упрощенная транскрипция, в которой, однако, отражаются основные произносительные особенности. Кроме того, все фразы приводятся в орфографической записи. Если кривая ЧОТ на рисунке представляет собой фрагмент фразы (и он дается в транскрипции), в строке орфографической записи обычно приводится вся фраза целиком. Тональный максимум на графиках обозначается знаком Н, тональный минимум — знаком L; % — пограничный тон, * — тональный акцент, - — фразовый тон, подробнее см. [Князев 2022b].

² По аналогии с «плоской шляпой» («flat hat») — термином голландской интонологической школы [’t Hart et al. 1990].

Рис. 2. Кривая ЧОТ фразы *Видели вы у неё мужика-то?* (д. Вадюга Верхнетоемского района Архангельской обл.)

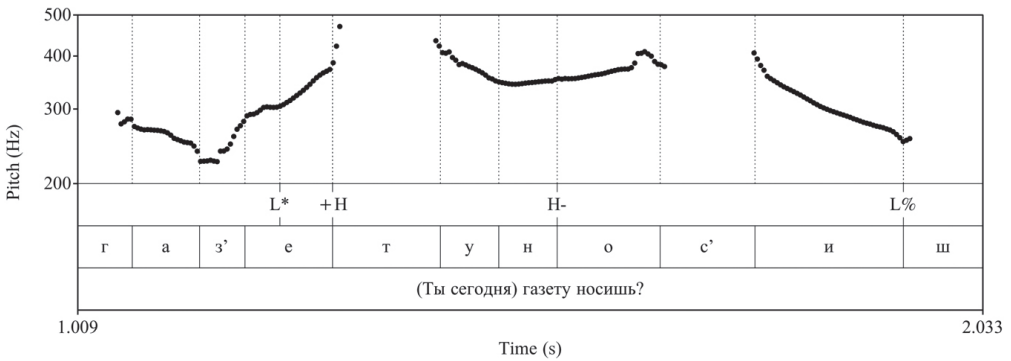

Рис. 3. Кривая ЧОТ общего вопроса *(Ты сегодня) газету носишь?* (д. Андозеро Белозерского района Вологодской области)

для русского (в том числе литературного) общего вопроса контуром с резким подъемом ЧОТ и последующим немедленным падением (%L (L+H)* L- L%, ИК-3) — «острой шляпой» в терминологии М. Пост.

1.3. Есть, однако, основания полагать, что этими двумя типами мелодического контура — *острой* и *широкой* шляпой — не исчерпываются способы стандартного оформления общего вопроса в архангельских говорах. Так, при анализе фразовой просодии в говоре села Климовского Коношского района Архангельской обл.³ (южная в узком, юго-западная в широком смысле диалектная зона архангельских говоров [Гецова 1997: 150]) нами был обнаружен третий тип контура вопроса без вопросительного слова. Типичные его примеры приведены ниже на рис. 4–9.

³ Запись М. А. Штудинера 1970 г., 5,5 часов звучания, хранится в фонотеке филологического факультета МГУ. Пользуясь случаем, приношу свою глубокую благодарность Е. А. Нефедовой и И. Б. Качинской за возможность ознакомиться с этими текстами.

Во всех этих случаях фраза начинается с низкого пограничного тона (%L), после чего на ударном слоге акцентоносителя происходит подъем до высокого (L+H*)⁴, затем тон некоторое время (около 50 мс) сохраняется ровным и, наконец, с начала первого заударного слога осуществляется плавное падение ЧОТ по направлению к конечному слогу фразы, на котором тон дон достигает минимального значения (низкий конечный пограничный, L%).

Весь контур, таким образом, имеет структуру %L L+H* L% и отличается как от литературного («острая шляпа»), так и от типичного архангельского («широкая шляпа») отсутствием фразового тона (L- и H- соответственно). По аналогии с уже имеющимися терминами этот тип можно, по-видимому, назвать *косой шляпой*.

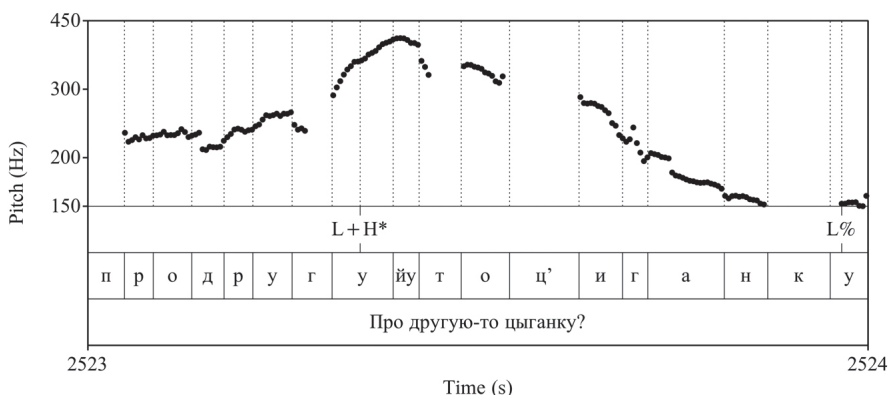

Рис. 4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Про другую-то цыганку?* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

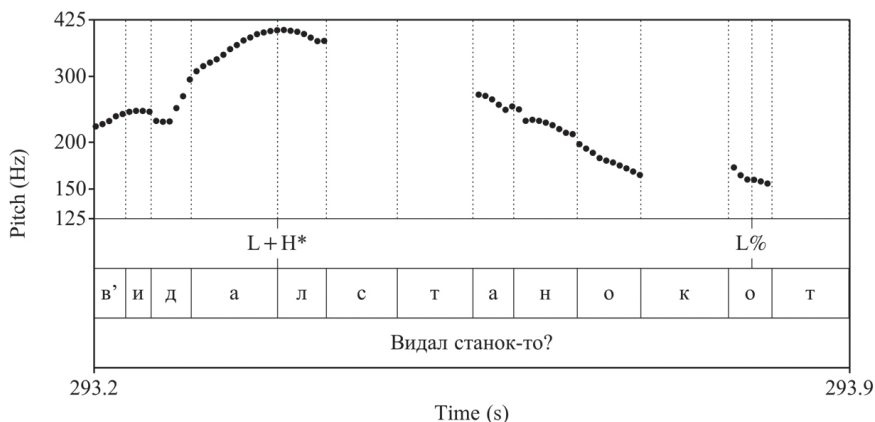

Рис. 5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Видал станок-то?* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

⁴ Начинающийся на согласном инициали ударного слога.

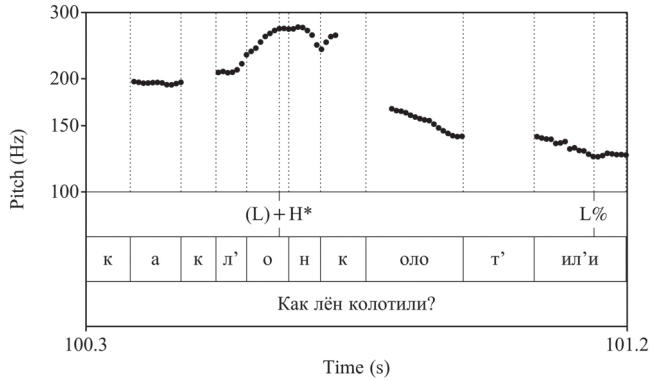

Рис. 6. Кривая ЧОТ общего вопроса *Как лён колотили?* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

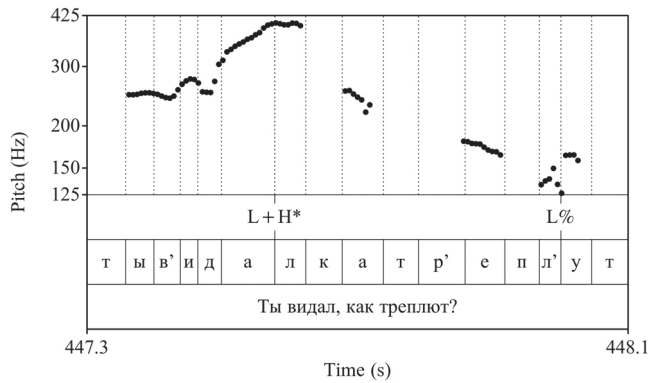

Рис. 7. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты видал, как треплют?* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

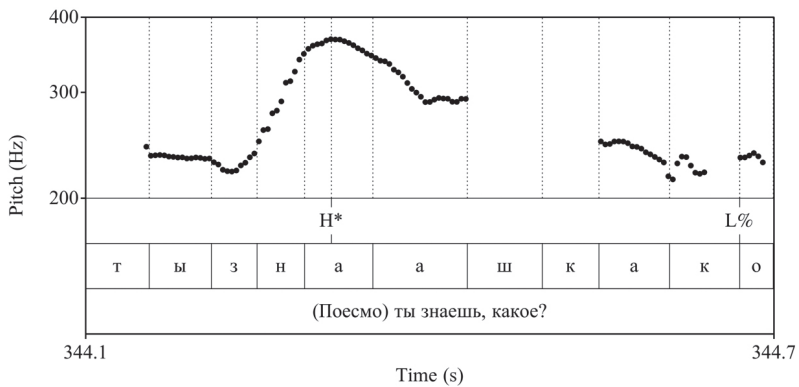

Рис. 8. Кривая ЧОТ общего вопроса *(Поесмо) ты знаешь, какое?* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

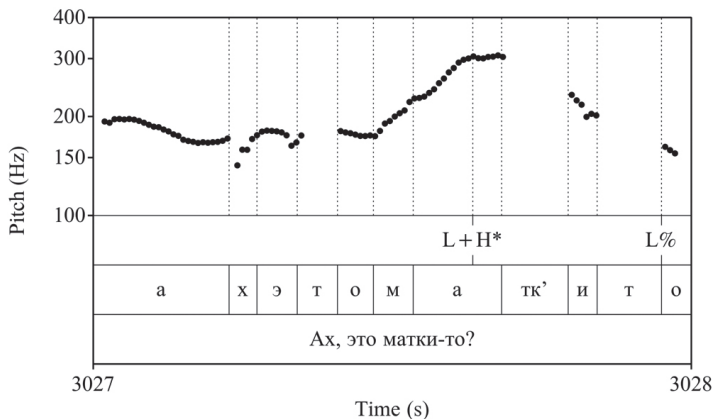

Рис. 9. Кривая ЧОТ общего вопроса
Ах, это матки-то?
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

Этот способ оформления общего вопроса не является в говоре единственным: встречается в нем — возможно, под влиянием СРЛЯ — и острая шляпа (см. рис. 10⁵, 11), но гораздо реже, нежели косая.

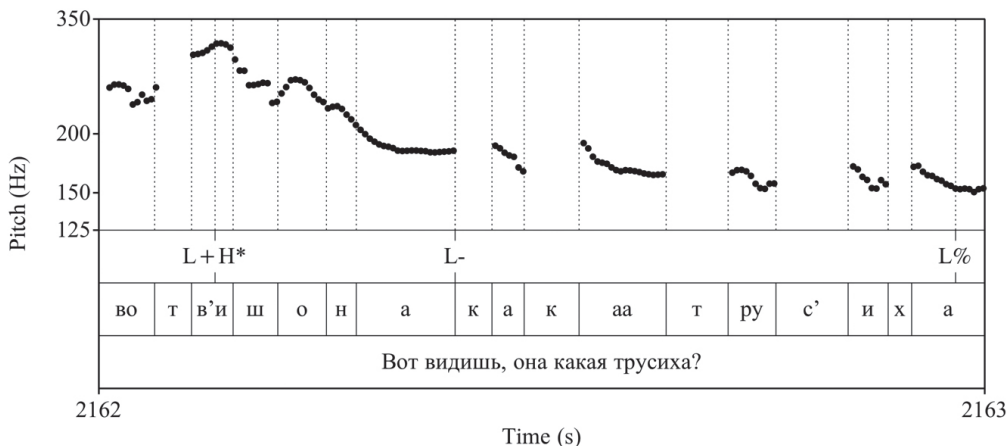

Рис. 10. Кривая ЧОТ общего вопроса *Видишь, она какая трусиха?*
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

⁵ Строго говоря, впрочем, существует некоторая вероятность, что в данном случае слово *видишь* представляет собой отдельную синтагму, тогда различия между шляпами, конечно, нейтрализованы.

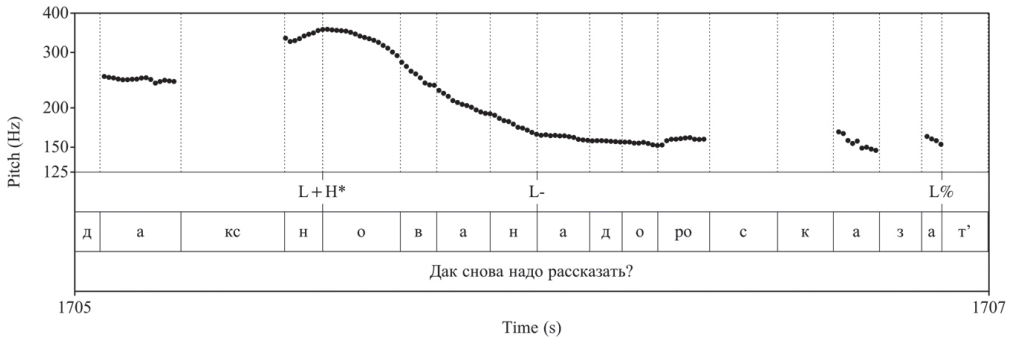

Рис. 11. Кривая ЧОТ общего вопроса
Да́к снова надо́ рассказать?
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

2. Климовское: нейтральное утверждение

2.1. Наряду с яркой особенностью оформления общего вопроса, описанной выше, климовский говор характеризуется и в значительной мере сходным типом оформления (нейтральных) утвердительных высказываний. Релевантные примеры такого рода приведены ниже на рис. 12–25.

2.2. На рисунках 12–19 и 21–25 видно, что тон во фразе плавно понижается от начала к концу высказывания, что очень напоминает контур, приведенный на рис. 4–9. Одно из явных отличий заключается, однако, в том, что тональный максимум во всех этих случаях приходится на самое начало, первый же слог фразы. Иногда этот тональный максимум явно представляет собой тональный акцент, похожий на восходящий (рис. 15, 16, 21); в других случаях (рис. 13, 14, 18, 19, 25) принять решение о том, является ли он акцентом, затруднительно, поскольку высокий тон ассоциирован со словами, которые обычно тональных акцентов не несут (*вот, ну, там, вот, вот* соответственно), но все-таки в определенных случаях могут и служить акцентоносителями. Наконец, из рисунков 12, 17, 20, 22, 23 становится очевидным, что этот высокий тон в начале фразы тональным акцентом в большинстве случаев⁶ не является, поскольку вполне может быть ассоциирован с безударным слогом. Таким образом, он представляет собой **высокий начальный пограничный тон** (%Н), отличающий соответствующие высказывания от общих вопросов (при наличии между ними общей черты — тонального склона, т. е. постепенного падения тона от высокого к низкому⁷).

2.3. Есть между контурами на рисунках 4–11 и 12–25 и другое отличие. Высказывания, приведенные на рис. 4–9, содержат лишь один тональный акцент каждое,

⁶ Кроме 15, 16 и 21.

⁷ Это падение тона не является, конечно, деклинацией, так как его интервал слишком велик — до 250 Hz.

в то время как на рисунках 12–19 представлены интонограммы фраз, содержащих больше одного тонального акцента. Перцептивному ощущению выделенности соответствующих слов на интонограммах в подавляющем большинстве случаев соответствуют участки **ровного тона**, маркирующие соответствующие гласные на фоне общего понижения ЧОТ.

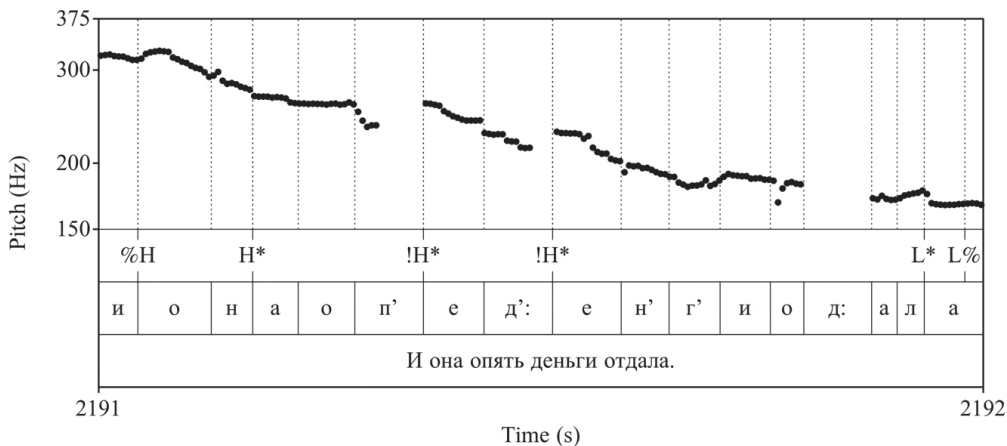

Рис. 12. Кривая ЧОТ фразы
И она опять деньги отдала
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

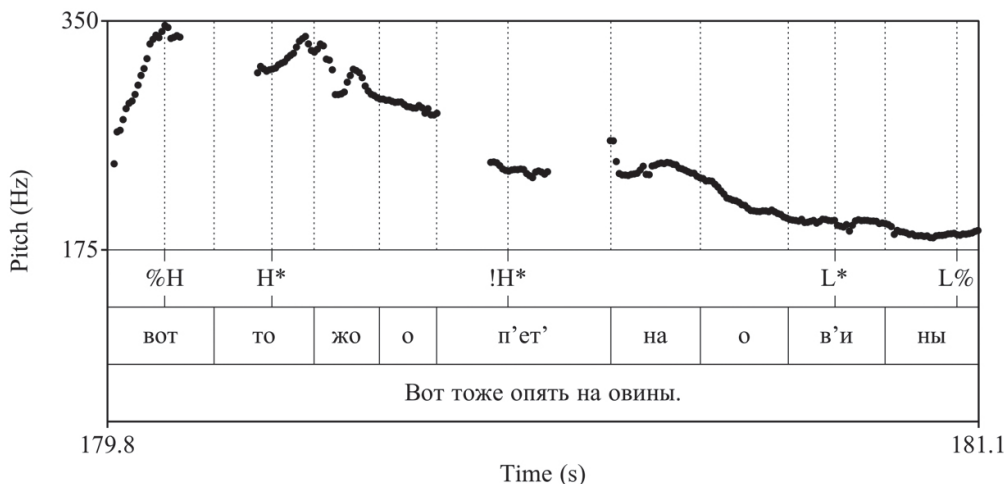

Рис. 13. Кривая ЧОТ фразы
Вот тоже опять на овины
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

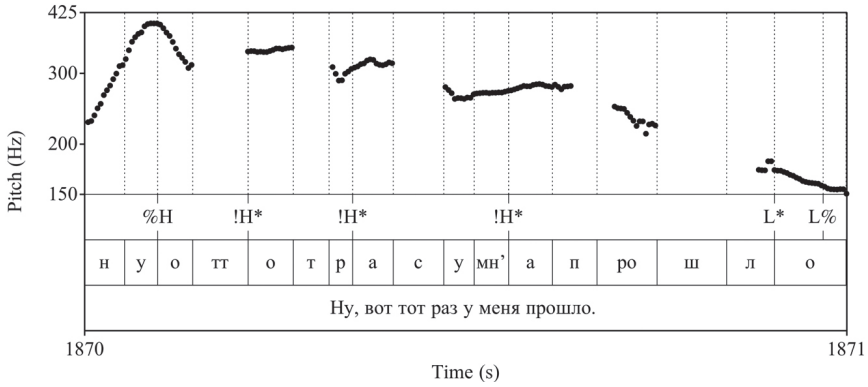

Рис. 14. Кривая ЧОТ фразы *Ну, вот тот раз у меня прошло* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

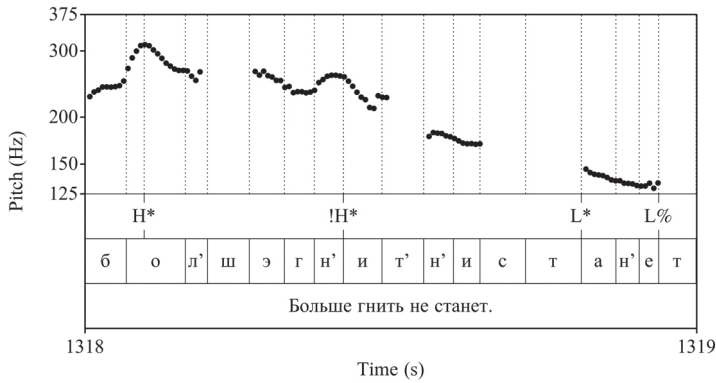

Рис. 15. Кривая ЧОТ фразы *Больше гнить не станет* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

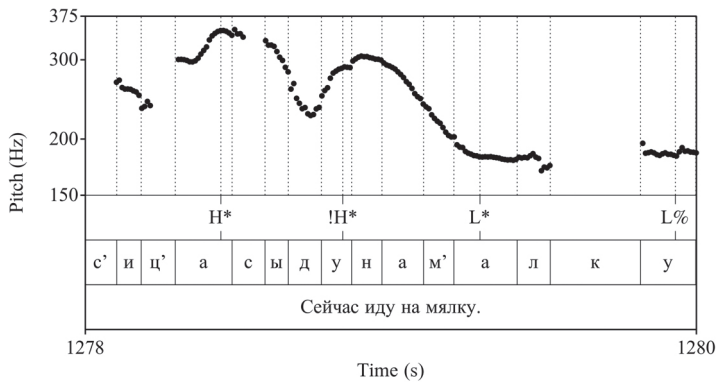

Рис. 16. Кривая ЧОТ фразы *Сейчас иду на мялку* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

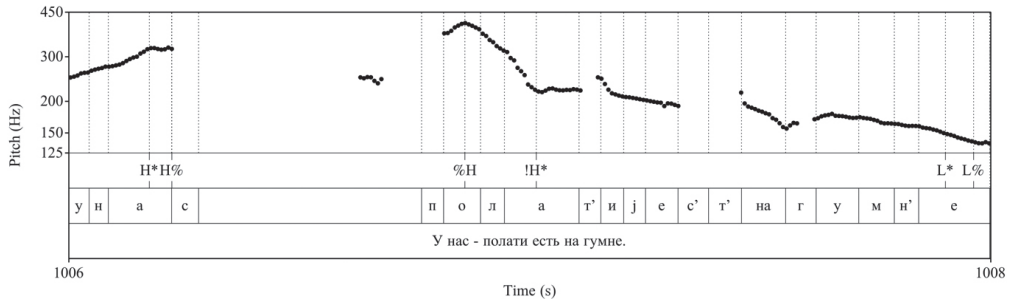

Рис. 17. Кривая ЧОТ высказывания *У нас — полати есть на гумне* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

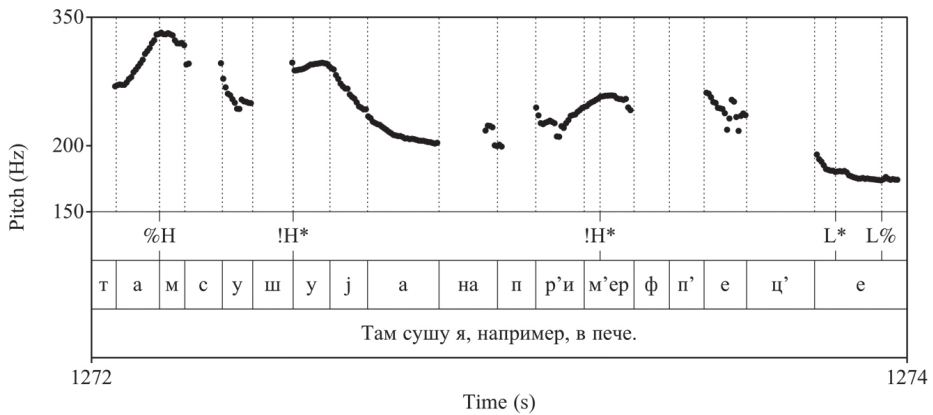

Рис. 18. Кривая ЧОТ фразы *Там сушу я, например, в пече* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

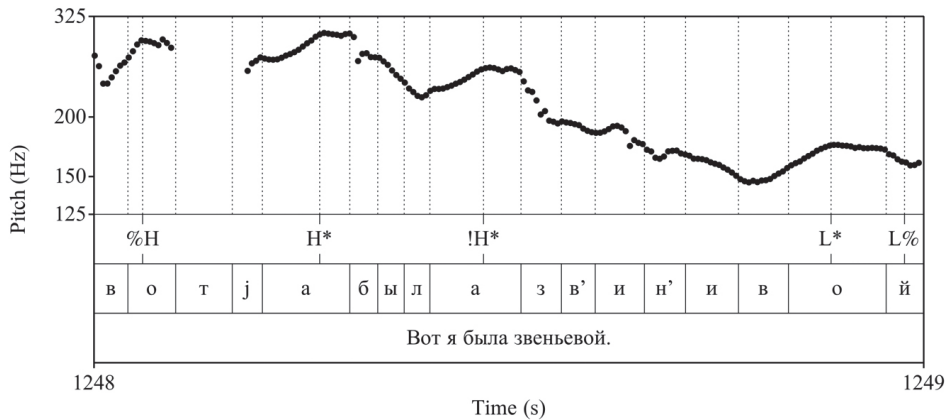

Рис. 19. Кривая ЧОТ фразы *Вот я была звеньевой* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

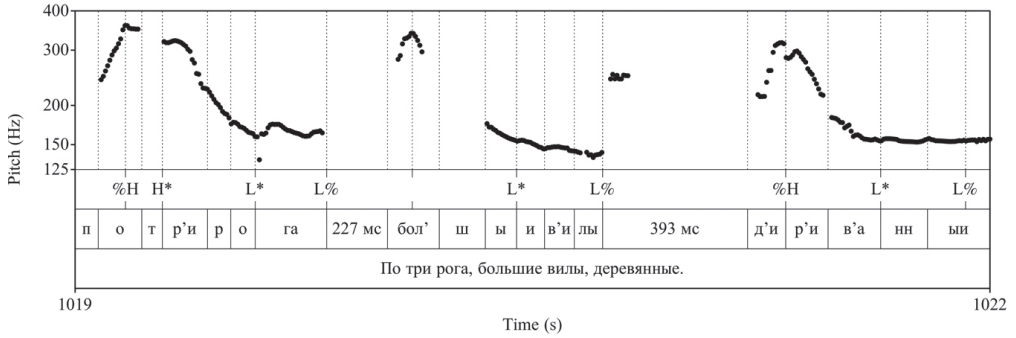

Рис. 20. Кривая ЧОТ высказывания *По три рога, большие вилы, деревянные* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

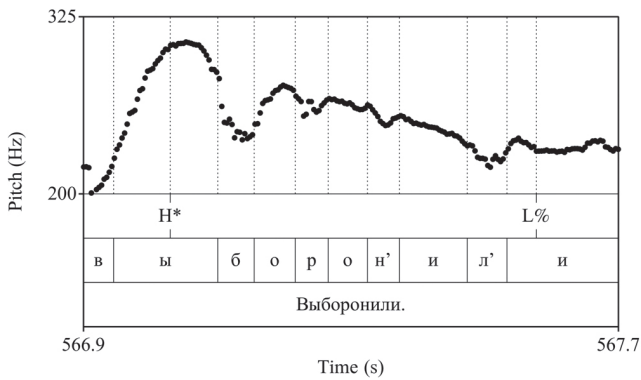

Рис. 21. Кривая ЧОТ фразы *Выборонили* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

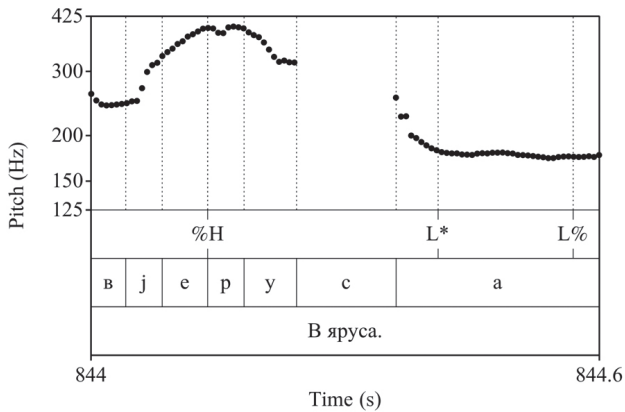

Рис. 22. Кривая ЧОТ фразы *В яруса* (с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

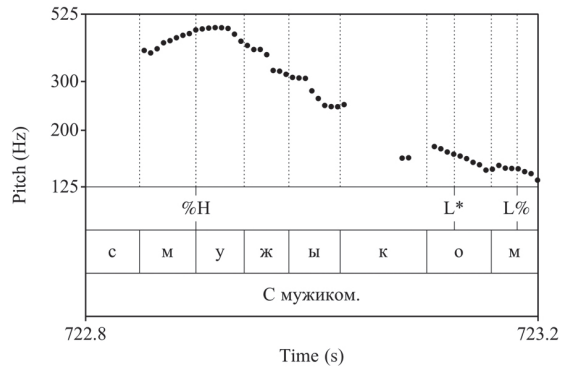

Рис. 23. Кривая ЧОТ фразы *С мужиком*
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

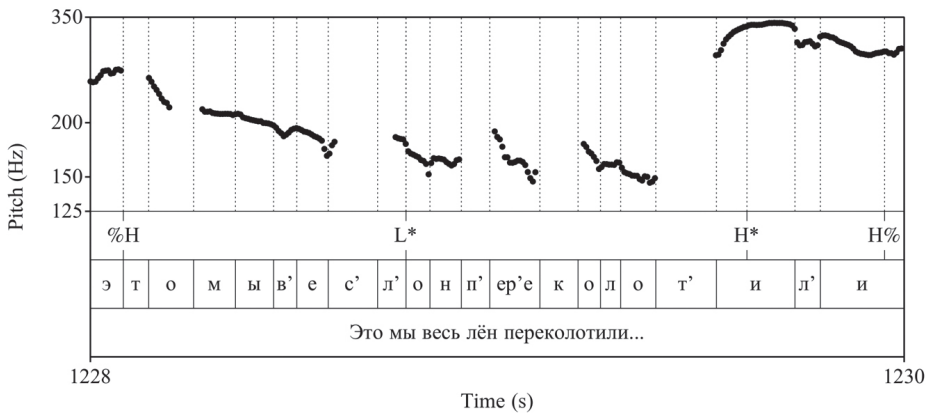

Рис. 24. Кривая ЧОТ фразы *Это мы весь лён переколотили...*
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

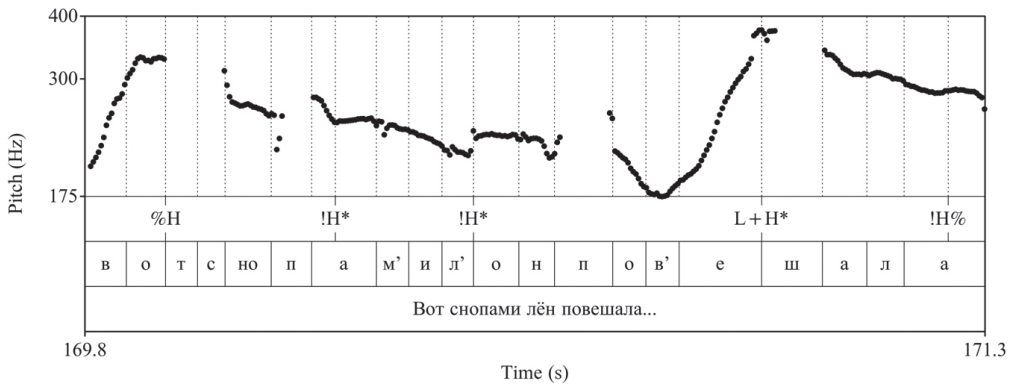

Рис. 25. Кривая ЧОТ фразы *Вот снопами лён повешала*
(с. Климовское Коношского района Архангельской обл.)

Говор Климовского относится к числу идиомов с «пословным мелодическим оформлением» [Кузнецов 1949: 14], так что «почти каждое слово во фразе получает свое мелодическое оформление» [Пауфошима 1983: 64], как считалось ранее, «с помощью тонального подъема на ударном гласном каждого фонетического слова» [Касаткина 1991: 42]. Примеры подобного контура из говора д. Ваймуша Пинежского р-на и д. Мосеево Мезенского района Архангельской обл. приведены ниже на рис. 26 и 27 соответственно. Этот мелодический контур очень близок контуру нейтрального утверждения в финском языке: «In the so-called neutral contour the accents form a gradually declining pattern of L + H* accents» [Välilmaa-Blum 1993: 93] и характеризуется большим числом предъядерных тональных акцентов (хоть и не на каждом слове, в среднем — на 6 из 10 [Князев, Евстигнеева 2022]). Ядерный тональный акцент (обычно последний во фразе) может оформляться при этом и другим типом тонального движения. Подобное оформления свойственно в основном говорам северо-восточной зоны Архангельской области.

Наряду с говорами с восходящим «пословным» акцентом существуют и севернорусские диалекты с нисходящим, к числу которых относятся, например, идиомы с. Церковное Плесецкого р-на Архангельской обл. [Князев 2021] и д. Евсеевская Тарногского района Вологодской области [Князев, Евстигнеева 2022]; другие примеры того же рода (д. Турчасово Онежского района Архангельской обл.) представлены на рис. 28 и 29. Все эти говоры находятся юго-западнее Северной Двины (в отличие от северо-восточных архангельских с восходящими предъядерными акцентами).

Наконец, как в юго-западных, так и в северо-восточных архангельских говорах встречается и «пословное» оформление при помощи ровного высокого тона — см. рис. 30–32; вполне вероятно, что именно ровный тон в подобных случаях является исходным (наиболее древним) типом реализации предъядерных тональных акцентов. Более того, в структуре как восходящих, так и нисходящих акцентов ровный тон в значительном количестве случаев присутствует (86 % и 33 % соответственно [Князев, Евстигнеева 2022]).

Есть и основания полагать, что группы говоров с ровным тоном предъядерных акцентов могут отличаться друг от друга типом несущего тона: к (северо-)востоку от Северной Двины он обычно ровный высокий (рис. 31), иногда с незначительной деklinацией (рис. 30), в юго-западных, в том числе, Климовском, — чаще нисходящий, где каждый последующий фонологически ровный высокий тон (H*) фонетически реализуется на несколько более низком уровне (рис. 32). В литературе это явление описывается как «даунстеп» («downstep»).

2.4. В автосегментно-метрической модели фонологии, базирующейся на работах Дж. Пьерхамберт [Pierrehumbert 1980], в описании фразовой просодии используются только два базовых целевых значения — низкий (L) и высокий (H) тон. Тем не менее, модель эта позволяет фиксировать и наблюдаемые на фонетическом уровне различия между абстрактными тональными целями и реальными значениями тона, например, в следующих случаях: 1) позиционно обусловленные

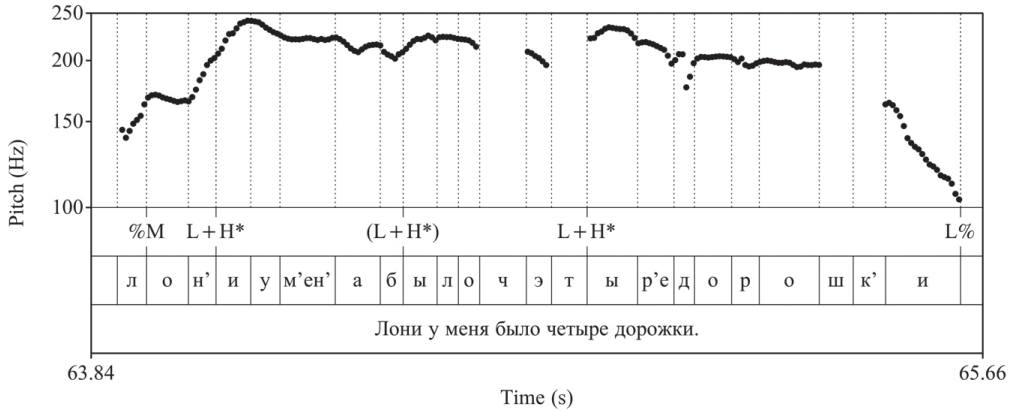

Рис. 26. Кривая ЧОТ фразы *Лони у меня было четыре дорожки* (д. Ваймуша Пинежского района Архангельской обл.)

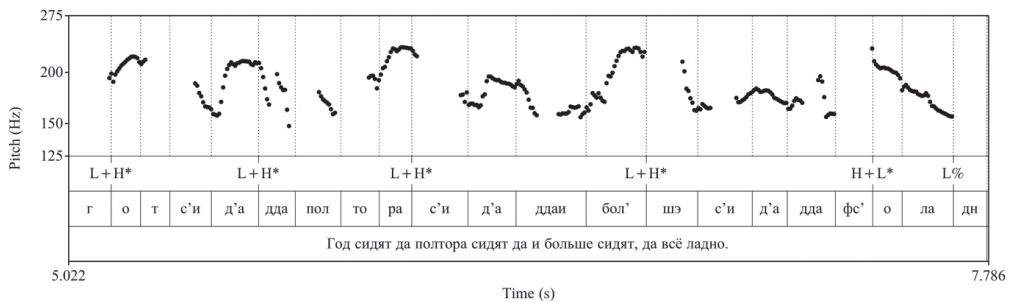

Рис. 27. Кривая ЧОТ фразы *Год сидят да полтора сидят да и больше сидят, да всё ладно* (д. Мосеево Мезенского района Архангельской обл.)

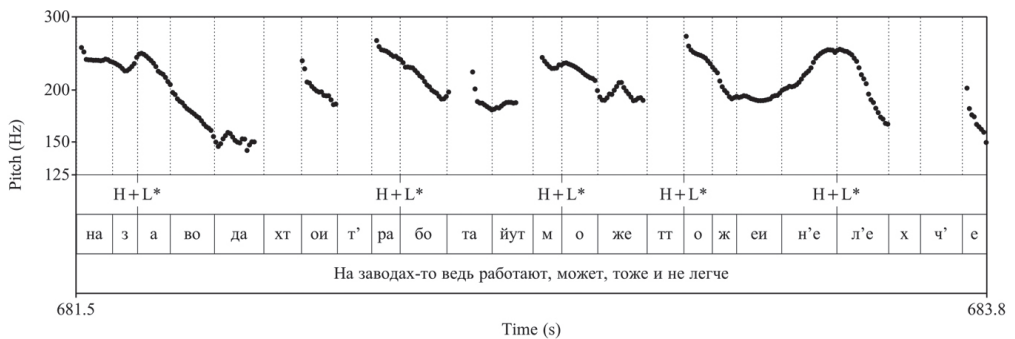

Рис. 28. Кривая ЧОТ фразы *На заводах-то ведь работают, может, тоже и не легче* (д. Турчасово Онежского района Архангельской обл.)

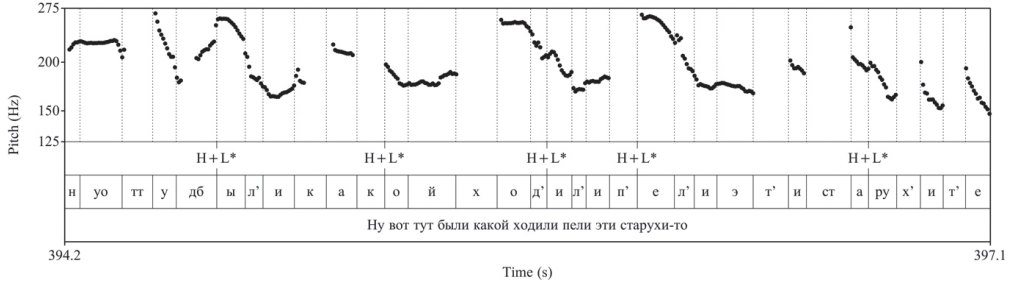

Рис. 29. Кривая ЧОТ фразы *Ну вот тут были, какой ходили пели старухи-то* (д. Турчасово Онежского района Архангельской обл.)

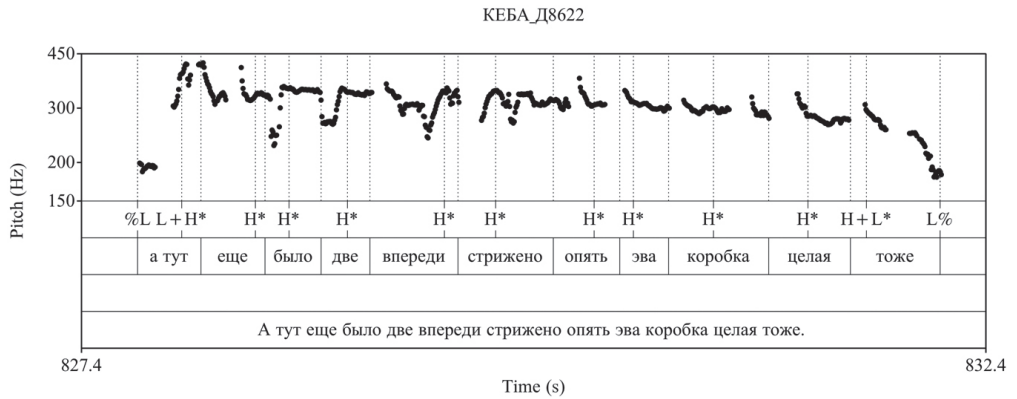

Рис. 30. Кривая ЧОТ фразы *А тут ещё было две впереди стрижено опять эва коробка целая тоже* (д. Кеба Лешуконского района Архангельской обл.)

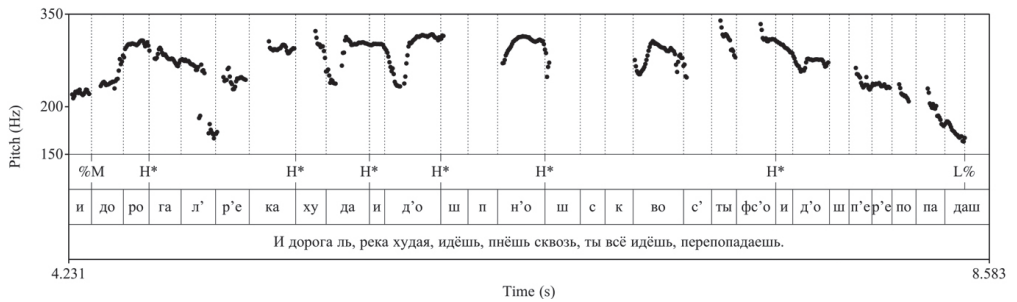

Рис. 31. Кривая ЧОТ фразы *И дорога ль, река худая, идёшь, пнёшь сквозь, ты всё идёшь, переполдаешь* (д. Мосеево Мезенского района Архангельской обл.)

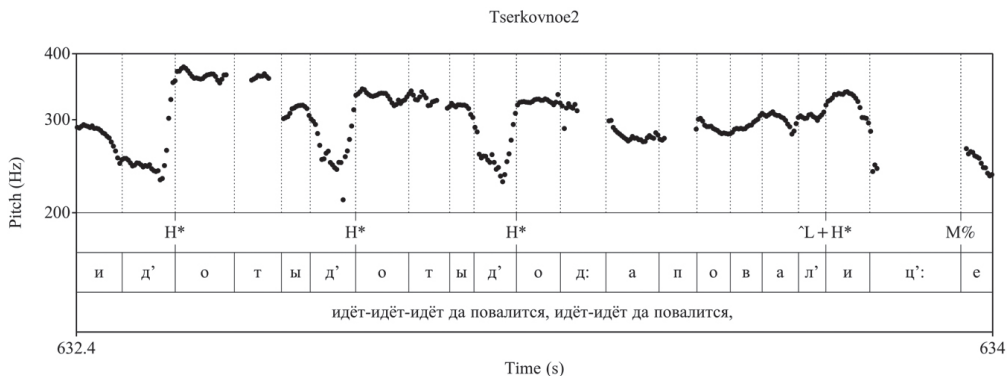

Рис. 32. Кривая ЧОТ фразы *Идёт-идёт-идёт, да повалится* (с. Церковное Плесецкого района Архангельской обл.)

локальные вариации в реализации того или иного целевого значения: например, тональная цель низкого пограничного тона L% обычно характеризуется более низким значением ЧОТ, чем L восходящего акцента L+H*; 2) более общие вариации тонального уровня: реальное значение каждого последующего «высокого» тонального акцента H* во фразе может быть ниже предшествующего («downstep»)⁸. Поскольку битональная модель фразовой просодии восходит в значительной степени к описаниям африканских тональных языков [Leben 1973; Anderson 1978], Дж. Пьерхамберт трактует даунстеп как результат взаимодействия (компрессии) тонов в последовательности H L H в составе восходящих или нисходящих акцентов [Beckman and Pierrehumbert 1986]. Альтернативная точка зрения представлена, например, в работах Дж. Лэдда [Ladd 1990; 1996], который интерпретирует даунстеп как универсальный механизм уменьшения выделенности последующего акцентоносителя по сравнению с предшествующим.

Ни одно из этих объяснений на материале севернорусских говоров не подтверждается, поскольку 1) как восходящие (L+H*), так и нисходящие (H+L*) предъядерные тональные акценты могут быть в них реализованы без даунстепа (см. рис. 26–27 и 28–29 соответственно); 2) после тональных акцентов с даунстепом последний (ядерный) акцент (и/или конечный пограничный тон) может быть реализован на том же или даже более высоком уровне, что и самый первый во фразе (см. рис. 24, 25). Отметим, что аналогичные результаты получены ранее и на материале греческого языка: “downstep is *not* triggered by the presence of bitonal accents... As mentioned, however, in Greek the most frequently attested pitch accent in prenuclear position is the bitonal L*+H. As most content words are accented in Greek, sentences with consecutive L*+H accents but no downstep... are quite common... Evidence like

⁸ В системе просодической нотации ToBI, где даунстеп маркируется знаком «!», транскрипция L+!H* означает, что восходящий тональный акцент достигает менее высокого значения ЧОТ, чем предыдущий, так что если реальное значение тона находится в области между H и L, оно трактуется как !H, а не как некоторая средняя тональная цель.

that presented in Figure 4.5—in which the nuclear L+H* accent is clearly downstepped relative to the previous pitch accents, but the following H% is fully scaled—suggests that final lowering cannot be the only reason for the observed scaling effects” [Arvaniti and Baltazani 2005: 93, 94].

Таким образом, наличие или отсутствие даунстепа и, в более общем смысле, основной способ базового просодического оформления фразы (то есть тип «шляпы» — острая, широкая, косая) является не обусловленным признаком, а независимой (и, по-видимому, одной из самых важных) частью общей модели организации фразовой просодии того или иного идиома.

2.5. В заключение настоящего описания отметим, что Климовскому говору, как и большинству архангельских, свойственно оформление незавершенности высказывания при помощи высокого пограничного тона (H%, рис. 24), который также может быть реализован с даунстепом (!H%, рис. 25), подробнее об этом см. [Князев 2021].

Литература

Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1963.

Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингво-географическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. 7. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138–197.

Касаткина Р. Ф. О фонетической природе словесного ударения в севернорусских говорах // Современные русские говоры / Ю. С. Азарх (ред.). М.: Наука, 1991. С. 42–49.

Князев С. В. Пословный мелодический контур и один из способов оформления незавершенности в говоре с. Церковное Архангельской обл. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2 (28). С. 39–65.

Князев С. В. О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением // Русский язык в научном освещении. 2022а. Т. 43, № 1. С. 113–153.

Князев С. В. О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022b, № 1. С. 7–39.

Князев С. В., Евстигнеева М. Ю. «Пословный» тональный контур в русских говорах: количественный аспект // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог-2022». Вып. 21. РГГУ. М., 2022. С. 284–294.

Кузнецов П. С. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–44.

Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Наука, 1983.

Пост М. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.

Post M. Говор деревни Варзуга в лингвогеографическом контексте // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX). М.: Наука, 2008. С. 169–181.

Янко Т. Е. Русская интонация в задачах и примерах // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 86–123.

Anderson S. R. Tone Features // V. A. Fromkin (ed.). *Tone: A Linguistic Survey* New York, Academic Press, 1978, pp. 133–176.

Arvaniti A., Baltazani M. Intonational analysis and prosodic annotation of Greek spoken corpora // *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing.* Jun S.-A. (ed.). Oxford, Oxford Univ. Press, 2005, pp. 84–117.

Beckman M. E., Pierrehumbert J. Intonational structure in Japanese and English // *Phonology yearbook*, 1986 (3), pp. 15–70.

Hart J. T., Collier R., Cohen A. A perceptual study of intonation: An experimental phonetic approach. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. P. xv, 212.

Igarashi Y. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations // Y. Kawaguchi, I. Fónagy, T. Moriguchi (eds.). *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives.* Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2006, pp. 175–196.

Igarashi Y. Russian interrogatives and intonational categories // A. Steube (ed.). *The discourse potential of underspecified structures.* Berlin, De Gruyter, 2008, pp. 227–269.

Ladd D. R. The metrical representation of pitch register // J. Kingston and M. Beckman (eds.). *Papers in Laboratory Phonology I.* Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1990, pp. 35–57.

Ladd D. R. *Intonational phonology.* Cambridge, Cambridge University Press, 1996. xv + 334 p.

Leben W. *Suprasegmental Phonology.* Ph.D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 1973. 199 p.

Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication* 47 (1–2), 2005, pp. 71–79.

Pierrehumbert J. B. *The phonology and phonetics of English intonation.* Ph.D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 1980. 402 p.

Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005. 572 p.

Post M. Post-nuclear prominence patterns in Northern Russian question intonation // *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody.* Campinas, 2008, pp. 233–236.

Rathcke T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 73, 2017, pp. 194–228.

Välilmaa-Blum R. A pitch accent analysis of intonation in Finnish // *Ural-Altische Jahrbücher N.F.*, 12, 1993, pp. 82–94.

S. V. Knyazev
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
svknia@gmail.com

PHRASE INTONATION OF A SOUTH-WEST ARKHANGEL'SK DIALECT

This paper deals with the phrase intonation of a Northern Russian idiom spoken in the village Klimovskoe, Konosha district, Arkhangel'sk region. The study based on the material of dialectal speech tape recordings made in 1970 (8 female speakers, all born before 1914, total duration — five and a half hours) reveals that the most characteristic features of the south-west Arkhangel'sk dialect are:

- 1) the use of specific melodic contour (so to say, 'sloping hat') for yes-no questions, formed by rising pitch accent and low boundary tone with no phrase accent (L+H* L%) as opposed to north-eastern Arkhangel'sk dialects utilizing high phrase accent ('broad hat', L+H* H- L%) for these purposes, and to Standard Modern Russian exploiting the low phrase tone ('sharp hat', L+H* L- L%);
- 2) high initial boundary tone (%H) in neutral statements;
- 3) high level tone of pre-nuclear pitch accents (downstepped !H*) in neutral statements;
- 4) the use of downstepped high final boundary tone for incompleteness (non-finality) marking.

In addition, our data proves that downstep is not necessarily triggered by the presence of bitonal accents and that final lowering cannot be the only reason for the observed scaling effect.

Keywords: Northern Russian dialects, phonetics, phrase prosody, yes-no questions, pitch accent, boundary tone, downstep.

References

- Bryzgunova E. A. *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka* [Practical phonetics and intonation of the Russian language]. Moscow, Moscow State University Publ., 1963. 311 p.
- Getsova O. G. [Dialect differences of Arkhangel'sk dialects and their linguistic and geographical characteristics]. *Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'. Problemy russkogo yazykoznanija* [Russian dialects: history and present state. Problems of Russian linguistics. VII]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997, pp. 138–197. (In Russ.)
- Kasatkina R. F. [Remarks on Southern Russian intonation]. Yu. S. Azarkh (ed.) *Sovremennye russkie govory*. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 42–49. (In Russ.)
- Knyazev, S. V. [Word-by-word melodic contour and one type of incompleteness marking in Tserkovnoe dialect, Arkhangel'sk Oblast] *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2021, no. 2 (28), pp. 39–65. (In Russ.)

Knyazev S. V. [The structure of pitch accent in Russian dialects with “word-by-word” melodic contour]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022a, no. 1 (43), pp. 113–153. (In Russ.)

Knyazev S. V. [Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022b, no. 1, pp. 7–39. (In Russ.)

Knyazev S. V., Evstigneeva M. Yu. [“Word-by-word” melodic contour in Russian dialects: quantitative approach]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye texnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunar. konf. «Dialog»*. Moscow, RGGU Publ., 2022, pp. 284–294. (In Russ.)

Kuznetsov P. S. On Upper Pinega and Upper Toima dialects. *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press Publ., 1949, vol. 1, pp. 5–44. (In Russ.)

Paufoshima R. F. *Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorakh* [Phonetics of word and phrase in Northern Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1983, p. 110.

Post M. [On the Problem of describing the Intonation of a common question in one Northern Russian Dialect]. M. L. Kalenchuk, & R. F. Kasatkina (Eds.), *Fonetika segodnia* Moscow, IRIa RAN Publ., 2007, pp. 156–157.

Post M. [The Varzuga dialect in the linguogeographic context]. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii. Tom 1* [Materials and studies in Russian dialectology. Vol. III (IX)]. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 169–181]. (In Russ.)

Yanko T. E. [Russian intonation in problems and examples]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 2 (8), pp. 86–123 (In Russ.)

Anderson, S. R. Tone Features. In V. A. Fromkin (ed.), *Tone: A Linguistic Survey*. New York, Academic Press, 1978, pp. 133–76.

Arvaniti A., Baltazani M. Intonational analysis and prosodic annotation of Greek spoken corpora. *Prosodic typology. The phonology of intonation and phrasing*. Jun S.-A. (ed.). Oxford, Oxford Univ. Press, 2005, pp. 84–117.

Beckman M. E., Pierrehumbert J. Intonational structure in Japanese and English. *Phonology yearbook*, 1986 (3), pp 15–70.

Hart, J. 'T, Collier, R., and Cohen, A. *A Perceptual Study of Intonation: An Experimental Phonetic Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, xv, 212 p.

Igarashi, Y. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (Eds.), *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2006, pp. 175–196.

Igarashi, Y. Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), *The discourse potential of underspecified structures*. Berlin, De Gruyter, 2008, pp. 227–269.

Ladd, D. R. The Metrical Representation of Pitch Register. In J. Kingston and M. Beckman (eds.), *Papers in Laboratory Phonology I*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1990, pp. 35–57.

Ladd, D. R. *Intonational Phonology*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996, xv + 334 p.

Leben, W. *Suprasegmental Phonology*. Ph.D. dissertation (Massachusetts Institute of Technology), 1973. 199 p.

Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech Communication* 47 (1–2), 2005, pp. 71–79.

Pierrehumbert J. B. *The phonology and phonetics of English intonation*. Ph.D. diss., Massachusetts Institute of Technology, 1980. 402 p.

Post, M. *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech*. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005. 572 p.

Post, M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation. *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008, pp. 233–236.

Rathcke, T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 73, 2017, pp. 194–228.

Välismaa-Blum, R. A Pitch Accent Analysis of Intonation in Finnish. *Ural-Altäische Jahrbücher N.F.* 12, 1993, pp. 82–94.

О. А. Прохвятилова

*Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

*Совместный университет МГУ-ППИ
(Китай, Шэньчжэнь)
olgaprohvatilova@yandex.ru*

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТОНАЦИОННО-ЗВУКОВОГО СТРОЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ НЕХРАМОВОЙ ПРОПОВЕДИ

В статье рассматривается специфика просодической организации современной православной нехрамовой проповеди. В качестве материала использованы проповеди, размещенные на канале YouTube в православном видеоблоге «Батюшка ответит». Установлено, что последовательное воспроизведение отдельных просодических маркеров звучания современного пастырского слова (таких, как современные орфоэпические нормы, принципы пропорциональности и симметрии при членении речевого потока) сочетается в нехрамовых проповедях с сокращением объема архаичных фонетических элементов (за счет невостребованности такого маркера основных интонационных центров, как длительность, и снижения частотности его употребления при оформлении факультативных центров; отказа от воспроизведения произносительных свойств, восходящих к традициям церковнославянского произношения; уменьшения количества двувершинных и поливершинных интонационных конструкций, рамочных акцентных структур), а также сопровождается перераспределением частотности использования основных интонационных типов. Выявлено изменение стилистической доминанты интонационно-звуковой организации нехрамовой проповеди, связанное с переводом звучания слова пастыря из высокого регистра в нейтральный, нивелированием торжественно-приподнятого оттенка и возникновением таких стилистически значимых компонентов, как полемичность, ироничность, усиление убеждающего характера речи, сниженность, разговорность.

Ключевые слова: нехрамовая православная проповедь, архаические языковые элементы, интонационно-звуковая организация проповеди, рамочная акцентная структура, поливершинные интонационные типы, торжественно-приподнятый оттенок звучания, стилистическая доминанта интонационно-звуковой организации проповеди.

Как известно, специфика звучания православной проповеди создается благодаря сочетанию архаичных и современных элементов в ее интонационно-звуковой организации.

К числу архаичных фонетических средств на сегментном уровне мы относим непоследовательное воспроизведение в проповедях отдельных произносительных норм, которые восходят к традициям старославянского произношения и касаются сохранения качественных и количественных характеристик гласных полного образования в безударных позициях ([o] ни[сно]сланиш; [от] мертвых, но: [нъ] душе; пред[ст ^]ят); произношения ударного нелабиализованного [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными ([вн'э]сших; при[н'эс]; ко[п'и]зм); но: осе[н'о]нная; возве[ш:'о]нный); побуквенного произнесения некоторых флексий в грамматических формах (Свят[аго] Духа, но: став[шывь]; преподоб[нъвь]).

На суперсегментном уровне мы интерпретируем как реликты древней музыкально-тонической системы ряд фонетических явлений. Прежде всего речь идет об актуализации принципов пропорциональности и симметрии в членении речевого потока, которые являются отражением восприятия пространственных отношений древнего русича и соотносимы с характерными для поэтики литературы русского Средневековья приемами симметричного построения словесного материала [Лихачев 1987: 336–454], соразмерностью композиции архитектурных сооружений Киевской и Московской Руси, книжной графики, иконописи [Журавский 1985: 146–147].

Наряду с этим о сохранении в звучании современной проповеди следов древней музыкально-тонической системы, для которой признаки «тон» и «длительность» являются релевантными, свидетельствуют и преобладание комбинации «длительность + тон» при оформлении основных центров ИК¹, и высокая частотность признака «длительность» как маркера факультативных центров.

Манифестацией в интонационном оформлении проповеди черт древней музыкально-тонической системы являются также многоцентровые, или поливершинные, варианты интонационных типов. В такой интерпретации языковых фактов мы опираемся на данные исследований фразовой интонации славянских языков и суперсегментной фонетики севернорусских говоров [Брызгунова 1977; Николаева 1977; Николаева 1979; Николаева 1993; Пауфошима 1985]. По наблюдениям Т. М. Николаевой, тенденция к пословному построению интонационного контура фразы свойственна наиболее архаичным славянским системам и находит отражение в словацком, македонском и белорусском языках [Николаева 1977]. На материале русского языка это фонетическое явление было обнаружено в ряде вологодских говоров [Брызгунова 1977: 262; Пауфошима 1985: 95–96] и рассматривается как коррелят старого музыкального ударения [Пауфошима 1985].

¹ В работе используется теория русской интонации, разработанная Е. А. Брызгуновой и наиболее полно изложенная в [Брызгунова 1982].

Кроме того, свойства музыкально-тонической системы проявляются в звучащей проповеди и благодаря высокой частотности рамочных акцентных структур — двухвершинных интонационных конструкций, в которых факультативный центр ИК располагается в инициальной части синтагмы, а основной — в финальной. Это акустически уравнивает начало и конец синтагмы, создает ее симметричное просодическое выражение. Как показали исследования, посвященные изучению архаических стихотворных форм, наличие двух фразовых ударений — одно в начале, другое в конце строки — отличает просодическую модель праславянской стихотворной строки [Иванов, Топоров 1963]. Эта модель имеет общеславянский характер и свойственна всем славянским просодическим структурам, что подтверждают экспериментальные данные [Николаева 1977: 243–246]. По мнению Т. М. Николаевой, восходящая к фразовому оформлению стихотворной строки рамочная обрамленность славянской фразы «соответствует самой древней форме фразово-интонационной модели» [Николаева 1979: 157].

Названные средства принимают участие в создании торжественно-приподнятого стилистического оттенка звучания пастырского слова, который усиливается благодаря использованию стилистически релевантных элементов современного русского языка, в частности высокой частотностью ИК-6 с удлинением гласных центра ИК и сочетаний ИК-6 + ИК-2, отличающихся последовательным чередованием плавных восходящих и нисходящих мелодических контуров.

До недавнего времени эти особенности находили отражение в звучании как храмовых, так и нехрамовых проповедей. Ср., например, использование такого акустического компонента, как длительность, для маркирования основных и факультативных центров ИК в (1) «Слове на Пасхальной вечере в храме Христа Спасителя», произнесенном патриархом Московским и Всея Руси Алексием II (14.04.1996 г.) и в (2) «Слове о жизни и смерти», записанном протоиереем Александром (Шаргуновым) в студийных условиях для Духовного концертного лектория «Свет Христа просвещает всех» (1994 г.):

- (1) ...мы э⁽⁰⁾тим пе³рвым/ богослуже⁶нием/ прино⁽⁰⁾сим жи²знь/ прино⁽⁰⁾сим ве⁽⁶⁾яние ... Ду³ха Свята⁽⁰⁾го/ во вно⁶вь/ воздви⁶гнутые/ сте⁶бны/ э⁶того/ вели⁽⁶⁾чественного хра¹ма/...;
- (2) ...при отпева⁽⁶⁾нии блаженног^о епи⁽⁶⁾скопа Иоанна Максимо³вича/ нашего современ³ника/ литурги⁽⁶⁾йного чудотво¹рца/ было у все⁽⁶⁾х ощущение пасха⁽⁶⁾льной ра¹дости/...

Между тем в последние годы появляется материал, который позволяет говорить о разрушении стилистической гомогенности храмовой и нехрамовой православных проповедей, о возникновении различий в звуковой организации этих видов пастырского слова при сохранении сущностных признаков жанра — тематических, структурно-композиционных, аксиологических.

По нашим наблюдениям, эти различия связаны с изменениями в номенклатуре интонационно-звуковых средств, используемых в нехрамовой проповеди, что обуславливает формирование новых стилистических смыслов в звучании пастырского

слова, модификации его стилистической доминанты. Описание этих модификаций и является предметом данной статьи.

В качестве материала мы используем современные миссионерские православные проповеди, которые представлены на канале YouTube. Среди многочисленных интернет-проповедников мы выбрали иерея Александра (Кухту) — ведущего православного видеоблога «Батюшка ответит». Наш выбор объясняется высокой популярностью канала (более 50 тысяч подписчиков и более 1,5 миллионов просмотров, отдельные проповеди — до 100 000 просмотров) и декларируемой иереем Александром установкой на сознательный поиск новых форм, нестандартную манеру проповедания, отход от привычных канонов. Всего было проанализировано 10 проповедей, размещенных в видеоблоге в 2017–2021 гг.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показывает, что в проповедях последовательно воспроизводятся отдельные конститутивные для этого жанра структурно-содержательные и собственно языковые маркеры.

Так, тематика проповедей соответствует установлениям гомилетики. Они посвящены прояснению отдельных понятий христианства (например, «Рабы Божии»), вопросов веры и церковной жизни (например, «О покаянии»), взаимоотношений церкви и общества (например, «Наука и религия»).

С точки зрения композиционной структуры во всех анализируемых проповедях присутствует такой обязательный компонент, как назидательно-интерпретирующая часть, или нравственное приложение, применяющее «тему проповеди к духовным потребностям конкретных слушателей» [Настольная книга священнослужителя 1986: 22].

Остается неизменным принцип отбора языковых средств, связанный с сосуществованием элементов системы современного русского языка и архаичных элементов, на фонетическом уровне восходящих к древней акцентно-мелодической фонетической системе. Так, с одной стороны, в нехрамовых проповедях господствует современная орфоэпия, ориентированная на младшую норму (качественная и количественная редукция гласных, иканье и т. д.). С другой — обнаруживаются архаичные элементы, например принципы пропорциональности и симметрии в основе деления речевого потока на линейные единицы.

По нашим наблюдениям, для звучания нехрамовых проповедей характерно членение речевого потока на минимальные интонационные единицы, соотношение длины которых может выражаться пропорциями равенства, нарастания и убывания. Наиболее частотны в нашем материале пропорции равенства, которые создаются повтором двух или более синтагм одинаковой длины, например:

[5] *но христиа³не/*

[10] *придаю⁽¹⁾т этому поня³тию/*

[11] *бо⁽¹⁾лее широ⁽⁶⁾кое значе³ние/*

[11] *кро⁽³⁾ме как на конкре⁽¹⁾тный посту³пок/...*

Кроме того, отмечены случаи членения речевого потока на симметричные по длине минимальные интонационные отрезки. Обычно наблюдается зеркальная

симметрия, которая характеризуется полным соответствием в расположении частей целого по отношению к центру. При этом величина синтагм может как уменьшаться, так и увеличиваться по отношению к центру, например:

- [3] до³брого/
- [6] которого хочу²/
- [4] не де²лаю/
- [3] а зло³е/
- [7] которого не² хочу/
- [3] де¹лаю/...

Наряду с последовательным воспроизведением в речевом строе проповедей отдельных сущностных для этого жанра языковых черт, происходит сокращение объема архаичных элементов, а также перераспределение частотности употребления ряда стилистически значимых средств. Это приводит к ослаблению торжественно-приподнятого оттенка в звучании пастырского слова, который обычно создается благодаря архаичным языковым элементам, и в целом к нивелированию высокого стиля в звучании проповеди.

Так, не выявлено характерное для классического пастырского слова воспроизведение произносительных свойств, восходящих к традициям церковнославянского произношения, таких, например, как сохранение качественных и количественных характеристик гласных полного образования в безударных позициях и др.

Не зафиксировано употребление такого значимого для интонационно-звуковой организации проповеди маркера факультативных центров ИК, как «длительность», например: ...идея в то³м/ что среди на⁶с/ не⁽¹⁾т люде⁶й/ абсолютно безгре²шных/ даже са⁽⁵⁾мый фантасти⁽⁵⁾ческий пра³ведник/ все равно⁶/ имеет проявления греха⁶/ в своей жи⁽³⁻²⁾зни/ моя зада³ча/ как челове²ка/ ста⁽⁶⁾ть на путь движе⁽⁶⁾ния в сторону бо³га/ стреми⁽⁴⁾ться к нему³/... Из транскрипции видно, что для выделения факультативных центров синтагм используются два акустических признака — «интенсивность» и «тон».

В современной нехрамовой проповеди существенно сокращается частотность синтагм, имеющих факультативные центры, — поливершинных интонационных типов, которые характеризуются акустической выделенностью почти каждого слова в синтагме, например: ...мы⁽⁶⁾ христиа³не/ говорим о то³м/ что абсолютно не в на⁽¹⁾ших си⁶лах/ изба⁽⁴⁾виться от греха⁽⁴⁾ как от боле³зни/ изменить сами⁶м/ на⁽⁶⁾шу приро²ду/ но мы говорим о то³м/ что мы можем заглушить гре²х/ перевести⁽⁶⁾ его в состоя⁽⁶⁾ние потенция⁽⁶⁾льной эне¹ргии/... В нашем материале такие синтагмы составляют лишь 1/3 от общего количества.

Кроме того, снижается частотность использования просодической рамки, когда факультативный центр ИК располагается в начале синтагмы, а основной — в конце, например: И⁽⁶⁾менно поэ³тому/ мы⁶ / христиа³не/ говорим о бо³ге/ как о то³м/ что сра⁽⁶⁾зу же прихо⁽⁶⁾дит к челове⁽³⁻²⁾ку/ начинает де²йствовать в нем/ как только человек этого захо⁶чет/ и начнет са⁽¹⁾м дви⁶гаться/ в направле⁽⁴⁾нии к бо³гу/...

Обычно рамочная обрамленность как характерное свойство фразово-интонационной модели встречается в звучащей православной проповеди в подавляющем большинстве поливершинных синтагм. В нашем материале просодическая рамка зафиксирована только в 2/3 синтагм, имеющих факультативные центры.

Наряду с сокращением архаичных элементов наблюдается перераспределение объема некоторых других стилистически значимых маркеров проповеди, в частности традиционных для этого жанра типов интонационных конструкций. Так, ИК-6 (с растяжкой гласного центра и усилением напряженности его артикуляции), которая обычно принимает участие в создании торжественного, приподнятого звучания проповеднических текстов, теряет свою доминирующую позицию. Ведущим интонационным типом становится ИК-3, преобладание которой при оформлении неконечных синтагм привносит в речь оттенок сниженности и разговорности, например: ...вообще³/ по-гре³чески/ слово гре³х/ звучит как «аморти³я»/ что переводится на ру³сский/ досло²вно/ как про³мах/ погре³шность/ непопада⁽⁴⁾ние в це³⁻²ль/ но христиа³не/ придаю⁽⁰⁾т этому поня³тию/ бо⁽⁰⁾лее широ⁶кое значе³ние/ кро⁽³⁾ме как на конкре⁽⁰⁾тный посту³пок/ мы²/ смотрим на гре³х/ как на боле³⁻²знь/ о⁽⁴⁾бщий диа⁽⁴⁾гноз челове³ка/...

Обращает на себя внимание значительное увеличение объема ИК-2 и переходного типа ИК-3². ИК-2 в нашем материале широко используется при оформлении не только основных, но и факультативных центров и употребляется, как правило, со значением усиления, подчеркивания, что позволяет проповеднику выделить смысловые центры высказывания, акцентировать внимание на ключевых словах, например: ...тако⁽⁰⁾е понимание греха³/ как боле²зни/ дает несколько интере⁽⁰⁾сных мы⁽⁶⁾слей и вы²водов/...; ...вот об э³том/ о грехе²/ а не и²споведи/ мы с в⁽⁴⁾ами сего⁽⁴⁾ дня и погово^{ри}-3-2м/...

Что касается ИК-3², то при употреблении в конечных синтагмах этот переходный тип ИК служит обычно средством выражения полемичности высказывания [Брызгунова 1984], например: ...в ни³х/ еще² раз повто^{рю}/ гре⁶х/ видится как конкре⁽⁴⁾тное собы⁽⁴⁾тие в жи³зни/ которое име⁽⁴⁾ло ме⁽⁴⁾сто бы³⁻²ть/ да²/ на грех как на собы³тие/ мо⁽⁰⁾жно и ну⁽⁶⁾жно смотре²ть/ этот подход пра³вильный/ но он не дает по⁽⁴⁾лной карти³⁻²ны/... Высокая частотность этих интонационных типов приводит к усилению убеждающего характера проповеди.

Анализ показывает, что в нехрамовой проповеди могут использоваться интонационные средства создания приподнятости звучания. Речь идет о типах ИК с чередующимся восходящим и нисходящим движением тона — ИК-5, двувершинных ИК-1 и ИК-2, сочетаний ИК-6 + ИК-2, например: ...осо³бенно/ это актуа³льно/ для же⁽⁰⁾нщин в во²зрасте/ которые уже на пе⁶нсии/ сидя⁶т/ и скучают до⁶ма/ они любят подро²бно рассказывать/ о то³нках/ своих взаимоотноше³ний/ с по⁽⁶⁾дру²гами/ ро⁶дственниками/ и сосе¹⁻²дками/ то есть большинство люде⁶й/ с которыми мне приходится ста³лкиваться/ ви⁽⁶⁾дят гре⁽⁶⁾х именно как конкретное собы³тие/ просту³пок/ который они соверши⁶ли/ в своей жи³⁻²зни/ вчера⁶ я поругался с сосе²дкой/ потому что ее ко³т/ хо⁽³⁾дит ко мне на огоро⁶д/ и подка⁽⁶⁾нывает мои огу^рцы¹/... Однако, как видно из приведенной транскрипции,

имеющие высокий, торжественно-приподнятый стилистический оттенок типы ИК употребляются при описании бытовых ситуаций, вследствие чего возникает иронический оттенок, усиливающий тенденцию к изменению стилистических смыслов звучания современной православной проповеди от высокого регистра к сниженному.

Проведенный анализ современных миссионерских проповедей позволил установить ряд особенностей их интонационно-звуковой организации.

Выявлено, что своеобразие интонационно-звуковой структуры православной нехрамовой проповеди связано с последовательным воспроизведением в ней отдельных просодических маркеров звучания современного пастырского слова, сокращением объема архаичных фонетических элементов, а также перераспределением частотности употребления ряда фонетических средств. Установлено, что в нехрамовой проповеди актуализируются отдельные конститутивные для этого жанра в целом произносительные маркеры, такие как современные орфоэпические нормы, принципы пропорциональности и симметрии при членении речевого потока. Определено, что сокращение объема архаичных фонетических элементов в современной нехрамовой проповеди происходит за счет невостремленности длительности как маркера основных интонационных центров и снижения частотности его употребления при оформлении факультативных центров; отказа от использования произносительных вариантов, восходящих к традициям церковнославянского произношения; уменьшения числа употреблений двувершинных и поливершинных интонационных конструкций, рамочных акцентных структур. Охарактеризовано перераспределение частотности использования основных интонационных типов, показано, что это приводит к появлению новых для православной нехрамовой проповеди стилистических смыслов. Выявлено изменение стилистической доминанты проповеди, связанное с переводом звучания слова пастыря из высокого регистра в нейтральный, нивелированием торжественно-приподнятого оттенка и возникновением таких стилистически значимых компонентов, как полемичность, ироничность, усиление убеждающего характера речи, сниженность, разговорность.

Знаки интонационной транскрипции

/ — граница синтагмы;

2 — тип интонационной конструкции, проставляется в верхнем регистре над ударным гласным центра ИК;

3-2 — переходный тип ИК, сочетающий отдельные характеристики двух интонационных типов, проставляется в верхнем регистре над ударным гласным центра ИК;

(/) — факультативный центр ИК, выделяемый усилением словесного ударения, проставляется в верхнем регистре над ударным гласным центра ИК;

(3) — факультативный центр ИК, выделяемый тональными изменениями, проставляется в верхнем регистре над ударным гласным центра ИК;

[11] — количество слогов в синтагме;

a — увеличение длительности гласного основного и факультативного центра ИК, обозначается полужирным шрифтом.

Литература

Брызгунова Е. А. Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М.: Наука, 1977. С. 231–262.

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. В 2 т. М.: Наука, 1982. Т. 1 С. 96–122.

Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М.: Изд-во МГУ, 1984. 117 с.

Журавский Б. П. О некоторых закономерностях книжной конструкции житийного цикла о Борисе и Глебе: (Опыт системного рассмотрения части Сильвестровского сборника) // Сказание о Борисе и Глебе. Научно-справочный аппарат издания. М.: Книга, 1985. С. 104–151.

Иванов В. В., Топоров В. Н. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 88–158.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Избранные работы: в 3 т. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 1. С. 261–654.

Настольная книга священнослужителя: в 8 т. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1986. Т. 5. 816 с.

Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977. 276 с.

Николаева Т. М. Стихотворная и прозаическая строки: первичное и модифицированное // *Balkanica*: Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 153–160.

Николаева Т. М. Просодическая схема слова и ударение. Ударение как факт фонологизации // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 16–28.

Пауфошима Р. Ф. Следы музыкального ударения в современном вологодском говоре // Диалектология русского языка. М., 1985. С. 94–102.

O. A. Prokhvatilova

Russian State University for the Humanities

(Russia, Moscow)

MSU-PPI

(China, Shenzhen)

olgaprohvatilova@yandex.ru

ON THE PECULIARITIES OF THE INTONATION AND SOUND SYSTEM OF THE MODERN ORTHODOX NON-TEMPLE SERMON

The article discusses the specifics of prosodic organization of modern Orthodox non-temple preaching. The article utilizes the sermons posted on YouTube channel “The Priest Will Answer” as study material. It is established that the consistent reproduc-

tion of individual prosodic markers of modern pastoral speech, such as modern orthoepic norms and principles of proportionality and symmetry in the division of the speech stream, is combined with a reduction in the volume of archaic phonetic elements in non-temple sermons. The reasons for such reduction are the following: lack of demand for such main intonation centre marker as duration, the decrease in the frequency of its use in the formation of the optional centers, the rejection in the reproduction of pronouncing properties, dating back to the traditions of Church Slavonic pronunciation, the reduction of the number of two- and multi-vertex intonation constructions and frame accent structures. Another prominent feature is a redistribution of the frequency the main intonation types. The paper reveals a change in the stylistic dominant of the sermon, which is associated with the translation of the sound of the pastor's speech from a high register to a neutral one, the leveling of a solemnly elevated tone and the emergence of such stylistically significant components as polemic, irony, strengthening of the persuasive nature of speech, reduction and colloquialism.

Keywords: non-temple Orthodox sermon, archaic linguistic elements, intonation-sound organization of the sermon, frame accent structure, polyversal intonation types, solemn and elevated speech, stylistic dominant of intonation-sound organization of the sermon.

References

Bryzgunova E. A. [Analysis of Russian dialect intonation]. *Eksperimentalno-foneticheskiye issledovaniya v oblasti russkoj dialektologii* [Experimental phonetic research in the field of Russian dialectology]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 231–262. (In Russ.)

Bryzgunova E. A. [Intonation]. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vol. Moscow, Nauka Publ., 1982, vol. 1, pp. 96–122.

Bryzgunova E. A. *Emocional'no-stilisticheskie razlichiya russkoj zvuchashchej rechi* [Emotional and stylistic differences of Russian sounding speech]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1984. 117 p.

Ivanov V. V., Toporov V. N. [On the reconstruction of the Proto-Slavic text]. *Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady sovetskoj delegacii. V Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov* [Slavic linguistics. Reports of the Soviet delegation. V International Congress of Slavists]. Moscow, 1963, pp. 88–158.

Likhachev D. S. [Poetics of Ancient Russian literature]. *Izbrannye raboty* [Selected works]. In 3 vols. Leningrad: Fiction Publ., 1987, vol. 1, pp. 261–654.

Nastol'naya kniga svyashchennosluzhitelya [The clergyman's handbook]. In 8 vols. Moscow, Publishing House of the Moscow Patriarchate, 1986, vol. 5. 816 p.

Nikolaeva T. M. *Frazovaya intonaciya slavyanskikh yazykov* [Phrasal intonation of Slavic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 276 p.

Nikolaeva T. M. [Poetic and prose lines: primary and modified]. *Balkanika: Lingvisticheskiye issledovaniya* [Balkanika: Linguistic Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 153–160.

Nikolaeva T. M. [Prosodic scheme of the word and stress. Stress as a fact of phonologization]. *Voprosy yazykoznanija*, 1993, no. 2, pp. 16–28.

Paufoshima R. F. [Traces of musical stress in the modern Vologda dialect]. *Dialektologiya russkogo yazyka* [Dialectology of the Russian language]. Moscow, 1985, pp. 94–102.

Zhuravsky B. P. [On some regularities of the book construction of the hagiographic cycle about Boris and Gleb: (Experience of systematic consideration of a part of the Sylvester collection)]. *Skazanie o Borise i Glebe. Nauchno-spravochnyj apparat izdaniya* [The Legend of Boris and Gleb. Scientific reference apparatus of the publication]. Moscow, Kniga Publ., 1985, pp. 104–151.

ФОНОЛОГИЯ

А. В. Андронов

*Российская национальная библиотека
(Россия, Санкт-Петербург)
baltistica@gmail.com*

К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ*

«Строгое разграничение фонетики и фонологии необходимо по существу и осуществимо практически».

Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960. С. 20

Статья призвана привлечь внимание к некорректности обоснования фонологических решений аргументами из области собственно фонетических сведений. Во избежание распространенных методологических ошибок фонологию и фонетику целесообразно различать как две научные дисциплины: первая имеет целью выявление фонологической системы языка, вторая — изучение звучащей речи как результата действия этой системы. Задача фонологии должна быть решена до обращения к вопросам фонетики. Невозможность извлечения устройства системы из ее реализации является частным случаем неформализуемого отношения между материальным и идеальным миром. Фонологическая система выявляется на основании исследования языкового мышления носителя языка, а не физических параметров его речи. Недопустимо включение фонетических характеристик в определения фонологических понятий (гласной или согласной фонемы, слога, ударения и др.), ведь категории языкового мышления не имеют материальных составляющих. Данные узкой фонетики при рассмотрении фонологических задач не имеют прямого применения; они могут пригодиться для обнаружения вопросов, подлежащих более пристальному анализу, для выявления в системе точек большей или меньшей устойчивости, способных проявиться в историческом развитии.

Представления о реальности языковой системы как принадлежности умственной деятельности говорящего предполагают единственность адекватного ее описания. Такое описание основывается на детальном освещении внутренних связей между компонентами системы (фонологией и грамматикой); при невозможности

* Я очень благодарен Наталии Дмитриевне Светозаровой за энергичное обсуждение первой версии статьи, которое несомненно способствовало ее улучшению, хотя по ряду вопросов прийти к единому мнению нам и не удалось.

узколингвистического решения отдельных вопросов естественно обращение к психолингвистически устанавливаемым фактам. Фонологические системы языков индивидуальны, не существует универсального набора типов и свойств составляющих их единиц — соответствующие различия являются основой лингвистической типологии (противопоставление фонемы и силлабемы, функциональная нагрузка слога, фонологические признаки слова и т. д.). Дальнейшее развитие фонологии требует логической безупречности обоснования описываемых явлений, единого функционального подхода к разнообразному материалу конкретных языков.

Изложенные соображения иллюстрируются примерами из разных участков фонологического описания.

Ключевые слова: фонология, фонетика, методология лингвистического исследования, сегментация, идентификация, классификация, слог, ударение, фонологическая типология, Щербовская фонологическая школа.

1. «Разграничение» фонетики и фонологии, на котором настаивал Н. С. Трубецкой, является принципом, декларируемым теоретически, но нередко игнорируемым на практике. В современной лингвистике соответствующие области (антропофоника и психофонетика в терминах И. А. Бодуэна де Куртенэ) различаются либо как два аспекта единой фонетики (физический и функциональный), либо как две дисциплины (собственно фонетика и фонология). Независимо от выбора трактовки необходимо определиться с вопросом о связи между этими областями (асpekтами, дисциплинами). Отрицать наличие такой связи (или влияния) невозможно. Однако надо признать, что связь эта — будучи отношением между составляющими материального и идеального мира — в п р и н ц и п е не поддается формализации: на основе знаний об одной области можно строить предположения об устройстве другой, но нельзя сделать доказательные выводы, нельзя дать такого научного описания связей между материальным и идеальным, которым можно было бы руководствоваться в исследовании. Поэтому чем категоричнее различаются соответствующие области, тем надежнее застрахован ученый от методологических ошибок и непоследовательностей. Именно с этой целью мы придерживаемся предположения Трубецкого и употребляем термины в узком смысле: «Целесообразно... вместо одной иметь две “науки о звуках”, одна из которых ориентировалась бы на речь, а другая — на язык. <...> Мы будем называть учение о звуках речи фонетикой, а учение о звуках языка — фонологией» [Трубецкой 1960: 9]¹. Задача фонологии

¹ Вопрос о единстве фонетики и фонологии не раз объявлялся решенным в современном языкознании (ср. [Зиндер 1979: 7–12; Попов 2014: 24] и др.). Характерно при этом, что основная аргументация направлена на доказательство зависимости фонетического аспекта от фонологического, в то время как обратная зависимость скорее лишь декларируется или обосновывается такими внешними аргументами, как фонетическое происхождение терминов, используемых в фонологическом описании. Не случайно в исследовательской практике то и дело отражается разведение фонологии и фонетики по самостоятельным областям. Даже название читаемого в СПбГУ учебного курса «Теоретическая фонетика и фонология» (авторы программы — Л. А. Вербицкая и В. Б. Касевич) противоречит представлению о включенности фонологии в фонетику, предполагая однопорядковость данных дисциплин.

состоит в выявлении фонологической системы каждого языка, а задача фонетики — в описании ее функционирования (физических параметров самого звукового сигнала и деталей речевой деятельности человека при его порождении и восприятии).

Несмотря на ясность разграничения областей, искушение исследовать «одно через другое» очень велико, ведь фонологическая система недоступна непосредственному наблюдению, а фонетические характеристики открыты для точнейших измерений; к тому же в бытовом сознании в первую очередь именно материальный мир представляется реально существующим и дающим надежную опору для умозаключений. На самом деле в равной степени реальны и абстрактные единицы языкового мышления, относящиеся к миру идеальному; выявление именно их — задача лингвистики:

«Стремясь выявить языковую структуру (в частности, состав фонем языка), лингвист, строго говоря, работает не столько с физической реальностью (звуковым континуумом), сколько с носителем языка, который для лингвиста выступает в роли информанта. Именно исследование речевого поведения носителя языка, а не анализ артикуляторных и акустических свойств речевого потока позволяет лингвисту, например, установить состав фонем и фонологическую систему языка» [Попов 2014: 35].

Необходимо упомянуть еще одно обстоятельство. Поскольку описывающий фонологическую систему лингвист сам обычно в той или иной мере знает язык и практически владеет рассматриваемой системой, иногда он в качестве нового знания (как бы полученного в результате исследования) незаметно для себя подает то, что было ему известно изначально². В таких случаях дискретное устройство языкового мышления создает впечатление наличия аналогичной структуры и в физической реальности, и эта мнимо дискретная физическая реальность выдается за основу для суждения о фонологической системе³.

Неоднократно отмечалось, что смешение фонетического и фонологического аспектов встречается и в теоретических построениях самого Трубецкого (это,

² Ср., например, критику метода сегментации при помощи минимальных пар: «Почему мы сравниваем *ла* именно с *лу*, а не с *му*, *ру* или *ду*? Ведь они все — разные “слова”. Очевидно, пара *ла* ~ *лу* удовлетворяет нас тем, что у ее членов одна фонема совпадает, а другая — нет. Но мы еще не умеем узнавать согласные фонемы и поэтому еще не знаем, что у *ла* и *лу* одинаковое начало. Лингвист, сравнивающий *ла* с *лу*, незаметно для себя забегает вперед и пользуется результатами несделанной работы. Ошибку лингвиста легко понять. Он, как и всякий другой человек, владеет системой своего языка и все ответы (и о фонемах, и о признаках) знает с самого начала, лишь усилием разума заставляя себя забыть эти ответы» [Либерман 1971: 63].

³ Ср.: «Акустические характеристики, цифры, спектрограммы и т. п. ... создают видимость сотрудничества лингвистов с физиками, сочетания строгости точной науки с лингвистическими знаниями. Но на самом деле обращение к физической реальности оказывается как бы дымовой завесой» [Воронкова, Стеблин-Каменский 1970: 20]. Все это действительно важно и необходимо при описании функционирования системы, но не при ее выявлении («Фонологические задачи этими методами вообще не затрагиваются, поскольку язык лежит вне “меры и числа”» [Трубецкой 1960: 15]).

конечно, не значит, что провозглашенный им принцип невозможно реализовать). Уже на протяжении многих десятилетий неосознанная подмена фонологии фонетикой присутствует в работах лингвистов, а в некоторые периоды истории она даже проявляет экспансию. Предлагаемая статья написана в надежде, что обращение к проблеме «лицом» будет способствовать упорядочению методологии фонологического исследования. Оно может устанавливать закономерные связи лишь в рамках мира, к которому принадлежит его объект, — идеального мира языкового мышления и вообще мыслительной деятельности человека. Так — соотнося функционирование разных компонентов языковой системы — абсолютно правомерно утверждать, что границы между морфемами обязательно являются и границами между фонемами, но неправомерно, например, связывать фонологическую членимость с отсутствием некоего единства артикуляции (неопределимое понятие), превышением «нормальной» длительности звучания или иными характеристиками материального мира. Включать какие бы то ни было фонетические характеристики в определения фонологических понятий недопустимо в принципе: категории языкового мышления не имеют материальных составляющих.

Основная задача данной статьи — «отрицательная»: обратить внимание на нарушения принципа разграничения фонетики и фонологии и на нескольких конкретных примерах показать порочность привлечения фонетических аргументов для решения фонологических задач. Такие попытки решать фонологические вопросы посредством анализа физической действительности названы нами фонетическим вмешательством в фонологические рассуждения. В теоретическом обосновании собственно фонологического подхода к рассматриваемым проблемам мы не стремимся к полноте ссылок на обширную литературу, поскольку многие положения широко известны («хрестоматийны»). Вместе с тем парадокс ситуации состоит в том, что ряд этих давно сформулированных положений продолжает безмятежно игнорироваться, хотя аргументов, опровергающих их, выдвинуто не было.

2. Сама отмеченная выше принципиальная невозможность решать фонологические вопросы методами фонетики является первым из таких положений — не опровергнутых, но нередко игнорируемых. Многочисленные цитаты из классиков фонологии, подтверждающие эту невозможность, сами по себе, конечно, не способны обеспечить истинного, не декларативного ее принятия, однако они могут служить ориентиром в умственной работе, необходимой для воспитания ответственного понимания ситуации.

Трубецкой говорил: «Звук языка можно определить только по соотношению с фонемой. Исходить при определении фонемы из звука — значит возвращаться в порочном кругу» [Трубецкой 1960: 46–47]. Действительно: фонетика вторична, фонология первична — и логически, и хронологически. Фонология связана с общей способностью человека размышлять о звуковом составе своего языка (нашедшей отражение в истории письма и языкознания в целом), фонетика же зависит от технического прогресса — от появления и развития средств, позволяющих

воспроизводить и изучать звуковой сигнал и порождающие его артикуляции⁴. О первичности фонологии не раз писали и современные авторы: «Фонетическая реализация фонем устанавливается одновременно с фонемной интерпретацией текста или после нее» [Касевич 1983: 17]; «Не выявление артикуляторных и акустических свойств речевого потока, а анализ речевого поведения говорящего позволяет лингвисту установить состав фонем языка. Только после того как состав фонем установлен, можно приступить к артикуляторному и акустическому исследованию» [Попов 2004: 6]. Фонетика следует за фонологией: вначале описывается фонологическая система, затем изучается ее реализация. Ср. также:

«Всякая фонологическая теория должна обосновать решение по крайней мере двух задач: 1) установление состава фонем какого-либо языка, 2) установление фонемного состава любого высказывания на этом языке, другими словами, фонематической транскрипции. Вслед за В. Б. Касевичем считаем, что теоретическое решение первой из указанных задач логически предшествует решению второй» [Попов 2004: 9].

Фонологический анализ предшествует фонетическому — предшествует потому, что создает для него основания.

Не приходится думать, что против такой точки зрения могут быть выдвинуты серьезные аргументы. Не зря соответствующая мысль повторяется в самом начале учебных пособий по фонологии: «Одно и то же звучание носителями разных языков оценивается с точки зрения звукового состава по-разному» [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 7]. «Одно и то же» с точки зрения материальной фонетики получает различную интерпретацию потому, что носители разных языков исходят из разных фонологических систем. Не материальный субстрат определяет и строение фонологической системы⁵. Это видно хотя бы на примере дифтонга [ai], который звучит примерно одинаково в английском, русском и латышском (ср. англ. *tie* [tai] ‘галстук’, рус. *тай* (императив от *таять*), лтш. *tai* (датив от *tā* ‘та’)), однако в английском это монофонемная единица, в русском это две фонемы и понятие дифтонга вообще не востребовано (благодаря второй фонеме не возникает

⁴ Мысль Щербы о том, что «число наблюдаемых оттенков будет все увеличиваться по мере усовершенствования средств наблюдения» [Щерба 1912: 9], можно продолжить, подчеркнув, что это вряд ли приведет к изменению числа обнаруживаемых в системе фонологических единиц.

⁵ Часто встречается возражение: «Разве не на основе поступающей по слуховому каналу связи информации (относящейся, естественно, к материальному миру) в сознании человека формируется языковая система?» Во-первых, следует признать, что лингвистика не отвечает на вопрос о том, как формируется языковая система в сознании усваивающего язык человека (в частности, ребенка) — это было бы попыткой решения частного случая задачи взаимообусловленности материального и идеального. Освоение языка — врожденная способность человека, описание ее выходит далеко за пределы лингвистики, предоставляющей, правда, важнейшие данные для изучения этого вопроса. Задачей лингвистики является описание самой языковой системы как таковой. Во-вторых, уместнее была бы более осторожная формулировка: языковая система строится не «на основе», а «с учетом» акустического материала, однако влияние этого материала, как уже отмечалось, невозможно формализовать.

слога особого типа), в латышском же это именно то, что называется «фонологический дифтонг», то есть две фонемы в центре слога [Абеле 1924: 22–23]: *ai* состоит из двух фонем, и именно обе эти фонемы участвуют в образовании долгого слога (отличительной особенностью долгих слогов в латышском языке является их способность противопоставлять слоговые интонации).

Вряд ли кто-либо из современных лингвистов станет всерьез отстаивать точку зрения, что фонологические решения основываются на анализе физических характеристик звучащей речи. Утверждение, что «акустико-артикуляционное сходство или различие звуков не определяет их фонематического статуса», Л. Р. Зиндер называет «основным положением фонологии» [Зиндер 1979: 72–73]. А. С. Либерман же отмечает принципиальную невозможность сравнения звуков:

«Trubetzkoy should have said the following. “‘Sounds’ are not linguistic units, they form no system and are interesting only in so far as they are manifestations of distinctive entities (phonemes). They cannot be compared by linguists, and to a linguist they are neither identical nor different. The entire problem is a remnant of an antiquated view of the phonic substance of language”» [Liberman 1980: 555].

Иначе говоря, в лингвистической теории не следует даже затевать разговор о ф и з и ч е с к и «одинаковых» или «различных» реализациях — они одинаковы, сходны или различны не в природе, а в мышлении носителя конкретного языка (как реализации известных ему фонем). Это, конечно, справедливо и для более общих рассуждений — ведь известно, что «физические объекты бесконечны в своих свойствах». Напротив, фонемы в своих свойствах конечны (каждой соответствует определенный набор «дифференциальных признаков») и поэтому сопоставимы, будучи категориями нашего языкового мышления, которое, как и мышление вообще, «всегда искусственно ограничивает себя известным числом им же созданных категорий» [Поливанов 1968: 95]. Бесплодными были бы попытки вычислить на основе подробнейшего анализа свойств материального мира, какие категории будут для него созданы мышлением в том или ином языке. Состав таких категорий — это данность, которую лингвисту необходимо выявить и описать, но которую невозможно предугадать или установить на основе внеязыковой информации. Так, известно, что в бесконечно разнообразном спектре радуги разные языки насчитывают разное количество цветов. Известно и явление омонимии (ср. *лук*), не объясняемое свойствами соответствующих объектов. Это примеры следствий из произвольности и асимметричности языкового знака, которые в общем случае не могут быть предсказаны (ср. [Касевич 2011: 24]).

3. И все же апелляцию к фонетическим характеристикам можно нередко встретить в литературе на разных этапах «фонологического» описания.

Структура фонологического исследования представляется нами в духе школы Л. В. Щербы (ЩФШ). Опуская аргументы в пользу этой концепции (см. известные труды Л. Р. Зиндера, В. Б. Касевича, М. Б. Попова и др.), подчеркнем, что она исходит из р е а л ь н о с т и языковой системы и с а м о с т о я т е л ь н о с т и ее фонологического компонента.

Реальность языковой системы предполагает существование единственно правильного ее описания, адекватность которого достигается путем психолингвистической верификации теоретических построений. Соответственно, представления о принципиальной неединственности фонологических решений отвергаются. Ср. у М. И. Стеблин-Каменского: «Так называемая неединственность фонологических решений — это иллюзия. Неединственны они только в той мере, в какой они решения не тех условий, которые заданы», «решения, в неодинаковой мере учитывающие факты» [Стеблин-Каменский 1964: 51]. Надо сказать, что в классической работе Чжао Юаньжэня, на которую обычно ссылаются авторы, провозглашающие неединственность, настоящая ситуация сформулирована вполне корректно: «...given the sounds of a language, there are usually more than one possible way of reducing them to a system of phonemes, and... these different systems or solutions are not simply correct or incorrect, but may be regarded only as being good or bad for various purposes» [Chao Yuen-Ren 1934: 38] (разрядка моя. — А. А.). Именно ориентация на разные цели позволяет оценить адекватность возможных описаний. Вопрос, соответственно, состоит в выборе цели. Если языковая система принимается в качестве реально существующей, то целью лингвистического исследования должна быть ее экспликация.

Самостоятельность фонологического компонента многократно обосновывалась в работах представителей ЦФШ (см., например, [Зиндер 1979: 56–58], ср. также [Андронов 2017а]). О способности выделять вниманием фонологические единицы в отвлечении от значения свидетельствуют, в частности, и детские вопросы вроде: «Папа, как пишется [lʹ]?» (причем дать достаточно краткий ответ для русского языка невозможно).

Экспликация реально существующей и самостоятельной фонологической системы предполагает описание составляющих ее элементов и правил их функционирования (ср. [Касевич 2011: 21]). Как и в других компонентах языковой системы, в фонологии различаются линейные единицы двух типов: помимо минимальных, языковая система может обладать разного рода не-минимальными фонологическими единицами, представляющими собой по определенным правилам построенные комплексы единиц более низкого порядка (слоги — комплексы фонем, фонологические слова — комплексы слогов и т. п.)⁶; для таких единиц далее используется термин «единства» (ср. [Андронов, Клейнер 2015: 6–7]). Минимальные единицы присущи, разумеется, любому языку (их наличие обуславливается необходимостью из ограниченного числа элементов системы строить бесконечные по протяженности тексты), в качестве родового понятия, объединяющего две наиболее известные их разновидности — фонемы и силлабемы, — ниже будет использоваться аббревиатура МЛФЕ (минимальная линейная фонологическая единица). Напротив, наличие не-минимальных фонологических единиц и их состав являются вопросом, требующим выяснения для каждого языка. Для постулирования конкретных единств необходима

⁶ Ср. у Касевича [1983: 102–103] о парадигматических и синтагматических единицах (позже, [Касевич 1986: 117] — инвентарные и конструктивные единицы, соответственно).

констатация фонологических признаков, принадлежащих именно им как целостным образованиям и отсутствующих у их составных частей.

Все единицы системы — как минимальные (инвентарные), так и более крупные (конструктивные, т. е. «единства») — должны быть выявлены, то есть определены в двух отношениях: 1) отграничены от соседних единиц в тексте, иначе говоря, вычленены из цепочек (сегментация, или синтагматическая идентификация) и 2) отличены от прочих единиц того же порядка в системе (парадигматическая и деидентификация). Выявление единиц, однако, дает лишь их инвентарь, который должен быть организован в систему: каждую единицу следует охарактеризовать в отношении к другим — на основании фонологических признаков и, для единств, внутреннего линейного устройства (классификация). В отличие от ЩФШ многие фонологические концепции не предполагают специального исследования всех названных вопросов, рассматривая и подробно разрабатывая лишь некоторые из них.

Приведем примеры фонетического вмешательства на разных этапах фонологического описания. Сначала будут рассмотрены вопросы сегментации, идентификации и классификации применительно к МЛФЕ, затем — некоторые детали описания единств (фонологического слога и фонологического слова⁷).

4. Сегментация. Фундаментальное отличие так называемых слоговых языков от языков фонемных, упомянутое Л. В. Щербой [Щерба 1912: 8], на конкретном материале продемонстрированное Е. Д. Поливановым [Иванов, Поливанов 1930: 5, et passim] и детально обоснованное в трудах М. В. Гординой и В. Б. Касевича, является, по-видимому, наиболее известным достижением ЩФШ в области лингвистической типологии, давно вошедшим в университетские курсы и учебные пособия, подготовленные ее представителями [Зиндер 1979: 38; Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 14–15; Маслов 2005: 75; Касевич 2011: 50–51]⁸. Типологические различия между языками проявляются непосредственно при применении к их описанию основного постулата ЩФШ, лаконично сформулированного В. Б. Касевичем: «фонологическая сегментация оказывается производной от сегментации морфологической» [Касевич 2011: 36]. Таким образом, в невозможности выделения привычных европоцентрической лингвистике фонем в языках, где нет морфемных границ между соответствующими «звуками», следует видеть не дефект исследовательского метода, а наоборот силу теоретической концепции. Функциональный анализ должен противостоять здесь фонетическому вмешательству, заключающемуся в стремлении выделять «универсальные» фонемы во всех языках.

На отсутствие функциональных оснований для членения некоторых «сложных звучаний» в английском языке указывают петербургские германисты Ю. К. Кузьменко [Кузьменко 1991: 64–66] и Ю. А. Клейнер [Клейнер 2010: 63 и далее]. Внутри

⁷ Ввиду отсутствия общепринятой пары терминов (ср. «звук» — «фонема») обозначение единств, принадлежащих языковой системе (а не речи), приходится сопровождать определением «фонологический».

⁸ Ссылки даны по последним изданиям соответствующих работ.

английских сегментов типа [eɪ], [en], [et] (представленных, например, в словах *ray* [reɪ], *pen* [pen] и *pet* [pet]) не удается обнаружить потенциальных морфемных границ (не разбиваются они и слоговой границей). Из этого должна следовать одинаковая трактовка всех их как фонологически нечленяемых единиц (то есть МЛФЕ), однако в традиционных описаниях интерпретация, как правило, различна: монофонемами признаются лишь дифтонги типа /eɪ/ (то есть, фонетически, сочетания гласных с глайдами [i] и [ɥ]); с недоверием, но все же рассматривается вопрос о монофонемности сочетаний с сонантами; явное неприятие вызывает монофонемная трактовка сочетаний с шумными. По-видимому, разное отношение к монофонемности в данном случае определяется собственно фонетической разницей между сонантами и шумными, точнее «общими представлениями» об их свойствах (непривычностью монофонеми /et/)⁹. Однако обосновано это различие может быть лишь функциональным анализом (либо обнаружением разницы в ходе психолингвистического исследования) — ср. [Клейнер, Риехакайнен 2018].

Рассматривая правомерность привлечения морфологизованных чередований для доказательства членяемости английских сочетаний гласных с носовыми ([sɪŋ] ~ [sæŋ] ~ [sɒŋ]), Касевич признает их подобие чередованиям в сочетаниях с шумными ([spɪt] ~ [spæt]): в обоих случаях можно допустить, что чередуются цельные (т. е. монофонемные) сегменты [ɪŋ] ~ [æŋ] ~ [ɒŋ], [ɪt] ~ [æt] [Касевич 1983: 24]. Ю. А. Клейнер напоминает, что морфологизованными чередованиями могла бы быть «обоснована» и бифонемность английских дифтонгов: *bind* ~ *bound* [baɪnd] ~ [baʊnd] [Клейнер 2018: 186]. Не находя узколингвистических критериев для обоснования различной трактовки таких сегментов, Касевич формулирует проблему:

«...В корректность этого метода нас заставляют верить полуинтуитивные соображения, сводящиеся к тому, что замена сегмента, которая имеет вполне определенные морфологические — и, следовательно, относительно регулярные — следствия, не может быть безразличной для фонологии. Требуется лишь обнаружить ограничения, которые позволяли бы недвусмысленно устанавливать, какой именно сегмент подвергается замене, это и придаст корректность критерию. Но мы не знаем, какими должны быть ограничения» [Касевич 1983: 25].

Основания для полуинтуитивных соображений исследователя, вероятно, могут быть найдены вне узколингвистического подхода — в области психолингвистики. Подобным образом — психолингвистически — должно быть проверено отождествление или различие носителем языка «фрагментов» таких сложных звучаний (например, [t] в *pity*) с сегментами, фонологическая самостоятельность которых поддается функциональному доказательству. Психолингвистика понимается нами здесь как область применения «субъективного метода» Щербы, направленного

⁹ Отметим, что равноправная трактовка сонантов и шумных при образовании долгого по положению слога в традиции латинской грамматики никого не смущает (ср. *accentus* — *acceptus*, где и /en/, и /ep/ являются фонологическими дифтонгами — бифонемными сочетаниями, оба члена которых входят в центр слога).

на выявление устройства языковой системы: «Мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида, раз мы желаем узнать, какие фонетические различия он употребляет для целей языкового общения, и другого источника, кроме его сознания, у нас вовсе не имеется» [Щерба 1910: 198]. Этот метод не следует смешивать с перцептивной фонетикой, занимающейся вопросами речи — «исследованием возможностей и способностей носителей определенного языка замечать, опознавать и использовать акустические характеристики звуковых единиц в процессе восприятия речевых сообщений» [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 95]. Психолингвистика привлекает для выяснения фонологической системы весь спектр проявлений языкового мышления носителя (от «случайных» оговорок в речи до прямых суждений о тех или иных фонологических категориях), а перцептивная фонетика охватывает лишь часть важного для этой задачи материала. (М. Б. Попов справедливо напоминает, что «результаты проводимых перцептивных фонетических экспериментов необходимо интерпретировать, ясно понимая, что получены они в специфических условиях эксперимента и лишь косвенно отражают механизм восприятия в естественной речевой деятельности» [Попов 2014: 36]¹⁰.)

5. Критике попыток заменить функциональный анализ анализом фонетическим при решении вопросов идентичности посвящено несколько страниц в «Общей фонетике» Л. Р. Зиндера: «Фонетически (в узком смысле слова) сопринадлежность аллофонов одной фонемы определить невозможно» [Зиндер 1979: 52 и далее]. Автор указывает, в частности, что ссылка на отсутствие физического сходства¹¹ не может служить решением «хрестоматийного примера» — обоснованием фонологической самостоятельности английских [h] и [ŋ], находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции: [h] только в начале слога, а [ŋ] только в конце [Зиндер 1979: 72]. Фонетическое вмешательство в фонологические рассуждения, к сожалению, практикуется в подобных случаях многими классиками, начиная с Н. С. Трубецкого (понятие «акустически (или артикуляторно) родственных звуков» [Трубецкой 1960: 56]).

¹⁰ Вместе с тем само описание места перцептивной фонетики представляется в учебнике М. В. Попова несколько противоречивым. С одной стороны, автор противопоставляет перцептивный аспект (вместе с артикуляционным и акустическим) фонологическому [Попов 2014: 23] и не называет выяснения фонологической системы в числе важнейших вопросов перцептивной фонетики [Попов 2014: 36–37]. С другой стороны, он утверждает, что «именно этот <перцептивный> аспект фонетических исследований имел в виду Л. В. Щерба, когда еще в начале XX в. говорил о “субъективном методе” как ведущем в фонетике и о лингвистическом эксперименте» [Попов 2014: 36], и именно в разделе о перцептивном аспекте формулирует процитированную в начале нашей статьи мысль об исследовании «речевого поведения носителя» как основе для «моделирования функциональной реальности языка» [Попов 2014: 35].

¹¹ Ср. у В. Б. Касевича: «По поводу фонетического сходства мы не раз уже говорили выше, в разных контекстах, что оно, так сказать, фонологически бесплодно и вообще с фонологической точки зрения представляет собой скорее фиктивное понятие. Трудно сказать, каковы должны быть пороговые значения, чтобы можно было утверждать, что данные два фона “похожи” друг на друга больше, чем каждый из них на какой-либо другой» [Касевич 1983: 59].

В связи с проблемой соотношения [h] и [ŋ] (на немецком материале, аналогичном английскому) Трубецкой, правда, опираясь не на отсутствие фонетического сходства, а на понятие косвенно-фонологической оппозиции [Трубецкой 1960: 40–41], то есть такой оппозиции, общие признаки членов которой («основание для сравнения» [Трубецкой 1960: 75]) не специфичны, а имеются и у других членов фонологической системы. Ср.:

«Противоположение „*ich*-Laut“ и „*ach*-Laut“ в немецком языке не несет смысловозначительной функции, так как эти звуки являются взаимоисключающими, а их общие признаки (глухой дорсальный спирант) не повторяются ни в одном звуке фонетической системы немецкого языка. Но оппозиция *h* — *ŋ*, члены которой тоже являются взаимоисключающими (ведь *h* встречается только перед гласными, кроме безударных *e* и *i*; *ŋ* — наоборот, только перед безударными гласными *e* и *i* и перед согласными), тем не менее обладает смысловозначительным характером, поскольку то единственно общее, что присуще этим звукам, а именно их консонантный характер, присуще не только им одним, и, таким образом, не этот признак позволяет отличать их от других согласных немецкого языка» [Трубецкой 1960: 40]¹².

Следует отметить, правда, что приведенное рассуждение строится по сути на фонетических характеристиках, а не на функционально обоснованных признаках сопоставляемых единиц.

Узкофонетической аргументации, используемой во многих описаниях, Зиндер противопоставляет аргументацию собственно лингвистическую: «для того, чтобы два звука были аллофонами одной фонемы, они должны быть связаны отношением дополнительной дистрибуции в пределах хотя бы одной морфемы данного языка» [Зиндер 1979: 73]. Ср. также: «Носитель языка как один “звук речи”, т. е. фонему (для лингвиста), воспринимает разные звуки, не встречающиеся в одном и том же контексте, но в принципе могущие ассоциироваться друг с другом благодаря тому, что они иногда чередуются в одной и той же морфеме или словоформе» [Попов 2014: 56].

Именно наличие лингвистической связи необходимо для самой постановки вопроса в случаях, подобных проблеме английских или немецких [h] и [ŋ]. Сильнейшим проявлением такой связи является чередование. Однако на лингвистическую связь может, по-видимому, указывать не только осуществляющееся в языке чередование, но и его следы, наблюдаемые, например, в особенностях распределения фонем по позициям, в изменениях, происходящих при адаптации заимствований.

¹² В «Основах фонологии» Трубецкой довольно кратко характеризует ситуацию косвенно-фонологической оппозиции, не давая ее строгого определения (ср. более подробно [Troubetzkoy 1936: 9–10]), поэтому критика этого понятия у Зиндера [Зиндер 1973: 171] основана на недоразумении: отмеченная Трубецким способность членов такой оппозиции вступать в непосредственно-фонологическое противопоставление с другими фонемами является не квалификационным признаком, а просто свойством, объединяющим ее с непосредственными оппозициями. Аналогичная способность [ç] и [x] (контраргумент Зиндера) не упоминается Трубецким потому, что он не трактует их как самостоятельные фонемы.

Исторически члены чередования обычно восходят к единой фонеме, но в развитии языка чередования могут по разным причинам устраняться, а их члены приобретать статус самостоятельных фонем (разрушение чередований, ослабление лингвистической связи открывает путь для фонологизации).

Рассматриваемые Зиндером [Зиндер 1979: 55] примеры фонологических отношений между [s] и [h] в разных языках могут быть выстроены по степени выраженности этой лингвистической связи. Так, в якутском языке наблюдается именно чередование: в интервокальной позиции *s* чередуется с *h* (*бас* ‘голова’ — *бах-ым* ‘моя голова’) [Харитонов 1947: 70] (о закономерностях употребления *s* и *h* в якутском см. [Барашков 1953: 45–50]). В эвенском такого чередования нет, но есть исторически объяснимое позиционное распределение: поскольку в начале слова (перед гласным) **s* > *h*, для начала слова нехарактерно [s], а для середины и конца — [h] [Цинциус 1947: 22, 25, 41; Цинциус 1949: 190–203]. Такое распределение поначалу влияло и на оформление заимствований (ср. *хакар* [h-] < рус. *сахар*), но позже было разрушено (ср. эвен. *самолёт*). Поэтому Зиндер утверждает: в эвенском языке [s] и [h] «были до самого недавнего времени аллофонами одной фонемы» [Зиндер 1979: 55]¹³.

М. Б. Попов усматривает ограничение собственно лингвистического критерия парадигматической идентификации в следующем обстоятельстве: поскольку некоторый звук может входить в разные ряды чередований, невозможно обосновать выбор фонемы, к которой он относится:

«Опираясь только на морфемы, фонолог обнаруживает, что, например, минимальные сегменты [t'] корневых морфем в словоформах *сетей* и *о коте...* входят в разные ряды чередований — [t']/[t']/[t^h] (*сетей, сетям, сеть*) и [t']/[t]/[t^h] (*коте, кота, кот*). А это значит, что, согласно принятому критерию, [t'] может быть отождествлено и с [t'], [t^h] в словах *сетям, сеть* и с [t], [t^h] в словах *кота, кот*. <...> Попытка обойти это противоречие указанием на тот факт, что признак твердости/мягкости является для русских согласных фонемным (= дифференциальным) и поэтому [t'] отождествляется с [t^h'], а не с [t^h], не достигает цели, поскольку на данном этапе фонологического анализа еще не может быть известно, какой признак является фонемным, а какой — аллофонным, т. к. статус признака определяется после установления состава фонем» [Попов 2014: 58].

Думается, однако, что в таком «забегании вперед» нет противоречия. Лингвист должен в конце концов объяснить устройство системы, показав взаимодействие ее компонентов. Система языка, по-видимому, познается целиком (в виде гипотезы),

¹³ Разрыв лингвистической связи приводит к обособлению бывших аллофонов и образованию самостоятельных фонем, причем некоторое время самостоятельность фонем может не иметь узколингвистических проявлений (ср.: «...Изменение фонетического контекста при наличии (сохранении) фонетического различия, первоначально обусловленного этим контекстом, лишь к о н с т а т и р у е т, что фонетически различные единицы уже реализуют самостоятельные фонемы. Таким образом, новое фонологическое противопоставление и соответственно новая фонема возникает до, а не после того, как изменился фонетический контекст» [Попов 2004: 165–166]).

а не строится по частям (выполняя последовательность некоторых действий) (см. [Касевич 1983: 6–18]), поэтому контраргументы о том, что в какой-то момент исследования какая-то информация еще не доступна, вряд ли имеют силу. Другое дело, что — как и при синтагматической идентификации — некоторые решения могут не поддаваться узколингвистическому обоснованию. Как всегда в таких случаях, ответ следует искать во включающей системе — в области языкового мышления, исследуемого психолингвистически. Для задач фонологического описания достаточно уверенного ответа русскоязычного информанта: «В *сетей* и *сеть* второй согласный один и тот же». (Понятно, что этот воображаемый ответ должен быть дан не на прямой вопрос — корректная экспериментальная проверка здесь была бы, несомненно, желательна, но вряд ли приходится сомневаться в абсолютном преобладании именно такого мнения носителя языка.)

Вообще следует отметить, что при парадигматической идентификации в центре внимания находятся не «пределы варьирования фонемы», поскольку в лингвистической реальности («в языковом сознании») нет аллофонов: вопрос состоит не в объединении этих мнимых (различаемых исследователем, а не носителем) сущностей в фонему, а в выявлении числа отдельных фонем в системе. Если при синтагматической идентификации мы выясняем, сколько границ имеется в отрезке текста, то при парадигматической идентификации мы определяем, сколько в нем представлено различающихся единиц.

6. Следующим этапом описания является классификация выявленных единиц. Эта классификация осуществляется по признакам, которые в случае фонем (МЛФЕ) обычно называются дифференциальными. Ввиду проблематичности понятия дифференциального признака (см. [Андронов 2013]) будем говорить просто о «признаках фонемы», которые у нее — как фонологической единицы — разумеется, могут быть только фонологическими (обозначение «релевантные» следует признать избыточным [Андронов 2017а: 254]). Проблематика установления признаков фонем подробно рассмотрена Касевичем [Касевич 1983: 78–99], начинающим соответствующий раздел со знаменательного предостережения: «Наиболее распространенный — и наименее приемлемый — путь <выявления признаков фонем> состоит в том, что дифференциальные признаки явно или неявно понимаются как фонетические свойства звуков, реализующих соответствующие фонемы, поддающиеся прямому наблюдению и измерению» [Касевич 1983: 79]. К сожалению, подобные примеры фонетического вмешательства в данный этап фонологического описания могут быть найдены не только в работах лингвистов, специально не занимающихся проблемами фонологии (ср. отказ русским фонемам /с/, /č/, /х/ в признаке глухости из-за наличия у них звонких аллофонов, вошедший в учебник по введению в языкознание Ю. С. Маслова [Маслов 2005: 62]), но и у ярчайших представителей современной фонологической науки (ср. сомнения М. Б. Попова в фонологичности признака нижнего подъема у русской фонемы /а/, вызванные наличием среди ее аллофонов гласных [а] и [ъ], не относящихся к нижнему подъему [Попов 2004: 105]). Функциональный анализ убеждает, что несоответствие или даже кажущаяся противоречие фонологических признаков и фонетических характеристик

не представляет собой ничего экстраординарного. Проблематике функционального обоснования классификации посвящены наши работы [Андронов 2011] (о фонологических свойствах русских непарных глухих) и [Андронов 2020] (об устройстве вокалических систем русского, латышского и финского языков)¹⁴.

Как и на других этапах описания, при классификации также возможны случаи, когда некоторое решение не находит узколингвистического обоснования, но может быть подтверждено психолингвистически. К ним относится, в частности, проблема определения места в системе для фонем, не участвующих в чередованиях ни в качестве чередующихся единиц, ни в качестве обуславливающего чередования контекста (в разных языках число таких МЛФЕ существенно различается).

7. Переходя от проблематики МЛФЕ к описанию е д и н с т в, еще раз подчеркнем, что во избежание умножения сущностей без необходимости наличие каждого типа единств должно обосновываться в рамках конкретной языковой системы. Широко распространенное мнение, будто в системах всех языков существуют слоги и фонологические слова (которые, соответственно, должны быть во что бы то ни стало обнаружены, а затем освещены в преподавании), должно расцениваться как фонетическое вмешательство в фонологические рассуждения.

Так, фонологическое описание с л о г а часто отталкивается от заведомо нефонологического понятия «минимальной произносительной единицы». Переименовая в связи с этим слова Трубецкого, процитированные выше, можно было бы сказать: «Исходить при определении фонологического слога из минимальной произносительной единицы — значит вращаться в порочном кругу». Разными причинами обусловленная ритмизация характерна для человеческой речи вообще, но фонолога интересуют составляющие конкретных языковых систем, в частности вопрос о том, выполняет ли минимальная произносительная единица какую-то языковую функцию. Подобно тому, как в русском языке отсутствует фонема /z/ при наличии соответствующей комбинаторно обусловленной аффрикаты ([š':eʒ вы] *щец бы!*), в конкретной языковой системе может не быть фонологического слога при наличии минимальной произносительной единицы.

Разграничение минимальной произносительной единицы и фонологического слога, понимаемого как единство, определенным образом организующее цепочки МЛФЕ, вскрывает терминологическое затруднение (на занятиях со студентами СПбГУ получившее название «парадокс Клейнера»): в языках слогового строя нет слогов. «Слоги» таких языков обладают определенным (весьма строгим) линейным устройством, но наблюдаемые в них сегменты не являются МЛФЕ, поскольку такими здесь оказываются сами «слоги» (называемые так ввиду чисто фонетического сходства со слогами «традиционных», фонемных языков) [Клейнер 2018: 184, 189].

¹⁴ Отметим, что признаков у фонемы может быть обнаружено больше, чем необходимо для ее безошибочной идентификации среди других фонем. Так, «фонологическая прозрачность», констатированная у русских /c/, /č/, /x/, /v/, несомненно является их функциональной особенностью, заслуживающей внимания. Особые отношения между узкими /c/, /č/ и широкими /æ/, /æ̃/ делают целесообразным объединение этих фонем в подсистему внутри латышского вокализма, хотя для идентификации каждой из них достаточно признаков ряда и подъема (и долготы).

Работы Л. М. Хаймана о проблеме слога в нигеро-конголезском языке гокана [Нуман 1983; 2011; 2015] отмечают расплывчатость моделей синтагматической организации цепочек фонем, описываемых в терминах гласных и согласных. Однако отсутствие фонологического слога создает трудности для самого функционального определения понятий гласного (vs согласного). Выведение же этих понятий из собственно фонетических характеристик будет очередным примером нежелательного вмешательства в фонологические рассуждения (как и нередко формулируемая псевдоуниверсалия, что «во всех языках есть гласные и согласные», очевидным образом говорящая не о фонемах, то есть не о единицах, относящихся к области системы языка).

Отсутствие фонологического слога констатировано в таком неэкзотическом языке, как русский. Правда, С. В. Кодзасов формулирует соответствующую мысль несколько завуалированно: «К числу языков, в которых фонологические признаки слога отсутствуют, относится современный русский» [Кодзасов 1990] (раз нечто не имеет фонологических признаков, надо полагать, что это нечто не относится к фонологической системе). Л. Р. Зиндер утверждает совершенно определенно: «В таких языках слог и слоговоеделение не связаны со смыслом, и слог не является поэтому фонологической единицей» [Зиндер 1979: 251]. Однако и в этой формулировке можно усмотреть противоречие, связанное с фонетическим вмешательством, поскольку она предполагает, что «какой-то» слог несомненно есть, только не фонологический (то есть не принадлежащий фонологической системе). Утверждение Зиндера, по-видимому, исключает даже возможность ситуации (отмеченную выше применительно к разным этапам описания МЛФЕ), когда фонологический слог не имеет узколингвистического проявления, но может быть выявлен психоллингвистически. Вместе с тем свидетельством принадлежности слога к языковой системе является наличие разных его типов — например, различие долгих и кратких слогов в балтийских языках по способности обеспечить базу для противопоставления слоговых интонаций (см. [Андронов 2018б]).

Фонологическим признаком с л о в а (акцентного единства) является ударение, которое может воплощаться в весьма разнообразных реализациях (см. [Андронов 2017б]). Функциональный подход приводит к трактовке сингармонизма как акцентного явления [Гард 2015: 77–81]. Тем временем в большинстве работ о наличии и месте ударения судят по фонетическим характеристикам интенсивности, высоты и длительности. На этих фонетических соображениях основывается и традиционное определение ударения как выделения одного из слогов на фоне других слогов слова, хотя известно, что фонетически выделенным может быть не один слог слова (ср. «плато» из высоких слогов в японском) или фонетически выделенный слог может не совпадать с фонологически ударным (ср. акцентуацию жемайтских слов с «оттянутым ударением» или вопрос о месте ударения в штокавских говорах сербохорватского языка [Гард 2015: 164])¹⁵. Как нам уже приходилось писать [Andronovas

¹⁵ Подобные расхождения в указаниях «положительных и отрицательных акцентных средств» [Гард 2015: 57] являются очередным примером противоречия фонетики и фонологии, которое во многих случаях по традиции разрешается в пользу фонетики.

2022: 26], в определении ударения следует иначе расставить акценты: важно не то, что выделено (не говоря о том, какими фонетическими средствами выделено), а то, какой сегмент текста соответствующим признаком характеризуется. Акцентным контуром характеризуется слово.

8. Отмеченные примеры фонетического вмешательства естественным образом отражаются и на результатах исследований по фонологической типологии и ареальной лингвистике, нередко группирующих языки по использованию той или иной артикуляционной характеристики (например, глоттализации) — без внимания к деталям ее фонологического статуса. В качестве примера укажем возражение Е. Д. Поливанова из неопубликованной рецензии на книгу Р. О. Якобсона «К характеристике евразийского языкового союза» (1931):

«Разница именно фонологическая между турецкой <тюркской — А. А.>, например, сингармонической мягкостью (— полумягкостью) и русской мягкостью независимой настолько велика, что Р. Якобсон, мне кажется, недооценивает ее, когда вводит так смело турецкие сингармонистические чередования оттенков согласных... под одну краску на карте изоглосс с русским и т. п. консонантическим дуализмом» [Поливанов 1933: тетрадь 6, л. 16об.].

Якобсон сближает сингармонизм с мягкостной корреляцией фонем, основываясь на наблюдаемой в обоих случаях фонетической характеристике палатализованности, а полиакцентные системы (типа балтийских) — объединяет с тональными системами Юго-Восточной Азии ввиду сходных модуляций тона. Фонологические основания, напротив, предполагают объединение сингармонизма с полиакцентностью (супрасегментные признаки уровня слова), а фонематической мягкости — с тональными системами (сегментные признаки МЛФЕ) — подробнее см. [Андронов 2018а; 2018в], где обосновывается также выделение сингармонистических языков в качестве третьего фонологического типа наряду с фонемными и слоговыми.

Для составления истинно фонологического атласа языков, разумеется, необходимо иметь их описания, созданные в рамках единого последовательно функционального подхода.

* * *

Как можно видеть, строгое разграничение фонетики и фонологии вновь ставит проблемы, большинству лингвистов представляющиеся давно решенными. Конечно, фонологические системы многих языков для практических целей описаны вполне удовлетворительно. Надо признать, однако, что это обеспечено не столько успехами науки, сколько уже отмеченным выше обстоятельством, что их устройство интуитивно ясно владеющему языком исследователю и он способен эксплицировать это знание в своих работах. Именно поэтому «последователи Л. В. Щербы ставили <и ставят — А. А.> во главу угла экспериментальное исследование сознания носителей языка» [Попов 2014: 261]. Правда, в учебнике по введению в языкознание В. Б. Касевич формулирует вопрос, стоящий перед фонологом,

так: «какие операции следует произвести над текстом, чтобы установить систему фонем данного языка?» [Касевич 2011: 35]. Однако все содержание научной монографии [Касевич 1983], свободное от педагогического упрощения, свидетельствует о том, что истинный вопрос состоит в том, какие операции следует «произвести» над носителем языка для выяснения его фонологической системы. Текст является лишь одним из продуктов речевой деятельности (пусть и важнейшим), а к исследованию должны привлекаться все многообразные ее проявления во всём доступном объеме. Фонетическая аргументация при этом является лишь внешним, не имеющим доказательной силы обстоятельством, способным к тому же не только навести на верный путь, но и дезориентировать.

Помимо практических целей есть, однако, и фундаментальные задачи, стоящие перед теоретическим языкознанием. Строгость, необходимая для таких исследований, заставляет признать, что в имеющихся описаниях даже хорошо известных языков остается немало нерешенных вопросов. Многое, кажущееся удовлетворительным на первый взгляд (или в оценке неспециалистов), требует пересмотра или доработки. Как показывает опыт, незамеченные ранее фонологические особенности могут быть выявлены и в известных языках. Не менее важным, однако, является детальное освещение самих внутренних связей, пронизывающих любую языковую систему, вскрытие взаимодействия ее подсистем и элементов. Это возможно, конечно, лишь при логической безупречности обоснования описываемых явлений.

Литература

Абеле А. К вопросу о слоге // *Slavia*. Roč. III. Seš. 1. Praha, 1924. S. 1–34.

Андронов А. В. К проблеме фонологической прозрачности в сочетаниях согласных // *Лингвистика от Востока до Запада: В честь 70-летия В. Б. Касевича*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 107–112.

Андронов А. В. О понятии интегрального признака в фонологии // Конференция, посвященная 150-летию Кафедры общего языкознания. 4–7 сентября 2013 года. Тезисы / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2013. С. 11–13 [Электронный ресурс]. URL: <http://genling150.phil.spbu.ru/tezisy-konferencii> (дата обращения: 11.03.2023).

Андронов А. В., Клейнер Ю. А. Предисловие // П. Гард. Ударение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 5–9.

Андронов А. В. Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство реальности фонологических категорий // *Studi Slavistici XIV* (2017a). Pp. 253–274.

Андронов А. В. О нетривиальных ипостасях ударения // XLVI Международная филологическая конференция, направление общего языкознания, секция фонологии. Программа и тезисы докладов. 15 марта 2017 г. / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 20176. С. 3 [Электронный ресурс]. URL: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2017_Phonology_programme.pdf (см. также: <http://conference-spbu.ru/conference/36/reports/6467/>) (дата обращения: 11.03.2023).

Андронов А. В. Морфологическая и фонологическая типология: вопросы соответствия и минимальных линейных фонологических единиц // «Национальные лингвосферы — сопредельные зоны партнерства» (Ч. Айтматов). Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Чингиза Торекуловича Айтматова. 24–26 октября, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына. Бишкек, 2018а. С. 158–165.

Андронов А. В. О соответствии фонологической и грамматической сегментации // XLVII Международная филологическая конференция, направление общего языкознания, секция фонологии. Программа и тезисы докладов. 21 марта 2018 г. / Филологический факультет СПбГУ. СПб., 2018б. С. 3–4 [Электронный ресурс]. URL: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (см. также: <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8819/>) (дата обращения: 11.03.2023).

Андронов А. В. Фонологические заметки о «Фонологических заметках» // In Нопогем: Сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна. Минск: РИВШ, 2018в. С. 18–29.

Андронов А. В. «Разгубленность» против огубленности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. СПб., 2020. Т. 17. Вып. 4. С. 543–556.

Барашков П. П. Звуковой состав якутского языка. Якутск: Якутское книжное издательство, 1953. 98 с.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 160 с.

Воронкова Г. В., Стеблин-Каменский М. И. Фонема — пучок РП? // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 15–26.

Гард П. Ударение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. 200 с.

Зиндер Л. Р. К вопросу о составе фонем в современном немецком языке // Philologica: Исследования по языку и литературе. Л.: Наука, 1973. С. 168–174.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 312 с.

Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М.: Институт востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР, 1930. 303 с.

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.

Касевич В. Б. Морфонология. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 160 с.

Касевич В. Б. Введение в языкознание. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2011. 240 с.

Клейнер Ю. А. Очерки по общей и германской просодике. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. 239 с.

Клейнер Ю. А. Сегменты и границы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 17. Фонетика. М., 2018. С. 184–193.

Клейнер Ю. А., Риехакайнен Е. И. К вопросу об экспериментальной проверке существования моносиллабов сложной конфигурации // XLVII Международная филологическая конференция, направление общего языкознания, секция фонологии. Программа и тезисы докладов. 21 марта 2018 г. / Филологический факультет

СПбГУ. СПб., 2018. С. 5–6 [Электронный ресурс]. URL: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (см. также: <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8697/>) (дата обращения: 11.03.2023).

Кодзасов С. В. Слог // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 470.

Кузьменко Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков. Л.: Наука, 1991. 284 с.

Либерман А. С. Порядок действий в фонологии и реальность различительных признаков // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 60–72.

Поливанов Е. Д. [Рец. на кн.:] Р. О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. 1931. 59 стр. — рукопись в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге: фонд Р. О. Якобсона, коробка 17/С/15 [1933].

Поливанов Е. Д. Мутационные изменения в звуковой истории языка // Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 90–113 (публикация рукописи 1931 г.).

Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 344 с.

Попов М. Б. Фонетика современного русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 302 с.

Стеблин-Каменский М. И. О симметрии в фонологических решениях и их неединственности // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 45–52.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.

Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Ч. 1: Фонетика и морфология. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. 312 с.

Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка: фонетика и морфология. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1947. 271 с.

Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1949. 343 с.

Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1909 г. Т. XIV. Кн. 4. СПб., 1910. С. 196–204.

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

Andronovas A. Lietuvių kalbos priegaidės — skiemens ar žodžio požymiai? // Baltistikos platybėse: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifaco Stundžios 70 metų jubiliejui. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2022. P. 21–32 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zurnalai.vu.lt/open-series/issue/view/2175> (дата обращения: 11.03.2023).

Chao Y.-R. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems // Bulletin of the Institute of History and Philology / Academia Sinica. Vol. IV. Part 4. Shanghai, 1934, pp. 363–397.

Hyman L. M. Are there syllables in Gokana? // Current approaches to African linguistics. Vol. 2. Dordrecht; Cinnaminson: Foris Publications, 1983, pp. 171–179.

Hyman L. M. Does Gokana really have no syllables? Or: what's so great about being universal? // Phonology. Vol. 28. Issue 1. 2011, pp. 55–85.

Hyman L. M. Does Gokana really have syllables? A postscript // Phonology. Vol. 32. Issue 2, 2015, pp. 303–306.

Liberman A. [Review of:] N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Paris, Mouton, 1975. 506 p. // Linguistics. Vol. 18, no. 5–6, 1980, pp. 543–556. Эл. версия 2017 года на сайте проекта кафедры общего языкознания СПбГУ «Лингвистика утраченная и обретенная»: <http://genling.spbu.ru/llf/texts/scans/Liberman1980-2017.pdf> (дата обращения: 11.03.2023).

Trubetzkoy N. S. Essai d'une théorie des oppositions phonologiques // Journal de psychologie normale et pathologique. Année 33, no. 1, 1936, pp. 5–18.

A. V. Andronov

National Library of Russia

(Russia, St. Petersburg)

baltistica@gmail.com

ON THE PROBLEM OF PHONETIC INTERVENTION INTO PHONOLOGICAL DISCOURSE

The article demonstrates that substantiation of phonological solutions with pure phonetic arguments is methodologically incorrect. To avoid common mistakes, it is important to keep phonology and phonetics apart as two different disciplines, the former aimed to reveal the phonological system of a language, the latter studying speech sounds as the products of its functioning. The task of phonology must be achieved before addressing the questions of phonetics. That deriving a system from the results of its implementation is impossible is a particular case of the non-formalizable relationship between the material and the ideal world. A phonological system is revealed on the basis of the study of a speaker's language behavior, rather than the physical parameters of speech. It is unacceptable to include phonetic characteristics in the definitions of phonological concepts (vowel or consonant phoneme, syllable, stress, etc.), because the categories of linguistic thinking do not have material components. The data of narrow phonetics have no direct application when considering phonological problems; they can be useful in discovering problematic questions for closer scrutiny, as well as in identifying points of greater or lesser stability in the system that may manifest themselves in historical development.

Ideas about the reality of the language system as part of the speaker's mental activity presuppose uniqueness of its adequate description. Such a description is based on a detailed treatment of internal connections between the components of the system (phonology and grammar), the use of psycholinguistically established facts being applied to

cases when solutions in linguistic terms per se are impossible. Phonological systems of languages are individual; there is no universal set of types and properties of their constituents, the differences being the basis of linguistic typology (phonemes vs syllabemes, functional load of a syllable, phonological features of a word, etc.). Further development of phonology requires a logically impeccable grounding of phenomena described, a consistent functional approach to the diverse material of specific languages.

The above considerations are illustrated by examples from different parts of the phonological description.

Keywords: phonology, phonetics, methodology of linguistic research, segmentation, identification, classification, syllable, stress, phonological typology, Ščerba phonological school.

References

Ābele A. K voprosu o sloge [The question of the syllable]. *Slavia*. Year III. Part 1. Praha, 1924. S. 1–34. (In Russ.)

Andronov A. V. [The problem of phonological transparency in combinations of consonants]. *Lingvistika ot Vostoka do Zapada* [Linguistics from East to West]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2011, pp. 107–112. (In Russ.)

Andronov A. V. [On the notion of the integral feature in phonology]. *Konferentsiya, posvyashchennaya 150-letiyu Kafedry obshchego yazykoznanija. 4–7 sentyabrya 2013 goda. Tezisy. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet* [Conference devoted to the 150th anniversary of the Department of General Linguistics. September 4–7, 2013. Abstracts. St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2013, pp. 11–13. (In Russ.) Available at: <http://genling150.phil.spbu.ru/tezisy-konferencii> (accessed 11.03.2023).

Andronov A. V. [Graphetic designation of phonological features as a guide for the rationalisation of alphabetic writing and evidence for the reality of phonological categories]. *Studi Slavistici XIV*, 2017a, pp. 253–274. (In Russ.)

Andronov A. V. [On the non trivial manifestations of accent]. *XLVI Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, napravlenie obshchego yazykoznanija, sektsiya fonologii. Programma i tezisy dokladov. 15 marta 2017 g. Filologicheskii fakul'tet SPbGU* [46th International Philological Research Conference, Area of General Linguistics, Section on phonology. Program and abstracts. March 15, 2017. St. Petersburg State University, Faculty of philology]. St. Petersburg, 2017b, p. 3. Available at: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2017_Phonology_programme.pdf (see also: <http://conference-spbu.ru/conference/36/reports/6467/>). (In Russ.) (accessed 11.03.2023).

Andronov A. V. [Morphological and phonological typology: questions of correspondence and minimal linear units]. “*Natsional'nye lingvosfery — sopredel'nye zony partnerstva*” (Ch. Aitmatov). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu Chingiza Torekulovicha Aitmatova. 24–26 oktyabrya, Kyrgyzskii natsional'nyi universitet im. Zhusupa Balasagyna* [“National lingvospheres — adjoining zones of partnership” (Ch. Aitmatov). Proceedings of the International scientific conference devoted to the 90th anniversary of Chinghiz Torekulovich Aitmatov. October 24–26, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn]. Bishkek, 2018a, pp. 158–165. (In Russ.)

Andronov A. V. [On the correspondence between phonological and grammatical segmentation]. *XLVII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, napravlenie obshchego yazykoznaniya, sektsiya fonologii. Programma i tezisy dokladov. 21 marta 2018 g. Filologicheskii fakul'tet SPbGU* [47th International Philological Research Conference, Area of General Linguistics, Section on phonology. Program and abstracts. March 21, 2018. St. Petersburg State University, Faculty of philology]. St. Petersburg, 2018⁶, pp. 3–4. (In Russ.) Available at: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (see also: <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8819/>) (accessed 11.03.2023).

Andronov A. V. [Phonological notes on “Phonological notes”]. *In Honorem: Sbornik statei k 90-letiyu A. E. Supruna* [Collection of papers on the 90th anniversary of A. E. Suprun]. Minsk, RIVSh Publ., 2018^в, pp. 18–29. (In Russ.)

Andronov A. V. [Lip spreading, not lip rounding]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of St. Petersburg University. Language and literature]. St. Petersburg, 2020, vol. 17, issue 4, pp. 543–556. (In Russ.)

Andronovas A. [Lithuanian *priegaidė*: a syllable or a word feature?]. *Baltistikos platybėse: Baltų kalbotyros straipsnių rinkinys, skirtas prof. Bonifaco Stundžios 70 metų jubiliejui* [In the vastness of Baltistics: A collection of papers in Baltic linguistics devoted to the 70th anniversary of Prof. Bonifacas Stundžia]. Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla, 2022, pp. 21–32. Available at: <https://www.zurnalai.vu.lt/open-series/issue/view/2175> (accessed 11.03.2023). (In Lithuanian)

Andronov A. V., Kleiner Yu. A. [Foreword] // P. Gard. *Udarenie* [Accent]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2015, pp. 5–9. (In Russ.)

Barashkov P. P. *Zvukovoi sostav yakutskogo yazyka* [Sound inventory of the Yakut language]. Yakutsk, Yakutskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1953. 98 p.

Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. *Osnovy obshchei fonetiki* [Foundations of general phonetics]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU; Moscow, Akademiya Publ., 2004. 160 p.

Chao Y.-R. The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems. *Bulletin of the Institute of History and Philology. Academia Sinica*. Vol. IV. Part 4. Shanghai, 1934, pp. 363–397.

Gard P. *Udarenie* [Accent]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2015. 200 p.

Hyman L. M. Are there syllables in Gokana? *Current approaches to African linguistics*. Vol. 2. Dordrecht; Cinnaminson, Foris Publications. 1983, pp. 171–179.

Hyman L. M. Does Gokana really have no syllables? Or: what's so great about being universal? *Phonology*, vol. 28, issue 1, 2011, pp. 55–85.

Hyman L. M. Does Gokana really have syllables? A postscript. *Phonology*, vol. 32, issue 2, 2015, pp. 303–306.

Ivanov A. I., Polivanov E. D. *Grammatika sovremennogo kitaiskogo yazyka* [Grammar of modern Chinese]. Moscow, Institut Vostokovedeniya im. Narimanova pri TsIK SSSR Publ., 1930. 303 p.

Kasevich V. B. *Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniya* [Phonological problems in general and oriental linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 295 p.

Kasevich V. B. *Morfonologiya* [Morphophonology]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986. 160 p.

Kasevich V. B. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU; Moscow, Akademiya Publ., 2011. 240 p.

Kharitonov L. N. [Modern Yakut]. *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Part. 1 Yakutsk, Gosizdat YaASSR Publ., 1947. 312 p.

Kleiner Yu. A. *Ocherki po obshchei i germanskoi prosodike* [Essays on general and Germanic prosody]. St. Petersburg, Fakul'tet Filologii i Iskusstv SPbGU Publ., 2010. 239 p.

Kleiner Yu. A. [Segments and boundaries]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Vol. 17. Fonetika [Phonetics]. Moscow, 2018, pp. 184–193. (In Russ.)

Kleiner Yu. A., Riekhakainen E. I. [On the experimental verification of existence of monosyllables of complicated configuration]. *XLVII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, napravlenie obshchego yazykoznaniya, sektsiya fonologii. Programma i tezisyy dokladov. 21 marta 2018 g. Filologicheskii fakul'tet SPbGU* [47th International Philological Research Conference, Area of General Linguistics, Section on phonology. Program and abstracts. March 21, 2018. St. Petersburg State University, Faculty of philology]. St. Petersburg, 2018, pp. 5–6. Available at: http://genling.spbu.ru/phonolog/subsection/2018_Phonology_programme.pdf (see also: <http://conference-spbu.ru/conference/38/reports/8697/>) (accessed 11.03.2023). (In Russ.)

Kodzasov S. V. [Syllable]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary of linguistics]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, p. 470. (In Russ.)

Kuz'menko Yu. K. *Fonologicheskaya evolyutsiya germanskikh yazykov* [Phonological evolution of the Germanic languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 249 p.

Lieberman A. S. [The order of rules in phonology and the reality of distinctive features]. *Voprosy yazykoznaniia*, 1971, no. 3, pp. 60–72. (In Russ.)

Lieberman A. [Review of:] N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Paris: Mouton, 1975. 506 p. *Linguistics*, vol. 18, no. 5–6, 1980, pp. 543–556. Electronic version of 2017, available at: <http://genling.spbu.ru/llf/texts/scans/Lieberman1980-2017.pdf> (accessed 11.03.2023).

Polivanov E. D. [Review of:] R. O. Jakobson. K kharakteristike evraziiskogo yazykovogo soyuza [On the characteristics of Eurasian Sprachbund]. 1931. 59 p. — manuscript in the Literary Archive of the Museum of Czech Literature in Prague: R. O. Jakobson's fund, box 17. C. 15 [1933]. (In Russ.)

Polivanov E. D. [Mutational changes in the phonic history of language] // E. D. Polivanov. *Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu* [Articles in general linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 90–113. (In Russ.)

Popov M. B. *Problemy sinkhronicheskoi i diakhronicheskoi fonologii russkogo yazyka* [Problems of Russian synchronic and diachronic phonology]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2004. 344 p.

Popov M. B. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of modern Russian]. St. Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SPbGU Publ., 2014. 302 p.

Shcherba L. V. [Subjective and objective method in phonetics]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk* [Proceedings of the Department of the Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences]. Year 1909. Vol. XIV. Book 4. St. Petersburg, 1910, pp. 196–204. (In Russ.)

Shcherba L. V. *Russkie glasnye v kachestvennom i kolichestvennom otnoshenii* [Russian vowels in their qualitative and quantitative relationships]. St. Petersburg, 1912.

Steblyn-Kamenskii M. I. O simmetrii v fonologicheskikh resheniyakh i ikh needinstvennosti [On the symmetry in phonological solutions and their non-uniqueness]. *Voprosy yazykoznaniia*, 1964, no. 2, pp. 45–52. (In Russ.)

Troubetzkoy N. S. Essai d'une théorie des oppositions phonologiques. *Journal de psychologie normale et pathologique*. Année 33, no. 1, 1936, pp. 5–18.

Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [Principles of phonology]. Moscow, Izdatel'stvo Inostranoi Literatury Publ., 1960. 372 p.

Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka: fonetika i morfologiya* [A sketch of Even (Lamut) grammar: phonetics and morphology]. Leningrad, Gosudarstvennoe Uchebno-pedagogicheskoe Izdatel'stvo Publ., 1947. 271 p.

Tsintsius V. I. *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of the Manchu-Tungus languages]. Leningrad, Gosudarstvennoe Uchebno-pedagogicheskoe Izdatel'stvo Publ., 1949. 343 p.

Voronkova G. V., Steblyn-Kamenskii M. I. [Phoneme — a bundle of DF?]. *Voprosy yazykoznaniia*, 1970, no. 6, pp. 15–26. (In Russ.)

Zinder L. R. [On the inventory of phonemes in modern German]. *Philologica: Issledovaniya po yazyku i literature* [Studies in language and literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 168–174. (In Russ.)

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1979. 312 p.

Е. Л. Бархударова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

e.barhudarova@rambler.ru

К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА «ПОЗИЦИОННОГО» АКЦЕНТА В РУССКОЙ РЕЧИ ИНОСТРАНЦЕВ

Анализ позиционных закономерностей русского языка на фоне родного языка учащихся позволяет по-новому оценить особенности иностранного акцента в русской речи и дать эффективные методические рекомендации, направленные на обучение произношению. В связи с этим важной задачей в контексте лингвистики и лингводидактики является описание русской позиционной системы на иноязычном фоне и учет позиционных закономерностей звукового строя родного языка в национально ориентированных курсах русской звучащей речи. О необходимости учета «позиционной» фонетики изучаемого и родного языков и описания «позиционного» акцента иностранцев представители Московской фонологической школы писали еще в середине прошлого века. Фонологические ошибки, которые могут приводить в акценте к одинаковому звучанию разных русских слов и даже к полному искажению звукового облика русского слова, достаточно часто сопряжены с переносом позиционных закономерностей родного языка на изучаемый. Сравнение позиционных закономерностей «контактирующих» фонетических систем позволяет как объяснить причины отклонений в иностранном акценте, так и прогнозировать его характеристики. Кроме того, позиционный анализ фонетической системы изучаемого языка в сопоставлении с родным дает возможность определить черты «позиционной» фонетики родного языка, на которые можно опереться в ходе освоения русского произношения. Важность изучения «позиционного» акцента с учетом переноса закономерностей первичной фонетической системы на изучаемую можно показать на материале отклонений в русской речи носителей типологически разных языков.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, фонетическая система, произношение, интерференция, иностранный акцент, закономерность, фонологический, позиционный, функционирование.

Появление иностранного акцента в русской речи может быть обусловлено расхождениями русской фонетической системы и фонетической системы родного языка учащихся в трех аспектах: 1) в наборе фонем и характеризующих их признаков;

2) в артикуляционной базе и артикуляционном образовании звуков; 3) в функционировании звуковых единиц, то есть в позиционных закономерностях (подробнее см. [Бархударова 2015]). Последний аспект до настоящего времени мало изучался и почти не был отражен в учебно-методической литературе, посвященной обучению русской звучащей речи. Обычно в учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному представлены позиционные закономерности звукового строя русского языка: редукция гласных, позиционная мена согласных по глухости-звонкости, месту и способу образования, «нулевая» реализация согласных, функционирование согласных в консонантных сочетаниях. Учет позиционных закономерностей родного языка даже в национально ориентированных курсах русской фонетики представлен минимально. Тем не менее наиболее яркие и устойчивые фонетические отклонения в русской речи иностранных учащихся обусловлены именно переносом позиционных закономерностей родного языка на изучаемый.

Задача учета «позиционной» фонетики «контактирующих» систем изучаемого и родного языков в практике обучения произношению была еще в середине прошлого века поставлена представителями Московской фонологической школы, разработавшими учение о фонеме как «функциональной фонетической единице, представленной рядом позиционно чередующихся звуков» [Панов 2009: 106]. В статье «Фонология на службе обучения произношению неродного языка» А. А. Реформатский отмечал, что в фонологические системы родного и изучаемого языков, которые мы «должны сопоставлять попарно и двусторонне», входят «позиционные условия, в которые фонемы попадают в потоке речи», и «результаты варьирования (видоизменения) фонем в тех или иных слабых позициях» [Реформатский 1970: 512–513]. Ученый полагал, что «если трудности при обучении произношению чужого языка состоят прежде всего в отказе от своих привычных фонологических навыков, то основная их часть связана с распределением фонем по позициям» [Реформатский 1970: 512–513].

В статье «Обучение произношению и фонология» А. А. Реформатский указывал, что «наряду с усвоением системы фонем (а не просто “звуков” чужого языка) в их основных характеристиках и в показаниях их варьирования при обучении произношению чрезвычайно важным является усвоение позиций и, в первую очередь, преодоление позиционных навыков своего языка» [Реформатский 1959: 149].

В. А. Виноградов считал «позиционную систему русского языка» одним из трех «фонологических китов», на которых «покоится практика обучения произношению» [Виноградов 1971: 10]. В его работах обосновано понятие «позиционного акцента», который возникает в результате «неумения выбрать правильный вариант фонемы, который требуется в данной позиции» [Виноградов 1971: 10–11].

Из сказанного очевидно, что «позиционный» акцент рассматривался В. А. Виноградовым прежде всего как результат нарушений закономерностей функционирования фонем в русском языке. Это исключительно важная, но не единственная причина появления «позиционного» акцента в русской речи иностранцев. Не менее значимым в контексте анализа фонетического акцента является учет механизмов

переноса позиционных закономерностей родного языка учащихся на русский. Более того, именно такой перенос обуславливает появление в акценте фонологических ошибок, влияющих на нарушение смысла, когда вместо одного слова в акценте произносится другое или когда фонетический облик слова искажается до неузнаваемости (о выделении в иностранном акценте ошибок преимущественно фонологического и преимущественно артикуляционного типов см. [Брызгунова 1963: 12]).

В самом деле, несоблюдение закономерностей редукции русских гласных или мены звонких на глухие в абсолютном конце слова, что типично для большинства иностранных акцентов, не мешает носителям русского языка правильно идентифицировать слова, в которых появляются соответствующие ошибки. Очевидно, что когда слова типа *молоко*, *молодость*, *город*, *зуб* произносятся иностранцами с отклонениями «позиционного» характера (*м[о]л[о]ко, *мол[о]д[о]сть, *гор[од], *зу[b]), это несколько затрудняет процесс коммуникации, но обычно не приводит к коммуникативным неудачам, при которых собеседники перестают понимать друг друга. Между тем перенос испаноговорящими на русский язык типичной для их родного языка нейтрализации губных и зубных носовых в абсолютном конце слова обуславливает одинаковое произношение в испанском акценте русских слов *сам* и *сан*, *хам* и *хан*, *крем* и *крен*, *сом* и *сон* и других подобных. Точно так же запрет на употребление глухих свистящих в позиции абсолютного начала слова перед гласными в немецком языке влечет за собой такие ошибки носителей немецкого языка, как *[z]адись (*садись*), *[z]иний (*синий*). В немецком акценте одинаково произносятся слова *сам* и *зам*, *соя* и *Зоя*, *совершать* и *завершать*, *суд* и *зуд*, *село* и *зело* и многие другие.

Нетрудно привести примеры появления омофонии в самых разных акцентах в результате переноса позиционных закономерностей родного языка на изучаемый. Это не удивительно: дело в том, что в иноязычных системах часто имеет место нейтрализация звуковых единиц в тех позициях, в которых в русском языке сохраняется их противопоставление, и, наоборот, в русском языке нейтрализация происходит там, где в иноязычных системах она отсутствует. Перенос на «русскую почву» нейтрализаций, имеющих место в родном языке, обычно приводит в акценте к неправомерному изменению фонемного состава русского слова и, как следствие, — ошибкам, приводящим к одинаковому произношению разных русских слов. Несоблюдение же позиционных закономерностей русского языка (редукции гласных, мены глухих и звонких согласных и т. д.), напротив, выражаясь образно, «восстанавливает» в произношении фонемный состав слова и, значит, не может осложнять его идентификацию.

Можно, правда, назвать один случай, когда несоблюдение в речи иностранца позиционной закономерности русской фонетической системы также приводит к омофонии. Речь идет о нарушении позиционной мены звуков, сигнализирующей о наличии границы между знаменательным и служебным словом (о разграничении морфем и слов фонетическими средствами см., например, [Панов 2009]). Такая мена происходит в особого рода позициях, которые М. Л. Каленчук предложила

называть «делIMITативно сильными», указав, что в таких позициях «фонема выполняет делIMITативную функцию, то есть позволяет разграничить слова и морфемы» [Каленчук 2002: 29]. В частности, фонетические слова *кров ли* и *кровли*, *трав ли* и *травли*, *полез ли* и *полезли*, *замерз ли* и *замерзли* различаются лишь в силу позиционной мены звонких согласных на глухие перед энклитиками: ср. *кров ли* [крóвли] и *кровли* [крóвли] (подробнее см. [Гвоздев 1957], [Реформатский 1959]). Нарушение данной закономерности звукового строя русского языка, безусловно, приводит к фонологическим ошибкам, однако очевидно, что примеров такого рода в русском языке сравнительно немного.

Перенос же позиционных закономерностей звукового строя родного языка на изучаемый часто обуславливает в иностранном акценте не только омофонию, но и искажение звукового облика русского слова до неузнаваемости. Например, звуковые комплексы *[espojon] и *[espan] передают в произношении носителя испанского языка русские слова *споём* и *спам*. На данное искажение «работают» две позиционные закономерности испанской фонетической системы: во-первых, запрет на сочетание шумного щелевого переднеязычного с любым согласным в позиции абсолютного начала слова, что определяет появление гласной вставки [e] перед консонантными сочетаниями, во-вторых, — уже упомянутая нейтрализация носовых в абсолютном конце слова.

Позиционный анализ фонетических систем родного и изучаемого языков позволяет разграничить одинаковые, на первый взгляд, черты акцента, за которыми на самом деле стоят абсолютно разные механизмы. Так в интерферированной русской речи корейцев и японцев наблюдается, на первый взгляд, одна и та же черта — ошибочная замена звонкого переднеязычного щелевого на звонкую переднеязычную аффрикату: *[dz]автракать (завтракать), *[dz]оя (Зоя), *[dz]ина (Зина), *[dz]еленый (зеленый), *бен[dz]ин (бензин), *брон[dz]а (бронза), *прон[dz]ительный (пронзительный).

За одинаковыми ошибками в двух акцентах стоят разные причины. В корейском языке отсутствует звонкая щелевая переднеязычная согласная фонема, в японском же такая фонема есть, однако в абсолютном начале слова и после переднеязычного носового она реализуется звонкой аффрикатой. Поэтому корейцы ошибочно заменяют звуки [з] и [з'] аффрикатами во всех позициях, японцы — в строго определенных. В работе с корейцами необходима система упражнений, направленная, во-первых, на постановку фонологического слуха, во-вторых, — на артикуляционную постановку переднеязычных звонких щелевых. С японцами нужны упражнения, ставящие целью устранение «позиционных» навыков родного языка и отработку произношения звуков [з], [з'] в конкретных позициях (подробнее о методике работы над устранением «позиционного» акцента см. [Бархударова 2015], [Бархударова, Фокина 2015]).

Точно так же разными причинами в разных акцентах может объясняться такое типичное для интерферированной русской речи иностранцев отклонение, как усиление дифтонгоидной природы русского гласного [о], о которой неоднократно писал Л. В. Щерба [Щерба 2004: 120–124]. Дифтонгоид [о] достаточно часто заменяется

в иностранном акценте дифтонгом [uo]: это происходит в результате усиления, «утрирования» первой части дифтонгоида. А. А. Реформатский указывал, что подобные явления происходят тогда, когда «фонемный репертуар своего языка шире, чем фонемный репертуар чужого языка на аналогичном участке фонетической системы» [Реформатский 1959: 148]. В таких случаях, по мнению исследователя, «носители более богатого фонетического репертуара начинают выделять в пределах более бедного фонетического репертуара такие признаки, которые для фонетики усваиваемого языка являются либо иррелевантными, либо и вовсе случайными, что, конечно, не может привести к правильному усвоению произношения чужого языка» [Реформатский 1959: 148].

Действительно, замена [o] на дифтонг встречается в основном в акцентах носителей языков с сильно развитой системой вокализма, у которых хорошо развит фонологический слух на участке противопоставления гласных. В большинстве таких акцентов [uo] на месте [o] появляется в постпозиции к любому согласному. Между тем, как показало исследование Дэна Цзе, в китайском акценте непропорциональная замена дифтонгоида на дифтонг носит чисто позиционный характер. В результате переноса на русский язык закономерностей родного языка в китайском акценте после разных согласных появляются разные звуки: в постпозиции к губным согласным — монофтонг, а в постпозиции к язычным — дифтонг. Дифтонг на месте [o] в произношении китайцев появляется в таких словах, как *нос, тот, дом, сода, зонт, кот, год*, и не появляется в таких словах, как *мода, пол, бок, фото, вот* (подробнее см. [Дэн 2010]).

Важно отметить, что сопоставление позиционных закономерностей изучаемого и родного языков дает возможность не только объяснить возникновение отклонений в иностранном акценте, но и прогнозировать его характеристики. Как известно, фиксация расхождений в звуковом строе «контактирующих» систем практически всегда позволяет судить о трудностях, которые могут испытывать учащиеся в ходе изучения русского произношения, но далеко не всегда о тех ошибках, которые будут появляться в интерферированной речи иностранцев. Между тем анализ позиционной системы родного языка на фоне изучаемого позволяет с большой долей вероятности говорить не только о проблемах в акценте, но и о конкретных непропорциональных заменах звуковых единиц.

Приведем примеры. Как в греческом, так и в испанском языках отсутствуют щелевые шипящие: соответственно, можно с уверенностью говорить о сложностях, которые будут испытывать при произношении русских шипящих [ш], [ж] и [ш':] носители как испанского, так и греческого языков. Сказать же, какие именно ошибки будут делать испаноговорящие и греки в словах с русскими шипящими, опираясь только на данные сопоставительного анализа «контактирующих» фонетических систем, не представляется возможным. Более того, опираясь на данные сопоставительного анализа, вряд ли можно объяснить, почему в испанском акценте вместо щелевых шипящих произносится шипящая аффриката (*[ç]анка — *шанка*), а в греческом — щелевые свистящие (*[s]анка — *шанка*). Испаноговорящие одинаково произносят слова *шесть* и *честь*, а греки — *шесть* и *сесть*.

В то же время сопоставление позиционных закономерностей в изучаемом и родном языках позволяет предвидеть не только участки фонетической интерференции в русской речи испаноговорящих и греков, но и ее однозначные результаты. Легко констатировать, например, что отсутствие в испанском и греческом языках редукции гласных, которая является основной позиционной закономерностью русского вокализма, приведет к неправомерному произношению [o] и [e] в безударных слогах русского фонетического слова. Наиболее же яркие особенности испанского и греческого акцентов вплоть до появления в речи учащихся «экзотических» для русской фонетики звуков обуславливает наличие в родном языке позиционных закономерностей, которых нет в русском и которые регулярно переносятся на изучаемый язык.

К числу «экзотических» звуков в испанском акценте относятся звонкий губно-губной щелевой [β] и звонкий межзубный [d̪], которые в испанском языке являются реализациями смычных фонем /b/ и /d/ в позиции между гласными: *со[β]ытие (событие), *ного[d̪]а (погода). Кроме того, абсолютно непривычно для русского слуха звучит в испанском акценте заднеязычный носовой [ŋ] на месте всех носовых перед заднеязычными согласными, в том числе перед сочетаниями заднеязычных [к] и [г] с гласными: ба[ŋ]ка (банка), са[ŋ]ки (санки), гро[ŋ]ко (громко), ита[ŋ]га (итанга), та[ŋ]го (танго). В греческом акценте заднеязычный [ŋ] также весьма последовательно употребляется и четко произносится перед заднеязычными согласными, но лишь на месте переднеязычных носовых. Как известно, заднеязычный носовой возможен в русском языке в весьма ограниченном количестве позиций (подробнее см. [Аванесов 1974: 197–199]), в большинстве же позиций его появление воспринимается как нечто абсолютно чуждое русскому языку.

Позиционный анализ фонетической системы изучаемого языка в сопоставлении с родным позволяет определить черты «позиционной» фонетики родного языка, которые могут стать «опорными» в процессе обучения русскому произношению. Это становится возможным в случае сходства позиционных закономерностей «контактирующих» систем. Такое сходство редко бывает полным, однако даже частичное сходство в функционировании звуковых единиц родного и изучаемого языков можно использовать в лингводидактических целях.

Так, например, в таком типологически неблизком русскому языку, как турецкий язык, наблюдаются общие с русским языком закономерности функционирования глухих и звонких согласных. В турецком невозможны, во-первых, смычные звонкие согласные в абсолютном конце слова, во-вторых, — звонкие согласные перед глухими. По этой причине турки легко и естественно усваивают русские фонетические позиционные чередования типа зу[б]ы — зу[п], ло[д]очка — ло[т]ка.

В то же время позиционная мена звонких щелевых на глухие в абсолютном конце слова (гото[в]ы — гото[ф], слё[з]ы — слё[с]) и глухих на звонкие в позиции перед звонкими ([с]обирать — [з]бор) редко соблюдается в интерферирующей русской речи турок, поскольку турецкие глухие и звонкие щелевые согласные противопоставлены в абсолютном конце слова, а запретов на сочетание глухого согласного со звонким в турецком языке нет. Соответственно, на этих участках

русской фонетической системы возникает турецкий «позиционный» акцент (см. [Араба 2020]).

В контексте лингводидактики особого внимания заслуживают позиции, в которых наблюдается вариативность в реализации фонем изучаемого языка, то есть позиции, в которых имеет место не фонетическая обусловленность реализации, а ее орфоэпическая «прикрепленность», когда «та или иная орфоэпическая позиция может притягивать определенную реализацию фонемы, но возможность появления конкретного орфоэпического варианта предсказывается орфоэпической позицией только статистически, вероятно, действует орфоэпический закон» [Каленчук 1993: 68].

Орфоэпическая вариативность может, во-первых, затруднять восприятие русской звучащей речи иностранцами, а во-вторых — провоцировать их ошибки. Так, например, произношение в заимствованных словах на месте двух одинаковых букв как долгих, так и кратких согласных (*програ*[м:]а и *програ*[м]а, *гру*[п:]а и *гру*[п]а) создает у венгров иллюзию, что произносятся разные слова, поскольку в венгерском языке долгота/краткость согласного является дифференциальным признаком. Орфоэпические варианты на месте сочетания *чн* (*праче*[шн]ая и *праче*[ч'н]ая) способствуют появлению ошибок у носителей языков, в которых шипящая аффриката не противопоставлена шипящим фрикативным, в частности — у носителей испанского языка. Наконец, необходимо указать, что наличие орфоэпических вариантов произношения может быть фактором, затрудняющим освоение позиционных закономерностей изучаемого языка. Так, возможность безударных [о] и [э] в некоторых словах русского литературного языка (*п*[о]этический и *п*[э]тический, *р*[о]яль и *р*[а]яль, [э]нергия и [и^э]нергия и т. п.) приводит учащихся к ошибочному выводу о необязательном характере редукции русских гласных.

В заключение следует еще раз отметить, что если позиционные закономерности русской фонетической системы достаточно полно представлены в курсах русской практической фонетики, то «позиционная» фонетика родного языка редко принимается во внимание в фонетических курсах. Между тем важность анализа «позиционного» акцента с учетом особенностей «позиционной» фонетики родного языка можно показать в ходе исследования интерферированной русской речи носителей самых разных языков.

Литература

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. 287 с.

Араба Х. И. Позиционная мена глухих и звонких согласных в контексте обучения турок русскому произношению // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4. С. 212–213.

Бархударова Е. Л. Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 139–154.

Бархударова Е. Л., Фокина М. В. «Позиционный» акцент: анализ и практика обучения произношению // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 1 (14). С. 105–115.

Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Изд-во Московского университета, 1963. 306 с.

Виноградов В. А. Консонантизм и вокализм русского языка. Практическая фонология. М.: Изд-во Московского университета, 1971. 84 с.

Гвоздев А. Н. Обладают ли позиции различительной функцией? // Вопросы языкознания. 1957. № 6. С. 59–63.

Дэн Цзе. Слоговая «призма» родного языка как фактор фонетической интерференции в русской речи китайцев // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 4. С. 101–108.

Каленчук М. Л. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики. I: Сборник статей / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Прометей, 1993. С. 67–74.

Каленчук М. Л. О делимитативной функции фонем // Проблемы фонетики. IV: Сборник статей / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2002. С. 27–31.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для ун-тов. 2-е изд., стереотипное. М.: Изд. Дом Альянс, 2009. 256 с.

Реформатский А. А. Обучение произношению и фонология // Филологические науки. 1959. № 2. С. 145–156.

Реформатский А. А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии: Очерк; Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 506–515.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

E. L. Barkhudarova
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
e.barkhudarova@rambler.ru

ON THE PROBLEM OF ANALYZING THE ‘POSITIONAL’ ACCENT IN THE SPEECH OF RUSSIAN-SPEAKING FOREIGNERS

The analysis of Russian language positional patterns based on the studies of language of native speaking students could become a new way to evaluate the features of a foreign accent in Russian speech and to give effective methodological recommendations aimed at teaching pronunciation. In this regard, an important task in the context of linguistics and linguodidactics is to describe Russian positional system on a foreign language background. The positional patterns of the sound system of the native language must be taken

in consideration when creating nationally oriented courses of Russian phonetics. Representatives of Moscow phonological school found it necessary to take into account the ‘positional’ phonetics of the studied and native languages and to describe the ‘positional’ accent of foreigners in the middle of the last century. Phonological errors of foreigners in Russian speech, which may cause identical pronunciation of different Russian words or complete distortion of a sound image of Russian words, may be quite often related to the transfer of positional patterns of their native language to the one they are studying. The results of comparison of the positional rules of ‘contacting’ phonetic systems give an opportunity both to explain the causes of deviations in a foreign accent and to predict its characteristics. In addition, positional analysis of the phonetic system of the studied language in comparison with the native language makes it possible to determine the features of the ‘positional’ phonetics of the native language, which can be useful during the development of Russian pronunciation. The importance of studying the ‘positional’ accent, taking into account the transfer of the laws of the primary phonetic system to the studied one, can be shown on the example of deviations in the Russian speech of native-speakers, speaking typologically different languages.

Keywords: Russian as a foreign language, phonetic system, pronunciation, interference, foreign accent, regularity, phonological, positional, functioning.

References

Araba H. I. [Positional exchange of voiced/voiceless consonants in the context of teaching Russian pronunciation to turks]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, no. 4, pp. 212–213. (In Russ.)

Avanesov R. I. *Russkaya literaturnaya i dialektная fonetika* [Russian literary and dialect phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. 287 p.

Barkhudarova E. L. [Fundamentals of comparison of phonetic systems of the studied and native languages in the context of pronunciation training]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2015, no. 3, pp. 139–154. (In Russ.)

Barhudarova E. L., Fokina M. V. [“Positional” accent: analysis and practice of pronunciation training]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2015, no. 1 (14), pp. 105–115. (In Russ.)

Bryzgunova E. A. *Prakticheskaya fonetika i intonaciya russkogo yazyka* [Practical phonetics and intonation of the Russian language]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta Publ., 1963. 308 p.

Den Cze. [Syllabic “prism” of the native language as a factor of phonetic interference in the Chinese students’ Russian speech]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2010, no. 4, pp. 101–108. (In Russ.)

Gvozdev A. N. [Do positions have a distinctive function?]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1957, no. 6, pp. 59–63. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [On phonetic determination and orthoepic attachment]. *Problemy fonetiki. I: Sbornik statej* [Problems of phonetics. I: Collection of papers]. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow, Prometej Publ., 1993, pp. 67–74. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [On the delimitative function of phonemes]. *Problemy fonetiki. IV: Sbornik statej* [Problems of phonetics. IV: Collection of papers]. Kasatkina R. F. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 27–31. (In Russ.)

Panov M. V. *Sovremennyy russkij yazyk. Fonetika: Uchebnik dlya un-tov. 2-e izd., stereotipnoe* [Modern Russian language. Phonetics: A textbook for univ. 2nd ed., stereotype]. Moscow, Izd. Dom Al'yans Publ., 2009. 256 p.

Reformatskiy A. A. [Pronunciation training and phonology]. *Filologicheskie nauki*, 1959, no. 2, pp. 145–156. (In Russ.)

Reformatskiy A. A. [Phonology in the service of teaching pronunciation of a non-native language] // Refratskiy A. A. *Iz istorii otechestvennoj fonologii: Ocherk; Hrestomatiya* [Reformatskiy A. A. From the history of Russian phonology: An essay; Textbook]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 506–515. (In Russ.)

Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'* [Language system and speech activity]. 2nd ed., stereotype. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 432 p.

Vinogradov V. A. *Konsonantizm i vokalizm russkogo yazyka. Prakticheskaya fonologiya* [Consonantism and vocalism of the Russian language. Practical phonology]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta Publ., 1971. 83 p.

М. Б. Попов

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
popov_mb@list.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ И МЕХАНИЗМЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРЕХОДА *ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i*

*Памяти Леонида Леонидовича Касаткина – замечательного
диалектолога, фонолога и историка русского языка.*

В статье рассматривается взаимодействие фонологических и фонетических факторов в рамках изменения, традиционно описываемого в исторической фонетике как переход *ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i*, происходивший в древнерусских диалектах в XII–XIV вв. Объяснение его причин и механизма представляет нерешенную проблему восточнославянской исторической диалектологии. Трудность состоит в том, что в рамках одного фонетического изменения оказались совмещены два противоположных процесса: палатализация велярного и переход следующего за ним заднего гласного [y] в передний [i]. Подвергнув критическому рассмотрению существующие фонетические и фонологические объяснения перехода, автор выдвигает гипотезу, согласно которой переход *ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i* состоял из трех различных по своей фонологической природе изменений.

Ключевым было первое изменение — замена /y/ → /i/ после заднеязычных: *ky, gy, xy > ki, gi, xi*. Оно и отражается памятниками XII–XIII вв. Это фонологическое изменение происходило в рамках цепной реакции — *Ky → Ki → Ći*, спровоцированной результатами второй палатализации заднеязычных, и по своему механизму представляло собой заполнение синтагматической «пустой клетки» (*k#, g#, x#*), возникшей после **ki, *gi, *xi > ċi, ži, śi*. Ядерной зоной изменения *ky, gy, xy > ki, gi, xi* были южнодревнерусские говоры, осуществившие вторую палатализацию, но не развившие противопоставление по твердости/мягкости перед /i/, /e/. В древненовгородском диалекте, где вторая палатализация не произошла и сочетания *ki, gi, xi* сохранились, изменение *ky, gy, xy > ki, gi, xi* задержалось.

Второе изменение — аккомодация велярных следующему за ними /i/ — было аллофонным (перед /i/ появились палатализованные аллофоны [k', g', x']) и на письме не отражалось.

Третье — парадигматическое фонологическое изменение — фонологизация [k', g', x'], в результате чего появляются самостоятельные фонемы /k', g', x'/, вклю-

чившиеся в корреляцию по твердости/мягкости. Это изменение было латентным и на письме также не отражалось.

Ключевые слова: древнерусский язык, восточнославянская историческая диалектология, историческая фонология, заднеязычные (велярные) согласные, палатализация.

Так называемый переход псл. **ky, *gy, *xy > k'i, g'i, x'i* происходил в восточнославянских и некоторых западнославянских диалектах распадающегося общеславянского языка в древний период их истории, причем в некоторых западнославянских, затронутых этим процессом (например, в польском и нижнелужицком), не коснулся сочетания **ху*. В данной статье речь пойдет о древних восточнославянских диалектах, в которых это изменение осуществлялось или по крайней мере начало осуществляться в древнерусский (общевосточнославянский) период их истории. Его причины и механизм остаются одной из интригующих и до сих пор не решенных проблем восточнославянской исторической фонологии и диалектологии, хотя существует много попыток ее решения. «Коварство» этого изменения состоит в том, что оно затрагивает и вокализм, и консонантизм, т. к. в рамках этого перехода, с одной стороны, заднеязычные (велярные) согласные **k, *g, *x* должны палатализоваться перед гласным непереднего ряда **у*, а с другой стороны, это самое **у* после твердых согласных должно передвинуться в передний ряд и перейти в */i/*. И совершенно непонятно, как в условиях внутрислогового сингармонизма, характерного для древнерусской фонологической системы, могло произойти одновременно и то, и другое, т. е. совместиться два противоположно направленных изменения. Прежде чем перейти к основной теме статьи — выяснению роли фонологических и фонетических факторов данного изменения, т. е. в конечном счете его причин, сделаем краткий обзор хронологических рамок перехода *ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i* на древнерусской диалектной территории.

В общих чертах хронология изменения известна по древнерусским письменным памятникам, в которых оно передается посредством написания *и* вместо *ы*: *кысель > кисель, отроky > отроки, кьнѧгыни > кнѧгиня, слугы > слуги, похытилъ > похитилъ, грѣхы > грѣхи* и т. п. В южных древнерусских говорах — будущих украинских (протоукраинских) — это изменение началось, возможно, еще до завершения падения редуцированных гласных и спорадически отражается на письме уже в 1-й половине XII в. [Соболевский 1907; Shevelov 1979]. Самые ранние примеры только после */k/* (но для */y/* это и наиболее частотная позиция после заднеязычных) и перед напряженным редуцированным: *великии, киихъ* (Юрьевское ев. ок. 1128 г.), *искариотъскии, небесъскии, ч(е)л(овѣ)ч(ь)скии* и др. (Галицкое ев. 1144 г.¹), чуть

¹ Ю. В. Шевелев считает, что написания *-ьски-* Галицкого ев. 1144 г. следует отделить от обсуждаемого перехода *ky > ki*, т. к. они являются отражением прогрессивной палатализации *sk* после *ь* (ср. в этом же памятнике *прѣдѣлы тюрскы, море галилеиско* с надстрочным значком над *с* и *к*, по мнению Шевелева, обозначающим мягкость согласного), которая в западноукраинских говорах прекратила свое действие после утраты *ь*, что привело к диспалатализации *sk*, но в киевско-полесских говорах послужило отправной точкой палатализации заднеязычных перед *у* [Shevelov 1979: 231, 233–234].

позднее уже и в корнях — *въскисе, секира* (Добрилово ев. 1164 г.), *покивающе, секира* (Типогр. ев. 7 XII в.) и др. Во 2-й половине XIII в. такие написания уже обычны: ср. *руки, ученики, долги, погибнетъ, расхитиль* и др. в Евсевиевом ев. 1283 г.). Позднее на этот процесс в протоукраинских говорах наложилось другое очень важное, но связанное с обсуждаемым переходом фонологическое изменение — слияние фонем /i/ (< псл. *i) и /y/ (< псл. *y) или, как иногда считается, /y/ > /i/. Оно характерно для украинского языка в целом (для большинства диалектов) и фиксируется с конца XIII в. рукописями со смешением букв *и/ы*: *стидлхусл, азъ грѣшнии* (Евсевиево ев. 1283 г.), *бивають, выно* (Пандекты Антиоха 1307 г.) и др. В смоленских памятниках, отражающих говоры, тесно связанные как с будущими белорусскими, так и великорусскими, переход отмечается с 1-й половины XIII в.: *ризскимь, латинескии, кнлгнии, за лихии мужъ* и др. (Смоленская грамота 1229 г.). Старобелорусские памятники довольно долго (до XV–XVI вв.) удерживают написания с *ы* [Карский 1955: 364–365], что, возможно, отражает длительность процесса перехода и различия по диалектам [Шахматов 1915: 313]. К XIII в. относятся и первые отдельные примеры с *и* вместо *ы* после заднеязычных в северных памятниках, отражающих будущие великорусские говоры (такие написания изредка встречаются в «Житии Нифонта» 1222 г.), однако в московских памятниках середины XIV в. написания *ки, ги, хи* уже господствуют. При этом некоторые северные говоры, восходящие к древненовгородскому диалекту, видимо, сохраняли сочетания /ку, гу, ху/ довольно долго — до XV–XVI вв. Самые ранние написания с *ки* в новгородских берестяных грамотах XII — середины XIII в. ненадежны: *паки ли* (422 XII в.) может объясняться графической антиципацией; *дѣтьскии* (615 сер. XIII в.) представлено в грамоте без новгородских диалектных признаков. Однако новое чтение [д]ѣськие <дѣтьский> [Гиппиус, Сичинава 2021] в несомненно новгородской грамоте № 1016 сер. XIII в. (ср. *дѣськии* <дѣськи>, Торж. 13 XII/XIII вв.) позволяет считать, что это написание *-ски-*, видимо, фиксирует самое начало изменения, по характеру напоминающее прогрессивную ассимиляцию [sk] после [ь] (или после [c'] < [t's'] < [t'ьs], если [ь] уже выпал), отраженную написаниями Галицкого ев. 1144 г. (см. выше примечание 1). Следующие надежные примеры появляются лишь в начале XIV в.: *прикинѣ* 'прибавит' 929 посл. четв. XIII — 1-я четв. XIV в., *лоньски* 'прошлогодний' 196 нач. XIV в., *лонескии* 286 сер. XIV в., *погибло сено* 2-я пол. XIV в. и т. п. Формы с *хи* пока не обнаружены даже в берестяных грамотах XIV–XV вв.: ср. *снохы* 263, *сухыхъ* 258, *вхыхъ* 359. В Новгородской Кормчей конца XIII в. написания типа *ки* вм. *кы* уже нередки. Таким образом, можно считать, что в ряде говоров новгородского диалекта переход начал осуществляться с середины XIII в.

В основной массе северного и южного наречий русского языка, а также в средне-русских говорах представлены результаты перехода /ку, гу, ху/ > /k'i, g'i, x'i/ в полном объеме, однако на территории севернорусского наречия сохранились говоры (вологодские, архангельские), которые не были затронуты этим изменением (ср. *кып'аток, рѹкы, погыбли, гыря* и др.). Примечательно, что сочетания /ку/, /гу/, /ху/ также не подвергались изменению в /k'i/, /g'i/, /x'i/ в большинстве юго-западных украинских (карпатских) говоров (ср. *кышкы, ногы, погыбнути, хыжа* и т. п.),

которые к тому же сохранили и различие между /y/ и /i/. Соответственно, переходом /ky, gy, xy/ > /k'i, g'i, x'i/ не были затронуты юго-западная и северная периферии восточнославянской диалектной территории.

Если относительная и абсолютная хронология перехода ky, gy, xy в $k'i, g'i, x'i$, включая разницу в 100 лет между временем перехода на юге и севере, в целом известна и не подвергается корректировкам, то его причины и механизм до сих пор являются предметом дискуссий. Кратко напомним основные точки зрения на эти проблемы и главные вехи в истории вопроса.

Вначале было слово... А. А. Шахматова, который высказался практически по всем важным вопросам истории русского языка, часто меняя свою точку зрения и предоставляя своим читателям самим решать, почему его взгляды поменялись. В лекциях, читанных в Петербургском университете в 1909/1910 уч. г. и изданных в 1912 г., он предположил, что переход $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$ был вызван изменением в произношении *y*, который из «заднесреднего» ряда перешел в «средний» ряд, став более передним, что привело к смягчению заднеязычного («задненебного»), а это, в свою очередь, повлекло за собой дальнейшее изменение *y* уже в гласный переднего ряда *i* [Шахматов 1912: 153–154]. При этом Шахматов дал весьма замысловатое объяснение того, почему начал изменяться [y] и почему перед [y] стал смягчаться заднеязычный, если [y] оставался гласным «среднего» ряда: «задненебные сочетались только с гласными заднего и с гласной *y* заднесреднего ряда; это имело следствием стремление перенести артикуляцию заднесреднего *y* в более заднее положение; но такое перенесение исказило бы природу *y*; для того чтобы сохранить ее, *y* ассимилировало себе задненебные согласные; задненебные передвинулись в средненебную область... Но изменение *k, g, x* в k', g', x' перед *y* заднесреднего ряда влекло за собой изменение самого *y* в гласную переднего ряда *i*: сколько-нибудь продолжительное существование посредствующей ступени $k'y, g'y, x'y$ представляется невероятным» [Там же: 154–155]. Таким образом, механизм изменения, по Шахматову, был чисто фонетическим: после продвижения [y] в более передний ряд [$y > y_1$] заднеязычные согласные и следующий за ними [y], мало по малу приспособляясь друг к другу в тембральном отношении и как бы «подталкивая» друг друга, постепенно двигались в определенном направлении: $[ky], [gy], [xy] > [ky_1], [gy_1], [xy_1] > [k \cdot y_1], [g \cdot y_1], [x \cdot y_1] > \dots > [k'i], [g'i]/[y'i], [x'i]$. Шахматов попытался также дать ответ на вопрос, почему смягчение согласных перед [y] ограничилось только задненебными согласными, не охватив губных и зубных согласных других локальных рядов ([by], [ty], [ny] и т. п.): «Но раньше, чем во всяком другом положении, произошел переход *y* заднесреднего ряда в *y* среднего ряда после задненебных согласных. Быть может это было следствием артикуляции этих согласных: губные и зубные могли сочетаться как с гласными заднего ряда, так и переднего; это облегчало их сочетание и с гласными среднего и заднесреднего ряда; между тем задненебные сочетались только с гласными заднего и с гласной *y* заднесреднего ряда; это имело следствием стремление перенести артикуляцию заднесреднего *y* в более заднее положение; но такое перенесение исказило бы природу *y*; для того чтобы сохранить ее, *y* ассимилировало себе

задненебные согласные; задненебные передвинулись в средненебную область» [Шахматов 1912: 154].

Видимо, неудовлетворенность А. А. Шахматова таким объяснением причин и механизма изменения вскоре заставила его несколько скорректировать свою гипотезу и связать переход *ky, gy, xy* в *k'i, g'i, x'i* с утратой согласными, в том числе заднеязычными, лабиализации [Шахматов 1915: 30, 312–313]. Лабиализация (веляризация, лабиовеляризация²) согласных была реконструирована Шахматовым для общеславянского и «общерусского» (раннего древнерусского): в общеславянском праязыке согласные «под влиянием гласных заднего веляризировались (лабиализировались), т. е. при произношении приспособлялись к гласным *o, u*» [Там же: 30], соответственно, лабиализация заднеязычных перед /y/ восходит ко времени, когда этот гласный был еще **ū*, но сохранилась в общерусском много позже изменения **ū* > *y*. Согласно новой версии гипотезы Шахматова, *y* в общерусском праязыке был гласным среднего ряда (и был таковым уже в общеславянском), а предшествующие ему согласные лабиализованными, причем триггером перехода *ky, gy, xy* в *k'i, g'i, x'i*³ стало теперь не изменение в произношении *y*, а утрата лабиализации согласных. После делабиализации заднеязычных звук *y*, будучи гласным среднего ряда и оказавшись после заднеязычных, ассимилировал их себе, а те стали согласными «среднего ряда», т. е. «средненебные»: *k''y, g''y, x''y* > *ky, gy, xy* > *kī, gī, xī*. Однако «средненебные *k̂, ĝ, x̂* не удержались в языке, а перешли в средненебные смягченные (*k̂, ĝ, x̂* — М. П.)... После *k̂, ĝ, x̂* звук *y* не мог удержаться; он должен был перейти в *i* [Шахматов 1915: 312]. Конечно, с позиций современной фонетики и фонологии, вся эта цепочка звуковых переходов, столь типичная для шахматовских реконструкций, не выглядит убедительно⁴. Кроме того, Шахматову не удалось привести убедительных доводов для обоснования своей реконструкции обще-

² «Лабиовеляризация» — более сложный термин для обозначения того же самого явления, используемый Шахматовым, чтобы подчеркнуть приспособление согласных не только к произношению лабиализованных, но и нелабиализованных задних гласных [Шахматов 1915: 62].

³ Шахматов рассматривает переход на примере южных говоров «общерусского» языка — ядерной зоны, где, по Шахматову, спирализация **g* > **γ* уже произошла.

⁴ Возможно, его идея об утрате признака согласных как триггере последующих изменений выглядела бы более реалистичной, если бы речь шла не о «лабиализации», «веляризации» или «лабиовеляризации» (вообще не очень понятно, какой собственно фонетический смысл он вкладывал в эти термины), а только о «веляризации», как она понимается в современной фонетике: ср. «...веляризация... заключается в том, что задняя часть языка при артикуляции незаднеязычных приподнимается в направлении к мягкому нёбу... которое, в свою очередь, напрягается вместе с нёбной занавеской. При артикуляции заднеязычных имеет место прежде всего напряжение мягкого нёба с нёбной занавеской, сопровождающееся, по-видимому, усилением напряжения задней части языка» [Зиндер 1979: 136]. Так, в современном русском литературном произношении все непалатализованные согласные фонемы реализуются веляризованными аллофонами (*Тварь* /tvar'/ → [t'v'ar']), утрачивая веляризацию только в позиции перед палатализованными согласными (*Тверь* /tv'er'/ → [tv'er'] или /t'v'er'/ → [t'v'er']). Исчезновение веляризации в [t'v] продвигало бы следующий за ним [i] вперед ([t'vi] > [ti]) и действительно приближало бы его к [i]. Примерно так — с невеляризованным [t] произносится *ты* в украинском (укр. *ти*). Но исчезнуть может только то, что имеется. А были ли в древнерусском твердые согласные веляризованными? Аллофонические реконструкции в исторической фонологии — это всегда область спекуляций.

славянских лабиализованных согласных. Оценивая шахматовскую реконструкцию лабиализации согласных и ее последующей утраты, приходится признать, что она фактически представляет собой типичный пример реконструкции *ad hoc*, нужной лишь для того, чтобы задним числом объяснить причины нескольких славянских фонетических изменений, одним из которых был переход $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$. Тем не менее А. А. Шахматов стал первым, кто попытался теоретически обосновать научную гипотезу, объясняющую механизм и причины перехода $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$. Также понятно, почему его гипотеза была сугубо фонетической: диахроническая фонология, да и вообще фонология, тогда еще только зарождалась.

Впервые фонологическую теорию для объяснения перехода $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$ привлек Р. О. Якобсон. Он считал, что после возникновения корреляции по твердости/мягкости ранее противопоставленные фонемы /i/ и /y/ превратились в комбинаторные варианты одной фонемы — /i/, в качестве основного варианта которой стал выступать [i]. Дальнейшие события, по мнению Якобсона, определялись некой тенденцией к переносу основного комбинаторного варианта гласной фонемы в позицию неосновного, которая, видимо, свойственна фонологическим изменениям и, в частности, проявилась в южных древнерусских говорах после согласных, не входящих в корреляцию по твердости/мягкости. В соответствии с этой тенденцией после непарных по данному признаку согласных, каковыми в то время и были /k/, /g/, /x/, обобщился основной вариант фонемы, а именно [i] ($ky, gy, xy > ki, gi, xi$), что в результате и привело к палатализации заднеязычных ($ki, gi, xi > k'i, g'i, x'i$) [Jakobson 1929/1962: 72]. Гипотеза Якобсона вызывает очень серьезные сомнения. Тенденция, на которой она основана, не согласуется с фонологической точкой зрения на звуковой строй языка, т. к. суть фонологической теории как раз и заключается в том, что фонема реализуется в речи множеством комбинаторных вариантов (аллофонов), которых столько, сколько позиций, причем все они равноправны и не осознаются носителями языка. Соответственно, выделять основные варианты (аллофоны) фонем можно только условно и для удобного описания системы, т. е. в методических целях (обычно это делается на основе системы дифференциальных признаков отдельных фонем). Именно поэтому и сама идея замены неосновного варианта фонемы основным представляется абсурдной. Если исследователю-лингвисту кажется, что какой-то комбинаторный вариант фонемы в ходе исторического развития заменяется другим, это в действительности значит, что такие якобы «комбинаторные варианты» фонологизованы, т. е. представляют собой не реализации одной фонемы, а разные фонемы.

Объяснение Р. Якобсона уже в 1930-е гг. было подвергнуто критике нидерландским славистом Н. ван Вейком, одним из немногих в то время крупных славистов, воспринявших фонологические идеи. В статье с симптоматичным названием «Является ли славянский звуковой переход $ky, gy, xy > ki, gi, xi$ фонологическим или только фонетическим?» [Wijk 1937]⁵ он отметил, что фонологическому объяснению

⁵ Поскольку статья Н. ван Вейка никогда не обсуждается в связи с переходом $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$ (видимо, как несущественная), позволю себе процитировать пространные выдержки из нее.

Яacobсона противоречит, например, изменение фонетическим путем /i/ в /y/ после отвердения /ž', š', c'/. Причем автоматическая фонетическая замена /i/ на /y/ после отвердевших шипящих и /ц/ заставляет подозревать и в изменении *ky, gy, xy > ki, gi, xi* «чисто фонетический процесс». Вдобавок он привел материал некоторых карпатских украинских говоров, сохранивших, с одной стороны, противопоставление $y \leftrightarrow i$ (*byti* — *biti*, *mylo* — *milo* etc.), а с другой — переживших переход *ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i* (*k'isnuti*, *r'uki*, *n'ohi*, *x'iza*) [Wijk 1937: 44–45], что явно не вписывается в схему Яacobсона.

В итоге Н. ван Вейк приходит к выводу, что изменение $*y > i$ после велярных в славянских языках вызвано, во-первых, действием еще праславянской тенденции к палатализации; во-вторых, действием тенденции к смещению $*y$ в переднюю зону ($*\bar{y} > y > i$): «Если постепенное общеславянское изменение \bar{y} в более передний гласный, начавшееся, вероятно, в праславянский период, почти во всех славянских языках позже совершило еще один шаг, вследствие которого y ($< \bar{y}$) и i сблизались настолько, что могли слиться в одну фонему (большей или меньшей “амплитуды”), то, по-моему, нет никаких сомнений, что в основе такого сходства лежит одна из тенденций, присущих уже праславянскому языку» [Wijk 1937: 50]. Для ван Вейка было важно, что, с одной стороны, по своему механизму изменение *ky, gy, xy > ki, gi, xi* является фонетическим (т. е. «звуковым переходом»), с другой — оно же и фонологическое, т. к. не может не быть структурно обусловлено. Актуальную для времени становления диахронической фонологии коллизию он поясняет особо: «В последнее время, для которого характерно внимание к структурным свойствам звуковой системы, процесс развития обычно называют “фонологическим”; эти названия мы должны также применять к изменению y в направлении к i , и когда я выше вместо “фонологический” употребил слово “фонетический”, то это произошло только потому, что, насколько я знаю, для перехода *ky* и т. д. в *ki* и т. д., как я понимаю, современные фонологи употребляют это прилагательное. Но верно ли это? По моему мнению, фонологическая школа очень сильно ограничила термин “фонологический” довольно незначительным количеством таких случаев, где структурные причины звуковых изменений особенно легко и ясно обнаружить, в то время как для других случаев, где структурные причины должны быть приняты на веру, но не до деталей известны, часто намеренно избирается эпитет “фонетический”. К этой категории структурно обусловленных звуковых переходов принадлежит в славянских языках очень распространенное изменение y в направлении i , которое рассматривается как продолжение общеславянского или даже праславянского перехода \bar{y} в y , — и также вызванное передним произношением y превращение *ky > k'i*, *gy > g'i*, *xy > x'i*. Этот последний процесс мог быть вызван или заторможен, вероятно, неким характерным свойством ударения или интонации, но даже это относится к звуковой системе в самом широком смысле» [Wijk 1937: 50–51]. Однако, несмотря на апелляцию к структурной обусловленности всех звуковых изменений, включая и обсуждаемое, надо признать, что при объяснении данного конкретного перехода Н. ван Вейк во многом возвращается

к фонетическому подходу, близкому к первоначальной идее Шахматова: триггером было перемещение *у в направлении к *i.

Важным этапом в истории вопроса была статья Р. И. Аванесова, в которой он реконструировал процесс превращения *i* и *y* в одну фонему [Аванесов 1947/1974]. Затронув в этом контексте переход *ky, gy, xy > ki, gi, xi*, Аванесов в целом поддержал гипотезу Шахматова (во второй версии) и попытался подкрепить ее фонологическими аргументами, предложив объяснение (сильно отличавшееся от шахматовского; см. выше), почему в древнерусском языке делабиализация всех твердых согласных вызвала смягчение перед /у/ только у заднеязычных. Согласно Аванесову, из согласных, которые могли находиться в позиции перед [у], только заднеязычные не входили в корреляцию по твердости/мягкости, поэтому их палатализация в сочетаниях [ky], [gy], [xy], чем бы она ни была вызвана, представляла собой изменение аллофонное и не затрагивала противопоставлений фонем (*рукы* /ruki/ = [ruki] > *руки* /ruki/ = [ruk'i]). И наоборот, фонологическая система противодействовала палатализации губных и переднеязычных, потому при этом изменялся бы состав фонем в словоформах (ср. *был* [byl] = /bil/ > *[b'il] = */b'il/, *сыто* [syto] = /sito/ > *[s'ito] = */s'ito/), что, в свою очередь, было бы чревато совпадением ранее различавшихся словоформ (*был* — *бил*, *сыто* — *сито*).

Из гипотез 2-й половины XX — начала XXI века, кроме кратко упомянутой выше гипотезы Ю. В. Шевелева (см. прим. 1), нужно упомянуть еще три — две «фонологические» Л. Л. Касаткина и А. Тимберлейка, а также сугубо «фонетическую» гипотезу С. В. Князева.

Полностью отказавшись от фонетического объяснения Шахматова и не приняв фонологического объяснения Якобсона, Л. Л. Касаткин тем не менее согласился с последним в том, что переход *ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i* по своему механизму представляет собой замену одного варианта (строго говоря — «вариации», с точки зрения теории МФШ) фонемы другой, но в качестве причины такой замены он выдвинул следующий структурный фактор: «В фонологическом смысле важным оказывается не то, после какого согласного звука, твердого или мягкого, выступает [ы] или [и], а то, после какой согласной фонемы выступает [ы] или [и] — после “твердой” или после “мягкой”. После “твердых” фонем выступает [ы], а после “мягких” фонем — [и]. Кроме того, существует еще положение начала слова и положение после согласных фонем, не обладающих дифференциальным признаком “твердость/мягкость”: <ш, ж, ч, ц, j> и <к, г, х>. Оба этих положения представляют собой одну и ту же позицию, так как в указанном фонологическом смысле они едины: и в том, и в другом случае перед фонемой <и> стоит единица, не обладающая дифференциальным признаком “твердость/мягкость”. <...> В третьей позиции, единой в фонологическом смысле, фонема <и> получала не единственное выражение. В большинстве случаев фонема <и> воплощалась в этой позиции в звуке [и], и только после фонем <к, г, х> она могла воплощаться в звуке [ы]. Это “столкновение” фонологии и фонетики разрешилось в пользу фонологии: в третьей позиции фонема <и> стала воплощаться в одном звуке: этим звуком стал [и], так как

в большинстве случаев в этой позиции именно он воплощал фонему <и>... а звуки [к], [г], [х] заменились звуками [к'], [г'], [х'], так как перед звуком [и] могли быть только мягкие согласные звуки» [Касаткин 1965/1999: 195–196]. В сущности против остроумного и весьма изощренного объяснения Л. Л. Касаткина можно выдвинуть те же возражения, что и против «простодушной» гипотезы Р. О. Якобсона (см. выше): заменять друг друга могут фонемы, но не варианты одной фонемы, и уж тем более не вариации. Таким образом, надо либо признать, что во время перехода (XII–XIII вв.) /i/ и /y/ оставались еще самостоятельными фонемами, как считал, судя по всему, и Р. И. Аванесов⁶, или отказаться от гипотезы Л. Л. Касаткина.

Особняком стоит фонологическая гипотеза А. Тимберлейка, который в отличие от Якобсона и Касаткина считает, что в переходе *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* основным, логически первичным изменением была палатализация велярных перед [y]. Опираясь на реконструируемую им систему дифференциальных признаков, американский славист полагает, что артикуляторно-акустически [y] был гласным заднего ряда, но как вариант /-бемольной/ фонемы /i/, т. е. фонологически он должен считаться (по отношению к /+бемольной/ фонеме /u/) гласным высокой тональности, что и вызвало палатализацию перед ним велярных согласных [Тимберлэйк 1978: 703–705]. Несмотря на впечатляющую оснащенность этой гипотезы по части терминологии, связанной с теорией дифференциальных признаков, и привлечение материала западнославянских языков и диалектов, принять ее, по крайней мере в отношении восточнославянских языков, невозможно по основаниям, изложенным в связи с гипотезами Якобсона и Касаткина.

С. В. Князев во многом справедливо критикует гипотезы предшественников⁷, однако и его собственное объяснение — вызывающе фонетическое — по сути дела мало что добавляет к пониманию перехода *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i*. Его гипотеза строится на следующих основаниях. Во-первых, он считает, что «велярные согласные представляют собой особый, единственный в русском языке класс — в него входят звуки, которые, не будучи мягкими, в то же время не могут быть и веляризованными в силу того, что их основная артикуляция осуществляется в месте дополнительной артикуляции веляризации» [Князев 2006: 204]. Представляется, что это утверждение является плодом недоразумения. Конечно, заднеязычные могут быть веляризованными (см. выше прим. 4, где со ссылкой на «Общую фонетику» Л. Р. Зиндера сказано, как реализуется веляризация у заднеязычных). Вопрос может стоять скорее о том, могут ли русские /k, g, x/ быть невеляризованными (например, перед палатализованными согласными). Во-вторых, С. В. Князев без каких бы то ни было видимых оснований полагает, что «велярные согласные являются звуками, в наибольшей степени склонными к коартикуляции соседнему (в особенности последующему) гласному» [Там же: 205]. Видимо, имеется в виду, что

⁶ Он относил завершение слияния /i/ и /y/ ко времени унификации твердых и мягких разновидностей **ā*- и **o*-склонений [Аванесов 1947/1974: 248–250], т. е. к XV в., когда переход *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* уже завершился.

⁷ Объяснение Тимберлейка он, впрочем, не упоминает.

велярные, в отличие от согласных других локальных рядов, с легкостью аккомодируют завершающей фазе дифтонгоида [ʙи] (см. ниже завершающий вывод Князева). И в-третьих: «сочетания [кы], [гы], [хы] с фонетической точки зрения вовсе не являются стабильными, так как характеристики начальной части [ы] зависят от свойств предшествующего согласного, а свойства велярных согласных — от последующих гласных» [Там же]. Эти основания позволили С. В. Князеву выдвинуть следующую гипотезу: «изменение [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и] в русском языке вызвано фонетической неустойчивостью сочетаний [кы], [гы], [хы] и запретом на произношение [ы] после невеляризованного согласного. Оно стало возможным после дефонологизации противопоставления по ряду гласных и фонологизации противопоставления по твердости/мягкости согласных в результате падения редуцированных и не только не противоречило устройству фонологической системы русского языка, но и, наоборот, привело к ее большей симметрии» [Там же]. Тем не менее «фонетическая неустойчивость» сочетаний [кы], [гы], [хы] и даже «запрет на произношение [ы]» после якобы «невеляризованного согласного» не помешали тут же восстановить сочетания [кы], [гы], [хы] на стыках морфем. Чисто фонетическая (если не считать обычного признания в качестве условия перехода $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$ «дефонологизации противопоставления по ряду» и «фонологизации противопоставления по твердости/мягкости») гипотеза С. В. Князева вызывает разные возражения, но самое важное, пожалуй, состоит в том, что невозможно объяснить изменение, происходившее в XIII в., фонетической неустойчивостью сочетаний [кы], [гы], [хы] в современном русском произношении и их формантными характеристиками.

Итак, после Шахматова почти все объяснения причин перехода $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$ — уже фонологические в своей основе — стремятся так или иначе учитывать состояние фонологической системы древнерусского языка соответствующего периода. При этом все они основываются на двух предположениях, обоснованность которых обычно не подвергается сомнению, а именно, что обсуждаемый переход является следствием 1) возникновения корреляции согласных по твердости/мягкости и/или 2) связанного с ним превращения прежде самостоятельных фонем /y/ и /i/ в аллофоны одной фонемы. Однако оба эти предположения, в особенности второе (см. [Попов 2004: 72–93]), которое является ключевым, представляются весьма сомнительными, а основанные на них объяснения перехода $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$ — либо маловероятными, либо вовсе необъяснимыми.

Полностью отдаю себе отчет в том, что выявление причин фонетических изменений является в современной исторической лингвистике делом крайне неблагоприятным, но вместе с тем, подвергнув критике существующие гипотезы, позволю себе предложить и собственное объяснение древнерусского перехода $ky, gy, xy > k'i, g'i, x'i$.

Поскольку, как следует из замечаний в адрес предшествующих гипотез, этот переход не был связан с формированием корреляции по твердости/мягкости и якобы сопутствующей ей утратой фонематической самостоятельности фонемы /ы/,

которая благополучно дожила до нашего времени, и дефонологизацией признака ряда у гласных, который и обеспечивается оппозицией фонем /y/ и /i/, приходится предположить, что оно было вызвано другими факторами. Мне представляется, что в качестве одного из таких факторов, возможно главным, были результаты и некоторые косвенные следствия праславянских палатализаций заднеязычных, прежде всего второй палатализации, которая привела к утрате сочетаний заднеязычных согласных с фонемой /i/ в большинстве древних восточнославянских диалектов (за исключением новгородско-псковского).

Фонологи давно обратили внимание на то, что кроме *давления системы* существует также *давление фонем друг на друга* внутри системы. В частности, при изучении эволюции фонологических систем были обнаружены фонетические изменения, которые можно интерпретировать как такое давление одной фонемы на другую (в артикуляционном пространстве), которое запускает механизм цепной реакции, когда изменение одной фонемы приводит к изменению другой, т. е. приводит к цепочке взаимосвязанных изменений. Речь идет о взаимном давлении фонем, которое может проявляться в возникновении *цепей притяжения* (англ. *drag chain*) и *цепей отталкивания* (англ. *push chain*). В таких цепях бывает трудно решить, с какого конца цепи изменение началось, что именно послужило триггером — притяжение или отталкивание [Мартине 1960: 84–85]. При этом участвующие в цепных реакциях фонемы сохраняют противопоставленность друг другу, меняя, однако, свои различительные признаки и место в системе, т. е. становясь в известном отношении уже другими фонемами. Говоря о таких цепях, обычно имеют в виду процессы в парадигматической системе, но они возможны и в синтагматической системе, когда изменение является позиционно обусловленным, как, например, палатализации.

Как известно, вторая палатализация в позднепраславянских диалектах привела к утрате сочетаний заднеязычных с **i* (**ki*, **gi*, **xi*), которые перешли в *čí*, *ží*, *ší*: сл. **otroki*, **bogi*, **ženixi* (имен. мн.) > др.-р. *отроци*, *вози*, *жениси*), следствием чего было появление синтагматической «пустой клетки». В результате были созданы условия для цепной реакции — заполнения этой «пустой клетки». Суть цепной реакции как диахронического фонологического процесса заключается в том, что изменение на одном участке системы, в данном случае синтагматической, отвечающей за сочетаемость фонем, приводит к изменению на связанном с ним участке системы. Звеном такой цепи и оказывается изменение *ky*, *gy*, *xy* > *ki*, *gi*, *xi*. Условно эту цепную реакцию можно обозначить следующим образом: *Ky* → *Ki* → *Či*.

Изменение **Ki* > *Či* освободило для /i/ позицию после /k/. Оставалось только заполнить ее. Конечно, новые сочетания *ki*, *gi*, *xi* могли появиться и за счет заимствований. Когда палатализации завершились и фонологическая система уже не препятствовала появлению сочетаний заднеязычных с гласными переднего ряда, такие заимствования появились: ср. *келья*, *гигантъ* и др. Но как они произносились — не совсем ясно. Нельзя исключить, что они могли произноситься с палатальными шипящими (ср. формы *Ничипор*, *жеона* в м. *Никифор*, *геена*). Кстати,

следует учесть, что даже в тех древнерусских диалектах, где вторая палатализация осуществилась (а это практически все восточнославянские диалекты, за исключением псковско-новгородского), заднеязычные сохранялись после *s, z* в позиции второй палатализации, т. е. перед *ě* и *i*: ср. *доскѣ, розѣ, русьски отроци* и т. п. Заднеязычные в этих словоформах были фонологически твердыми.

Значительно более важную роль при заполнении «пустой клетки» играют внутренние резервы собственной фонологической системы. Если принять во внимание внутренние возможности самой системы, наиболее подходящим кандидатом на заполнение «пустой клетки», образовавшейся на месте сочетаний /ki/, /gi/, /xi/, были сочетания /ky/, /gy/, /xy/. Почему? Прежде всего потому, что замена /y/ на /i/ в этих сочетаниях ничего не меняет в функционировании системы: такая замена не может приводить к совпадению каких-либо сочетаний фонем и форм. Замена *Кыевъ* → *Киевъ* или *отрокы* → *отроки* (вин. и твор. мн.) не влечет за собой совпадения каких-либо различавшихся ранее словоформ (ср. имен. мн. *отроци*). Важно подчеркнуть, что это происходило в фонологической системе, в которой отсутствовало противопоставление твердых и мягких заднеязычных как самостоятельных фонем. И наоборот, /y/ и /i/ были самостоятельными фонемами и могли заменять одна другую в позиции после фонологически твердых согласных (в том числе заднеязычных).

Итак, на первом этапе изменения, которое и было собственно изменением *ky, gy, xy > ki, gi, xi*, никакого фонетического «перехода» нет: происходит замена /y/ на /i/ после заднеязычных в рамках заполнения синтагматической «пустой клетки» в системе, где есть противопоставление фонем /y/ ↔ /i/, но нет противопоставления /k, g, x/ ↔ /k', g', x'/. После твердых губных и переднеязычных такого перехода не было, потому что там не было «пустой клетки»: после губных и переднеязычных были представлены и /y/, и /i/ (а не потому что, как думал Р. И. Аванесов, губные и переднеязычные входили в корреляцию по твердости/мягкости, а заднеязычные — не входили).

Изменение *ky, gy, xy > ki, gi, xi* не было позиционно обусловленным фонетическим изменением. Это была замена /y/ на /i/, которая не затрагивала фонологическую сущность заднеязычных согласных (они оставались фонематически твердыми). Соответственно, на этом этапе распространение сочетаний *ki, gi, xi* за счет сочетаний *ky, gy, xy*, т. е. заполнение «пустой клетки», могло происходить и, видимо, происходило постепенно.

Этот этап перехода не был связан с развитием корреляции по твердости/мягкости и с постулируемой многими историками русского языка утратой фонемы /y/. Показательно, что раньше всего переход *ky, gy, xy > ki, gi, xi* произошел в южных древнерусских (будущих украинских) говорах, не осуществивших, видимо, смягчения согласных, с легкой руки Шахматова называемых “полумяжкими”, перед гласными /i/ и /e/, но довольно последовательно (за исключением позиции после /s/: ср. др.-р. *русьски* имен. мн., *дѣскѣ* дат. ед., *оскѣль* ‘древко копьа’) осуществивших вторую палатализацию. С другой стороны, в протоукраинских говорах

совпадение /y/ и /i/ происходило, как показывает материал памятников, позже, чем переход *ky, gy, xy* > *ki, gi, xi*.

Совсем по другому сценарию разворачивались события в древненовгородском диалекте, где изменение *ky, gy, xy* > *ki, gi, xi* происходило значительно позже и, возможно, под влиянием других диалектов. Задержка объясняется, конечно, тем, что древненовгородский диалект не осуществил второй палатализации, вследствие чего не возникла «пустая клетка».

Сам по себе этот переход не приводил к возникновению мягких заднеязычных фонем там, где их не было, а лишь увеличивал количество словоформ с заднеязычными перед гласными переднего ряда. На этом — первом — этапе изменения заднеязычные получали перед /i/ лишь позиционное смягчение, оставаясь аллофонами твердых фонем. В русском языке, где сформировалась корреляция по твердости/мягкости (первоначально только у губных и переднеязычных), переход *ky, gy, xy* в *ki, gi, xi* привел, по мере втягивания в эту корреляцию также и заднеязычных, к дальнейшему изменению *ki, gi, xi* > *k'i, g'i, x'i* и, в конечном счете, к превращению мягких заднеязычных в самостоятельные фонемы /k', g', x'/. Этот — второй — этап изменения на письме уже не отражался. Появление мягких заднеязычных фонем — результат включения заднеязычных в корреляцию по твердости/мягкости. Это была скрытая — латентная — фонологизация.

Интересно, что после завершения перехода *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* снова возникла «пустая клетка». Ведь этот переход привел к утрате сочетаний заднеязычных с /y/. Новая «пустая клетка» заполняется в процессе ресиллабации на стыках слов, которая происходила после оглушения согласных на конце слов: /ky.'va.nu/ к *Ивану*, /sa.'po.ky.'va.na/ сапог *Ивана*. Так в русском языке снова появились /ky/ и /xy/. Фонологически это /ky/, противопоставленное /k'i/. Отсутствие смягчения конечного заднеязычного согласного перед начальным /i/ следующего слова в процессе ресиллабации (формы типа /k'i.'va.nu/, /sa.'po.k'i.'va.na/ не возникли) свидетельствует об уже возникшей оппозиции /k/ ÷ /k'/.

Итак, в процессе перехода *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* в русском языке следует выделить три последовательно происходивших, но различных по своей фонологической сущности изменения. Первое — фонологическое, синтагматическое (замена /i/ → /y/ после заднеязычных согласных) — заполнение «пустой клетки» в рамках цепной реакции *ky* > *ki* > *c'i*. Именно оно отражалось древнерусскими рукописями XII–XIII вв. Второе (сопутствующее первому) — собственно фонетическое изменение — приспособление (аккомодация) заднеязычного к следующему за ним /i/, которое как аллофонное на письме отражаться не могло. И наконец, третье — фонологизация мягких заднеязычных и включение их в корреляцию по твердости/мягкости. В памятниках оно также не отражалось.

Литература

Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки [i] и [y] (1947 г.) // Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974. С. 238–259.

Гиппиус А. А., Сичинава Д. В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.

Дурново Н. Н. К истории звуков русского языка. I. Сочетание *ки* из общеславянского *кы* в Галицком Четвероевангелии 1144 года (1922/1923 гг.) // *Дурново Н. Н.* Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 350–354.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Карский Е. Ф. Белорусы: Язык белорусского народа. Выпуск первый. Исторический очерк звуков белорусского языка (1908 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 475 с.

Касаткин Л. Л. Переход [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] в русском языке (1965 г.) // *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 192–197.

Князев С. В. Изменение [кы, гы, хы] в [к'и, г'и, х'и] // *Князев С. В.* Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М.: Изд-во МАКС-ПРЕСС, 2006. С. 199–205.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии). Пер. с франц. А. А. Зализняка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. 261 с.

Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 346 с.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка (1907 г.) // *Соболевский А. И.* Труды по истории русского языка. Т. 1. / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М.: Языки славянской культуры, 2004. 702 с.

Тимберлэйк А. К истории задненебных фонем в севернославянских языках // *American Contributions to The Eighth International Congress of Slavists, Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978. Vol. 1. Linguistics and Poetics. Ed. by Henrik Birnbaum. Columbus, Ohio, Slavica Publishers, Inc., 1978, pp. 699–726.*

Шахматов А. А. Курс истории русского языка (Читан в Петербургском университете в 1909/10 уч. г.). Часть II. Очерк истории звуков русского языка. СПб., 1912. 797 с.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915. 368 с.

Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves (1929 г.) // *Jakobson R. Selected writings. I: Phonological studies. The Hague, 1962, pp. 7–116.*

Shevelov G. Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979. 809 p.

Wijk N. van. Ist der slavische Lautwandel *ky, gy, xy > ki, gi, xi* phonologisch oder nur phonetisch? // *Indogermanische Forschungen, № 55, 1937, pp. 41–51.*

M. B. Popov
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
popov_mb@list.ru

**ON THE QUESTION OF THE CAUSES AND MECHANISM
OF THE TRANSFORMATION OF *ky, gy, xy* TO *k'i, g'i, x'i*
IN OLD RUSSIAN**

The article discusses the interaction of phonological and phonetic factors within the framework of the change traditionally described in historical phonetics as the transition of *ky, gy, xy* to *k'i, g'i, x'i*, which occurred in Old Russian dialects in the 12th–13th centuries. The explanation of its causes and mechanism is so far an unsolved problem of East Slavic historical dialectology. The difficulty lies in the fact that within the limits of one phonetic change, two diametrically opposed processes were combined: palatalization of the velar and fronting of the next non-front vowel [y] to [i]. Having subjected the existing phonetic and phonological explanations of the change to critical consideration, the author puts forward a hypothesis according to which the transformation *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* consisted of three different phonological changes.

The key was the first one — replacing /y/ → /i/ after the velars: /ky/, /gy/, /xy/ > /ki/, /gi/, /xi/. It was reflected in written records of the 12th–13th centuries. This phonological change within the framework of the drag chain shift — *Ky* → *Ki* → *Ći* — motivated by the results of the second palatalization of velars and its mechanism was a kind of filling gaps in syntagmatic system (k#, g#, x#) that arose after **ki, *gi, *xi* > *ći, źi, śi*. The South dialects of Old Russian that implemented the second palatalization but did not develop a hardness/softness contrast before /i/, /e/ were the nuclear zone of the change *ky, gy, xy* > *ki, gi, xi*. In the Old Novgorod dialect, where the second palatalization did not occur and the combinations *ki, gi, xi* were preserved, the change *ky, gy, xy* > *ki, gi, xi* was delayed.

The second change — the accommodation of the velar to /i/ in the new combinations *ki, gi, xi* (< *ky, gy, xy*) — was allophonic (palatalized allophones [k', g', x'] appeared before /i/) and therefore could not be reflected in written records of the time.

The third and final change was the latent phonologization of [k', g', x'], as a result of which independent phonemes /k', g', x'/ appeared, which were included in the correlation of hardness/softness. This paradigmatic change was also not reflected in written language.

Keywords: Old Russian, East Slavic historical dialectology, historical phonology, velar consonants, palatalization.

References

Avanesov R. I. [From the history of Russian vocalism. Sounds [i] and [y]]. Avanesov R. I. *Russkaya literaturnaya i dialektnaya fonetika* [Russian standard and dialect phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, pp. 238–259 (In Russ.)

Durnovo N. N. [On the history of the sounds of Russian language. I. The combination of *ki* from the Common Slavic *ky* in the Halič Fourfold Gospel of 1144]. Durnovo N. N. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected works on the history of the Russian language]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 2000, pp. 350–354 (In Russ.)

Gippius A. A., Sichinava D. V. [Amendments and comments to the reading of previously published birch bark certificates [XIII]: preliminary publication]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language and linguistic theory], 2021, no. 2, pp. 178–259.

Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves (1929 г.). Jakobson R. *Selected writings. I: Phonological studies*. The Hague, 1962, pp. 7–116.

Karskii E. F. *Belorusy: Yazyk belorusskogo naroda. Vypusk pervyi. Istoricheskii ocherk zvukov belorusskogo yazyka* [Belarusians: The language of the Belarusian people. Issue the first. A historical sketch of the sounds of the Belarusian language]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 475 p.

Kasatkin L. L. [Transition [ky, gy, xy] to [k'i, g'i, x'i] in Russian]. Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian Dialect and Standard Phonetics as a Source for the History of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ.; Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1999, pp. 192–197 (In Russ.)

Knyazev S. V. [Change [ky, gy, xy] to [k'i, g'i, x'i]. Knyazev S. V. *Struktura foneticheskogo slova v russkom yazyke: sinkhroniya i diakhroniya* [The structure of a phonological word in Russian: synchrony and diachrony]. Moscow, MAKS-PRESS Publ., 2006, pp. 199–205 (In Russ.)

Martine A. *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh (Problemy diakhronicheskoi fonologii)* [The principle of economy in phonetic changes (Problems of diachronic phonology)]. Translate by A. A. Zaliznyak. M., Izd-vo Inostrannoi Literatury Publ., 1960. 261 p.

Popov M. B. *Problemy sinkhronicheskoi i diakhronicheskoi fonologii russkogo yazyka* [Problems of synchronic and diachronic phonology of the Russian language]. Saint-Petersburg, Filologicheskii Fakul'tet SpbGU Publ., 2004. 346 p.

Shakhmatov A. A. *Kurs istorii russkogo yazyka (Chitan v Peterburgskom universitete v 1909/10 uch. g.). Chast' II. Ocherk istorii zvukov russkogo yazyka* [The course of the history of the Russian language (Read at St. Petersburg University in 1909/10 academic year). Part II. An essay on the history of sounds of the Russian language]. Saint-Petersburg, 1912. 797 p.

Shakhmatov A. A. *Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka* [An essay of the oldest period of the history of the Russian language]. Petrograd, 1915. 368 p.

Shevelov G. Y. *A historical phonology of the Ukrainian language*. Heidelberg, 1979. 809 p.

Sobolevskii A. I. *Lektsii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. Sobolevskii A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka. T. 1. / Predisl.*

i komment. V. B. Kryś'ko [Works on the history of the Russian language. Vol. 1 / Preface and comments by V. B. Kryś'ko]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 702 p.

Timberleik A. [On the history of the velar phonemes in North Slavic]. *American Contributions to The Eighth International Congress of Slavists, Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978. Vol. 1. Linguistics and Poetics*. Ed. by Henrik Birnbaum. Columbus, Ohio, Slavica Publishers, Inc., 1978, pp. 699–726.

Wijk N. van. Ist der slavische Lautwandel *ky, gy, xy* > *ki, gi, xi* phonologisch oder nur phonetisch? *Indogermanische Forschungen*, 1937, no. 55, pp. 41–51.

Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [The Old Novgorod dialect]. 2-e izd. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 872 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

М. Л. Каленчук¹, Д. М. Савинов²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

mkalenchuk@yandex.ru¹

crillon@yandex.ru²

О СОЗДАНИИ НОВОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Необходимость создания нового академического словаря ударений русского языка продиктована следующим: 1) изменением звукового строя языка, устареванием отдельных акцентологических рекомендаций и появлением новых, еще не кодифицированных норм; 2) большим количеством недавно появившихся слов, а также редких слов, требующих лексикографического комментирования; 3) необходимостью пересмотреть некоторые сложившиеся «мифы» о месте ударения в конкретных словах; 4) необходимостью изменения подхода к самому процессу кодификации акцентологических норм. Авторы нового словаря ударений убеждены, что принятие кодификационных акцентологических рекомендаций должно осуществляться на основе исследовательской процедуры, в основе которой лежит проведение социолингвистических экспериментов, позволяющих объективно представить распределение вариантов ударения. Выявленные в звучащей речи образованных людей варианты ударения должны быть обязательно учтены при выработке произносительных рекомендаций. Все остальные критерии — культурно-историческая традиция, авторитетность «экспертов», речевые навыки и языковой вкус автора словаря, одобрение социума и др. — имеют вторичный характер. Большинство предыдущих орфоэпических источников практически игнорировало критерий соответствия основным тенденциям развития языковой системы и десятилетиями сохраняло устаревшие традиционные орфоэпические варианты. В статье также рассматриваются критерии составления словника, система используемых помет, использование иллюстраций, позволяющих верифицировать норму. Подробно анализируются различные аспекты кодификации ударения, отличающие новый словарь от аналогов.

Ключевые слова: лексикография, акцентологические словари, узус, кодификация, норма, варианты нормы.

1. В отделе фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН завершается работа над созданием нового фундаментального словаря ударения — «Большого акцентологического словаря русского языка».

Место постановки ударения в слове отмечается в лингвистическом словаре любого типа. Но существует целый ряд современных лексикографических изданий, специально посвященных описанию этого участка звуковой системы — «Словарь ударений русского языка» Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарвы [Агеенко, Зарва 2000]; «Словарь ударений для дикторов радио и телевидения» Л. А. Введенской [Введенская 2001]; «Словарь ударений русского языка» И. Л. Резниченко [Резниченко 2008]; «Словарь образцового русского ударения» М. А. Штудинера [Штудинер 2004] и др. Кроме того, имеются орфоэпические словари, которые фиксируют и сегментную, и суперсегментную произносительную норму, среди них наиболее авторитетными являются «Орфоэпический словарь русского языка; Произношение. Ударение. Грамматические формы» под ред. Р. И. Аванесова [Аванесов (ред.) 1983] и др. изд.; «Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной под ред. Л. Л. Касаткина [Касаткин (ред.) 2022] и др. изд.; «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы» под ред. Н. А. Еськовой [Еськова (ред.) 2015].

2. Почему же, несмотря на наличие достаточного числа словарей, описывающих нормы постановки ударения в русском языке, создание нового академического акцентологического словаря является актуальной и научно значимой задачей? Это связано с несколькими обстоятельствами.

2.1. Изменение звукового строя языка, устаревание отдельных акцентологических рекомендаций и появление новых узуальных норм, еще не кодифицированных в имеющихся словарях. Так, например, большинство лексикографических источников в форме ср. р. прош. вр. невозвратных глаголов *брать*, *врать*, *знать*, *драть*, *ждать*, *жить*, *жрать*, *звать*, *клясть*, *лгать*, *лечь*, *лечь*, *плыть*, *рвать*, *спать* и их префиксальных производных кодифицирует ударение на основе как единственно правильное: *бра́ло*, *забра́ло*, *жи́ло*, *изжи́ло* и т. д. В проведенных экспериментах было установлено, что носители современного русского литературного языка произносят формы ср. р. преимущественно с ударением на окончании, причем в непрямых бесприставочных глаголах процент произнесения с ударным окончанием значительно выше, чем в производных, а для ряда лексем он приближается к 100 % [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 63–66]. Несомненно, что при кодификации необходимо изменить рекомендации и отразить новую норму постановки ударения. И такая ситуация наблюдается на разных участках акцентологической системы.

2.2. Большое количество недавно появившихся слов, а также редких слов, нормативное произношение которых не зафиксировано в имеющихся словарях и требует лексикографического комментирования (*а́утлет* или *аутле́т*, *ве́ган* или *вега́н*, *гра́ффити* или *граффи́ти*, *ко́вид* или *кови́д*, *ла́тте* или *латте́*, *ло́гин* или *логи́н*, *милле́ниал* или *миллениа́л* и мн. др.).

2.3. Необходимость пересмотреть некоторые сложившиеся «мифы» о месте ударения в конкретных словах. Можно привести не одну сотню случаев закрепления и копирования из словаря в словарь вариантов, актуальность которых давно утрачена, поскольку они устарели и практически вышли из употребления. Например, в [Аванесов (ред.) 1983] варианты *бижутерія, лóсось, мýскулистый* подаются равноправно с *бижутэрия, лосось, мускулистый*, хотя первые из них уже давно почти не встречаются в речи. Запрещаются варианты *бáловать, гастарбáйтер, геликóптер, исчерпáть, мусоропрóвод, укράинский*, при этом правильными признаются только произношения *гастáрбайтер* и *геликоптёр*, хотя никто давно уже так не произносит, а по отношению к словам *баловать, исчерпать, мусоропровод, украинский* и др. игнорируется наличие вариантов в речи образованных людей.

2.4. И наконец, самое главное обстоятельство, определяющее потребность в создании нового словаря ударений, — необходимость изменения подхода к самому процессу кодификации акцентологических норм.

Одна из основных и наиболее спорных проблем орфоэпической лексикографии — критерии принятия кодификационных решений. При создании акцентологического словаря этот вопрос особо важен, так как его решение предопределяет логику и процедуру перехода от *узуальной нормы*, под которой понимаются предпочтения в постановке ударения в речи образованных людей, к *кодифицированной*, то есть официально закрепленные в словарях, справочниках, учебниках и пропагандируемые правила постановки ударения в словах и словоформах. «Серьезный разрыв между словарными рекомендациями и узуальными нормами постановки ударения в звучащей речи образованных людей обусловлен не только и не столько изменениями, происходящими в языке, сколько устаревшим подходом к кодификации акцентологических норм» [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 125].

Существуют два подхода, определяющих алгоритм принятия решения при переходе от узуальных норм к кодифицированным, их принято называть — субъективный и объективный [Пожарицкая, Добрушина 2017]. *Субъективной* оценкой фактов орфоэпической вариативности называют позицию безусловного представления о нормативности варианта, основанного на традиции, следовании авторитетным образцам и личном вкусе автора рекомендаций. А. М. Пешковский, критикуя такой подход, говорил о приоритете «литературно-языкового идеала»: «Первой и самой замечательной чертой его является поразительный консерватизм, равного которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади. “Правильной” всегда представляется речь старших поколений, предшествовавших литературных школ. Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [Пешковский 1959: 55]. *Объективная* оценка орфоэпических вариантов может быть только результатом социолингвистических исследований узуса, которые на материале русского языка были начаты в 60-е гг. XX столетия под руководством М. В. Панова [Панов 1968].

Авторы нового словаря ударений убеждены, что принятие кодификационных акцентологических рекомендаций должно осуществляться на основе исследова-

тельской процедуры, в основе которой лежит проведение корректно организованных социолингвистических экспериментов, позволяющих объективно представить распределение вариантов ударения.

Выбор методологии — объективный или субъективный подход к оценке вариантов ударений — неразрывно связан с вопросом о выборе критериев для рекомендации одного из сосуществующих вариантов произношения в качестве кодифицированной нормы. Чаще всего в литературе называются такие основания, как соответствие внутренним законам развития языка; соответствие культурно-исторической традиции; распространенность варианта в речи образованных людей.

Как представляется, выявленные в звучащей речи образованных людей при проведении представительных и системных социолингвистических исследований варианты ударения должны быть обязательно учтены при выработке произносительных рекомендаций. Все остальные критерии — культурно-историческая традиция, авторитетность «экспертов», речевые навыки и языковой вкус автора словаря, одобрение социума и др. — имеют вторичный характер. Важно отметить, что нормативные рекомендации не могут опираться только на представления авторов орфоэпических словарей об «элитарном типе речевой культуры», особенно в тех случаях, когда эти представления не соответствуют реальному языковому узусу. Необходимо своевременно признавать те новые варианты, которые идут на смену старым. По словам С. К. Пожарицкой, «в этом случае лучше даже “забежать вперед”, чем опоздать» [Пожарицкая 2004: 234]. Однако зачастую нормативные рекомендации, «кочующие» из словаря в словарь, не соответствуют разговорному узусу — даже в его старшем варианте, поскольку устарели уже много десятилетий назад.

Особо следует отметить, что многие изменения, происходящие в русской акцентуации, не спонтанны, а подчиняются определенным законам развития языковой системы. Например, у имен существительных появление акцентных инноваций может быть обусловлено актуализацией противопоставления по числу: на смену старым акцентным парадигмам типа *доска́, доскí, дóску, дóски, досóк, доскáм* или *волна́, волнí, во́лну, во́лны, волна́м* постепенно приходят новые, где формы ед. и мн. ч. начинают последовательно противопоставляться ударением: *доска́, доскí, доскú* и *волна́, волнí, волнú*; *дóски, дóсок, дóскам* и *во́лны, во́лнам*. Актуализация противопоставления по числу характерна и для форм прошедшего времени невозвратных глаголов некоторых непродуктивных классов: вместо старых парадигм *жилá, жи́ло, жи́ли* или *взяла́, взяло́, взяли́* пришли новые варианты *жилá, жило́* и *взяла́, взяло́* — *жи́ли, взяли́*.

У многих глаголов на *-ить* в настоящем и будущем простом времени происходит изменение неподвижного нафлексивного ударения на подвижное: постепенно старая акцентная парадигма типа *белю́, белíшь, белít* или *грузжу́, грузíшь, грузít* изменяется на новую, где формы 1 л. ед. ч. акцентуационно противопоставляются всем остальным формам: *белю́* и *грузжу́* — *белíшь, белít* и *грузíшь, грузít*. Подобный перенос ударения, видимо, связан с постепенным сужением сферы

противопоставленности I и II спр.: «Эти спряжения различаются только у глаголов с ударными окончаниями, которые в русском языке составляют сравнительно небольшой процент общего глагольного фонда» [Бромлей 2010: 357]. За счет переноса старого нафлексивного ударения на основу у глаголов на *-ить* количество таких глаголов уменьшается, то есть происходит постепенное распространение «общего спряжения» [Бромлей 2010: 357]. Стабильное сохранение нафлексивного ударения в 1 л. ед. ч. связано с тем, что окончание *-у (-ю)* исконно не противопоставляло I и II спряжения, было единым для всех глаголов (кроме атематических). В русском языке действует также тенденция к обобщению гласных безударных флексий и в форме 3 л. мн. ч. [Попова 2012: 143].

В кратких формах прилагательных отмечается другая тенденция: «оформляется (а частично и сохраняется) грамматическая оппозиция форм женского рода в их противопоставлении формам неженского рода» [Колесов 2010: 296]. Как показали проведенные эксперименты, у кратких прилагательных действительно произошла актуализация противопоставления формы ж. р. ед. ч. всем остальным формам [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 125].

Однако процесс грамматического влияния на развитие акцентных парадигм в русском языке развивается постепенно: ударение, маркирующее определенное грамматическое значение, никогда не распространяется механически и безальтернативно в акцентных парадигмах всех слов определенного грамматического класса, но всегда реализуется на конкретных словах, постепенно распространяясь на все большее количество слов. Поэтому перед кодификатором всегда стоит непростая задача квалификации существующих произносительных вариантов одновременно с точки зрения основных тенденций развития системы, их частотности в узусе, а также их оценки в массовом языковом сознании носителей литературного произношения.

Большинство предыдущих орфоэпических источников практически игнорировало критерий соответствия основным тенденциям развития языковой системы и десятилетиями сохраняло устаревшие традиционные орфоэпические варианты. Например, в [Штудинер 2016] в качестве единственно допустимых указаны *дóску, волна́м, серья́м, взяло, ли́ло, о́жило, винти́шь, долби́шь, сверли́шь, сори́шь* и многие др., при этом варианты *доску́, во́лнам, се́рьям, взяло́, лило́, ожилó, винтишь, долбишь, свёрлишь, соришь* соответствуют продуктивным тенденциям в своих классах слов и имеют высокий процент произнесения в разговорном узусе (результаты см. в [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 26–137]).

В разрабатываемом «Большом акцентологическом словаре русского языка» реализуется следующий принцип кодификации: новые варианты, которые соответствуют основным тенденциям развития системы, а также относительно частотны в узусе образованных людей, всегда получают нормативный статус и снабжаются пометой *допуст. младш.*

3. Формирование словника осуществлялось методом сплошной выборки слов, нуждающихся в акцентологическом комментарии, из различных лингвистических

и энциклопедических словарей, а также добавлением неологизмов, зафиксированных в средствах массовой информации и интернете. Как правило, в словарь не включались диалектизмы, жаргонизмы, просторечная лексика и узкоспециальные термины. В последние десятилетия в русской лексикографии наметилась тенденция к включению в нормативные словари не только новообразований или новых заимствований литературного языка, но и «разговорной, просторечной и даже жаргонной лексики, характерной для средств массовой информации последнего времени с их ярко выраженным стремлением преодолеть официозную манеру речи. В связи с этим необходимо заметить, что включение подобной лексики в нормативный словарь, конечно, не бесспорно, однако в сегодняшней ситуации, по-видимому, имеет серьезный резон» [Осипов 2001: 126]. Так, за счет подобных нелитературных единиц существенно расширен словник «Русского орфографического словаря».

Однако в результате включения подобных ненормативных пластов лексики в нормативные орфографические или орфоэпические словари у многих читателей, не имеющих достаточной лингвистической компетенции, может сложиться впечатление, что в словарях дается справка не только о нормативном написании и произношении этих слов, но о нормативности их употребления в литературном языке в принципе. Это совершенно недопустимо, поскольку просторечная и жаргонная лексика находится за пределами литературной нормы: нужно избегать ее употребления как в письменной, так и в устной речи. В «Большой акцентологический словарь русского языка» подобная нелитературная лексика не включается, в словаре сохраняется четкое различие между литературной и нелитературной формами речи.

Особо следует сказать о вариантах ударения, свойственных региональным разновидностям русского литературного языка. В последнее время большинство ученых, занимающихся проблемами нормы, сходятся во мнении, что «русский литературный язык существует в определенных локальных вариантах, характеризующих главным образом фонетику, акцентуацию, интонацию, а также словоизменение и лексику» [Крысин 2021: 181]. Подобное варьирование литературного языка в географической проекции ученые обозначают различными терминами: территориальной разновидностью / территориальным вариантом литературного языка (Р. Р. Гельгардт, К. И. Чуркина, Н. С. Сергиева и др.), региональной разновидностью / региональным вариантом литературного языка (И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, Т. С. Коготкова, О. Д. Крыжановская, О. А. Лаптева, М. А. Харламова), локальной разновидностью / локальным вариантом литературного языка (Т. И. Ерофеева, М. В. Панов, Л. П. Крысин); появление подобных территориально ограниченных вариантов обычно обусловлено особенностями диалектной основы конкретного региона, подробнее см. [Матвеева 2021: 34–36].

Например, для северо-западной диалектной зоны характерно распространение «форм с ударением на основе глаголов прошедшего времени женского рода: *брáла, звáла, ткáла, врáла, спáла* и под.» [Захарова, Орлова 1970: 90]. Следует отметить, что подобная акцентуация (типа *брáла, спáла*) обычно характеризует не только диалектный уzus, но и речь местной городской интеллигенции [Букринская, Кармакова

2012: 160], таким образом, неподвижное наосновное ударение в формах прошедшего времени некоторых глаголов (*брал, брала, брало, брали*) можно считать чертой, присущей северо-западному региональному варианту русского литературного языка, в частности говору Санкт-Петербурга. Например, петербургский фонетист В. В. Колесов пишет о широком процессе «выравнивания ударений в парадигме типа *брал, брало, брала, брали* (на месте старой и до сих пор нормативной формы *бралá*), также *дала, звала* и др. Такое колебание ударения встречает особенно сильное сопротивление со стороны специалистов по культуре речи...» [Колесов 2010: 297].

Однако в московском варианте литературного языка в парадигме указанных глаголов развивается другая тенденция, в результате которой формируется акцентное противопоставление единственного и множественного числа: в ж. и ср. р. ед. ч. ударение падает на флексию, во мн. ч. — на основу (*бралá, бралó — брали*) [Каленчук, Савинов (ред.) 2021: 75]. Именно поэтому акцентные варианты *брала, дала, звала* и под., приведенные В. В. Колесовым, и сегодня признаются московскими кодификаторами неправильными, см., например, [Касаткин (ред.) 2022: 1018; Касаткин 2017: 484].

Несмотря на то, что изучение «локально окрашенной литературной речи имеет давнюю традицию, ведущую начало от А. А. Шахматова» [Букринская, Кармакова 2012: 156], до сих пор отсутствуют масштабные социолингвистические исследования, описывающие функционирование современного русского языка в различных регионах России и выявляющие особенности и закономерности этого функционирования. Именно отсутствие системно собранного фактического материала обусловило отказ от кодификации в «Большом акцентологическом словаре» территориально обусловленных акцентологических вариантов.

4. Авторы словаря ставят перед собой задачу зафиксировать реальное многообразие акцентологических вариантов, функционирующих в литературном языке, а также указать наиболее типичные случаи отступлений от нормы. В конкретных словах и словоформах приводятся все возможные нормативные варианты произношения, при этом указывается, какое место каждый из вариантов занимает в литературном произношении, как варианты соотносятся между собой хронологически, по степени употребительности и частотности. Для этой цели используется разветвленная система помет, которая позволяет соотнести между собой как варианты ударения, относящиеся ко всей парадигме слова, так и в отдельных словоформах:

Равноправные варианты: дж^{и́}нсовый и джинсо^{во́}ый; ка^мбала и камба^{ла́}, ма^ркетинг и марке^{ти́}нг, мо^щны и мощ^{ны́}.

Неравноправные варианты:

и допустимо — указывает, что второй вариант менее употребителен, чем первый, например: ко^жанка и доп^{уст}. кожа^нка, ста^ртёр и доп^{уст}. ста^ртер; ме^ртвы́ и доп^{уст}. ме^ртвы (краткая форма от прилагательного ме^ртвый в значении 'лишившийся жизни');

и допустимо старшее — указывает, что второй вариант менее употребителен, чем первый, и относится к старшей норме, например: и^{на}че и доп^{уст}.

стари. иначе, логопедія и допуст. *стари.* логопедія, мánит и допуст. *стари.* мані́т;

и допустимо *младшее* — указывает, что второй вариант менее употребителен, чем первый, и относится к младшей норме, например: митénка и допуст. *младш.* митенка, бáрмен и допуст. *младш.* бармён, заклóчит и допуст. *младш.* заклóчит.

В словаре принята система *запретительных помет*, позволяющая предостеречь читателей от распространенных отступлений от литературного произношения. В большинстве современных орфоэпических словарей принята трехступенчатая шкала запретительных помет: *не рек.* — не рекомендуется; *неправ.* — неправильно; *грубо неправ.* — грубо неправильно, что в принципе позволяет дифференцировать степень нарушения орфоэпической нормы. Но для нового словаря ударений авторы сочли возможным сделать бинарную оценку отступлений от нормы: *не рек.* — *неправ.* В основу выбора той или иной запретительной пометы положен не столько фактор грубости ошибки, сколько представление о перспективах и истории функционирования рассматриваемого варианта в системе. Пометой *не рек.* маркируются варианты ударения, которые соответствуют наметившимся тенденциям изменения акцентологических норм, то есть находящиеся на пути к приобретению нормативного статуса и встречающиеся в речи образованных людей: бухгалтеры (! *не рек.* бухгалтерá); бáнта (! *не рек.* бантá); возлитá (! *не рек.* возлíta); зазвонít (! *не рек.* зазвóнит); свёкла (! *не рек.* свеклá). Кроме того, помету *не рек.* получают те акцентологические варианты, которые еще недавно считались нормативными, но в данный момент они уже ушли или уходят из системы, хотя и встречаются изредка в звучащей речи, напр.: бронь (! *не рек.* брóня), бíta (! *не рек.* битá), джерси (! *не рек.* джéрси). Помета *неправ.* указывает на нелитературный характер произношения варианта, у которого нет перспектив стать нормативным либо в силу его просторечности, либо по причине устарелости: агéнтство (! *неправ.* áгентство); алфáвитный (! *неправ.* алфáвитный); бláговест (! *неправ.* благовéст); ввезённый (! *неправ.* ввэзённый); взвилáсь (! *неправ.* взвíliaсь); *мн.* лáйнеры (! *неправ.* лайнерá).

5. Помимо кодификации нормативных вариантов ударения, словарь приводит информацию о вариантах произношения, специфичных для ограниченных сфер использования.

5.1. Сообщается информация о случаях, когда при вхождении в фразеологические единицы слова имеют другое ударение, чем при свободном употреблении, например:

вор, вóра (! *неправ.* ворá), *мн.* вóры (! *неправ.* воры́), ворáм (! *неправ.* вóрам)
◇ вор у ворá дубинку украл; на ворé и шапка горит.
ворóта, ворóтам ◇ пришла беда, отворяй воротá.

Кроме того, приводятся фразеологические сращения, при употреблении которых у говорящего могут возникнуть проблемы в постановке ударения, например, *недремáнное око*; *тайная вéчера*; *темна вода во облацех* и др.

5.2. Слова, которые при использовании в народно-поэтических текстах и в стилизации под них имеют другое место ударения, чем в обычном употреблении, например, *дэвища, шелкóвый*.

5.3. Анализ различных орфоэпических словарей показывает противоречивость информации, приписываемой профессиональным произносительным вариантам. Как известно, под профессиональными вариантами ударения понимаются случаи, особое ударение в которых принято только в узкопрофессиональной среде, в любой другой обстановке оно воспринимается как ошибка. Подобные акцентологические варианты не являются нормативными, они по сути дела относятся к профессиональному сленгу. Но современный словарь ударений должен фиксировать подобные факты и давать им оценку. И тут возникает определенная проблема: массив примеров, традиционно относимых словарями к профессиональным, состоит из двух совершенно разных групп. Одна из них действительно относится к сленгу как профессионально ограниченному способу звукового оформления общенародных слов. В таких случаях особый код, используемый людьми одной специальности, является своеобразным сигналом узнавания «своего». Так, например, медики произносят *áлкоголь, манья, фобья* и др., музыканты *квинтóвый, флейтóвый*, физики *атóмный вес*, астрономы называют себя *астрóномами*. Но под определение *профессиональное* попадают и те случаи, которые не относятся к речи людей, объединенных общностью профессии, а являются просторечными вариантами, свидетельствующими о недостаточном культурном уровне говорящего. В качестве примера можно привести словоформу *блюда́*, трактуемую в некоторых словарях как вариант, свойственный «профессиональному общению поваров, официантов и др.» [Резниченко 2008: 51], или вариант *ма́льчиковый*, рассматриваемый некоторыми авторами как профессиональный вариант в речи продавцов [Соловьева 2008: 10]. А можно ли определить, является ли тот или иной акцентологический вариант действительно профессиональным или просторечным? Как кажется, процедура должна быть следующая: если функционирование определенного варианта ограничено общением людей одной специальности и не используется за пределами этого круга людей, то это профессионализм. Так, например, *наркомания́* не говорят не медики. А вот *скоростя́* и *шóфер*, которые приписывают речи автолюбителей [Резниченко 2018: 292, 348], употребляют недостаточно образованные люди разных специальностей, следовательно, это не профессиональные варианты, а просторечные, нелитературные.

Кроме того, в некоторых случаях пометой *профессиональное* отмечают слова, уже давно функционирующие как общенародные и, возможно, никогда и не имевшие социальной ограниченности в употреблении: например, произношение *ново-ро́жденный* отнесено к речи акушеров, *ветра́* — моряков и др. [Соловьева 2008].

Сказанное выше свидетельствует о том, что вопрос о статусе и составе профессиональных вариантов ударения нуждается в серьезном изучении на основе социолингвистических данных, что несомненно приведет к резкому уменьшению в словарях вариантов с пометой *профессиональное*, а количество запретительных помет увеличится за счет маркирования просторечных вариантов.

5.4. Необходимо отметить, что в новом словаре нет привычной для орфоэпических словарей информации о произношении слова в разговорной речи (языке). Как известно, появление фактов разговорной фонетики обусловлено ситуацией речи, в первую очередь установкой на неофициальный, непубличный и непринужденный характер общения. В словаре обычного типа при изолированном предъявлении слова невозможно соотнести те или иные варианты произношения с ситуацией речи, что делает бессмысленным простое перечисление возможных разговорных вариантов. Кроме того, во многих источниках разговорными называют те варианты ударения, которые говорящий использует в ситуациях, когда он не полностью контролирует свою речь, в определенной степени «расслабляется». Так, образованный человек знает, что словари требуют произнесения *жа́люзи, кúхонный, свёкла*, и он так и произносит в ситуациях, когда качество его речи важно для него и окружающих. Но в другие моменты он может позволить себе произнести *жа́люзи, кухо́нный, свекла́*. На первый взгляд, распределение подобных вариантов выглядит как реализация противопоставления *кодифицированный — разговорный*. Но как кажется, можно посмотреть на эту проблему по-другому: носитель языка чувствует, что варианты *жа́люзи, кухо́нный, свекла́* не противоречат закономерностям системы и могут стать нормативными, и допускает их в своей речи. В нашем словаре такого рода факты снабжаются не пометой *разг.*, а «мягкой» запретительной пометой *не рек.*

5.5. Приводится информация о словах, в которых в художественной литературе фиксируются варианты ударения, отличающиеся от современных и общепринятых. Такого рода факты должны быть квалифицированы определенным образом в словаре, чтобы читатель мог трактовать случаи необычных ударений. Анализ поэтических текстов позволяет выявить большое число случаев, когда рифма и ритм стихотворения требуют иного ударения по сравнению со словарной рекомендацией. В большинстве примеров такое непривычное для современного уха ударение является устаревшим. Но бывает и иное объяснение появлению особой акцентуации слова. Если отличное от современного ударение встречается в текстах многих авторитетных поэтов прошлых эпох, можно с уверенностью считать, что его появление не поэтическая случайность, а отражение ушедших произносительных реалий. Но если это не так, то остается просто констатировать наличие варианта произношения, считая его в определенном смысле окказиональным, авторским, а не устаревшим. То есть предлагается два разных способа подачи информации о вариантах ударения, встречающихся в художественной литературе и отличающихся от современных нормативных:

- 1) **ма́чтовый**, в худ. литературе возможно устарелое ударение *мачто́вый*:

Их переводят, сотрясают иглы
И сеют тень, и мают, и сверлят.
Мачто́вый мрак, который ввысь воздвигло,
В истому дня, на синий циферблат.
Б. Л. Пастернак (1917);

2) **багрянец**, багря́нца, в худ. литературе возможно ударение багряне́ц:

Кругом болезнь, упрямые вороны,
Столбы берез, осины **багряне́ц**,
За дымкою мучительный конец,
В молчании томительные стоны.
В. Я. Брюсов (1894–1896).

Необходимо отличать устарелые варианты ударения не только от индивидуально-авторских вариантов, но и от некоторых других языковых фактов. Так, например, у С. А. Есенина читаем:

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается *низко́*.
Старый кот к махотке *кра́дется*
На парное молоко.

Такого рода примеры часто приводят как иллюстрацию диалектных ударений в поэзии С. А. Есенина. Но в данном случае только произношение *низко́* можно рассматривать как диалектное, а *кра́дется* (современная норма *краде́тся*) — является не диалектным, а устарелым общенародным, см. у Н. С. Гумилева:

Ночная мгла несет свои обманы,
Встает луна, как грешная сирена,
Бегут белесоватые туманы,
И из пещеры **кра́дется** гиена.

6. Хочется отметить некоторые особенности, которые отличают новый словарь ударений от ряда аналогичных изданий:

6.1. В словаре широко используются поэтические иллюстрации, с помощью которых удастся верифицировать наличие вариантов ударения. Например: бле́дный; бле́ден, бледна́, бле́дно, бле́дны и бледны́; бледне́е:

На бурый стелется ковер
Полдневный пламень, сух и ясен,
Хрусталь предгорий так прекрасен,
Так **бле́дны** дали серых гор.
М. А. Волошин (1919);

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно **бледны́**.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.
А. А. Ахматова (1960).

В отдельных случаях для подтверждения наличия акцентологических вариантов можно использовать примеры из прозаических текстов, если разное ударение

в словах сопровождается разницей в написании: *обводной* — *обводный* или *на сто́ге* — *на стогóу*:

В полдень лежу **на сто́ге** только что скошенного сена в халате, в туфлях и читаю. *В. П. Катаев* (1980–1981);

То на лужайке она с ним, то **на стогóу**, то солнышко припекает, то звезды мерцают в ночном небе... *Е. А. Шкловский* (1996).

6.2. В словаре используется особая помета *сравни*, которая позволяет сопоставить место ударения в различных грамматических формах однокоренных слов. Такого рода факты часто вызывают затруднения у говорящих, например:

- 1) когда отглагольное прилагательное отличается в месте ударения от соответствующего с ним страдательного причастия прошедшего времени:
мочёный, *прил.* (*ср. прич. от глаг.* мочить — моченный);
мочить, мочóу, мочит; моченный (*ср. прил.* мочёный);
- 2) когда существительное отличается в произношении от мотивированного им наречия:
мёсяц, мёсяца, *мн.* мёсяцы и *допуст.* мёсяцá, мёсяцев, мёсяцам и мёсяцáм (*ср. нареч.* мёсяцáми);
мёсяцáми, *нареч.* (*ср. форму сущ.* мёсяц — мёсяцáми и мёсяцáми);
- 3) когда краткое прилагательное среднего рода отличается в произношении от пишущегося так же наречия или предикатива на -о:
мáло, *нареч., катег. сост.* (*ср. кратк. форму прил.* маленький, малый — малó);
мáленький и мáлый; мал, малá, малó (*ср. нареч. и катег. сост.* мáло), малы́; мёньше.

6.3. В словаре подробно комментируются все возможные случаи появления энклиноменов — безударных знаменательных слов, способных отдавать ударение предлогам или частицам. Приводятся все существительные, числительные и глаголы, способные быть энклиноменами, а также все предлоги и частицы, принимающие на себя ударение. При этом в словаре комментируются следующие ситуации:

- 1) возможны варианты произношения с ударением на предлоге и с ударением на существительном: *на́ берег* и *на бéрег*;
- 2) возможно ударение только на глаголе или только на частице: *формы* был, было, были *в сочетаниях с частицами не и ни произносятся без ударения*: нé был, нé было, нé были; кем бы он нí был, кем бы оно нí было, кем бы они нí были; *форма* была *в сочетании с частицами не и ни произносится с ударением*: не былá, кем бы она ни былá; *в составе вводных конструкций произносится без ударения*: должнó быть, мóжет быть, быть мóжет, стáло быть;
- 3) фразеологизмы, в которых либо фиксируются варианты акцентуации (*úз году в год* и *из гóда в год*), либо ударение падает обязательно на предлог (*бéз году неделя*);

- 4) случаи, когда в языке имеются сочетания форм существительного с предлогом, всегда произносящиеся с ударением на знаменательном слове, и наречия, восходящие к сочетанию предлога с существительным, с ударением на бывшем предлоге (*битва за го́род*, но *уехать за́ город*); отмечаются и случаи, когда существительное или наречие с ударной приставкой восходят к бывшему сочетанию предлога и существительного *предпочитаю за́город*; *разбить на́голову*).

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что новый «Большой акцентологический словарь русского языка» будет построен на современных, научно выверенных принципах кодификации: выявленные в звучащей речи образованных людей при проведении представительных и системных социолингвистических исследований варианты произношения будут обязательно учтены при выработке произносительных рекомендаций. И единственный аргумент, препятствующий приданию узуальному варианту статуса кодифицированного, — нарушение внутриязыковых законов. Все остальные критерии — культурно-историческая традиция, авторитетность «экспертов», речевые навыки и языковой вкус автора словаря и др. — имеют вторичный характер.

Источники

Аванесов (ред.) 1983 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы. Под ред. Р. И. Аванесова / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: Русский язык, 1983. 703 с.

Агеенко, Зарва 2000 — Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва. Словарь ударений русского языка. М.: Рольф, 2000. 816 с.

Введенская 2000 — Л. А. Введенская. Словарь ударений для дикторов радио и телевидения. М.: МарТ, 2000. 352 с.

Еськова (ред.) 2015 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы, изд. 10-е, испр. и доп. Под ред. Н. А. Есковой / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

Касаткин (ред.) 2022 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты, изд. 3-е, испр. и доп. Под ред. Л. Л. Касаткина / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2022. 1024 с.

Резниченко 2008 — Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2008. 944 с.

Резниченко 2018 — Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 кл. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2018. 368 с.

Соловьева 2008 — Соловьева Н. Н. Как сказать правильно? Орфоэпические нормы русского литературного языка. М.: Мир и образование, 2008. 96 с.

Штудинер 2004 — Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.

Штудинер 2016 — Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. М.: Словари XXI века, 2016. 589 с.

Литература

Бромлей С. В. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории языка. М.: Азбуковник, 2010. 755 с.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2012, с. 153–164.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). Норма произношения в узусе и кодификации. М.: ИРЯ РАН, 2021. 247 с.

Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. 1. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 608 с.

Колесов В. В. Русская акцентология. Т. II. СПб., 2010. 524 с.

Крысин Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: Флинта, 2021. 360 с.

Матвеева И. В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска). Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2021. 243 с.

Осипов Б. И. Рец. на: Русский орфографический словарь / Сост. Б. З. Букчина, О. Е. Иванова, С. М. Кузьмина, В. В. Лопатин, Л. К. Чельцова. Отв. ред. В. В. Лопатин. М.: Азбуковник, 1999. XVIII + 1262 с. // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 126–128.

Панов М. В. (ред.). Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968. 212 с.

Пешковский А. М. Избранные труды. М.: 1959. 252 с.

Пожарицкая С. К. Орфоэпия: идея и практика // Язык и речь. Проблемы и решения. Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М., 2004. С. 231–238.

Пожарицкая С. К., Добрушина Е. Р. Орфоэпический взгляд на некоторые варианты явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог-2017». Т. 2. М.: РГГУ, 2017. С. 351–360.

Попова Т. В. Об интерпретации некоторых явлений, характеризующих некодифицированное восточнославянское языковое пространство // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2012. С. 126–152.

M. L. Kalenchuk¹, D. M. Savinov²

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

mkalenchuk@yandex.ru¹

crillon@yandex.ru²

THE CREATION OF A NEW ACADEMIC ACCENTOLOGICAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

There is a need to create a new academic dictionary of accents of the Russian language motivated by the following factors. First, there's been a significant change in the sound structure of the language, the obsolescence of certain accentological recommendations and the emergence of new norms that have not been codified yet. Second, a large number of recently coined words, as well as rare words require lexicographical commentary. Third, some of the existing 'myths' about the place stress in specific words need to be revised. Moreover, there is a need to change the approach to the very process of codification of accentological norms. The authors of the new dictionary of accents are convinced that we must adopt the codification accentological recommendations on the basis of a research procedure founded on sociolinguistic experiments that allow an objective representation of the distribution of stress variants. The accent variants identified in the sounding speech of educated people should be taken into account when developing pronunciation recommendations. All other criteria, cultural and historical tradition, authority of 'experts', speech skills and language taste of the author of the dictionary and society approval, etc.

have a secondary character. Most of the previous orthoepic sources practically ignored the criterion for compliance with the main trends in the development of the language system and for decades preserved outdated traditional orthoepic variants, ignoring the new ones. The article also discusses the criteria for compiling a dictionary, the system of droppings and the use of illustrations that allow verifying the norm. Various aspects of stress codification that distinguish the new dictionary from its analogues are analyzed in detail.

Keywords: lexicography, accentological dictionaries, usage, codification, norm, norm variants.

References

Bromlei S. V. *Problemy dialektologii, lingvogeografii i istorii yazyka* [Problems of dialectology, linguogeography and language history]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 755 p.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. [The linguistic situation in small towns of Russia]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii. Vyp. 15: Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoi i literaturnoi form yazyka v slavyanoyazychnoi srede* [Studies in Slavic dialectology, Issue 15. Features of the coexistence of dialect and literary forms of lan-

guage in the old-language environment]. Ed. L. E. Kalnyn'. Moscow, 2012, pp. 153–164. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (ed.). *Norma proiznosheniya v uzuse i kodifikatsii* [The norm of pronunciation in using and codification]. Moscow, IRYA RAN Publ., 247 p.

Kasatkin L. L. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 1. Moscow, Izdatel'skii Dom YASK Publ., 2017. 608 p.

Krysin L. P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow, Flinta Publ., 2021. 360 p.

Matveeva I. V. *Tipologiya regionalizmov i ikh leksikograficheskaya interpretatsiya (na materiale leksiki g. Novosibirsk)* [Typology of regionalisms and their lexicographic interpretation (based on the vocabulary of Novosibirsk)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2021. 243 p.

Osipov B. I. [Rev.: Russian spelling dictionary. Comp. B. Z. Bukchina, O. E. Ivanova, S. M. Kuz'mina, V. V. Lopatin, L. K. Chel'tsova. Ed. V. V. Lopatin Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. XVIII + 1262 p.]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2001, no. 3, pp. 126–128. (In Russ.)

Panov M. V. (ed.). [Russian phonetics of modern literary language]. *Narodnye govory* [Folk dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 212 p.

Peshkovskii A. M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, 1959. 252 p.

Popova T. V. [On the interpretation of some phenomena characterizing the uncoded East Slavic language space]. *Issledovaniya po slavyanskoi dialektologii. Vyp. 15: Osobennosti sosushchestvovaniya dialektnoi i literaturnoi form yazyka v slavyanoyazychnoi srede* [Issue 15. Features of the coexistence of dialect and literary forms of language in the old-language environment]. Ed. L. E. Kalnyn'. Moscow, 2012, pp. 126–152. (In Russ.)

Pozharitskaya S. K. [Orthoepy: ideas and practice]. *Yazyk i rech'. Problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh trudov k yubileyu professora L. V. Zlatoustovoi* [Language and Speech. Problems and solution. Collection of scientific papers for the anniversary of Professor Zlatoustova]. Moscow, 2004, pp. 231–238. (In Russ.)

Pozharitskaya S. K., Dobrushina E. R. [Orthoepic view on some variant phenomena of the Russian literary language in the era of corpus linguistics]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2017"*. [Computational linguistics and intelligent technologies. Based on the materials of the international conference "Dialogue-2017"]. Vol. 2. Moscow, RGGU Publ., 2017, pp. 351–360. (In Russ.)

Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 168 p.

Н. В. Никитин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

kindnick1999@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье проанализировано лексикографическое отражение произносительных особенностей предлогов в словарях русского языка 2-й пол. XX — нач. XXI вв. Выявлено, что изначально, в XX в., описание *сегментных* фонетических особенностей русских предлогов было поверхностным и во многих необходимых случаях отсутствовало; это было частично исправлено в XXI в., хотя до сих пор некоторые специфические черты фонетического поведения предлогов остаются без внимания в словарях русского языка. В будущем нужно будет отразить в орфоэпическом словаре, например, вариативные реализации конечной твердой согласной фонемы ряда предлогов в позиции перед мягким согласным следующего слова (*бе[з_н']их* или *бе[з'_н']их*, *и[з_в']едра́* или *и[з'_в']едра́*, *и[з_já]мы* или *и[з'_já]мы* и др.), более последовательно описать произношение в предлоге качественно не редуцированного безударного гласного (случаи типа *вн[э] са́да* или *вн[и³] са́да*) и т. д. *Суперсегментные* особенности произношения с 80-х гг. XX в. фиксируются лучше сегментных, и в нач. XXI в. их описание стало подробнее. Примечательно, что, как показывает анализ, в акцентологических словарях просодические особенности предлогов отражены хуже, чем в других орфоэпических словарях, что следует исправить. В целом следующий шаг в этом направлении — конкретизация условий, влияющих на колебания между безударностью и слабоударностью, а также разработка более адекватных литературному узусу словарных рекомендаций.

Ключевые слова: лексикография, орфоэпия, нормы произношения, русские предлоги.

Произносительные особенности служебных слов, в том числе предлогов, представляют для русской орфоэпии особый интерес. И важно не только продолжать изучение этих особенностей, но и адекватно и исчерпывающе фиксировать их в словарях русского языка, в первую очередь орфоэпических. Задачи данной статьи — подробно проанализировать лексикографическое отражение произносительных

особенностей русских предлогов и предложить возможные решения обнаруженных проблем.

Прежде чем перейти к анализу словарей, надо указать основные орфоэпические особенности предлогов [Каленчук 2007; Каленчук 2008; Логинова 2010]:

1) на сегментном уровне:

- а) вариативные реализации конечной фонемы, парной по глухости/звонкости, на стыке предлога и знаменательного слова в позиции перед гласным, сонорным или [в], [в'], за которым следует гласный или сонорный согласный (ме[ж_н]áми или ме[ш_н]áми, ср. и[з_о]кон и скво[с'_в]áс);
- б) вариативные реализации конечной фонемы, парной по твердости/мягкости, в позиции перед мягким согласным (вариантность актуальна только для стыка *непроизводного* предлога и самостоятельного слова: бе[з_н']íх или бе[з'_н']íх, [в_в']éре или [в'_в']éре, и[з_в']едра́ или и[з'_в']едра́, и[з_я]мы или и[з'_я]мы, но только *всле*[т^н_н']яне, *всле*[т_т']ёме);
- в) распространение свистящих реализаций зубных фрикативных /с/, /з/, /з'/ перед переднеязычными:
 - /ш/ и /ж/: [с_ш]áпкой вместо [ш_ш]áпкой, и[з_ж]ивотá вместо и[ж_ж]ивотá,
 - /ч/: бли[с'_ч']áщи вместо бли[ш'_ч']áщи;
- г) реализации гласных фонем качественно не редуцированными или редуцированными безударными гласными звуками (вн[э] са́да или вн[и^э] са́да, в[о]зле до́ма или в[э]зле до́ма);

2) на суперсегментном уровне:

- а) безударные и слабоударные варианты одних и тех же предлогов (*между* на́ми, но *ме́жду* профессорáми);
- б) переход ударения на *непроизводный* предлог в сочетании с некоторыми знаменательными словами и вариативность в этой области (*набросить* плато́к на́ голову и на го́лову).

Подробно эти особенности как таковые в статье анализу не подвергаются — это другая тема, тесно связанная с рассматриваемыми в данной статье вопросами. Тем не менее они неизбежно будут затрагиваться на протяжении всего изложения.

В словник «Орфоэпического словаря русского языка», изданного в 1983 г. под ред. Р. И. Аванесова (ОСРЯ-1)¹, включены как *непроизводные*, так и *производные* предлоги. Сегментные их особенности практически не описываются — если не считать предлога *близ*, на конце которого, вопреки написанию, произносится мягкий согласный, и нескольких других предлогов, для которых даются коммен-

¹ В скобках после названия словаря, года издания и указания автора или редактора дается аббревиатура, которой обозначается данная работа в статье. Для удобства все сокращения перечислены в конце статьи в *источниках*.

тарии только относительно произношения сочетаний согласных в начале или середине слова: *ввиду* — [в^вв]иду́, *возле* — во́[з^лл]е и во́[зл^л]е, *насчёт* — на[щ]ёт, *посредством* — посре́[ц^цтв]ом² и др.

Особое положение занимает предлог *для*, т. к. он сопровождается ссылкой на 171-й параграф теоретической статьи, где сообщается, что (в составе одного фонетического слова) в первом предударном слоге произносится гласный [а], а во втором предударном и далее — [ь]: *для нас* — [дл^ланас], но *для него* — [дльниво́] [ОСРЯ-1: 682]. Однако в словарной статье нет указания на возможную мягкость первого согласного в консонантной группе³ — это связано с тем, что, по мнению авторов, в данной позиции затвор всегда «твердый или полутвердый» [ОСРЯ-1: 672]. Подобное решение кажется излишне категоричным, потому что игнорируется произношение *мягкого* [д^лл'] перед [л'], встречающееся и в современной литературной речи.

Особенности ударения описаны в ОСРЯ-1 гораздо подробнее. Можно условно выделить следующие акцентологические группы предлогов:

- 1) обычно безударные непроезвучивающие предлоги, многие из которых способны «перетягивать» ударение на себя в сочетании с целым рядом существительных и числительных: *до, за, на* и др.;
- 2) предлоги с колебанием в пределах нормы между слабоеударностью и безударностью: *между* и *между*, *среди* и *среди*, *срède* и *срède* (равноправие); *перед* при возможном допустимом произношении *пèред*, *через* при допустимом *чèрез* (перечень полный);
- 3) предлоги со стабильной слабоеударностью: *ввиду*, *кромè*, *около* и др.;
- 4) предлоги — все мотивированные, за исключением немотивированного *ради*⁴, — с регулярным сильным ударением: *благодаря́*, *вопреки́*, *несмотря́* *на, посреди́*, *посре́дством*, *спустя́* и мн. др.

Таким образом, для ОСРЯ-1 характерно довольно внимательное отношение к акцентной несамостоятельности или самостоятельности предлога, причем с разграничением сильного и слабого («полусамостоятельного») ударения, однако сегментная проблематика практически полностью игнорируется, хотя некоторые особенности реализации конечных фонем, парных по глухости/звонкости, затронуты в теоретической статье [ОСРЯ-1: 670]. Тем не менее из словарной статьи предлога *вокруг* читатель не поймет, что в сочетании *вокруг них* следует произносить [к]

² Здесь и далее, когда даются примеры из конкретного словаря, дублируется транскрипция из соответствующего издания, причем с сохранением особенностей написания в оригинале, если таковые присутствуют.

³ Речь идет о колебании [дл^лл'а] и [д^лл'л'а], где имеет место сочетание согласных — латеральной аффрикаты с щелевым боковым [Касаткин 2017: 127]. Возможны и другие фонетические интерпретации словоформ с сочетанием фонем /дл'/ или /(д)л'л'/.

⁴ В статье производность/непроизводность предлога оценивается с точки зрения синхронии, а не диахронии. *Ради* и нек. др. синхронно непроезвучивающие предлоги, например *для*, диахронически являются производными.

перед [н'] (то же относится и к предлогам *близ, напротив, против, сквозь* — конечная фонема во всех этих предлогах, по мысли составителей, ведет себя как на конце самостоятельного слова).

Принцип же, которым руководствовались авторы ОСРЯ-1 при распределении предлогов по четырем названным акцентологическим группам (деление условное — в словаре его в таком виде нет), не совсем ясен. С одной стороны, понятно, что предлоги, содержащие три и более слога, обычно носители сильного ударения, то есть входят в четвертую группу (но не *около* или *из-подо*), а почти все непроизводные предлоги — в первую. Но как разграничить группы 2 и 3? Например, почему предлог *между*, по мнению авторов, испытывает колебания (*между* и *между*), а предлог *меж* всегда надлежит произносить со слабым ударением — *меж*? Неясно и то, почему непроизводный предлог *ради* нужно произносить с сильным ударением (4-я группа), а *мимо, против* и даже *около* (трехсложный предлог!) — со слабым. Даже если исходить из представления о том, что отсутствие качественной редукции гласного — признак его ударности (критику такого подхода см. в работе [Каленчук, Касаткина 1993]), остается непонятным, на каком основании утверждается, что *ради* произносится именно с сильным, а не со слабым ударением (ведь *около*, как уже было сказано, относится в словаре к группе 3); в случае же с предлогом *меж* встречается и произношение [и³], как и в *между*, поэтому, если придерживаться такой логики, здесь тоже ожидаема вариантность (*меж* и *меж*)⁵.

В «Орфоэпическом словаре русского языка», изданном в 2015 г. под ред. Н. А. Еськовой (ОСРЯ-10), детальнее проработан грамматический аспект описания предложной лексики: были добавлены сведения о сочетаемости предлогов с личными местоименными формами на *н'*- (*рад ему*, но *подойду к нему*) и отрицательными местоимениями (*никем*, но *ни с кем*), об условиях распределения вариантов типа *без/безо, к/ко, под/подо* и пр., о падеже, с которым употребляется предлог, а также в грамматической статье появился отдельный раздел, посвященный предлогам [ОСРЯ-10: 1002–1006]. Напротив, в отношении орфоэпии — в узком смысле этого термина, которого придерживались А. А. Реформатский, М. В. Панов, Л. Л. Касаткин и др., — можно заметить небольшой регресс при сравнении ОСРЯ-1 с ОСРЯ-10: во-первых, убрана теоретическая статья, в которой ранее читатель мог найти дополнительные сведения о произношении предлогов, все равно немногочисленные даже с учетом этой статьи⁶; во-вторых, в связи с тем, что авторы отказались в ряде случаев от градации произносительных вариантов по шкале нормативности, стали беднее предписания, предлагаемые словарем (так, в последнем издании варианты *вд[з³л³]*e*, *вд[зл³]*e* просто даются как литературные — без указания на их равноправие или неравноправие).**

⁵ Возможно, составители считали, что там всегда произносится гласный [э] без качественной редукции, а в таком случае он, по их мнению, обязательно ударен — [э̌] [ОСРЯ-1: 682].

⁶ Поэтому описание предлога *для* оказалось обедненным — отмечено только, что он безударный.

Иной подход представлен в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» 2017 г. под ред. Л. Л. Касаткина (БОС-2) — описание акцентуации предлогов стало дифференцированное и логичнее:

- а) во-первых, колебания между безударностью и слабударностью (подробнее об этом см. ниже) отражены последовательно, в частности не повторяется ошибка ОСРЯ-10, когда, в соответствии с прескрипцией, нужно произносить *мѐж*, но верно как *мѐжду*, так и *между*;
- б) во-вторых, в неявной форме сообщается, отчего зависит безударность/слабударность предлога (например, *вокруг дóма*, но *вокруг заповѣдника*). (Но в словарных статьях, к сожалению, прямо не говорится, что речь идет о расстоянии до следующего ударного слога.)

Отмечается, кроме того, возможность акцентного выделения предлога при определенных условиях во фразе, хотя эта информация уже кажется избыточной, поскольку едва ли не любое слово может быть произнесено с акцентным выделением (логическим ударением). Более того, акцентное выделение существует в пределах целой фразы или по крайней мере синтагмы, однако орфоэпический словарь обычно ориентируется на произношение отдельных словоформ или — в некоторых случаях — фонетических слов, но не синтагм и фраз: подобное описание значительно и неоправданно усложнило бы лексикографическое издание, рассчитанное не только на специалистов.

Говоря об акцентологии, важно прокомментировать термин *дополнительное ударение* — он используется в статьях предлогов вместо термина *слабое ударение*. Это весьма неоднозначное решение: прилагательное *дополнительный* ничего не сообщает о силе описываемого ударения, в то время как слово *слабый* подчеркивает, что выделенность слога, на который падает такое ударение, ниже, чем у слога под *сильным ударением*. Л. Л. Касаткин, научный редактор словаря, описывал первое ударение в сочетаниях типа *мѐжду парламѐнта́рными* как слабое, тогда как дополнительным, или побочным, он называл ударение, возникающее «наряду с основным» и стоящее «ближе к началу слова»: *вòдонепроница́емый*, *дѐлопроизводи́тель* и т. д. [Касаткин 2006: 75–76]. Если разделять такой подход, то в словарных статьях, посвященных предлогам, следует писать как раз о слабом ударении, а не о дополнительном. В то же время вследствие не вполне ясной природы слабого ударения, может быть, имеет смысл в принципе не уточнять в словаре его силу.

Реализациям конечной фонемы, парной по глухости/звонкости, тоже уделено внимание в БОС-2: теперь эта проблема отражена в рамках словарной статьи (см. образцы ниже). Однако использовать формулировки «в некоторых позициях» и «в остальных позициях», поясняемые только примерами, представляется нецелесообразным: непрофессиональными читателями такие обороты поняты, скорее всего, не будут. Да и даются эти комментарии не во всех случаях, когда они необходимы (см. ст. *меж*, *против*).

Разработке подверглось отражение факультативного произношения безударного и при этом качественно не редуцированного гласного: можно сказать как *в[о]зле*, так и *в[э]зле* (*нас*), как *вн[э]*, так и *вн[и^е]* (*дома*). Впрочем, в части статей по каким-то причинам ничего о произношении качественно не редуцированного гласного не сообщается (*сверх* и др.).

Вдобавок ко всему в БОС-2 присутствует теоретическая статья, что выгодно отличает его от ОСРЯ-10: здесь можно найти дополнительные сведения о гласных в клиниках, в том числе предложных [БОС-2: 976]. Поэтому «восстановлено» особое положение предлога *для*: в его словарной статье есть ссылка к 17-му параграфу раздела «Орфоэпические правила», где описаны (причем гораздо более адекватно произносительному узусу, чем это сделано в ОСРЯ-1) особенности реализации фонемы /а/ в *для* [БОС-2: 976–977]. С другой стороны, в орфоэпических правилах нет информации об особенностях реализации конечной согласной фонемы в предлогах типа *против*, так что читатель даже с помощью этой статьи не узнает, что скрывается за недостаточными формулировками, упомянутыми выше: о каких «некоторых позициях» идет речь?

Сопоставляя ОСРЯ-10 и БОС-2, нетрудно заметить, что в последнем словаре никак не комментируется употребление так называемых припредложных форм личных местоимений. Это понятно: Л. Л. Касаткин и его коллеги исходили из более узкого понимания орфоэпии — как совокупности *произносительных* норм (и то не всех, а только тех, что испытывают колебания), куда, разумеется, не входят нормы *морфологические*. Сочетаемость с предлогами основ личных местоимений *j-* и *n'-* — это тоже важный вопрос, заслуживающий лексикографического отражения, однако именно в орфоэпическом словаре данную тему освещать, вероятно, не сто́ит.

В то же время возможен гибрид орфоэпического и грамматического словаря, что соответствует тенденции создавать комплексные лексикографические издания. Таким гибридом, в сущности, и является ОСРЯ-1 (и его продолжение ОСРЯ-10): сама идея включать в орфоэпию морфологические нормы спорна, потому что стирается теоретически важная грань между произносительными и грамматическими нормами, но попытки объединять в одном издании сведения о грамматике и орфоэпии довольно перспективны и, как показала практика, удачны: ОСРЯ стал классическим словарем, переиздававшимся десятилетиями.

Примечательно, что роднит все три издания полное игнорирование в словарных статьях отклонений от литературной нормы (а возможно, новых ее вариантов) типа *бе[с_ш]áпки*, *и[з_ж]áла*, *[с_ч']áшей*, вопреки тому что эти явления нужно отражать в словарных статьях соответствующих предлогов. При этом, например, в БОС-2 аналогичные сочетания на стыке приставки и корня в основной части словаря описаны: *бе[жж]íзненный*, но не рекомендуется *бе[зж]íзненный*; *бе[шш]úмный*, но не рекомендуется *бе[сш]úмный*; *бе[ш'ч']еловéчный* и *бе[ш'ш']еловéчный*, но не рекомендуется *бе[сч']еловéчный*; в ОСРЯ-1 и ОСРЯ-10 ситуация иная — комментируются только слова типа *бесчеловечный* (но не *безжизненный*

или *бесшумный*). Проигнорировано и произношение непроемных предлогов с согласным на конце в тех случаях, когда подобный предлог предшествует слову, начинающемуся с мягкого согласного, и когда наблюдаются колебания в реализации конечной фонемы предлога: в словарных статьях *без*, *под* и пр. подобных единиц нет указаний на соотношение вариантов типа *бе[з_н']и́х* и *бе[з'_н']и́х*, *по[д_н']и́ми* и *по[д'_н']и́ми*; *и[з_в']едра́* и *и[з'_в']едра́*, *о[т_в']ётра* и *о[т'_в']ётра*; *[в_в']ére* и *[в'_в']ére*, *по[д_д']éревом* и *по[д'_д']éревом*; *[с_já]мой* и *[с'_já]мой* и т. д. Такого рода сочетания тоже необходимо фиксировать в орфоэпическом словаре, т. к. *здесь представлена вариантность в пределах одного фонетического слова, а ее следует отражать в орфоэпическом словаре*⁷. Важно заметить, что в теоретической статье ОСРЯ-1 эти случаи упоминаются [ОСРЯ-1: 671].

Существенно, что во всех трех источниках описываются предложно-падежные группы *ударный предлог + энклимен*, когда предлог оказывается ударным, а имя — безударным.

Таблица ниже призвана показать в наглядной форме эволюцию описания предлогов в орфоэпических словарях русского языка. Необходимо отметить, что во всех трех изданиях некоторые наречные (или отыменные — в зависимости от подхода) предлоги сопровождаются отдельной статьей для омонимичного наречия, так что во многих ячейках даются две словарные статьи.

Табл. 1. Сравнение словарных статей из ОСРЯ-1, ОСРЯ-10 и БОС-2

ОСРЯ-1	ОСРЯ-10	БОС-2
близ [блй̆с ^b], предлог Δ Произносится со слабым удар.	близ [блй̆с ^b], предлог с род. п. Δ Произносится со слабым удар. ✉ Требуется употр. припредложных форм, см. § 37 Близ него́. Близ неё. Близ них	БЛИЗ , предлог, может произноситься без ударения или с дополнительным ударением: близ до́ма, близ запо́ведника; может быть выделен сильным ударением при определённых условиях во фразе: Они мечтали поселиться неподалёку от моря и нашли дом б́лиз него́ \ \ [б́]лиз; произносится со звуком [з'] на конце в некоторых позициях: бли [з'] ѓорода, бли [з'] взлётной по́лосы; в остальных позициях произносится [с']: близ о́стровов — бли [с'] о́строво́в; близ ле́са — бли [с'] ле́са; близ водо́й — бли [с'] водо́й, близ са́да — бли [с'] са́да; (! неправ. бли[с], бли[з]).

⁷ Возможно возражение, что в задачи орфоэпического словаря не входит отражение особенностей произношения сочетаний слов и что, следовательно, указанные особенности не следует описывать в этих изданиях: они должны ориентироваться на изолированное произнесение словоформ. Это замечание несправедливо: дело в том, что непроемные предлоги обычно являются клитиками (точнее — проклитиками), составляя с хостом одно фонетическое слово, поэтому странно игнорировать орфоэпические колебания, связанные с сочетаемостью предлога-клитки с различными единицами. Вариантность в орфоэпическом словаре должна отражаться на уровне не просто слова, а *фонетического слова*.

ОСРЯ-1	ОСРЯ-10	БОС-2
<p>во́зле [з^бл^б и зл^б], нареч.</p> <p>во́зле [з^бл^б и зл^б], предлог Δ Произносится со слабым удар.</p>	<p>во́зле [з^бл^б, зл^б], нареч. Пока отец говорил по телефону, сын стоял во́зле</p> <p>во́зле [з^бл^б, зл^б], предлог Δ Произносится со слабым удар. \boxtimes Требуется употреб. припредложных форм, см. § 37 Во́зле него́. Во́зле неё. Во́зле них</p>	<p>ВО́ЗЛЕ, нареч. $\backslash \backslash$ во[з']ле и допуст. <i>младш.</i> во[з]ле.</p> <p>ВОЗЛЕ, предлог; может произноситься без ударения или с дополнительным ударением: <i>возле</i> до́ма, <i>во́зле</i> заповедника; может быть выделен сильным ударением при определенных условиях во фразе: Он живёт вовсе не далеко от станции, а во́зле неё $\backslash \backslash$ в[о]зле и в[э]зле; во[з']ле и допуст. <i>младш.</i> во[з]ле.</p>
<p>вокру́г, нареч.</p> <p>вокру́г, предлог Δ Произносится со слабым удар.</p>	<p>вокру́г, нареч. Вокру́г полное безлюдье</p> <p>вокру́г, предлог с род. п. Δ Произносится со слабым удар. \boxtimes Требуется употреб. припредложных форм, см. § 37 Вокру́г него́. Вокру́г неё. Вокру́г них</p>	<p>ВОКРУ́Г, нареч., напр.: Посмотри вокру́г.</p> <p>ВОКРУГ, предлог; может произноситься без ударения или с дополнительным ударением: <i>вокруг</i> до́ма, но вокру́г заповедника; может быть выделен сильным ударением при определенных условиях во фразе: Они бегали не по стадиону, а вокру́г него́ $\backslash \backslash$ Произносится со звуком [г] на конце в некоторых позициях: <i>вокру[г]</i> до́ма, <i>вокру[г]</i> вдовы́; в остальных позициях произносится [к]: <i>вокру[к]</i> о́зера; <i>вокру[к]</i> маши́ны; <i>вокру[к]</i> вору́т, <i>вокру[к]</i> са́рая.</p>
<p>для, предлог Δ Произносится без удар., см. § 171</p>	<p>для, предлог с род. п. Δ Произносится без удар. \boxtimes Требуется употреб. припредложных форм, см. § 37 Для него́. Для неё. Для них</p>	<p>ДЛЯ, предлог, произносится без ударения, напр.: <i>для</i> ва́с, <i>для</i> тебя́ $\backslash \backslash$ [д']ля и допуст. <i>младш.</i> [д]ля; о произношении гласного в этом предлоге см. § 17.</p>
<p>ме́ж, предлог Δ Произносится со слабым удар.</p>	<p>меж, предлог с тв. и род. п. Δ Произносится со слабым удар. \square То же, что <i>между</i> (устар.) \boxtimes Требуется употреб. припредложных форм, см. § 37 Ме́ж ним и не́ю. Ме́ж них. Ме́ж ними</p>	<p>МЕЖ, предлог, может произноситься без ударения или с дополнительным ударением: <i>меж</i> на́ми, <i>ме́ж</i> конкурента́ми; может быть выделен сильным ударением при определенных условиях во фразе, напр.: Его смущало постоянное нахождение не рядом с ними, а ме́ж ними.</p> <p>При этом в теоретической статье колебания [ш] — [ж] в этом предлоге отмечены.</p>
<p>ме́жду и между, предлог Δ Произносится со слабым удар. или без удар. ! <i>неправ.</i> <i>между́</i></p>	<p>ме́жду и между, предлог с тв. п. и (устар.) с род. п. Δ Произносится со слабым удар. или без удар. \boxtimes Требуется употреб. припредложных форм, см. § 37 Ме́жду ним и не́ю. Ме́жду них. Ме́жду ними ! <i>неправ.</i> <i>между́</i></p>	<p>МЕЖДУ, предлог, может произноситься без ударения или с дополнительным ударением: <i>между</i> на́ми, <i>ме́жду</i> парламе́нта́риями; может быть выделен сильным ударением при определенных условиях во фразе, напр.: При испытаниях важно попасть не в самую струю газа, а ме́жду струями.</p>

ОСРЯ-1	ОСРЯ-10	БОС-2
напрóтив , нареч.; предлог	напрóтив¹ , нареч. Он живёт в доме напрóтив напрóтив² , предлог с род. п. ☑ Требуется употр. припредложных форм, см. § 37 Напрóтив него. Напрóтив неё. Напрóтив них	Словарная статья отсутствует.
óколо , нареч. òколо , предлог △ Произносится со слабым удар.	óколо , нареч. Она совсем одна, никого нет óколо òколо , предлог с род. п. △ Произносится со слабым удар. ☑ Требуется употр. припредложных форм, см. § 37 Óколо него́. Óколо неё. Óколо нѝх	Словарная статья отсутствует. Есть только приставка <i>около-</i> .
прóтив , предлог △ Произносится со слабым удар.	прóтив , в знач. сказ. □ Выражение несогласия (в разг. речи) Мы прóтив! прóтив , предлог с род. п. △ Произносится со слабым удар. ☑ Требуется употр. припредложных форм, см. § 37 Прóтив него. Прóтив неё. Прóтив них	ПРОТИВ , предлог, может произноситься без ударения или с дополнительным ударением, напр.: против дóма, но прóтив заграждéния; может быть выделен сильным ударением при определённых условиях во фразе: прóтив этого предложéния никто не выступил.
ра́ди , предлог	ра́ди , предлог с род. п. ☑ Требуется употр. припредложных форм, см. § 37 Ра́ди него. Ра́ди неё. Ра́ди них.	Словарная статья отсутствует.
сквóзь , предлог △ Произносится со слабым удар.	сквóзь , предлог с вин. п. △ Произносится со слабым удар. ☑ Требуется употр. припредложных форм, см. § 37 Сквóзь него́. Сквóзь неё. Сквóзь них	Словарная статья отсутствует, но на 976-й странице этот предлог фигурирует в примерах Л. Л. Касаткина: <i>сквóзь лес</i> — [сквос' -л'эс].

В данной таблице словарные статьи воспроизведены точно. Заметим, что пропущенное указание на падеж в статье *возле*, отсутствие грависа в заголовочном слове *меж* и др. в ОСРЯ-10, а также не совсем последовательное оформление в БОС-2 — ошибки, допущенные в самих изданиях.

ОСРЯ-1 (ОСРЯ-10) и БОС-2 представляют собой два важных шага в развитии орфоэпического описания русских предлогов: первый словарь стал прорывом в этой области, в то время как второй значительно углубил то, что было разработано

в ОСРЯ-1 (ОСРЯ-10). Однако есть еще несколько работ, которые стоит прокомментировать.

В первую очередь нужно отметить словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова 1960 г. (РЛПУ). Следующий за ним ОСРЯ-1 во многих отношениях похож на своего предшественника, однако есть серьезные отличия:

- 1) в РЛПУ большинство непроемных предлогов не описывается отдельными словарными статьями: *без/безо, до, на, по, под/подо, у* и др.;
- 2) не отражены особенности реализации гласной фонемы в предлоге *для* — ни в словарной, ни в теоретической статье;
- 3) в целом для этого словаря-справочника характерно то же деление на акцентологические группы, что и для ОСРЯ-1 (см. выше), тем не менее и здесь имеются ощутимые отличия:
 - а) в связи с отсутствием отдельных словарных статей для большинства непроемных предлогов сочетания *ударный предлог + энклиномен* фиксируются только в словарных статьях имен;
 - б) вторая группа предлогов (с колебаниями) представлена только тремя единицами: *через, между, перед*, при этом варианты не оценены по нормативной шкале, принятой в издании (используется союз *или*);
 - в) количество предлогов со стабильной слабуюдарностью гораздо меньше — всего два: *около* и *перед*.

Как можно заметить, данное издание представляет интерес с точки зрения истории лексикографии: он стал предтечей ОСРЯ-1, в котором была исправлена часть ошибок старого словаря-справочника и более полно были описаны предлоги и который смог вывести на новый уровень лексикографическое отражение произносительных особенностей русских предлогов, причем основы этого описания были заложены именно в РЛПУ. Таким образом, рассмотренные три работы — РЛПУ, ОСРЯ-1 (ОСРЯ-10), БОС-2 — естественно продолжают друг друга, поэтому здесь можно видеть определенную лексикографическую преемственность.

В «Русском словесном ударении» М. В. Зарвы 2001 г. (РСУ) из непроемных предлогов отдельно описываются только *изо, между* и *перед/передо*, а произносительных предлогов отражено больше (*ввиду, взамен, кругом, путём* и др.), но совершенно непонятен принцип, которым руководствовался составитель при формировании предложного словника. В РСУ различается сильное и слабое ударение — и не было найдено ни одного случая, когда в основной части словаря было бы указание на слабуюдарность предлога, хотя то, что предлог может быть выделен слабым ударением, отмечается во вступительном разделе [РСУ: 15]. Сочетания с энклиноменами зафиксированы, однако автор всегда выбирает в качестве литературного только один вариант — даже тогда, когда норма как минимум диспозитивна (*по мосту* в ст. *мост* и др.). Исключение здесь составляют, пожалуй, случаи, когда на выбор акцентологического варианта влияет семантика (см. ст. *море*).

В «Словаре образцового русского ударения» М. А. Штудинера, вышедшем в 2004 г. (СОРУ), были обнаружены следующие предлоги: *кругом, между, окрест, поверх, поперёк, посередь*. Слабоударность не отмечена. Сочетания с энклиноме-нами фиксируются, как и в работе М. В. Зарвы, в статьях имен.

В «Словаре ударений русского языка» И. Л. Резниченко 2017 г. (СУРЯ), в противовес предыдущим изданиям, не было найдено *ни одной словарной статьи*, посвященной предлогу. В некоторых статьях имен отражены сочетания *ударный предлог + энклиномен*, причем с учетом колебаний в пределах литературной нормы (см., например, числительные *пять, семь*, существительное *голова*¹). Колебания между безударностью и слабоударностью у предлогов не освещаются, несмотря на то что это, безусловно, относится к области акцентологии и заслуживает описания в словаре ударений.

Любопытно отметить следующую особенность СУРЯ: И. Л. Резниченко активно цитирует стихотворные тексты, содержащие описываемые слова, в частности для того, чтобы проиллюстрировать диспозитивные нормы (см., например, ст. *волочить(ся)*). Это относится и к сочетаниям ударного предлога с энклиноме-ном (ст. *дом*). Такое решение представляется весьма удачным — в будущем в акцентологическом словаре можно попробовать распространить этот принцип на все известные случаи уже *устарелых* вариантов ударения на предлоге, то есть отразить их в словаре с соответствующей пометой и сопроводить поэтическим примером. Существенно, что и это попробовала сделать И. Л. Резниченко (ст. *цель*), однако описаны далеко не все случаи подобного рода.

Еще одно лексикографическое издание, в котором уделено внимание орфоэпическому описанию предлогов, — «Словарь структурных слов русского языка» под ред. В. В. Морковкина, вышедший в 1997 г. (СССРЯ) и, в отличие от предыдущих работ, не являющийся орфоэпическим словарем. В нем каждое заголовочное слово транскрибируется *полностью*, что неизбежно приводит к отражению произносительных норм, только сделано это не слишком удачно по следующим причинам:

- а) фиксируя особенности реализации конечной согласной фонемы, парной по глухости/звонкости, авторы в ряде случаев смешивают орфоэпию и фонетику: наряду с *сквозь* [skvos' {skvos'/skvoz'}] и *близ* [bl'is {bl'is/bl'iz/bl'ьs/bl'ьz}] есть *без* [b'es {b'is/b'iz/b'ьs/b'ьz}] с *безо* [b'ezy {b'ьzl/b'ьзь}] и *из* [is {is/iz}] с *изо* [izo {izl/izь}], хотя в этом отношении первая пара предлогов принципиально отличается от второй;
- б) акцентная проблематика проработана менее подробно, чем в ОСРЯ-1, ОСРЯ-10 и БОС-2, — проигнорированы слабоударность (то есть нет разграничения сильного и слабого ударения) и колебания между безударностью и слабоударностью;
- в) кажется неоправданным решение взять за основу международный алфавит IPA, но при этом вносить в транскрипцию дополнительные символы, избыточные для этой системы (так, используется [ъ], хотя есть [э]), и безосновательно придавать уже имеющимся в IPA знакам иное значение

(велярный [x], например, обозначается как [h]); это не дает возможности свободно пользоваться транскрипциями тем иностранцам, которые овладели ПРА, но не кириллической транскрипцией, и одновременно затрудняет понимание непрофессиональному русскому читателю, которому удобнее было бы работать с традиционной транскрипцией на основе кириллицы.

В то же время, как ни странно, поскольку авторы полностью транскрибируют заголовочные единицы, получилось подробнее по сравнению с РЛПУ и ОСРЯ-1 (ОСРЯ-10) отразить произношение безударных [о] и [э], например: *вдоль* — [vdolʲ], *сверх* — [s(sʹ)vʲerh], *сквозь* — [skvosʲ]. К сожалению, это прогрессивное движение несколько затемняется регрессом в других отношениях. В словаре, ориентированном на комплексное описание структурных слов⁸, представляется востребованным более корректное и глубокое отражение орфоэпических особенностей соответствующих единиц.

Нельзя обойти вниманием «Реестр русских предложных единиц», изданный под ред. М. В. Всеволодовой в 2018 г. (РРПЕ). Сами авторы называют эту работу *реестром* («это еще не собственно словарь» [РРПЕ: 3]), однако это не имеет принципиального значения в контексте предлагаемого анализа: важно, что книга устроена как словарь, по сути являясь предварительным его вариантом, структурированным по алфавиту, и что в ней отражаются предложные единицы (далее — ПЕ), включая предлоги⁹. В описании ПЕ есть отдельная часть, которая могла бы быть посвящена особенностям произношения предлогов: третий пункт в атрибуции ПЕ назван «просодические и фонетические характеристики» [РРПЕ: 5]. Впрочем, в действительности этот пункт находится за пределами авторского внимания; так, нет никаких комментариев к произношению предлогов *близ*¹⁰, *вне*, *возле*, *вокруг* (в реестре представлены только ПЕ на А–В), хотя каждый из них крайне любопытен с точки зрения фонетики. Необходимо также заметить, что название *просодические и фонетические характеристики* нуждается в пересмотре: во-первых, просодические (или суперсегментные, или супрасегментные) характеристики — частный случай фонетических¹¹; во-вторых, возможно, имеет смысл по-другому взглянуть на данную часть статьи ПЕ (и соответствующим образом переименовать ее) — попробовать отразить не фонетические характеристики вообще, а только те из них, которые испытывают колебания, причем с оценкой этих колебаний. Иначе говоря, в будущих выпусках РРПЕ (если они планируются) лучше сделать эту часть орфоэпической в узком смысле слова.

⁸ То же верно и для словарей *служебных* слов.

⁹ Предложная единица (ПЕ) для М. В. Всеволодовой и ее коллег — это единица, выполняющая функцию предлога. ПЕ можно разделить на два подкласса: собственно предлоги и эквиваленты предлога.

¹⁰ Правда, авторы отмечают вариант *близь* и дают его в другой зоне атрибуции ПЕ. Это решение спорно.

¹¹ Так что синтагма *просодические и фонетические характеристики* аналогична сочетаниям *суффиксы и морфемы*, *хирурги и врачи* и пр.

Теперь, рассмотрев сами проблемы, можно перейти к возможным путям их решения. В качестве основы будет использована статья из БОС-2:

(А) **ВОКРУГ**, *предлог; может произноситься без ударения или с дополнительным ударением*: вокруг дóма, но вокруг заповéдника; *может быть выделен сильным ударением при определенных условиях во фразе*: Они бегали не по стадиону, а вокрúг него́ \\ Произносится со звуком [г] на конце в некоторых позициях: *вокру[г] дóма, вокру[г] вдовы́*; в остальных позициях произносится [к]: *вокру[к] óзера; вокру[к] маши́ны; вокру[к] ворóт, вокру[к] сарáя.*

Была предпринята попытка усовершенствовать эту статью следующим образом:

- а) уточнено, от каких условий зависит наличие или отсутствие слабого ударения;
- б) *с дополнительным ударением* заменено на *со слабым ударением*;
- в) удален комментарий, посвященный акцентному выделению;
- г) объяснено, что подразумевается под «некоторыми позициями».

(Б) **ВОКРУГ**, *предлог; может произноситься без ударения или со слабым ударением в зависимости от расстояния до следующего ударного слога*: вокруг дóма, но вокрúг заповéдника \\ Произносится со звуком [г] на конце перед звонким шумным согласным следующего слова, кроме [в] и [в'], за которым следует гласный или сонорный согласный: *вокру[г] дóма, вокру[г] вдовы́*; в остальных позициях произносится [к]: *вокру[к] óзера; вокру[к] маши́ны; вокру[к] ворóт, вокру[к] сарáя.* (Подчеркнуты измененные формулировки.)

При необходимости отмечаются колебания. К тому же важно изучить и затем отразить в словаре, как именно меняется вероятность появления слабого ударения в зависимости от расстояния до ударного гласного (*вокруг ма́мы, вокруг меня́, вокруг заповéдника, вокруг профессо́ров*). Определенные попытки выявить закономерности в этой области уже предприняты [Каленчук 2008].

Можно подумать над переносом сведений об ударении в «зону звуковых реализаций орфоэпем» (за знак \\), потому что, с точки зрения составителей, орфоэпема — «варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы и варьирующееся в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова место ударения» (точнее, все это «образует орфоэпему» [БОС-2: 959]). Следовательно, колебания между [у] и [ú] в одном и том же слове должны описываться вместе с другими орфоэпемами, а не отдельно от них.

Более того, в статьях орфоэпического словаря должно последовательно отражаться произношение качественно не редуцированного безударного гласного или же колебания типа [о] — [a°] — [э] и [э] — [и°]. Так, статья *против* из БОС-2 (первым приводится изначальный вариант) может быть доработана так (с учетом всех предложений):

(В) **ПРОТИВ**, *предлог, может произноситься без ударения или с дополнительным ударением, напр.:* против дóма, но прóтив заграждéния; *может быть выделен сильным ударением при определённых условиях во фразе*: прóтив этого предло́жения никто не выступил.

(Г) **ПРОТИВ**, *предлог* \ \ Может произноситься без ударения или со слабым ударением в зависимости от расстояния до следующего ударного слога: *против дóма*, но *прòтив заграждéния*; произносится со звуком [в] на конце перед звонким шумным согласным следующего слова, кроме [в] и [в'], за которым следует гласный или сонорный согласный: *проти[в] дóма*, *проти[в] вдовы́*; в остальных позициях произносится [ф]: *против[ф] óзера*; *против[ф] маши́ны*; *против[ф] ворóт*, *против[ф] сара́я*; **пр[о]тив** (и **пр[э]тив?**).

Возможно, стоит обратить внимание на некоторые замечания И. М. Логиновой, которые были сделаны в статье [Логинова 2010], выполненной в рамках проекта под руководством М. В. Всеволодовой. Многие из них нерелевантны для орфоэпического словаря и явно выходят за пределы заявленных автором предпосылок фонетического (sic!) описания предлогов, поскольку они объясняются грамматикой: варианты *из/изо*, *под/подо* и *пр. хоть* и «вызваны фонетическими изменениями», но синхронно наличие или отсутствие /o/ у таких предлогов в целом относится к морфологии и в ряде случаев явно зависит от грамматических условий (см. подробнее [ОСРЯ-10: 1003–1004]); повтор предлога — особенность грамматическая, а не фонетическая (*у нашего у друга* и т. д.), как и «регулярные сочетания предлогов в парах» (*из края в край*, *по пояс в воду* и пр.); для описания в словаре не годятся указания на явно позиционные чередования, которые в рамках фонетического словарного описания предлагает, вслед за М. В. Всеволодовой, отражать И. М. Логинова¹². Но для орфоэпического описания интересны уже указанные выше особые, несвойственные позиции внутри слова реализации фонем и мена твердого на мягкий перед мягким согласным и зубного щелевого на передненебный перед передненебными /ш/, /ж/ или /ч/, т. к. здесь есть колебания: *бе[з_н']и́х* и допуст. старш. *бе[з'_н']и́х*, *бе[ш_ш]и́пки*, но (спорно) не рек. *бе[с_ш]и́пки* и др. Однако в противовес И. М. Логиновой стоит заметить, что это заслуживает отражения именно из-за наличия колебаний и что эти случаи разительно отличаются от чисто позиционных чередований (у автора статьи все эти чередования даются вместе, без дифференциации фонетики и орфоэпии).

Любопытно, что в теоретической статье БОС-2 отступления от чередования зубной — передненебный отмечены, при этом утверждается: «Произношение свистящих согласных в конце приставок и предлогов перед следующими шипящими (*ра[з]жа́ть*, *[з]же́чь*, *бе[с]и́шумный*, *[с]чи́тывать*, *бе[с]счёта*, *и[з]же́сти*, *бе[с]ци́тá*) не рекомендуется...» [БОС-2: 1007]. Даже если такой категорический ком-

¹² Не совсем ясно, зачем в принципе подробно отражать «произносительные варианты» предлога в каком бы то ни было словаре в тех случаях, когда они целиком и полностью обусловлены позиционными чередованиями, — это избыточно и загромождает описание. Так, человек, освоивший литературный язык, вряд ли испытает затруднения с произношением *под* в предложно-падежной группе *под фартуком* [па'т_фа́ртукэм]: здесь реализации фонем /o/ и /д/ закономерно вытекают из общих для ядра русской лексики парадигматических законов.

ментарий справедлив¹³, то в словарной статье все равно надо фиксировать произношение свистящего, только с запретительной пометой *не рек*.

Отражать в рамках словарной статьи нужно и упоминавшиеся ранее различные реализации конечной фонемы, парной по твердости/мягкости, в позиции перед мягким согласным, если предлог непроемный: *бе[з_н']их* и допуст. старш. *бе[з'_н']их* и т. д.

Важно отметить, что если лексикограф разделяет позицию Е. В. Урысон относительно предлогообразных наречий (*вокруг* — в их числе), то необходимо будет объединить статьи предлога и наречия¹⁴. Тогда может получиться следующее:

(Д) **ВОКРУ́Г**, наречие \ \ Употребляясь предложно (или в функции предлога и т. д.), может произноситься без ударения или со слабым ударением в зависимости от расстояния до следующего ударного слога: *вокруг до́ма*, но *вокруг запове́дника*; произносится со звуком [г] на конце перед звонким шумным согласным следующего слова, кроме [в] и [в'], за которым следует гласный или сонорный согласный: *вокруг[г] до́ма*, *вокруг[г] вдовы́*; в остальных позициях произносится [к]: *вокруг[к] о́зера*; *вокруг[к] маши́ны*; *вокруг[к] вора́т*, *вокруг[к] сара́я*.

Кроме того, в статью «Орфоэпические правила», помещенную после основной части словаря, при (возможном) переиздании следует добавить сведения об особенностях произношения предлогов. В БОС-2 они крайне малочисленны — их там почти нет.

Необходимо также решить вопрос о последовательном транскрибировании предлогов в словарях, ориентированных на исчерпывающее описание единиц, входящих в их состав. Выше был проанализирован СССРЯ В. В. Морковкина: в нем идея полностью транскрибировать заголовочные слова оказалась реализованной не вполне удачно. Разумеется, можно разработать упрощенную транскрипцию, рассчитанную на широкую аудиторию, и последовательно применить ее ко всем единицам, входящим в словник того или иного лексикографического издания, однако в случае с русским языком так поступать нерационально: многие звуки легко определяются по буквам, которыми записывается словоформа, и по ударению¹⁵.

¹³ Сомнения в категоричности формулировки возникают еще и потому, что речь идет обо всех предложениях без учета их мотивированности, хотя даже без экспериментов понятно, что конечная согласная фонема в предложениях *без* и *в противовес* будет вести себя по-разному перед шипящим.

¹⁴ Е. В. Урысон не разделяет точку зрения, согласно которой в высказываниях типа *Вокруг костра стояли люди слово вокруг* — предлог. По ее мнению, такие единицы целесообразнее считать предлогообразными наречиями, которые способны употребляться как без зависимого слова, так и с зависимым, то есть в предложной функции. См. более подробно работу [Урысон 2017].

¹⁵ Буквы, согласно концепции Московской фонологической школы (МФШ), обозначают фонемы, а не звуки, но здесь не утверждается обратное — речь идет о случаях (довольно частых), когда букв и ударения достаточно для понимания того, как произносится словоформа или большая ее часть: зачем транскрибировать [ва'да́], если любой грамотный носитель русского языка знает, как читается *вода*? Ср., например, комментарии к подаче произносительных помет в ОСРЯ-1, где используется понятие *правила чтения* [ОСРЯ-1: 11–12].

(Орфоэпические особенности можно легко отражать с помощью хорошо известного приема *частичного* транскрибирования.) Помимо прочего, последовательное полное транскрибирование потребовало бы еще и учета всех случаев, когда в парадигме изменяемого слова есть подвижное ударение (так, гласные фонемы в корне существительного *голова* реализуются разными звуками в зависимости от акцентуации: *голова́* [гэла^ава́] или [га^ала^ава́] — *го́ловы* [гóлэвы^а] — *го́лов* [га^алóф]). Примечательно, что в русских орфоэпических словарях никогда не предпринималась попытка полного транскрибирования всех описываемых слов.

Итак, хотя на протяжении 2-й пол. XX — нач. XXI вв. описание предлогов в словарях русского языка в целом становилось все более и более подробным, все-таки удалось обнаружить некоторые проблемы¹⁶. Сделанные наблюдения и высказанные предложения, прокомментированные и объясненные выше, можно суммировать следующим образом:

- 1) описание *сегментных особенностей произношения* русских предлогов в рамках словарной статьи (не теоретических статей рассматриваемых словарей) долгое время почти во всех необходимых случаях отсутствовало; на новом уровне эта проблематика была освящена в БОС-2, однако и там есть множество дополнительных особенностей, которые при переиздании или создании нового орфоэпического словаря потребуются описать;
- 2) отражение *суперсегментных особенностей* изначально, в XX в., было более подробным, и степень скрупулезности этого описания стала только выше; вероятно, в данном направлении следующий шаг — тщательная фиксация условий, в зависимости от которых происходят колебания в пределах нормы между безударностью и слабоударностью предлогов; кроме того, нужно обратить внимание на акцентологические словари, ведь именно в них суперсегментные особенности предлогов отражены крайне скудно в сравнении с другими орфоэпическими словарями, что должно быть исправлено.

Как можно было заметить, лексикографическое описание произношения русских предлогов не требует, в отличие от нескольких других смежных областей орфоэпической лексикографии, кардинальных изменений — здесь целесообразно идти уже проторенной дорогой, углубляя и уточняя существующее словарное описание.

Источники

БОС-2 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 1024 с.

¹⁶ Кажется, недостаточно подробное и не всегда адекватное литературному узусу описание произносительных особенностей русских предлогов можно поставить в один ряд с проблемами, обсуждаемыми в статье [Виноградова 2017], посвященной лексикографии и грамматике предлога.

ОСРЯ-1 — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. М.: Рус. яз., 1983. 704 с.

ОСРЯ-10 — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова; под ред. Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015. 1008 с.

РЛПУ — Русское литературное произношение и ударение: словарь-справочник / Под ред. Р. И. Аванесова, С. И. Ожегова. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1960. 712 с.

РРПЕ — *Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика) / Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. М.: УРСС, 2018. 800 с.

РСУ — *Зарва М. В.* Русское словесное ударение: Словарь. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2001. 600 с.

СОРУ — *Штудинер М. А.* Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.

СССРЯ — Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др.; под ред. В. В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997. 420 с.

СУРЯ — *Резниченко И. Л.* Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. 944 с.

Литература

Виноградова Е. Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74.

Каленчук М. Л. Особенности произношения русских предлогов // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 224–230.

Каленчук М. Л. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики // Славянское языкознание / XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 293–304.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровнях // Вопросы языкознания. № 4. 1993. С. 99–106.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.

Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. I. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 608 с.

Логинова И. М. Предпосылки для фонетического описания русских предлогов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 77–85.

Никитин Н. В. Лексикографические особенности описания производных предлогов в современном русском языке: дис. ... магистра филологических наук: 45.04.01. М., 2022. 101 с.

Урысон Е. В. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.

N. V. Nikitin

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
kindnick1999@gmail.com*

PRONUNCIATION PECULIARITIES OF RUSSIAN PREPOSITIONS AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHY

The article analyzed lexicographic description of pronunciation peculiarities of prepositions in Russian language dictionaries of the second half of twentieth — the beginning of the twenty-first centuries. It was revealed that in the twentieth century the reflection of *segmental* phonetic peculiarities of Russian prepositions had been superficial and absent in many necessary cases. It was partly corrected in the twenty first century, although from now on some specific features of prepositions' phonetic behaviour have been remaining unnoticed in Russian language dictionaries. In the future it is important to reflect, for example, variable final hard consonant phoneme realizations in some prepositions before soft consonant of the next word (*бе[з_н']и́х* or *бе[з'_н']и́х* 'without them', *у[з_в']едра́* or *у[з'_в']едра́* 'from a bucket', *у[з_ја́]мы* or *у[з'_ја́]мы* 'from a pit' etc.), to describe the pronunciation of unstressed and unreduced qualitatively vowel in a preposition (cases like *вн[э_ца́]да* or *вн[и³_ца́]да* 'outside a garden') more consistently etc. At the same time from the eighties of the twentieth century *supersegmental* pronunciation peculiarities had been fixed better than segmental ones, and in the beginning of the twenty first century their description became more detailed. It is worth mentioning that, as the analysis shows, in accentological dictionaries prosodic peculiarities of prepositions are reflected worse than in other orthoepic dictionaries, which should be corrected. In general, the next step in this direction is specifying the conditions, influencing fluctuations between the unstressed and weak-stressed syllables, as well as preparing dictionary recommendations more suitable for literary usage.

Keywords: lexicography, orthoepy, pronunciation norms, Russian prepositions.

References

Kalenchuk M. L. [Pronunciation peculiarities of Russian prepositions]. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L. P. Krysin* [Language in motion: to the seventieth anniversary of Leonid P. Krysin]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2007, pp. 224–230. (In Russ.)

Kalenchuk M. L. [Functional words: phonetics and grammar interaction]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XIV Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov (Okhrid, 10–16 sentyabrya 2008 g.). Doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavic linguistics. XIV International congress of slavists (Okhrid, September 10–16, 2008). Russian delegation's reports]. Moscow, Indrik Publ., 2008, pp. 293–304. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkina R. F. [Additional stress and rhythmical structure of Russian word on word and phrase levels]. *Voprosy yazykoznanija*, 1993, no. 4, pp. 99–106. (In Russ.)

Kasatkin L. L. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Modern Russian language. Phonetics: textbook for philology faculty students of higher educational institutions]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiya" Publ., 2006. 256 p.

Kasatkin L. L. *Izbrannye trudy. T. I* [Selected writings. Volume 1]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK Publ., 2017. 608 p.

Loginova I. M. [Premises of Russian prepositions phonetic description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2010, no. 6, pp. 77–85. (In Russ.)

Nikitin N. V. *Leksikograficheskie osobennosti opisaniya proizvodnykh predlogov v sovremennom russkom yazyke: dis. ... magistra filologicheskikh nauk: 45.04.01* [Lexicographic peculiarities of derivative prepositions description in modern Russian language: thesis ... of Master in philology]. Moscow, 2022. 101 p.

Uryson E. V. [Is it a preposition or an adverb? Part of speech of adverbial prepositions]. *Voprosy yazykoznanija*, 2017, no. 5, pp. 36–55. (In Russ.)

Vinogradova E. N. [Problems of lexicographic and grammatical description of prepositions in modern Russian language]. *Voprosy yazykoznanija*, 2017, no. 5, pp. 56–74. (In Russ.)

Э. Р. Стрейкмане
ГБОУ «Цифровая школа»
(Россия, Москва)
el-streykmane@yandex.ru

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В СЛОВАРЯХ XVIII–XXI ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ НА *-ИТЬ*)**

В статье рассматривается проблема отражения распространенных в звучащей речи носителей языка акцентных вариантов глаголов на *-ить* в различных лексикографических источниках на протяжении XVIII–XXI вв. Анализ рекомендаций словарных источников и их сопоставление с фактами поэтической речи, лингвистическими описаниями, звучащей речью в кинофильмах, результатами социолингвистических орфоэпических экспериментов позволяют проследить изменение подхода к фиксации акцентологических вариантов. Постоянное несовпадение узальных употреблений и рекомендаций в словарях требует пересмотра многих словарных описаний в современных источниках и формулирования новых принципов кодификации.

Ключевые слова: русское ударение, акцентные парадигмы, неподвижное ударение, подвижное ударение, акцентная вариативность, изменение нормы, лексикография.

Появление акцентологических вариантов в речи и их фиксация в различных словарях и справочниках — явления не одновременные. Способы отражения существующих вариантов произношения с течением времени изменялись и во многом зависели от позиции автора: уделять ли внимание вопросу вариативности вообще, каким образом представлять варианты, стоит ли градуировать их или достаточно ограничиться противопоставлением *норма* — *не норма*. На примере глаголов на *-ить* проследим, каким образом менялось отношение к фиксации в словарях произносительных вариантов этого класса слов в течение XVIII–XXI веков.

Данная группа слов выбрана неслучайно: обратившись к истории, можно обнаружить, что вопрос о месте ударения в глаголах на *-ить* возник еще несколько столетий назад. Для многих глаголов, ударение которых в прошлом было неподвижным на окончании, стало нормой подвижное ударение. На материале этого появляется возможность проследить отражение изменения произносительных

вариантов данной группы слов и способы фиксации этой вариативности в разных источниках.

Важно заметить, что увидеть слова с поставленным ударением мы можем не только в орфоэпическом или произносительном словаре: эту информацию можно найти и в различных грамматиках, и в толковых, и в орфографических словарях, и в трудах отдельных лингвистов, которые уделяли внимание проблемам акцентологии. Более того, в процессе изучения вопроса не следует упускать из внимания и поэтический материал — ритм и рифма стихотворения подскажут, как автором был решен вопрос места ударения в том или ином слове.

XVIII век

В XVIII в. глаголы на *-ить* с неподвижным ударением на окончании были более распространены, чем глаголы с подвижным ударением. Подтверждение этому мы можем найти в первом академическом словаре. Им стал толковый «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.). В данном источнике мы можем найти следующие формы, отражающие произносительные тенденции того времени, например: *валишь, губишь, делишь, катишь, кружишь, манишь, тащишь, трубишь, тушишь, ценишь*. Поскольку данный словарь не является произносительным или орфоэпическим, в нем не отражаются акцентологические варианты слов.

То же подтверждает и фундаментальное исследование Н. А. Еськовой о нормах русского литературного языка XVIII–XIX вв. [Еськова 2008], построенное на основе привлечения материалов поэтических текстов того времени. Среди представленных примеров можем найти следующие:

ВАРИТЬ, варию́, вари́т:

В те дни людского просвещенья,
Как нет кикиморов явленья,
Как ты лишь всем чудотворишь:
Девиц и дам магнизируешь,
Из камней золото **варишь...**
Г. Р. Державин. На счастье (1789)

ДЕЛИТЬ, делю́, делит:

Делят на скопищах Москву бунтовщики,
Готовясь ток пролить кровавыя реки.
М. В. Ломоносов. Петр Великий (1756–1761)

ИЗЪЯВИТЬ, изъявлю́, изъявит:

Когда обильными речами
Потом восторг свой **изъявишь,**
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь...
Г. Р. Державин. Осень во время осады Очакова (1788)

Однако, судя по материалам «Словаря русского языка XVIII в.» [Словарь русского языка XVIII в. 1984], созданного гораздо позже с опорой на многочисленные источники (среди которых «Письма и бумаги Петра I», сочинения М. В. Ломоносова, произведения Н. М. Карамзина, Феофана Прокоповича и др.), для некоторых глаголов в XVIII в. уже существовали варианты произношения: *бѣлит* и *бѣліт*, *ва́лит* и *валі́т*, *ва́рит* и *варі́т*, *во́пит* и *вопі́т*, *ду́шит* и *душі́т*, *ка́тит* и *кати́т*, *кру́тит* и *круті́т* и др. Но поскольку данный словарь не является орфоэпическим или произносительным, в нем практически нет контекстов, подтверждающих существование вариантов произношения в глаголах на *-ить*.

Анализ материалов, представленных в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка, показал, что в период с 1722 по 1799 гг. глаголы на *-ить* с подвижным ударением в поэтических текстах практически не встречались. Тем не менее единичные примеры употребления таких вариантов можно найти, но и в них ударение в глаголе остается не до конца очевидным: опираться можно только на стихотворный размер, не на рифму.

...бодрствуйте!» — им *во́пит* Пронский князь.

Весь воздух огустел шумящими стрелами,

И дол наполнился кровавыми телами...

М. М. Херасков. Россиада (1771–1779)

Все *во́пит* на меня: грабеж, неправый суд,

Все страшные дела, все купно вопиют.

А. П. Сумароков. Димитрий Самозванец (1771)

XIX век

В XIX в. степень употребления глаголов на *-ить* с тем или иным ударением продолжает оставаться различной для конкретных слов, но доля глаголов, для которых характерны варианты с подвижным ударением, становится больше. Если обратиться к толковому «Словарю Академии Российской, по азбучному порядку расположенному» (1806–1822), то уже здесь можно увидеть несовпадения ударений в представленных глагольных формах в сравнении со словарем 1794 года, например, *де́лишь*, *ка́тишь*, *ма́нишь*, *це́нишь* вместо *дели́шь*, *кати́шь*, *мани́шь*, *цени́шь*. Помет, связанных с вариантностью произносительных норм, данный словарь не содержит.

Также поэтический материал позволяет делать выводы о распространенности как глаголов с неподвижным ударением на окончании, так и с подвижным ударением. Например, для глаголов *гасить*, *губить*, *садить*, *светить*, *становить*, *тушить* окончное ударение было малоупотребительно для литературного языка XIX в. Подобные примеры отмечаются почти исключительно у поэтов XVIII в., например у И. А. Крылова: *погаси́т*, *губи́т*, *сади́т*, *потуши́шь*. Такие глаголы, как *валить*, *делить*, *катить*, *кружить*, *манить*, *тащить*, *трубить*, *ценить* в поэтической речи XIX в. могли употребляться как с неподвижным ударением, так

и с подвижным. Об этом свидетельствует частое появление этих слов в разных формах с разным ударением у одного и того же поэта; например, у И. А. Крылова *шевёлится* и *шевелится*, у А. С. Пушкина *замáнит* и *заманит*. Как пишет В. Л. Воронцова, были и такие глаголы, которые продолжали употребляться исключительно с конечным ударением, например *варить*, *крутить*, *поить*, *чертить*, *трудиться* [Воронцова 1979]. Но материалы Национального корпуса русского языка опровергают это утверждение, поскольку содержат примеры употребления данных глаголов не только с конечным, но и с подвижным ударением. Это говорит о том, что и для них в том числе в XIX в. существовали акцентные варианты. Поэтическая речь, в которой можно определить стихотворный размер, позволяет сделать такие выводы.

По листочку с благих собирает он,
И мешок ими свой наполняет он,
И на хворую братию бедную
Из них зелие *váрит* целебное.
А. К. Толстой. Пантелей-целитель (1866)

Пусть мужик у нас не ест мякины,
Хлеб всегда пусть будет у него,
Даже в праздник щи из солонины
Пусть себе он *váрит*...
В. И. Богданов. Свой идеал (1869)

По дороге вьюга снежная
Крутит, пылью рассыпается,
На леса, поля безбрежные
Словно туча надвигается...
С. Д. Дрожжин. «По дороге вьюга снежная...» (1869)

Горев за делом: чинит, *чёртит* и пишет
Ведомость, сказку, записку, словом — бумагу;
Пишет на славу, на диво всей волости Спасской.
П. А. Катенин. Инвалид Горев (1835)

В новом блеске торжества
Чёртит молнии кругами,
И плотней сплелись крылами
Неземные существа.
В. Г. Бенедиктов. Вальс (1840)

Он *трудо́ится* денно и ночью,
Покою себе не дает,
Он терпит и голод и холод,
Но движется быстро вперед.
А. К. Толстой. Богатырь (1849)

Конечно, безрассудно
Роптать на зло, на злобу наших дней,
Но, если жить и праздному так трудно, —
Кто *трудится*, тому еще трудней.
А. А. Фет. А. А. Тимирязеву (1880)

Впервые указание на существование вариантов произношения некоторых глаголов на *-ить* можно встретить в «Русской грамматике» А. Х. Востокова [Востоков 1831], там как подвижно-ударяемые представлены следующие глаголы: *бесить, валить* (с приставками *вз-, на-, по-, пере-, раз-, с-*), *варить, гасить, городить, делить, дразнить, клонить, крестить, крошить, рядить, ценить, чертить, явить* и др. Позже Я. К. Гротом круг глаголов, употребляемых с «двоющим» ударением (автор использует этот термин), был значительно расширен и добавлены слова: *белишь, божишься, валяшь, вопишь, косишь, кружишь, ленишься, трудишься, шевелишь* и др. [Грот 1899].

В толковом «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым Отделением Императорской Академии наук» (1847) тоже можно найти формы, отличающиеся от форм, представленных в предыдущих академических словарях, и демонстрирующие переход некоторых глаголов на *-ить* из одной акцентной парадигмы в другую — неподвижное ударение на окончании в них сменилось подвижным, например: *валяшь, гасишь, губишь, крутишь, светишь, становится, тушишь*. Этот словарь задумывался как «полное систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа», сокровищница «русского языка на протяжении многих веков, от первых памятников письменных до позднейших произведений нашей словесности». Вместо устаревших оценок, отражавших теорию «трех штилей» М. В. Ломоносова в словаре 1794 г., авторы использовали более современный подход. Появились такие пометы, как «разг.», «простореч.», «риторич.», «стихотворческо» и т. д. В данном словаре также не представлена система помет, связанных с произносительными нормами, поскольку словарь является толковым.

XX век

Первый орфоэпический словарь русского языка появляется только в 1911 году. Его автором становится И. И. Огиенко, он создает «Словарь ударений в русском языке и правила русского ударения». В предисловии ко второму изданию 1914 года составитель пишет: «Вопрос об ударении в русском языке до сих пор остается одним из мало исследованных вопросов. ...Как это ни странно, но в грамматиках русского языка, кроме простого определения, что такое ударение, обыкновенно о нем не говорится ни слова. ...Справочных словарей по ударению в нашей литературе не существует; словари орфографические преследуют иную цель и не могут быть справочными книжками по вопросам ударения» (собственно, так же, как и рассмотренные выше толковые словари).

Данный словарь содержит блок теоретической информации, в котором помимо прочего автор указывает, что «предметом нижеследующей нашей работы является

изучение ударения русского литературного языка, под которым понимается язык нашей литературы и образованного общества». В качестве источников, на основании которых можно изучать ударение литературного языка, приводятся два: первый — «живой говор образованного общества, но только не общества окраин России». На окраинах даже интеллигенция не говорит «чистым языком», поэтому составитель предпочитает ограничиться жителями Москвы и Петербурга. Второй источник — «речь мерная, стихи», дающая возможность оценить произношение слов. В конце предисловия автор говорит о том, что главная цель создания словаря — «горячее желание прийти на помощь учащим и учащимся в такой неисследованной, но крайне важной области».

Автором используется система помет — цифры от 1 до 8: классификация похожа на попытку распределить слова по акцентным парадигмам. Рассмотрим те пометы, которые используются с глаголами на *-ить*. Например, «цифра 1, стоящая после слова, обозначает, что в данном случае ударение при склонении или спряжении неподвижно, то есть всегда остается на одном и том же слоге, не меняется»: *крѣнитъ* — *крѣнишься, крѣнится, крѣнимся, крѣнишь, крѣнились*; по аналогии *косить* (траву), *копошиться, целить* (метиться) и др.

«Цифра 2, стоящая после слова, обозначает, что ударение в данном слове при изменении его всегда находится на конце слова (не считая частицы в глаголах *-ся* и личного окончания 2-го лица множ. числа *-те*)»: *варить* — *варю, варишь, варит, варим, варите варят, вари, вари́л*; по аналогии *дарить, звонить, клеить, мирить, солить, строчить, творить* и др.

«Цифра 3 стоит после таких глаголов, у которых ударение в неопределенном и повелительном наклонениях, в прошедшем времени мужского рода и в 1 лице наст. времени — всегда находится на конце слова, а в настоящем времени 2-го и 3-го лица единств. числа и 1, 2 и 3 л. множеств. числа ударение находится на предпоследнем слоге (не считая частицы *-ся* и личного окончания *-те*)»: *бродить* — *броди́, бродите, бродил, брожу́*, но — *бродишь, бродит, бродим, бродите, бродят*; по аналогии *блудить, будить, валить, водить, просить, тащить, торопить* и др.

Автор уделяет внимание вариантам произношения, а потому появляются следующие пометы (обратите внимание, некоторые из них классифицируют варианты произношения, но пояснений, как следует толковать последовательность цифр при союзе *и*, нет. Вероятно, это указание на частотность употребления того или иного варианта): 1 и 2 — *занозить, удить*; 2 и 3 — *катить, крошить, кружить, манить, чертить, явить*; 2, реже 3 — *селить*; 3, реже 1: *сердить*; 3 и 2: *крестить, курить, повторить, садить, студить, терebить, трудиться* и др. В словаре также встречается помета *не* для вариантов, которые не рекомендуются к произношению.

Некоторые глаголы, отмеченные автором словаря цифрой «2» (то есть как слова, формы которых имеют неподвижное ударение на окончании), встречаются в поэтических текстах начала XX в. с подвижным ударением, например:

Она не строгая,
Она берет — и *да́рит* вновь.
В. Ф. Ходасевич. *Кузина плачет* (1907)

Велика от бессмертных награда
Тем, кто странникам *да́рит* приют.
А. А. Кондратьев. «После долгой и трудной дороги...» (1910)

Возгласы: «Мамаша, мамаша!»
Кто-то ручкой машет.
Жар меня *мо́рит*.
Морит и море.
В. В. Хлебников. *Крымское* (1908)

Ветер тихонько *шеве́лит*
Листьев подвижную сеть,
Топчется, будто, на месте,
Мыслит: куда полететь?
К. К. Случевский. *Песни из угодка* (1900)

Одним из орфоэпических трудов XX в. является словарь-справочник авторства Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова — «Русское литературное произношение и ударение. Опыт словаря-справочника» (1955 г.). Словарь-справочник «не ставит своей задачей охватить произносительной характеристикой весь словарный состав современного русского литературного языка». Цель составителей — «рекомендовать произношение и ударение, соответствующее нормам современного русского литературного языка». Несмотря на то что справочник задуман как краткий и общедоступный, способный, «во-первых, давать ответы на конкретные вопросы о правильном произношении отдельных слов и выражений и, во-вторых, служить пособием по общим вопросам русского литературного произношения и ударения», и составители считают, что «наличие колебаний (вариантов) часто нарушает правильность речи и тем самым понижает доходчивость ее», в словаре мы можем найти акцентные варианты и следующую систему помет.

Помета *и*: если слово имеет двоякое ударение или произношение и оба варианта широко распространены как равноправные, то слово это дается с обоими ударениями или с указанием на оба произношения. При этом на первое место ставится слово с таким ударением или произношением, которое является предпочтительным. Глаголы с такой пометой не встречаются.

Помета *и* (*допустимо*): если слово имеет двоякое произношение или ударение и одно из них принадлежит к старым, но еще не вышедшим из употребления нормам или принадлежит к тем новым явлениям, которые еще не вошли в современную норму, но не представляют собою ошибки, то в словаре дается указание на допустимость такой двоякости: *бе́лишь* и (допустимо) *бели́шь*, *горо́дишь* и (допустимо) *городи́шь*, *со́лишь* и (допустимо) *соли́шь*.

Помета [*не ...*]: если то или иное ударение или произношение представляет собою отклонение от нормы, но вместе с тем широко распространено, то в словаре дается указание, предостерегающее от такого произношения: *заку́поришь* [*не закупо́ришь*], *засели́шь* [*не засе́лишь*].

В 1983 г. выходит «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы» под ред. Р. И. Аванесова, определившего орфоэпию как «совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство ее звукового оформления в соответствии с нормами национального языка, исторически выработавшимися и закрепившимися в литературном языке». Этот словарь заложил новую традицию отечественной орфоэпической лексикографии, поскольку фиксировал реальное многообразие сосуществующих в литературной речи вариантов, и стал основой для многих последующих поколений орфоэпических и произносительных словарей: «Данный словарь не просто является нормативным, а ставит целью представить литературную норму во всем многообразии ее проявлений. В отличие от большинства нормативных словарей, данный словарь отражает и ненормативные факты, оценивая их с нормативной позиции» (4-е изд., 1988 г.). «Все многообразие языковых фактов не укладывается в простое противопоставление норма — не норма. Сколько-нибудь адекватное отражение реального положения вещей невозможно без введения некоторой шкалы нормативности» (там же).

Принимаемая для данного словаря система нормативных помет для вариантов произношения следующая:

- 1) равноправные варианты, соединяются союзом *и*. Порядок следования незначим, с точки зрения степени правильности варианты одинаковы: *воло́чить, волочу́, волóчит и волочít; городíть, горожу́, горóдит и городít;*
- 2) варианты нормы, из которых один признается основным — помета *допустимо (доп.)*; ею оценивается менее желательный вариант нормы, который тем не менее находится в пределах правильного: *ввинтíть, ввинчу́, ввинтít и доп. ввинтит; вселíть, вселю́, вселít и доп. вселит;*
- 3) разновидность предыдущей нормы — *допустимо устаревающее (доп. устар.)*; оцениваемый пометой вариант посперпенно утрачивается: *белíть, белю́, бéлит и доп. устар. белít; грузíть, грузю́, гру́зит и доп. устар. грузít.*

Словарь включает довольно значительное количество вариантов, находящихся за пределами литературной нормы — с запретительными пометами: *не рекомендуется (не рек.)*; *не рекомендуется устаревающее (не рек. устар.)* — варианты представляют бывшую норму; *неправильно (неправ.)*; *грубо неправильно (грубо неправ.)*. Пометы *(не рек.)* и *(неправ.)* должны восприниматься просто как «менее неправильно» и «более неправильно»: *заглу́шить, -шу́, -шít ! не рек. заглúшит; наморíть, -рю́, -рít ! не рек. намóрит; вдолбíть, -блю́, -бít ! неправ. вдóлбит; обле́гчить, -чу́, -чít ! неправ. облéгчить.*

Многие варианты, по словам авторов, «находящиеся за пределами литературной нормы», в реальности оказываются распространенными в XX в. в звучащей речи. В качестве примеров представлены материалы мультимедийного подкорпуса Национального корпуса русского языка, фиксирующие звучащую речь

в кинофильмах, в сопоставлении с данными словаря под ред. Р. И. Аванесова, 4-е изд. 1988 г.

включи́ть, -чу́, -чи́т, прич. страд. проиш. включённый, -ён, -ена́ ! *неправ.* включи́т, включённый, -ен, -ена

[Майя] Он говорит/ пока не отремонтируете трубу во дворе/ он не **включи́т**.

[Митрофанов] Какую трубу?

[Майя] Ну трубу/ из которой вода бьёт!

Юрий Мамин, Владимир Вардунас. «Фонтан», к/ф. 1988

[Толик] Вер/ это Чикины доллары. Он придёт/ счётчик **включи́т**/ у меня денег нету. Он из[нрзб] скоро вернётся/ он меня попишет!

[Вера] У меня тоже денег нету.

Василий Пичул, Мария Хмелик. «Маленькая Вера», к/ф. 1988

звони́ть, -ню́, -ни́т ! *не рек.* звони́т

[Мать Веры] Соня/ а зубок у него новых не повылезало? Ну ничего/ вылезут ещё. Соня/ а Виктор дома? Позови его. Витя/ Витя/ это мама **звони́т**. Витя/ Витя/ я насчёт Веры звоню.

Василий Пичул, Мария Хмелик. «Маленькая Вера», к/ф. 1988

[Саша] Ну погоди/ ну что она сказала/ что она сказала/ ну?

[Павел] Ну она сказала/ «Кто **звони́т**?» я говорю/ «Павлик **звони́т**».

Кира Муратова, Наталья Рязанцева. «Долгие проводы», к/ф. 1971

мори́ть¹⁻², морю́, мори́т, прич. страд. проиш. морённый, -ён, -ена́ ! *не рек.* мори́т

[Вера] Денег нет/ тетрадей много. Граждане/ дорогие гражданочки! Поглядите на этого человека! Что он делает с его собственной женою!

[Саша] А что он делает? Он её любит.

[Вера] Ага/ любит! Он её **мори́т** голодом!

Петр Тодоровский. «Военно-полевой роман», к/ф. 1983

одо́лжи́ть, -жу́, -жи́т, прич. страд. проиш. одо́лженный ! *неправ.* одо́лжит, -жу, -жит

[Вася] Ну/ мужики/ кто **одо́лжит** до аванса чирик?

[Сантехник] Ты чего/ на работу устроился?

[Вася] Что я/ совок/ что ли? Дураков нет!

Эльдар Рязанов, Генриетта Альтман, Виктор Глухов. «Небеса обетованные», к/ф. 1991

разлу́чить, -чу́, -чи́т, прич. страд. проиш. разлу́ченный, -ён, -ена́ ! *неправ.* разлу́чит

[Говорков] Ты мне/ Клава/ скажи прямо/ ты веришь/ что я буду артистом?

[Клава пожимает плечами]

Ну вот подожди/ спою Ленского у нас в клубе/ и тогда всё выяснится. А главное/ ты не беспокойся. Нас с тобой никто никогда не **разлу́чит**!

Александр Ивановский, Герберт Раппапорт, Евгений Петров, Георгий Мунблит. «Музыкальная история», к/ф. 1940

Приведенные примеры из кинофильмов, безусловно, являются стилистически окрашенными с целью создания художественного образа героев. Но тем не менее показанные на экране ситуации имитируют реальную жизнь обычных людей, а потому учет звучащих производительных вариантов возможен.

Словарь под ред. Р. И. Аванесова претерпел многократные переиздания. Последнее 10-е издание выпущено в 2015 г. под редакцией Н. А. Еськовой: «Словарь создан в результате коренной переработки словаря-справочника, вышедшего в 1959 году», — сказано в предисловии. Но стоит отметить, что произошедшие изменения не коснулись вопроса представления акцентологических вариантов и помет, которыми они сопровождаются.

XXI век

Самым значимым трудом в области орфоэпии сегодня является «Большой орфоэпический словарь русского языка» (БОС) [Касаткин (ред.) 2012], поскольку словарь является фундаментальным: «Авторы словаря ставили перед собой задачу зафиксировать реальное многообразие вариантов, функционирующих в пределах нормы, а также указать наиболее типичные случаи отступлений от нормы».

Данный словарь является нормативным, то есть в нем отражены особенности произношения и ударения, свойственные речи образованных людей нашего времени, не противоречащие внутренним языковым закономерностям и освященные культурной традицией. Авторы фиксируют все многообразие существующих производительных вариантов. В БОС для вариантов указывается, какое место каждый из них занимает в литературном произношении и как они соотносятся между собой хронологически и по степени употребительности. Для обозначения этого используется система помет: для равноправных вариантов и для неравноправных вариантов.

Равноправные варианты: *и* — соединяет полностью равноправные акцентологические варианты, при этом первым приводится тот, у которого ударение ближе к началу слова: разгорóдит *и* разгородíт, надóбит *и* надоíт;

и допустимо — указывает, что следующий вариант менее употребителен: насорíт *и допуст.* насóрит, мирíт *и допуст.* мíрит.

Неравноправные варианты: *и допустимо старшее* — указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к старшей норме: ма́нит *и допуст.* маи́т, го́родит *и допуст.* горо́дит; *и допустимо устарелое* — старомосковское произношение, встречающееся в современной речи: зага́сит *и допуст.* загаси́т, застрéлится *и допуст.* застрелíтся;

и допустимо младшее — указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к младшей норме: винти́т *и допуст.* млади́. ви́нтит, смори́т *и допуст.* млади́. смóрит.

В словаре также принята система запретительных помет, которая предостерегает от распространенных отступлений от литературного произношения. Градация запретительных помет разного типа позволяет дифференцировать степень нарушения

орфоэпической нормы: ! *не рек.* — не рекомендуется, ! *неправ.* — неправильно, ! *грубо неправ.* — грубо неправильно: звонит ! *не рек.* звонит, наморит ! *не рек.* наморит, уместит ! *не рек.* уместит; переполошит ! *неправ.* переполошит, углубит ! *неправ.* углубит.

Но далеко не все современные словари устроены таким же образом. Структура зависит от того, какую задачу ставит перед собой лексикограф и каких взглядов придерживается. Некоторые современные орфоэпические и произносительные словари до сих пор игнорируют проблему вариативности.

Например, словарь М. В. Зарвы «Русское словесное ударение» (2001) характеризуется автором так: «Назначение Словаря — помочь, если возникла проблема при определении ударения в слове». Возможно, поэтому, «если слово имеет варианты ударения, в Словаре приводится только тот, который соответствует литературной норме. Из равноправных вариантов дается лишь один, более предпочтительный в наши дни, что позволяет избежать разнобоя в речи». В словаре можно встретить помету «не», которая, по сути, выполняет функцию запретительной. Позиция автора обозначена во вступительной статье: «Бывает и так, что сосуществующие акцентные варианты не различаются ни в лексическом, ни в грамматическом отношении. Тогда один из вариантов признают соответствующим норме, а другой отвергают как диалектный, просторечный, профессиональный, архаичный и т. п.»; «Лишь привычное ударение в слове облегчит слушателям понимание его смысла» (выделено жирным).

Другой пример — «Словарь образцового русского ударения» М. А. Штудинера (2004). В словаре многообразии вариантов, сосуществующих в речи, не фиксируется: акцентные и произносительные варианты, вышедшие из употребления или использующиеся редко, не приводятся, можно найти только равноправные, которые, по мнению автора, являются актуальными в настоящее время. Причем на первом месте дается вариант, рекомендуемый для эфира (этот вариант, кроме того, подчеркивается). Пометы, которые принято называть запретительными, призваны предостеречь читателей словаря от распространенных ошибок в ударении и произношении и обозначаются частицей «не» перед указываемой формой слова: вручить(ся), -чу́, -чи́шь, -чи́т(ся) [не вручишь, вручит(ся)]; насорить(ся), -рю́, -ри́шь, -ри́т(ся) [не насоришь]. Иногда запретительные пометы даются для вариантов, квалифицируемых в некоторых современных словарях как допустимые в литературной речи: «Такой подход мотивирован сверхзадачей данного издания — быть словарем образцового (выделено жирным) ударения». Автор дает в предисловии следующий комментарий: «Традиция рекомендовать для использования на радио и телевидении только один вариант ударения или произношения идет от первых орфоэпических изданий, адресованных работникам эфира. Эта традиция опирается на работы отечественных русистов конца XIX — первой половины XX в., для которых было характерно стремление возвести в ранг нормативного лишь один из сосуществующих вариантов». В словарь помимо нарицательных слов включены имена собственные, постановка ударения в которых часто вызывает затруднения (географические названия, фамилии и имена политиков, деятелей науки и культуры,

спортсменов, названия СМИ, спортивных клубов, литературных и музыкальных произведений и т. п.).

В связи с тем, что орфоэпические словари не всегда объективно отражают тенденции быстро развивающегося живого языка, в них часто встречаются разночтения и многочисленные отступления от кодифицированной нормы в узуальном употреблении. В качестве иллюстрации тезиса могут быть представлены примеры социолингвистического эксперимента, проведенного в 2010 г. В ходе эксперимента 60 респондентами (москвичи минимум второго поколения, имеющие высшее образование, мужчины и женщины разных возрастных групп) были прочтены под запись контексты, содержащие личные формы глаголов на *-ить*. Некоторые результаты показали серьезное расхождение между рекомендованными словарем вариантами и реальным произношением испытуемых (табл. 1).

Табл. 1

Результаты опроса		Данные БОС
заглуши́т	16,5 %	заглуши́т ! <i>не рек.</i> заглúшит
заглúшит	83 %	
морíт	21,5 %	морíт ! <i>не рек.</i> мóрит
мóрит	81,5 %	
изморíт	21,5 %	изморíт ! <i>не рек.</i> измóрит
измóрит	81,5 %	
наморíт	3 %	наморíт ! <i>не рек.</i> намóрит
намóрит	98 %	
окружи́т	36,5 %	окружи́т ! <i>не рек.</i> окрúжит
окрúжит	66,5 %	
сверли́м	16,5 %	сверли́т ! <i>не рек.</i> свёрлит
свёрлим	83 %	
скрепя́т	48 %	скрепи́т ! <i>не рек.</i> скрэпят
скрэпят	55 %	
уместíтся	5 %	уместíтся ! <i>не рек.</i> умéстится
умéстится	95 %	
взвинтя́т	20 %	взвинти́т ! <i>неправ.</i> взв́интит
взв́интят	80 %	
переключи́т	25 %	переключи́т ! <i>неправ.</i> переключ́ит
переключ́ит	75 %	

Случаи, когда респондент вместо глагола на *-ить* ошибочно произносил другое слово, при подсчетах не учитывались. Напротив, случаи, когда информантом были произнесены две формы глагола на *-ить* подряд с разными вариантами постановки ударения, учитывались, отсюда и возникли результаты, которые в сумме превышают 100 %.

Можно заметить, что во всех приведенных примерах респондентами был сделан выбор в пользу варианта с подвижным ударением, принадлежащего младшей

произносительной норме. Это говорит о том, что представленные глаголы уже завершили процесс перехода из одной акцентной парадигмы в другую.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что сосуществующие в речи варианты произносительной нормы отмечались исследователями начиная с XVIII в. На примере глаголов на *-ить* можно проследить, как в различных словарях и справочниках менялось представление акцентологических вариантов: несмотря на употребление вариантов в речи, им не сразу уделяется внимание, фиксация варианта или его квалификация как нормативного происходит со значительным отставанием. На сегодняшний день вопрос кодификации существующих вариантов остается актуальным: необходимы пересмотр словарных рекомендаций, основой которых станет проведение социолингвистического эксперимента, и формулирование новых принципов кодификации.

Литература

Аванесов Р. И., Ожегов С. И. Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М.: Госиздат Иностраных и национальных словарей, 1955. 578 с.

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1988. 704 с.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.

Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб., 1831. 408 с.

Грот Я. К. О глаголах с подвижным ударением // Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899. 941 с.

Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с.

Зарва М. В. Русское словесное ударение: Словарь. М.: НЦ ЭНАС, 2001. 600 с.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI в. Норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1001 с.

Огиенко И. И. Русское литературное ударение: Правила и словарь рус. ударения: Пособие при изучении рус. речи для учащихся, учащихся и самообразования. 2-е изд., знач. доп. и соверш. перераб. Киев: тип. В. П. Бондаренко и П. Ф. Гнездовского, 1914. 240 с.

Словарь русского языка XVIII в. / Под ред. С. Г. Бархударова. Л.: Наука, 1984. 2000 с.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847.

Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. М.: Айрис-пресс, 2004. 571 с.

E. R. Streykmane
MSBEI "Digital School"
(Russia, Moscow)
el-streykmane@yandex.ru

**LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF ACCENTOLOGICAL
VARIATIONS IN DICTIONARIES
OF THE 18TH–21ST CENTURIES (THE CASE OF VERBS ENDING BY *-ИТЬ*)**

The article deals with the representation of different stress variants of the verbs ending in *-ить* that are common in the speech of the native speakers in lexicographic sources of 18–21 centuries. The article analyses the recommendations of dictionary sources and compares them with the facts of poetic speech, linguistic descriptions, ordinary speech in films and the results of sociolinguistic orthoepic experiments, which allow us to trace the change in the approach to fixing accentological variants. The constant discrepancy between common usage and the dictionary norms requires a revision of many dictionary descriptions in modern sources and the formulation of new codification principles.

Keywords: Russian stress, accent paradigms, unfixed stress, fixed stress, accent variability, change in the norms, lexicography.

References

Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka: proiznosheniye, udareniye, grammaticheskiye formy* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Voronczova, N. A. Es'kova. Ed. by R. I. Avanesov, the 4th ed. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1988. 704 p.

Avanesov R. I., Ozhegov S. I. (ed.). *Russkoye literaturnoye udareniye i proiznosheniye. Opyt slovarya-spravochnika* [Russian literary accent and pronunciation. Dictionary-reference experience]. Ed. by R. I. Avanesov, S. I. Ozhegov. Moscow, Gosizdat Inostrannykh i Natsionalnykh Slovary Publ., 1955. 578 p.

Barkhudarov S. G. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. (In 18 vol.) (Issues 1–11). Ed. by S. G. Barkhudarov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1984. 2000 p.

Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov. Udarenie. Grammaticheskiye formy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'i* [The standards of the Russian language in the 18th–19th centuries. The stress. Grammatical forms. Variant forms of words. Explanatory articles]. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 960 p.

Grot Ya. K. *O glagolakh s podvizhnym udareniem* [On the verbs with the mobile stress]. Trudy, vol. 2 Filologicheskie razyskaniya. Saint-Petersburg, 1899. 941 p.

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard

pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2012. 1024 p.

Ogiyenko I. I. *Russkoye literaturnoye udareniye: Pravila i slovar rus. udareniya: Posobiye pri izuchenii rus. rechi dlya uchaschikh, uchaschikhsya i samoobrazovaniya* [Russian literary stress: Rules and vocabulary of Russian stress: A guide to the study of Russian speech for teachers, students and self-education]. Ed. by I. I. Ogiyenko. Kyiv: tip. V. P. Bondarenko i P. F. Gnezdovskogo Publ., 1914. 240 p.

Shtudiner M. A. *Slovar' obraztsovogo russkogo udareniya* [Dictionary of the standard Russian stress]. Moscow, Airis-Press Publ., 2004. 571 p.

Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniyem Imperatorskoy Akademii nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Saint-Petersburg: Tip. Imperat. Akad. Nauk Publ., 1847. 4 vol.

Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya* [The Russian standard stress in the 18th–20th centuries. Inflection forms]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.

Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Saint-Petersburg, 1831. 408 p.

Zarva M. V. *Russkoye slovesnoye udareniye: Slovar'* [Russian verbal stress: Dictionary]. Ed. by M. V. Zarva. Moscow, NC ENAS Publ., 2001. 600 p.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

И. И. Фужерон

независимый исследователь

(Франция, Париж)

i.fougeron@orange.fr

КАРЦЕВСКИЙ В НАЧАЛЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА)

Подготовка текста и перевод с французского И. И. Фужерон

В Центральном архиве Женевского университета (Archives Administratives et Patrimoniales — ААР) хранятся 12 небольших текстов, написанных рукой С. И. Карцевского с комментариями его учителя, Шарля Балли. В текстах затронуты самые различные вопросы лингвистики. Но все они написаны в период первого года пребывания Карцевского в университете: сентябрь 1913 года — июнь 1914 года. Их можно разделить на две группы: тексты, касающиеся теоретических проблем, и вопросы словообразования и словоупотребления. Полностью этот материал был нами опубликован в *Cahiers de Ferdinand de Saussure* 72 (2019). Предлагаемый материал по-русски никогда ранее не публиковался.

Ключевые слова: Балли, Карцевский, синтагматическая структура (синтагматика), словообразование, антитеза.

Лингвистическое наследие Карцевского невелико: две монографии («Система русского глагола» и «Повторительный курс русского языка») и около 50 статей и рецензий. Тем больший интерес и ценность представляют материалы в архивах.

Архив, привезенный вдовой и сыном Карцевского в 1957 г. в Академию наук СССР, простоял почти нетронутым до 1998 г. При внимательном рассмотрении оказалось, что это, по выражению Р. О. Якобсона, «работа всей жизни» ученого — структурная грамматика русского языка для франкоязычных. Немало неожиданного таилось и в архиве, который в 2012 г. семья ученого передала после смерти его сына в Административный и патримониальный архив Женевского университета (ААР).

Доступ к этим материалам открылся в 2015 г. Изучение материалов архива позволило нам в 2018 г. опубликовать в Трудах ИРЯ письма Карцевскому от других лингвистов².

¹ Эти материалы в сокращении были опубликованы в журнале *Русская речь* (№ 6, 2022).

² Труды ИРЯ, № 17. М., 2018. С. 244–320.

Результатом следующей встречи с архивом было издание литературных опытов Карцевского. В 2018 г. издательство Ridero выпустило сборник рассказов Карцевского «Из прошлого, из далекого». Эта публикация — короткий экскурс в не очень далекое, но и не очень известное прошлое. Она открывает новую сторону таланта Карцевского. Здесь его этно-экономический очерк «Среди вогул» (1904–1905), журналистские статьи, рассказы.

Следующей находкой была папка в коробке № 6 архива (ААР 64/2012/16/6/1). В ней хранится удивительное свидетельство отношений профессора Шарля Балли с его учеником Сергеем Карцевским. В папке содержится 12 текстов, написанных рукой С. И. Карцевского, с пометами и более пространными замечаниями, сделанными Балли на полях, в тексте, или на отдельных листках. Если нельзя говорить о тематическом единстве этих текстов, то, несомненно, следует отметить их временное единство: эта эпистолярная беседа происходит между 14 ноября 1913 года и концом июня 1914 года — первый год Карцевского в Женевском университете. Можно предположить, что эти тексты были написаны Карцевским в ответ на вопросы, поставленные Балли на лекциях и занятиях. Все тексты датированы и, за исключением первого, пронумерованы. Полностью этот материал мы опубликовали в *Cahiers Ferdinand de Saussure* 72³. Здесь мы предлагаем вниманию читателя некоторые из текстов с замечаниями Ш. Балли в нашем переводе.

Можно различить два типа текстов: с одной стороны, тексты, касающиеся теоретических вопросов, с другой — в некотором смысле словарная работа, размышления о структуре некоторых слов и их употреблении.

В первом тексте стоит вопрос о том, к какой части речи следует отнести такие слова, как *возможно*, *невозможно*, *нельзя*. Этот вопрос уже ставили А. Х. Востоков, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, который считал, что эти слова составляют особую группу — *категорию состояния*.

В ряде текстов обсуждается проблема синтагматической структуры единицы коммуникации. В начале XX века эта проблема привлекала немалое внимание лингвистов. Карцевский высказывает мысль о том, что порядок ТТ' или Т'Т⁴ зависит от характера речи (объективная речь или аффективная). Эта мысль вызывает живой интерес Ш. Балли. Карцевский возвращается к этой теме неоднократно, в частности, когда речь идет и о структуре слова. Может быть, именно в это время у него зарождается идея о внутренней и внешней синтагме, которую он разовьет в своей грамматике 1925 года.

По мнению Карцевского, синтагматическая теория позволяет идти дальше в анализе структуры слова, чем теория Потепни. В своих комментариях Балли подчеркивает роль контекста при анализе.

Карцевский детально останавливается на аппозиции. Для него это сорт параллелизма, показателем которого является наличие маленькой паузы между двумя частями. Внимание к просодическим показателям найдет свое развитие в дальней-

³ CFS 72, DROZ 2019, с. 165–212.

⁴ Обозначение ТТ' соответствует синтагме, где Т — обозначаемое, а Т' — обозначающее.

ших работах Карцевского. Балли также отмечает важность паузы, считая аппозицию одним из очень сложных вопросов лингвистики.

Разбирая предложения с «одноличными» глаголами, Карцевский снова возвращается к синтагматике, считая особенностью этих фраз то, что и Т и Т' заключены в одном слове. По его мнению, во французском *il pleut* «il» — это не местоимение, а функциональный элемент, роль которого — подчеркнуть личное окончание глагола, тяготеющее к исчезновению.

В тексте «Антитеза как явление внутреннего ритма», датированном июнем 1914 года, Карцевский рассматривает симметрию как проявление ритма. Он прибавляет к двум видам ритма Овсяннико-Куликовского (слуховому и зрительному) внутренний ритм — ритм мысли. Карцевский выдвигает идею о том, что порядок слов во фразе может быть вызван явлениями ритма.

Тексты, связанные с анализом структуры слов и их употреблением, позволяют в какой-то мере проследить за изменением значения некоторых слов в течение века.

Эти архивные материалы интересны тем, что они проливают свет на то, как ставились и освещались лингвистические проблемы сто лет назад, позволяют проследить развитие лингвистической мысли, которая стремится углубиться в сложные вопросы организации речи.

Текст № 2 23/1/1914

Синтагматическая структура ТТ'

Чем связнее синтагма, тем больше ее формулировка приближается к Т'Т: *землетрясение, кораблекрушение, краса-девица, sage-femme, petit-lait*. Однако, кажется, это правило не без исключений: 1) есть слова, такие как *vinaigre, timbre-poste, œil de bœuf, pot-au-feu*, синтагматическая формула которых — ТТ' ; 2) она же находится во всех уменьшительных словах: *fillette, clochette, lionceau, лошадка, садик, солнышко*.

Оба типа синтагматической конструкции отражают две стороны нашего мышления: тип Т'Т является выражением *объективной* мысли; тип ТТ' больше подходит для отражения *аффективной, эмоциональной* стороны нашего мышления. Вот почему это происходит. Категория существительного обозначает сущность, наличие, независимое и изолированное, и именно поэтому во всех синтагмах определяемое, как наиболее близкое к существительному, привлекает всё наше внимание, тогда как определяющее остается в тени. Порядок Т'Т показывает, что наша мысль едва останавливается на Т' и сразу переходит на Т, где и концентрируется наше внимание. *Старый дом* графически можно представить как круг с вырезанным сегментом, который вносит ограничение в определяемое, не способное поэтому представить целое, в результате чего мы имеем идею частности.

Пока оба члена синтагмы находятся в отношении определяемого к определяющему, Т' всё больше будет преобразовываться из состояния качественного прилагательного в состояние определяющего. В результате возникает несколько новых оценочных категорий: *старый дом, красивый дом, маленький дом* — будут лишь сегментами одного и того же круга. Когда эти отношения между двумя членами исчезают и члены становятся «равноправными», это приводит к созданию агглю-

тинативной единицы, члены которой обозначают не новые категории предметов, а сами предметы и становятся членами идентификации. Таким образом, *sage-femme*, *petit-lait* обозначают новые объекты, созданные языковыми средствами. Синтагма отрывается от «материнского» ствола и начинает свое самостоятельное существование. Мы забываем значение каждого члена в отдельности. Сегмент выходит из круга и создает свой маленький круг.

Одновременно *petit-lait* («маленькое молоко», сыворотка) перестает создавать образ в нашем сознании и становится изолированным объектом.

Итак, синтагма Т'Т является схематическим выражением объективной мысли.

Тип синтагмы ТТ' производит иное действие на наше сознание. Мысль останавливается на определяемом и сразу получает иной импульс — Т', который его окрашивает, придает ему *эмоциональный* характер. *Дом старый* — последнее впечатление, которое остается, — это *старость*. Это качество окрашивает наше восприятие дома меланхоличным оттенком, грустным, целой серией чувств, которые вызывает в нас понятие старости. Таким образом, порядок ТТ' — эмоциональный.

Уменьшительные существительные — это не просто индикаторы, которые называют маленькие предметы или существа. Это не просто разница в размере или в возрасте. Они указывают на чувства, которые вызывают в нас маленькие предметы, объекты. *Fillette* не просто маленькая девочка, *лошадка* не всегда значит небольшая лошадь. *Jeune fille*, *petite fille* обозначают разные категории объектов, которые взаимно определяются один другим, тогда как в случае уменьшительных существительных мы имеем дело не с различными уровнями возраста или роста; они передают чувство, которое вызывает у нас вид маленького существа.

Заметим, что многие так называемые «уменьшительные» существительные выражают ласку, презрение, величину — *домик*, *домишко*, *домище*. Постепенно, в силу частотности употребления, эти слова теряют свою выразительность и становятся сначала просто уменьшительными: *lionceau* — маленький лев. Потом они теряют свой синтагматический состав и становятся «неразлагаемыми». Слово *sonnette* (звонок) теперь даже не уменьшительное. Так, слово *садик* хоть и является ласкательным, не может употребляться по отношению к большому парку; оно уже готово стать простым уменьшительным.

Так следует объяснять такие слова, как *vinaigre*, *œil-de bœuf* (маленькое овальное окно), *pot-au-feu* (мясной суп), *timbre-post* (почтовая марка) и др. Они изначально отражали некоторую эмоциональность, но теперь большинство из них потеряли синтагматический характер и стали неразложимыми. Чтобы понять их структуру, надо прибегнуть к исторической этимологии.

Надо заметить, что некоторые слова в разных языках, обозначая одни и те же понятия, резко отличаются по своей синтагматической структуре. Объяснение надо искать в разной психологии наций (землетрясение Т'Т; *tremblement de terre* ТТ')!

Интересны замечания Балли по этому тексту:

Ваша работа меня очень заинтересовала, и цель моих замечаний не столько критика, сколько желание внести некоторые уточнения и выразить свою точку зрения, что не значит, что я прав.

Во-первых, эта работа, как и предыдущая, вызывает некоторые сомнения; в своих рассуждениях вы в синхронии или в истории языка (Балли считает, что *vinaigre* является *сегодня* неразложимой единицей, тогда как для Карцевского на лицо порядок ТТ: – И. Ф.).

Во-вторых, «психологическая» разница между ТТ' и Т'Т подмечена очень тонко, но это затрагивает неразрешимые вопросы, т. к. это действительно только в пределах анализа одного языка. То, что носит аффективный характер во французском языке, не имеет его, например, в немецком. Я ограничиваюсь простой констатацией фактов: по-французски *une vieille maison* эмоциональнее, чем *une maison vieille*. И это действительно для всех французских синтагм типа QS, где позиция Q не определяется никакими дополнительными условиями.

Я думаю, что разбор подобных вопросов должен ограничиваться сначала анализом одного определенного языка. Правомерно сравнивать два языка, только если речь идет об образованиях, имеющих одинаковые значения.

Что касается агглютинации (составления), то она может вступить в действие в любой момент существования лексической группы. Этот процесс отличается от «синтагматической комбинации»: агглютинация стирает грань между Т и Т'; тогда как при комбинации грань остается, но Т сокращается до t или Т' до t', т. е. до «грамматического» элемента абстрактного значения. [*Petit-lait* (сыворожка) – агглютинация; *petit-frère* (младший брат) – синтагма Т't.]

Вы совершенно правы, говоря, что употребление уменьшительных существительных привносит оттенок аффективности в понятие *малости*, но я не согласен с тем, что значение аффективности первично, а значение уменьшительности приходит позже. Большинство уменьшительных образований созданы, чтобы обозначить это понятие, и оттенок аффективности прибавляется позже.

Я надеюсь, что эти замечания не остановят Вашей работы, а лишь докажут интерес, который эта работа у меня вызывает.

Текст № 5 8/II-1914

Лингвистическое творчество через оноματοпею.

Слова, образованные из оноματοпей

Кажется, что любое слово-оноματοпея проходит через междометие. Однако лингвистика начинает интересоваться этими словами только тогда, когда они входят в какую-нибудь синтагматическую комбинацию. Только с этого момента они становятся действительно словами.

Слово-оноματοпея, как любое другое слово, в определенный момент жизни представляет три элемента: 1) фонетическую форму: к-р-и-к-р-и; 2) символ — шум, звук «кри-кри» — одна из характерных черт объекта, по которой можно обозначить весь объект в целом; 3) какое-то насекомое. Особенность структуры звукоподражательных слов в том, что их два первых элемента идентичны. Тогда как в обычных словах фонетическая форма для нас совершенно безразлична, мы о ней не думаем, в звукоподражательных словах она живая, и, если и не стоит на первом месте, она присутствует в нашем сознании.

В словах этого типа символ, «tertium comparationis», который в «образных» словах играет роль определяющего, заимствован не извне, от идеи, или образа, ассоциирующегося с предметом, но, так сказать, от самого реального объекта.

Звук «кри-кри» есть часть объекта, перенесенная в слово.

В звукоподражательных словах мы имеем пример слов, где все три элемента живы и одинаково важны.

Следует ответить, что слово такого типа становится обычным словом, как только перестает находить опору во внешнем мире.

Балли: Многие слова не ждут последнего момента, чтобы стать простым словом; к этому приводит частое употребление. Вы сами констатируете это позже.

Предположим, вы никогда не слышали крик кукушки или что кри-кри производит совсем другой звук, тогда слова станут обычными, а их фонетическая форма мертвой, т. е. столь же безразличной, как и в других словах.

По мере того, как междометие проникает глубже в язык и становится словом, его звукоподражательный характер может исчезнуть. Так, русское *Ах* производит *ахать*, *аханье*, *ахи-охи*; в *ахаль* — ухажер — характеристика ономапии исчезает, это становится простым словом. Звукоподражательный характер не присутствует в сознании. То же в *Ух*, *уханье*, *ухнуть*, *ухарь*. Это простое слово.

Балли: Уверены ли Вы что звукоподражательный характер полностью исчезает в этих словах?

Ухарь — это не тот, кто производит этот звук, а молодец, *ухнуть* в «ухнем ребята», так же как *кукурешиник*, но здесь звуковой образ еще присутствует.

Еще пример: *охальник* (может быть, *ахальник* — слово в словарях отсутствует) бессовестный, посягает на честь женщины.

Что касается синтагматической структуры этих слов, то она, мне кажется, не представляет ничего особенного: «кри-кри», «ку-ку» = T'; (t) = объект, который делает «ку-ку» T'. Я разбираю так: T = объект, который делает «ку-ку» T'. Иначе говоря, T представляет агенса.

Балли: Работа очень интересная. Мне кажется, что в основном наши мнения сходятся.

Текст № 8 17/II/1914

О словах действия

I. «Этюд рисунка» — этюд — это процесс, действие изучать; его формула T'T. «Этюд Голдера» — мне кажется, что сочетание неразложимо, т. к. оно обозначает всего лишь некоторый вид живописи, рисования: незаконченный рисунок, деталь большой композиции, эскиз, эссэ.

II. Сотворение мира Богом, действие создания; формула T'T; прекрасное драматическое создание — продукт действия создания — T(t).

III. «Мебелировку (обстановку) гостиной поручили обойщику»

а) Действие мебелировки — T'T.

б) Создание мебели поручили... Меблировка означает ансамбль мебели. Мне кажется, что здесь неразложимо.

IV. Следуют 5 примеров на употребление слова *location* (на русский переводится как *бронирование* или *прокат*); я постарался расположить эти фразы по степени уменьшения глагольного характера и нарастания характера предметности:

1. *Location des billets est terminée* (*Предварительная продажа* билетов окончена).

2. *Il s'est chargé pour nous de la location d'un piano* (Он обещал *взять* нам на *прокат* пианино).

3. *La location d'un piano coute 15 fr. par mois* (*Прокат пианино* стоит 15 франков в месяц).

4. *La location de pianos Keller se trouve Acacia, 60* [*Агентство*] *проката* пианино Келлер на ул. Акация, 60).

5. *La location des billets est fermée de 12 à 1.30* (*Предварительная продажа* билетов закрыта с 12 до 1.30).

(Балли считает, что примеры 1–3 находятся на одном уровне; а в примерах 4 и 5 степень глагольного значения одинакова. – И. Ф.)

V. Действие всегда представляет собой нечто более абстрактное, чем субстанция. Значит, категория глагола всегда более абстрактна, чем категория существительного. Поэтому такие слова, как *administration, action, revendication, investigation*, трудно мыслятся абстрактно, как слова действия, они стремятся к конкретизации.

Любое действие предполагает целую серию материальных условий, которые необходимы для его реализации. Например: деятеля, место, продукт. Эти условия представляют для нас само действие или, вернее, его разные этапы, его различные грани. Но в практической жизни мы никогда не имеем дело с «чистым» действием и не мыслим его.

Location — (бронирование), это для нас и помещение, и окошко, и деньги (прокат пианино 15 фр. в месяц.). Отглагольное существительное, существительное действия, сохраняя целиком глагольную идею, не существует ли оно только в словаре.

Балли: Вы преувеличиваете — живой язык знаком со словами действия как с категорией многочисленной и без каких-либо нарушений. Но я думаю, как и вы, что, как только какое-то глагольное значение приписывается субстанции, полное представление этой последней мало-помалу приводит к синтезу.

VI. Вопрос: а если слова действия являются лишь научными образованиями? Во всяком случае те, у которых сохраняются внешние признаки их родства с глаголами, т. е. суффиксы (в латыни -a + tionem должен бы дать aison (**Балли** – и дает *crévaision*).

Другие суффиксы, как -age мне кажутся более народными, т. к. большинство образований *brigandage, pèlerinage* мне кажутся более субстантивированными, они обозначают не только действие, но и результат действия.

Балли: не согласен: -age воспринимается как народный потому, что позволяет употребить глагол в современной форме (ср. *écorçage* и *décortication*).

Суффикс *-aison* входит в композиции слов еще более конкретных: *liaison*, *trahison*, *terminaison*. Синтагматические комбинации, в которые могут входить эти слова, также могут быть разных типов: *préparation des études* — ТТ', Т' почти дополнение; *un long pèlerinage* — Т'Т, Т' прилагательное.

Балли: Эта теория требует серьезной доработки, но это может стать интересным исследованием.

Можно предположить, что слова без суффиксов — это тенденция к конкретизации и отступлению от глагольной идеи. Эти существительные с суффиксом *zéro* становятся простыми, неразложимыми словами и являются наиболее употребляемыми в народе: *Tri, jet, logis, travail, accord, recul aide* и др. Как правило, эти существительные образованы от глаголов первой группы, т. е. от глаголов, наиболее живых. Не следует ли видеть в исчезновении суффикса тенденцию к конкретизации, к отказу от глагольной идеи?

В поддержку моей мысли я замечу, что слова этой последней категории (с нулевым суффиксом) часто становятся неразложимыми: *un jet d'eau; le travail (appareil); un accord mineur*.

Балли: Это общий факт. Его наблюдают во всех отглагольных словах любого образования.

Эта тенденция ярко выражена в русском языке: отглагольные существительные, максимально сохраняющие глагольную идею, мало употребляются в народе (*sont ignorés du peuple*) — *горение, хождение, умирание*. Тогда как то, что ближе народному мышлению, это образования без суффиксов — *свет* (а не *светение*); *ложь* (*лганье* — литературное и очень глагольное), *сон* — все с нулевым суффиксом.

Балли: Очень интересно. Но старайтесь избегать слишком субъективных точек зрения. Каждый случай надо рассматривать отдельно, и лишь в самом конце, при помощи статистики (приблизительно) можно будет сделать выводы.

Текст № 10 10/III-1914

Глаголы одноличные

«Il pleut» значит, что имеет место действие, которое связано с дождем.

Балли: Это объяснение может относиться к любому глаголу.

Перифраза, которая сразу приходит в голову, когда я думаю *il pleut*, — это *il tombe de la pluie* (падает/идет дождь).

Она позволяет различить двучленный характер конструкции: он скрытый в *il pleut*; Т — «il tombe» и Т' «de la pluie».

Балли: Эта перифраза мне вовсе не приходит в голову.

Перифраза удовлетворительна только в той мере, в какой позволяет свести к одному типу *Il pleut, Il neige*, что сводится *il tombe de...* Но она не годится, чтобы объяснить *il tonne (гремит), il gèle (морозит)*, однако у нас впечатление, что это все один и тот же тип.

Балли: Это не было бы препятствием, т.к. грамматическое выражение может быть истолковано через «*il tombe*», это значит, что глагол, который мыслится, имеет очень общий характер: «*il se produit*».

Н. В. В отношении безличных глаголов следует говорить не о действии, которое предполагает агенса, а о событии или явлении.

В перифразе действие названо слишком конкретно, тогда как в *Il pleut, Il neige, il gèle* действие неясное, оно полностью поглощено определяющим. Для меня наилучшая перифраза была бы «*la pluie pleut*» или, вернее, «*il pleut de la pluie*», «*il tombe du tonnerre*», «*il gèle de la gelée*». Надо сделать еще шаг в сторону абстракции и перифразировать этот тип так: «*il se fait de la pluie, du tonnerre, de la gelée*».

Балли: Мне кажется, что притянуто за волосы «*il se produit*», «*il y a de la pluie*» мне кажется более естественно. К тому же это ваше объяснение на стр. 2.

Я позволю себе сделать маленькое отступление, чтобы показать, что перифраза «*il pleut de la pluie*» не так абсурдна, как это кажется на первый взгляд. Особенность в том, что перед нами Т и Т', выраженные при помощи одного и того же лексического элемента. С точки зрения лингвистической это не тавтология; правда, перед нами один и тот же концепт, но он мыслится двояко: как субстанция в случае *la pluie* и как действие в случае *il pleut*. И как ни странно кажется слышать *le chanteur chante* или *le coucou coucoue*, русский язык широко использует этот тип: *гром гремит, гудья гудит, бегом бежит, кукушка кукует*.

Но я возвращаюсь к перифразе «*il se fait de la pluie*». Предстоит объяснить две вещи: 1° в одной фразе Т и Т' заключены в одном слове, 2° обратный порядок слов «*il se fait de la pluie*» вместо «*la pluie se fait*».

1° Латынь и русский дают нам немало аналогичных примеров: «*dico, dixi*», «*не могу молчать*», «*думаю, что это так*». Бинарный характер этих фраз ясен: «(ego) *dixi*», «(я) *не могу молчать*». Уже окончание глагола заставляет думать о субъекте действия.

Балли: Я думаю, но, может быть, ошибочно, что если к этому прибавить «*dico*» «*думаю*», индо-европейское «*esmi*» (*je suis*), это обречь себя на неудачу и никогда не найти выхода. Форма *Dico* бинарная благодаря существованию *Paulus dicit...* . По-моему, это тот же случай, что наличие в русском языке связки в *он храбр*, потому что существует *он был...*

Иначе говоря, функциональный элемент *dico, dixi, могу, думаю* достаточен, чтобы обозначить субъект, Т. Точно так же в «*il pleut*», «*il pleuvra*», «*il pleuvrait*» имеются функциональные элементы, которые нам показывают, что мы имеем дело с действием или состоянием. И это именно действие выступает в качестве Т'.

Балли: Отстраняя этот аргумент, который, по-моему, не имеет права на существование, я думаю, ведомый вашей же идеей, что эти глаголы в безличной форме (т. е. не то, что они в 3-м лице, а то, что нет других лиц и нет субъекта) — все это для говорящего является указанием на то, что значение восходит к «*il y a, il se produit, il arrive*».

2. «*Il pleut de la pluie*» или «*il se fait de la pluie*» возвращает нас к типу «*Il y a des fraises dans ce bois*» и «(alors) entra le roi». А в этих фразах действие мыслится как Т, а существительное как Т'.

Значит, в «*il se fait de la pluie*» «*il se fait*» является субъектом, а «*de la pluie*» — предикатом. В «*il pleut*» субъект Т выражен посредством функционального элемента; напротив, Т' сохраняет всю полноту значения слова.

По-русски мы говорим: *снег идет, дождь идет*, где глагол *идет* потерял свое конкретное (лексическое) значение и обозначает всего лишь действие, употребляемое по отношению к *снегу*, к *дождю*, к *граду*. Нас не будет шокировать *снежит, дождит*, где перед нами возникает как раз тот тип, что мы имеем в «*il pleut*» т. е.: действие, мыслимое как субъект и выраженное посредством функционального элемента *дожд-ит, il pleuvait* и определяемое конкретным значением *снег-, дожд-*.

Точно так же объясняются такие фразы, как *Il fait beau, Nuit* (в описании) [...] *Neuf heures et demi du soir*.

Балли: Я думаю, что это новый тип — иной.

По-моему, в этих фразах «beau», «nuit», «neuf heures et demi» являются предикатами, это Т', определяющие очень неясное, расплывчатое действие, скорее состояние, которое иногда, как в двух последних случаях, не выражено, но мыслится. Все эти фразы тяготеют к «*il se fait...*» или «*il est... nuit*».

Не следует удивляться, когда предикат выражен существительным, как «Nuit». В русском языке предикат может быть выражен наречием. Наряду с «морозит», имеет место «морозно» — «Сегодня очень морозно», «На дворе холодно».

Можно было бы задуматься, почему в «*il pleut*» сохраняется местоимение? Я думаю, что «il» это не местоимение, а манера подчеркнуть личное окончание глагола, которое стремится к исчезновению, и это просто функциональный элемент.

Почему «*il pleut*» в среднем роде и в 3-м лице единственного числа? Я думаю, что это способ показать, что этот тип находится вне понятия рода и лица. Чтобы передать неопределенное местоимение «он», «тап», мы можем использовать в русском языке любое местоимение, однако в безличных оборотах всегда используется форма 3 лица единственного числа.

Я думаю, что эти безличные фразы имеют двухчастную (бинарную) структуру: Т выражает состояние; и оно более или менее улетучилось, оставив лишь следы своей грамматической категории в функциональном элементе; тогда как Т', который вобрал в себя Т, живет (существует) и представлен конкретным значением слова.

Было бы правильнее сказать, что «il», «es», «it» служат для выражения глагольного характера этих слов. (Вернее, служат для усиления безличного характера, который, по-моему, главное в знаке, эквивалентном идее явления.)

Балли: Рукописные записи были сделаны при первом прочтении, замечания 1–3 отпадают. «Il pleut de la pluie» оставляют меня скептически настроенным. Но перифраза «il se produit de la pluie», мне кажется, больше достигает сути безличной формы. Она объясняет реальные перифразы типа «il fait beau» «il fait froid»; контакт с формой «il y a (des fraises dans ce bois)» мне кажется возможным.

Но мне кажется, что надо продолжать различать *явление* (не содержащее представление субъекта) и *действие* (характеризуемое представлением субъекта). В языках, которые обходятся без местоимения-субъекта, я различаю тип dico и тип pluit, потому что в первом возможная замена (например, Paulus dicit) показывает, что мы чувствуем возможность наличия субъекта, чего нет во втором. Точно так же сознание связки присутствует в *Paulus piger*, потому что в параллельном выражении *Paulus erat piger* она присутствует реально.

Следовательно, фундаментальной характеристикой безличных глаголов является то, что при них невозможна ни замена одного лица другим, ни восстановление какого-либо субъекта. Эти два отрицательных признака, точно как и положительные, предстают для говорящего как символ явления, которое характеризуется формулой: есть что-то, что происходит.

Вот каким образом, другим путем, я присоединяюсь к вашей гипотезе. Разница в интерпретации видна в примере *la pluie pleut*, который вы справедливо ставите на тот же уровень, что и *le chanteur chante*. Но, на мой взгляд, *la pluie pleut* отмечает переход от безличного типа к личному, *la pluie* становится субъектом, дождь персонифицирован, он попадает в ту же категорию, что *chanteur* в *chanteur chante*. Что касается *il pleut de la pluie*, это будет переходная форма, как *entra le roi*.

Но эти замечания ничуть не умаляют значения вашей работы, может быть, лучшей из тех, что я получил от вас.

Текст № 12 16-17/VI-1914

Антитеза как явление внутреннего ритма

(В этом тексте нумерация курсивом в скобках соответствует нумерации комментариев Шарля Балли.)

(1) Оппозиция явление не только умственное. Оппозиция и параллелизм, или аналогия, — две стороны одного явления. Тогда как симметрия есть проявление ритма. Ритм — явление универсальное, которому подчинены все явления нашего существа, включая наше мышление, которое испытывает его силу. Ритм управляет физической и психологической стороной нашей жизни. Итак, я считаю, что оппозиция — это ритм, одинаково естественный для нашего мышления и для наших эмоций. А сам по себе ритм не является ни рассудочным, ни аффективным.

Не говоря об экскурсах в область физиологии или психологии, достаточно определить явление ритма как принцип-регулятор, который руководит нашей физической и психической жизнью, который «навязан», «внушен» нам, в чем мы и не отдаем себе отчета.

После работы Овсяннико-Куликовского *Лирика как особый вид творчества*, не говоря даже о других авторах, мы должны признать огромную роль ритма в нашей личной и общественной жизни. Наши физические движения — ходьба, работа, борьба; наши эмоции и их выражение, жесты, изменения голоса, слезы; последовательность мыслей, — короче, все, что я сказал до последней фразы, подчинено закону ритма. Ритм — это универсальный принцип экономии силы.

(2) Никто не пытается оспаривать, что основой поэзии является ритм, тогда как гармония — ассонансы, рифма, аллитерации — всего лишь аксессуары, без которых поэзия может обойтись. Овсяннико-Куликовский полагал, что элемент ритма настолько же главенствует в поэзии, насколько он затмевает образ. Достаточно вспомнить классическую трагедию XVII века, чтобы в этом убедиться. Изображение занимает слишком большое место в нашем мышлении, слишком привлекает внимание, изображение погубило бы ритм, если бы мы сохраняли его во всей его сложности.

Думаю, что именно этим объясняется то, что поэты так часто прибегают к аллегории, к символу и всякого рода клише, т. к. я считаю, что аллегория и символы — это тоже клише, но сфера, где они понятны, значительно уже и совпадает с «кругом» поэта. Существует весьма немного поэтов, оригинальных в изобретении образов и умении их ритмически комбинировать, сохраняя их сложный характер и неповторимость.

Балли: Всей этой части (ритм, противопоставленный образу) следует придать «веса».

(3) Овсяннико-Куликовский различает две категории ритма: 1) ритм слуховой (музыка, поэзия) и 2) ритм зрительный (украшения, танец, архитектура и т. д.). Я признаю третью категорию — ритм внутренний, или ритм мысли. Но это всего лишь вывод и логическое заключение из теорий Овсяннико-Куликовского.

Поэзия базируется на слуховом ритме, хотя чаще всего мы и читаем только глазами, но очарование поэзии от этого не меньше. С другой стороны, существуют стихи, может быть, самые лучшие, у которых слуховой ритм почти отсутствует. Шедеврами Гейне и Пушкина как раз являются стихи, язык которых почти не отличается от того, на котором мы говорим каждый день.

Пушкин поступает так же, как Гейне: он, кажется, устраняет внешний ритм и старается максимально приблизиться к разговорному языку, чтобы выявить естественный ритм наших эмоций и наших мыслей.

Анализ Гейне и Пушкина приводит нас к констатации, что один из наиболее употребительных ритмов — это симметрия в двух ее проявлениях: антитеза и параллелизм. И это наблюдается у всех поэтов.

Симметрия — один из наиболее употребительных ритмов. Русская народная поэзия широко его использует.

*Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке...*

(4) Наиболее часто встречается двухразмерный ритм. Он проявляется в архитектуре как симметрия, в искусстве речи как параллелизм или антитеза. Надо, однако, заметить, что переход от параллелизма к антитезе часто почти незаметен.

.....

И я думаю, что большинство симметричных поэтических конструкций не поддается анализу.

Вот еще поэтический пример, где мы чувствуем противопоставление, но мы не можем его проанализировать.

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;
Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.*

Наиболее естественный ритм в искусстве 2- или 3-дольный.

(5) В поэме Сюлли-Прюдона «Здесь на земле» улавливается антитеза между *здесь, на земле и там, в небесах*. Эту поэму можно рассматривать как поступательное движение эмоций, этапами которого являются: цветы и песни, которые проходят, наслаждение, которое длится лишь мгновение, любовь и дружба, которые забываются. Можно было бы отметить эту прогрессию тремя пунктами: природа, тело, душа.

(6) Пример из Пушкина «Три ключа»...

*В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа...*

Снова прогрессия: страсть, вдохновение, забвение. Можно до бесконечности менять термины — ритм остается. Нельзя считать, что поэт группирует в 3 пункта свои образы, чувства или мысли чисто умственным приемом.

Можно отметить интересный факт по поводу трехдольного ритма. В то время как 3-дольный ритм всегда производит впечатление движения чувства, которое идет то по возрастающей, то по убывающей, 2-дольный ритм беспокоит меньше, производя впечатление равновесия, покоя. Ритм так укоренился в нашей жизни, что он служит формой не только для наших эмоций, но и для самой мысли. До сих пор мы разбирали поэзию симметричную, когда присутствовали оба члена. Но вот симметричные стихи, где один из членов отсутствует, вернее не выражен. Так, в рассказе русского писателя Зайцева эпитафией служат строки из Гёте: «Там роши зелены, фиалки сини». Это антитеза, где один член — эпитафия, а другой — сам рассказ. Оба члена налицо, но какая диспропорция!

Еще пример в том же направлении.

*Была у меня страна родная;
Там дуб тенистый к небу рос,
Цветы фиалки нежно там,
Но то был сон* (перевод с немецкого)

Снова диспропорция. Антитеза создается последней строкой *Но то был сон*. Но и в этом случае, как и в предыдущем, я чувствую равновесие обоих членов, хотя они и кажутся неравными в их выражении.

У Гейне герои отрывка Луна и Цветок лотоса. За картиной их любви мы видим другую картину, параллельную, историю нашей любви. Оба члена присутствуют в силу необходимости, для симметрии, врожденной для нашего существа. И благодаря этому принципу симметрии может существовать поэтический образ, т. к. он нам дорог только потому, что за ним мы чувствуем другой, образ человеческой души. А любое искусство базируется на образе типичном или индивидуальном, сложном или схематическом, реальном или символическом. Зелинский считает, что интеллект в своих функциях не знает, не признает ритма. Несмотря на это заявление ученого эрудита, я осмелюсь утверждать обратное: ритм пронизывает нашу мысль вплоть до функций самых абстрактных.

(7) Всем известно, какую важную роль во всех созданиях философской и религиозной мысли играло и играет число три. По-моему, это не что иное, как трехдольный ритм. Будь то Троица индусов или крестьян, будь то триады Гегеля, будь то наше предпочтение располагать нашу аргументацию по 3 — что мы наблюдаем у Руссо или Гюго — всё это на мой взгляд эффект ритма.

Разве не тот же эффект ритма заставляет нас искать *tertium comparationis* всякий раз, когда перед нами два элемента, которые нам не сразу даны как симметричные (противоположные или параллельные, что одно и то же).

Однако, если трехдольный ритм так глубоко проник в наше мышление, ритм симметричный еще более присущ нашей мысли. Научная мысль, не подвергая критике вопрос Троицы, резко нападает на триады Гегеля, готовая видеть в них черты мистицизма или метафизики. Двухдольный ритм находится в привилегированном положении.

Балли: Я тоже так считаю.

Считается, что антитеза совершенно бесспорный логический прием. Правда, симметрия — один из важных принципов нашего существа, может быть, самый важный. Структура нашего тела, множество органических и неорганических форм (например, некоторые кристаллы), множество физических законов (например, тот факт, что предметы падают на землю, является основой для различия между верхом и низом) и т. д. — всё это способствует тому, что принцип симметрии возникает в нашем мышлении. Вот следствия этого: симметрическая концепция Ад и Рай, тело и душа, Бог и дьявол, жизнь настоящая — жизнь будущая, добро и зло, сила и материя и т. д., и так до бесконечности. Некоторые из этих концепций позволяют перекомпозицию в 3 элемента: Ад — Чистилище — Рай; жизнь прежняя — настоящая — будущая; начало — середина — конец.

(8) Значит, аналогия и антитеза, т. е. 2-дольный ритм главенствует у нас как в эмоциональном, так и в интеллектуальном. Я отказываюсь считать антитезу приемом чисто интеллектуальным. Когда Паскаль во 2-й главе «Мысли» показывает нам два типа бесконечности, которые открываются рядом с нами, движение его мысли не чисто рассудочное. Эти два образа, составляя симметрическую конструкцию, притягивают один другой как естественный противовес, как только первый воспринят во всей своей сложности и во всей своей величине. К противоположному нас толкает не рассуждение, а необходимость равновесия. И опять-таки не рассуждение, а ритм вызвали в предыдущей фразе слова «во всей своей величине».

Последний пример приближает нас к области речи. Прежде чем перейти к проблеме ритма в речи, я позволю себе еще раз, последний, вернуться к антитезе.

(9) Антитеза как прием нам представляется совершенно естественным, и в рассуждениях мы часто прибегаем к антитезе, так, например, сокращение до невозможного в математике. Аналогия, напротив, как прием логический нам кажется не имеющим значения. Однако не следует забывать, что когда-то аналогия использовалась широко: античная философия, средневековые схоластические науки прибегают в своих рассуждениях к аналогии. И если аналогия и не играет большой роли как научный метод и никого не убеждает, она, похоже, сохранила всю свою силу как средство морального убеждения (библейские притчи и Евангелие) и в искусстве.

(10) По мнению Потебни, поэзия и наука находят необходимые элементы в разговорной речи. Тогда следует признать, что ритм, найденный в поэзии, а также в мышлении, будет обнаружен и в речи. Но у меня нет ни времени, ни метода, чтобы продолжить мое исследование в области речи.

(11) Оставим в стороне модуляции голоса, ударение и т. д., которые часто являются лишь выражением эмоций и следуют своему естественному ритму. Но я думаю, что группировка синонимов подчиняется закону ритма. Таковы повторения: *много-много, не очень-очень большой, бегом-бежим гудя-гудит*.

(12) Таковы повторы синонимами: *путь-дорога, правда-истина*, противопоставительные выражения: *ни кола, ни двора*, синонимические серии эпитетов: *правда твоя, правда истинная*.

(13) «Их толкала любовь преступная, любовь виновная». Серия синонимов (открытое соединение) чаще всего состоит из двух или трех членов. Больше мы не можем воспринять сразу.

(14) Может быть, порядок слов во фразе является также следствием ритма, иногда слухового, иногда внутреннего, как и сама структура фразы, вплоть до отношения субъекта к предикату (или Т к Т' и т. д.).

(15) Однако я вижу, что мои теории завели меня слишком далеко, я теряюсь и спешу вернуться. Чтобы закончить мое выступление со столь диспропорциональными частями, мне остается сказать несколько слов о примерах антитезы, которые фигурируют в § 83 II тома «Трактата по стилистике». Эти примеры носят интеллектуальный характер. Но все они парадоксальны. Это умственные игры. И как все

игры, они искусственны, выдуманы. Они не стремятся затронуть наши чувства, а стараются задержать наше внимание своей странной логикой.

Уже было сказано, что антитеза и логическое противопоставление не одно и то же. *Голод — жажда; часть — целое; ничего — много* не являются логическими противопоставлениями, но все-таки могут, в зависимости от ситуации, оказаться в оппозиции. Другое дело, когда логика противопоставляет термины. Вот два примера: «Великие мысли идут от сердца»; «Люди часто принимают свои воображения за движение сердца». Одно и то же слово «сердце» противопоставляется то *мысли*, то *выдумке*. Его можно было бы противопоставить ему самому: «У *сентиментальных* людей нет *сердца*». Значит, всё зависит от ситуации. Парадокс этого не учитывает, и в этом весь секрет выразительности. Он [парадокс] дан нам вне ситуации, следовательно, мы думаем [о нем] логически: мы расцениваем слова «сердце» и «мысль» как имеющие одно и то же значение, почти как два члена идентификации, как два члена противопоставления. А нам их представляют без подготовки (что могло бы быть введением нас в ситуацию, в новое значение). Столкновение двух значений, старого и нового, бьет по нашей логике. Чтобы прийти в себя, нужно найти ситуацию, которая соответствовала бы новому смыслу. Как только ситуация найдена, парадокс теряет силу.

Я хотел доказать, что антитеза сама по себе ни интеллектуальна, ни эмоциональна. Я постарался показать, что она — одна из граней симметрии, которая, в свою очередь, одно из проявлений ритма, явления универсального, охватывающего всю жизнь / все стороны жизни. Я постарался проследить роль ритма в поэзии и в работе мышления. Что касается ритма в речи, то из-за отсутствия методологии и времени я чувствую, что не в силах показать что-то более ясно. Я, однако, убежден, что [ритм] универсальный принцип экономии, который управляет любым движением, должен проявляться и в речи тоже.

Два великих создания человеческого гения, Музыка и Математика, часто считаются совершенно отдаленными друг от друга, но на деле это лишь на видимость.

[На этом заканчивается рукопись Карцевского.]

Комментарии Шарля Балли (напечатанные на листках 21x13,5 см):

(1) Я не могу разделить Вашу точку зрения: думаю, что трудно видеть симметрию в приеме аналогии, характеристикой которой является неопределенность; не пытаюсь предвидеть смысл, который вы вкладываете в термин *аналогия*, хочу заметить, что в моем понимании речь идет не о таком ансамбле, который сводится всего к двум членам.

(2) Но эти аксессуары не являются ли они особыми формами ритма?

(3) Меня немного удивляет, что в этот список вы включаете танец. Последовательность движений во времени, соединенная со зрительным элементом, дает танцу промежуточное положение.

(4) Я, кажется, начинаю понимать, в каком смысле вы используете слово «параллелизм». Именно параллелизм является основой сравнения коррелятивных членов.

Если это так, я с вами согласен, т.к. под словами оппозиция, антитеза, антонимы и т.д. я подразумеваю не только противоположное, но и соотносительное. Я также согласен с бинарным принципом, который управляет порядком этих терминов, т.к. наш ум старается охватить лишь два члена сразу, как когда он сравнивает, так и когда он различает. Еще одно общее: сравнение, как и различие, покоится на отборе (часто бессознательном) того, что есть общего и различного в двух сближенных членах. Однако я замечаю, что то, что я сказал об ассоциативных группах или открытых ансамблях, не входит ни в одну из этих категорий. Речь идет о членах, ассоциируемых в силу их общих характеристик и упоминаемых в рамках одного и того же представления. Вот почему их число неопределенно и не ограничивается бинарным принципом.

(5) В поэме Сюлли-Прюдома «Здесь, на земле» внутри каждой строфы я вижу пример ассоциаций не оппозиционных, а в последовательности строф — пример открытого совмещения. Действительно, если сравнение между реальным счастьем и счастьем, о котором мечтаешь, представляет закрытую пару аналогии, которую вызывает поэт, символические примеры хрупкости настоящего счастья, перечисляемые им, составляют открытую серию, которая может продолжаться до бесконечности. Он мог бы говорить об источниках, которые пересыхают, о цветах, которые теряют свои краски, и т.д. Следовательно, тройственное деление мне кажется искусственным. Так же как и аллегория Пушкина (три источника) мне кажется придуманной, как, собственно, и все аллегории. Она не диктуется ни природой, ни логикой. Тройные группировки иногда бывают логичны, например, начало — середина — конец. Но это случаи особые, и требуют специального исследования.

(6) [Забыта Балли]

(7) Развитие, которое здесь заканчивается, очень интересно, но, как и некоторые предыдущие, позволяет увидеть намечающееся расширение понятия ритма, которое отдаляет его от первоначального и снимает всякое практическое значение в вопросе, который нас интересует.

(8) Этот абзац в основном совпадает с тем, что я говорил выше о совмещенных членах тройного расположения. Что касается психологического тезиса о восприятии совмещенных (ассоциативных) членов, я с ним согласен. По-моему, восприятие может базироваться только на анализе схожего и различного, а это возможно только благодаря действию разума. Я никогда не говорил, что этот акт является чисто умственным и что к нему не примешиваются эмоциональные элементы.

(9) Не следует забывать, что слово «аналогия» употребляется здесь не в том смысле, в котором его употребляю я. Ваша аналогия базируется на принципе двойственности, в основе которого лежит восприятие схожести и исключение различий. Моя аналогия (которая приводит к открытым ассоциациям) является результатом восприятия только схожего (пример лингвистический: голод, жажда, болезнь, лишения...; звук нежный, жалобный, настойчивый и т.д. ...; символ ритмический: непрерывно падающая капля воды, производящая звук без начала и без конца).

(10) Я думаю, что именно здесь логическая точка отправления. Не умаляя значения философских и литературных объяснений, которые составляют основное содержание вашей работы, думаю, что простое перечисление употребительных лингвистических

фактов было бы прекрасной базой. Именно язык должен объяснять литературные приемы. Обратный ход действий, по-моему, приведет к спорным результатам.

(11) Вы слишком категоричны: немало фактов эмоциональной акцентуации основывается на восприятии антитезы (в широком смысле слова). Есть почва для плодотворных наблюдений.

(12) Да, но ритм «капля воды»; заметьте, никто не заставляет говорить «очень-очень большой», но в зависимости от степени эмоциональной насыщенности я могу повторить слово «очень» неограниченное число раз. Когда наливают вино, чтобы остановить, говорят «хватит, хватит, хватит, хватит». Тогда как выражение «тянуть во все стороны» «Tirer à hue et à dia» относится к 1-му типу — антитезному.

(13) [Листок отсутствует.]

(14) Здесь я полностью отмежевываюсь от вас. Чем больше членов содержится в открытой ассоциации, тем дольше она представляется сама собой. То, что сразу невозможно охватить большое число членов, это абсолютно верно. Но это как раз цель, которую преследует этот тип ассоциации. Она в первую очередь выражает черту, общую для всех членов, а не то, что характерно каждому члену в отдельности. Когда я говорю «преступная любовь, виновная любовь, позорная любовь», я вовсе не ищу характеристику каждого прилагательного в противоположность другим, каждое из них лишь капля воды, которая следует за предыдущей.

(15) Это значит, что им можно поставить в упрек то же самое, что и другим более или менее литературным текстам (как и тем, что вы цитируете в вашей работе). Но литературная антитеза всего лишь стилизованная форма естественной антитезы. Парадокс — это разыгранная форма антитезы, и эту форму нельзя игнорировать. (См., что я говорю об этом, в моем Трактате § 1, 188, 189.)

Ваше последнее утверждение о музыке мне кажется спорным. Музыкальная логика (интуитивная и бессознательная в большинстве случаев) все больше и больше меня удивляет. Но это уведет нас слишком далеко.

Мое заключение на вашу очень интересную работу: с одной стороны, психологические и философские базы необходимы для изучения речи, но с другой, никогда не надо забывать, что язык должен рассматриваться *сам по себе*, в своей собственной функции, и следует расценивать факты, которые отвечают этой функции.

Следовательно, мой совет двойственный: меньше философии и больше лингвистики, меньше литературных констатаций и больше фактов, почерпнутых из общепотребительного языка.

Но не думайте, что мои критические замечания имеют целью отвратить вас от этого исследования. Напротив, мне кажется, что у вас в руках очень интересная тема; но начните с анализа деталей. Много *Vorarbeiten* и много фактов.

Итак, перед нами редчайший в истории лингвистики пример «эпистолярной беседы» учителя со студентом. Не все вопросы, поднятые в этой беседе, нашли свое разрешение. Некоторые из них и сегодня волнуют ученых. А архив С. И. Карцевского хранит еще немало интересного и ждет своего исследователя.

Источники

- Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947. С. 399–421.
Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1902.
Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914.
Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь II. Ленинград, 1928.
Chidichimo, Alessandro. Le Fonds Serge Karcevski à Genève [en ligne]. *Acta Structuralica*, 1, pp. 27–62. Disponible sur <http://acta.structuralica.org/2016/09/10/163>.
Karcevski, Serge. Русский язык, ч. 1, Грамматика. Прага, 1925.

I. I. Fougeron

independent researcher

(France, Paris)

i.fougeron@orange.fr

KARTSEVSKY AT THE BEGINNING OF HIS SCIENTIFIC CAREER (BASED ON ARCHIVE MATERIALS)

In the Central Archives of the University of Geneva (Archives Administratives et Patrimoniales — AAP) are stored 12 small texts written by S. I. Kartsevsky with the comments of his teacher, Charles Bally. The texts discuss a variety of linguistic issues. All of them were written during the Kartsevsky's first year in the university: September 1913 — June 1914. These texts can be divided into two groups: texts dealing with theoretical problems, and questions of word formation and word usage. This texts were published in their entirety in *Cahiers de Ferdinand de Saussure* 72 (2019). This material has never been published in Russian before.

Keywords: Balli, Kartsevsky, syntagmatic structure (syntagmatics), word formation, antithesis.

О ФОНЕТИКЕ ВЕСЕЛО

А. Д. Шмелев¹, Е. Я. Шмелева²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

shmelev.alexei@gmail.com¹, eshkind@mail.ru²

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В АНЕКДОТАХ

У носителей языка обычно есть представление о том, как правильно говорить на родном языке, так что неправильное произношение тех или иных звуков, поставленное не на том слоге ударение или не соответствующая высказыванию интонация является поводом для шуток в разных странах и у разных народов. В статье рассматриваются русские «фонетические анекдоты», в которых обыгрываются особенности устной речи тех или иных персонажей анекдотов, причем это может быть как произношение, характерное для группы персонажей (акцент, заикание и др.), так и индивидуальные черты «языковой маски» героя анекдота. Кроме того, рассматриваются анекдоты, пуанта которых построена на имитации средствами родного языка особенностей фонетики иностранного языка («фонологические» анекдоты), и анекдоты, построенные на межъязыковых каламбурах.

Ключевые слова: языковая маска, «фонологический» анекдот, межъязыковой каламбур, акцент.

Как мы уже неоднократно отмечали (см., в частности, [Шмелева, Шмелев 2002: 24]), рассказывание анекдота во многих случаях напоминает представление, осуществляемое одним актером. В связи с этим для рассказывания анекдота важную роль играет изобразительность, включающая так называемые «языковые маски»¹ персонажей анекдота.

При этом следует иметь в виду, что при рассказывании анекдота обычно не делается попытка имитировать все особенности речи того или иного персонажа. Так, при рассказывании анекдотов, в которых фигурируют *муж* и *жена*, рассказчик, как правило, не стремится изменять высоту тона, чтобы отразить особенности мужского и женского голоса. Лишь в немногочисленных анекдотах, для которых именно

¹ Понятие «языковой маски» было, по-видимому, впервые введено в статье Г. О. Винокура о языке «Бориса Годунова» Пушкина (в 1936) и подробно разработано им же на материале комедии «Горе от ума» (в 1948). Именно в анекдотах был отчасти реализован прогноз Г. О. Винокура относительно создания особых театральных масок, которые будут различаться не по костюму, а по языку (см. [Шмелева, Шмелев 2002: 38]).

различие мужского и женского голоса составляет необходимую составляющую пуанты, рассказчик вынужден отражать это при рассказывании. Приведем пример:

1. Идет мент ночью по парку и слышит из куста какие-то звуки: «Ах! А! О!» Подходит и спрашивает: «По согласию?» [Рассказчик низким, «мужским» голосом:] «По согласию, по согласию». «Да я не вас спрашиваю...» [Рассказчик высоким, «женским» голосом:] «По согласию, по согласию». Идет дальше, опять такая же ситуация, опять подходит и спрашивает: «По согласию?» [Рассказчик низким, «мужским» голосом:] «По согласию, по согласию». «Да я не вас спрашиваю...» [Рассказчик снова низким, «мужским» голосом:] «По согласию, по согласию». Идет дальше... «Ах! О! А!» Подходит и спрашивает: «По согласию?» [Рассказчик низким, «мужским» голосом:] «По согласию, по согласию». «Да я не вас спрашиваю...» [Рассказчик «блеющим» голосом:] «Ме-е-...»

Однако, поскольку для большинства анекдотов различие мужского и женского голоса не релевантно, нет оснований говорить о «языковых масках» мужчин и женщин в русском анекдоте.

В нашей статье рассматриваются русские «фонетические анекдоты», в которых обыгрываются особенности устной речи тех или иных персонажей анекдотов, составляющие их «языковые маски», причем это может быть как произношение, характерное для группы персонажей (акцент, заикание и др.), так и индивидуальные черты речи героя анекдота. Кроме того, будут кратко рассмотрены анекдоты, пуанта которых построена на имитации иностранного произношения средствами родного языка², и анекдоты, построенные на межъязыковых каламбурах³.

Существенно, что у носителей языка обычно есть представление о том, как правильно говорить на родном языке, так что неправильное произношение тех или иных звуков, поставленное не на том слоге ударение или не соответствующая высказыванию интонация в разных странах и у разных народов является поводом для шуток. Жанр анекдотов и баек об этнических меньшинствах, носителях того или иного диалекта или о народах-соседах, которые «неправильно» говорят на соответствующем литературном языке, существует в фольклоре самых разных народов. Французы рассказывают анекдоты о франкоязычных бельгийцах, а голландцы — о бельгийцах, говорящих на фламандском языке, немцы рассказывают анекдоты о баварцах и о саксонцах, испанцы о португальцах, шведы — о норвежцах, а финны — о шведах⁴. В Российской империи и в Советском Союзе с их огромной территорией и многонациональным населением русские постоянно сталкивались с различными типами «неправильной» русской речи, что нашло отражение в так называемых «анекдотах об инородцах» (жанре чрезвычайно распространенном в дореволюционном и советском городском фольклоре).

² Так называемые «фонологические анекдоты» (phonological jokes) [Muñoz-Basols, Adrijan & David 2013].

³ Об анекдотах, построенных на межъязыковых каламбурах, см. [Шмелева, Шмелев 2011].

⁴ Следует иметь в виду, что популярность таких анекдотов значительно снизилась за последние два-три десятилетия, и это, несомненно, связано с требованиями «политкорректности».

К наиболее часто имитируемым в анекдотах особенностям русской речи нерусских, конечно, относится акцент. Произношение чукчей имитируется посредством произнесения свистящих на месте соответствующих шипящих, а эстонцев — посредством произнесения глухих согласных на месте звонких, удлинения ударных гласных и попыток произнести долгие согласные. Для речи украинцев в анекдотах характерна реализация фонемы <г> как [γ], для речи евреев — реализация <р> как заднеязычного [R]⁵. Грузины в анекдотах опознаются по произношению [а] в безударных слогах на месте редуцированных, мягкому произношению шипящих, неразличению твердых и мягких согласных. Сюда же относятся типичные грамматические ошибки и слова, которые служат опознавательными знаками персонажей анекдотов, как слово *однако* для чукчи, *чи, шо* для украинца или *таки* для еврея. Имитация такого рода представляет собою своего рода языковую маску и не является семантически и прагматически нагруженной, как в анекдотах 2–6⁶:

2. Чукча поступает в литературный институт. Его спрашивают: «Что вы знаете о творчестве Чехова?» Молчит. «А что вы можете рассказать о Пушкине?» Молчит. «А что вы Достоевского, Тургенева, Толстого читали?» — «Цюкця не читатель, цюкця писатель, однако!»
3. Горячий эстонский парень лежит в постели с молодой женой. «Тарагоой, почему ты все время моолчишь? Скашии хоть чтоо-ниппуть!» — «Что же теппе сказаатть?» — «Ну, скашии, что люппишь меня». — «Я люпплю теппя». — «Скашии, что хоочешь меня». — «Я хочуу теппя». — «Почемуу ты все говоришь потт моюу диктооовку? Скашии чтоо-ниппуть самм!» — «Спокоойной ноочи».
4. Украина. Свадьба. Пьяный жених спит за столом, к нему подходит друг и говорит: «Проснись, ты на свадьбе». Жених: «На чьей свадьбе?» — «Да на твоей свадьбе, ты сегодня женился». — «Я женился, а кто она?» — «Да мы ее толком и не видели, ты ее только сегодня привез». — «Как хоть

⁵ Заметим, что в литературе и в анекдотах конца XIX — начала XX века речь еврея была отмечена гораздо более яркими «национальными» характеристиками (вероятно, это отражало реальную ситуацию, когда жители местечек плохо знали русский язык), ср. примеры передачи речи евреев в классической русской литературе: *А-зе, сто-зе вам и здесь на-а-до?* (Достоевский); *По царке! По две царки на каздого ратника зертвую* (Салтыков-Щедрин); *Мозе, ту глибоко* (Лесков). Ср. также еврейские анекдоты, приводимые, например, в книге [Карачевцев 1929].

⁶ Строго говоря, при письменной передаче фонетических особенностей рассказывания анекдота следовало бы использовать фонетическую транскрипцию с интонационной разметкой, снабженную другими необходимыми данными (включая указания фонаций). Однако для простоты в данной статье мы избегали излишнего педантизма и в большинстве случаев для письменной передачи произношения использовали те же способы передачи, что и «неискушенные» носители языка; в частности, в случае, когда тот или иной анекдот уже получил письменное воплощение (в каком-либо сборнике или в интернете), мы приводим его именно в таком виде. Поэтому запись анекдотов в статье может казаться непоследовательной. (Относительно разных способов письменной передачи текста анекдота в зависимости от целей, которые ставит перед собою передающий, см. [Шмелева, Шмелев 2010].)

ее зовут?» — «Да не знаем — чи Галя [произносится с г фрикативным], чи Полина». Жених, хватаясь за голову: «Чипполино?!!»

5. Еврейский мальчик гуляет во дворе. Мама кричит ему в окно: «Абгаша, немедленно иди домой!» — «Я что, замерз?» — «Нет, кушать хочешь!»⁷
6. Сидят два грузина в ресторане. Один говорит: «Гоги, а я ужэ мэсяц женщину не видел». — «Гиви, ты жэ жэнат!» — «Вай, ти еще маму вспомни!»

Но есть анекдоты, в которых имитация акцента (вкупе с грамматической неправильностью) сама по себе может порождать комическую ситуацию и быть объектом насмешки, как в ряде грузинских анекдотов:

7. Учитель: «Как называется балшой полосатый мух?» «Ос!» — отвечают дети [имеется в виду *оса*]. «Нэправилна, — говорит учитель, — большой полосатый мух — это шмэл, а ос — это палка, вокруг которой вертится земля» [имеется в виду *ось*].
8. Учитель: «Дэти, запомните, слова *вилька*, *тарелька* пишется без мягкий знак, а *дэнги* — с мягкий знак. Понимаете?» — «Нэт!» — «Это не надо панимать, в это надо взэрить!»
9. «Здрате, я от синагоги!» — «Какой еще синагоги?» — «Нэт, нэт, я от сина Гоги!»

Есть также еврейские анекдоты, «соль» которых состоит в имитации «неправильного» произношения:

10. В картинной галерее еврей, показывая на картину, спрашивает другого посетителя, военного: «Это кто, Сувог'ов?» Военный (передразнивая): «Да, это Сувог'ов, Сувог'ов». Еврей: «Зачем вы мне подражаете? Вы бы лучше ему подражали».
11. Чтобы избавить сына от еврейского акцента, его отдают на воспитание в семью священника. Через год еврейка приходит повидать сына. Ее встречает попадьа и кричит мужу [с еврейской интонацией]: «Ива-ан, Ива-ан, таки выходи, к нам пришла мамаша нашего Абгаша!»

В современной России «фонетические» анекдоты о представителях разных народов рассказывают гораздо реже, чем в советское время. Во-первых, грузины, эстонцы и украинцы теперь жители других стран, иностранцы, а особенности произношения иностранцев в анекдотах, как правило, не имитируются, а во-вторых, как уже говорилось, такие анекдоты могут считаться обидными, недостаточно политически корректными.

Анекдоты о политических деятелях: президентах, депутатах, лидерах партий — также рассказывают в разных странах и на разных языках (ср., например, анекдоты

⁷ Поскольку в русском языке нет единой нормы передачи картавости на письме, в записях еврейских анекдотов вместо *р* пишется то буква *г*, то *г* с апострофом (*г'*), то *ь* или *ь*, или *й*, как и в изданиях разных произведений русской литературы, в которых сходным образом может передаваться «аристократическое» грассирование — ср., например, *Гостов, вставай!* (Л. Толстой); *Пыглашаю вас на пейвую кадъиль* (Куприн) и др.

о Клинтоне, Буше-младшем или канцлере Коле). Анекдоты о советских политических деятелях: о Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежневе и др. — были чрезвычайно распространены в советское время, существуют также серии анекдотов о российских политиках — о Ельцине, Путине или Жириновском. Политик как герой анекдота должен обладать определенными узнаваемыми поведенческими и речевыми характеристиками, соотносимыми с поведенческими и речевыми характеристиками реального политика — прообраза анекдотического персонажа. Самыми узнаваемыми языковыми масками среди советских политиков — героев анекдотов обладают Ленин и Брежнев. Характерной фонетической характеристикой речи Ленина является картавость, которая имитируется практически во всех анекдотах, например:

12. Дзержинский, утомившись после бессонной ночи в ЧК, прикорнул на стуле. К нему тихонько подкрался Ленин — хлоп по кумполу. Тот встрепенулся: «А?» — «Хег на! Пговегка геволуционнй бдительности!»
13. Ленин залезает на броневик. «Товаг’ищи! Назначенная на завтра Великая Октябг’ская г’еволуция отменяется. Товаг’ищ Тг’оцкий уехал на г’ыбалку». — «А что, без него нельзя?» — «Да без него-то можно, но вот без “Авг’оры” — никак».
14. Воскрес Ленин. Через неделю он получил вызов из Израйля от родственников по материнской линии и подал документы в ОВиР. «Куда же вы, Владимир Ильич?» — «В эмиг’яцию, батенька, скойей в эмиг’яцию. Все надо начинать сначала!»

Есть анекдоты, в которых именно картавость наряду с чертами внешнего облика: невысоким ростом, бородой и кепкой — является опознавательным знаком того, что речь идет о Ленине:

15. На пионерском сборе выступает с воспоминаниями участник первого ленинского субботника: «Вывели нас с Федей из цеха и повели на субботник. Подошел к нам маленький в кепке, с бородкой, картавый и говорит: “Беги-тесь за бгевно, товагищи!” Шел бы, говорим, ты на ...! Федю с тех пор я не видел, а сам лишь месяц как вышел...»
16. Врезается старый ржавый броневик в Мерседес. Оттуда выходят такие накаченные братки в малиновых пиджаках, с золотыми цепями, подходят к броневику, открывают дверь. А оттуда вылезает лысый дед в кепке и говорит: «Товагищ Дзейжинский, сгочно расстрелять этих буйжуев, они не в свой анекдот заехали!»

Речь многих политиков — героев анекдотов — характеризуется теми или иными фонетическими особенностями: Сталин говорит в анекдотах с грузинским акцентом⁸, Хрущев смягчает согласные перед сонорными (*коммунизм, ленинизм*), но самыми яркими фонетическими чертами характеризуется речь Брежнева, который не справляется с сочетаниями согласных, переставляет звуки, в общем, говорит настолько невнятно, что слушателям слышатся совсем другие слова. Если фонетические

⁸ Об имитации речи грузина как героя анекдота см. выше.

особенности речи других советских вождей задают их языковую маску, но пуанта анекдотов о них обычно другая, то речь Брежнева кажется настолько смешной, что сама является пуантой целой серии анекдотов. В этих анекдотах Брежнев начинает читать речь, не справляется с трудным словом, например со словом *систематически*, произносит его как [сис'масис'ки], слушатели слышат «сиськи-масиськи»:

17. «Что такое “писька-масиська”, “сиськи-масиськи” и “соски-сиськи”?» — «Брежнев пытается выговорить “пессимистический”, “систематический” и “социалистический”».

Ср. также:

18. В ЦК КПСС стал неожиданно поступать поток писем от директоров всех мясокомбинатов страны. Они писали, что признают критику в свой адрес справедливой и приложат все усилия, чтобы резко повысить качество колбасной продукции. Специальная комиссия при ЦК начала разбираться в этом странном явлении. Вскоре все директора получили письмо: «Партия горячо благодарит всех тружеников отрасли и т. д. и т. п. Однако в отношении критики в свой адрес вы ошиблись. Во время своего последнего выступления Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал не “сосиски сраные”, а “социалистические страны”».

Заметим, что речевые и поведенческие черты советских политиков — персонажей анекдотов советского времени — часто плохо известны современным россиянам. Еще в начале XXI в. мы отмечали: «...русские дети, узнавшие многие анекдоты о Ленине или Брежневе из сборников анекдотов, часто путают языковые маски их героев. При их рассказывании Брежнев может грассировать, а Сталин плохо выговаривать трудные слова, при этом характеры персонажей остаются узнаваемыми, что для слушателей старшего возраста является источником дополнительного комического эффекта»⁹. Сейчас, по-видимому, анекдоты о советских политических деятелях рассказывают крайне редко. Анекдоты о позднесоветских и постсоветских политиках (напр., о Горбачеве и Ельцине) также не очень популярны в современной России; при этом в свое время и у Горбачева, и у Ельцина как героев анекдотов обыгрывались отдельные фонетические особенности речи. У Горбачева это южнорусское диалектное *з* (фрикативное [ʒ]) и неправильные с точки зрения литературного русского языка ударения (*на́чать*), у Ельцина — произношение вопросительного местоимения *что* как [шта], а частицы *так* как [тэк].

Есть, по-видимому, одна серия анекдотов, пуанта которых целиком построена на имитации речи персонажа, — это анекдоты о заиках, например:

19. Едут на мотоцикле три чувака, два нормально говорят, а посередине заика. Заика говорит: «Б-б-б-б-б...» Тот, что за рулем: «Что, быстрее?!» Заика: «Б-б-б-б-б...» За рулем: «Что, еще быстрее?!?» Заика: «Б-б-б-б-б...» — «Куда еще быстрее?!?!?» Заика: «Б-б-б-орю сдуло!!!»

⁹ [Шмелева, Шмелев 2002: 93].

20. Заика звонит по телефону: «М-м-милиция?» — «Да». — «З-з-здесь труп-п лежит». — «Адрес?» — «Улица Г-г-г...» — «Гоголя?» — «Нет. Г-г-г...» — «Герцена?» — «Нет. Г-г-г-г...» — «Не задерживайте сотрудников. Соберитесь и перезвоните». Через некоторое время звонит снова: «М-м-милиция?» — «Да». — «З-з-здесь труп-п лежит». — «Адрес?» — «Улица Г-г-г...» — «Гоголя?» — «Да. Я его туда п-п-перенес».
21. Один человек встречает своего приятеля-заика. Спрашивает у него: «Как дела?» Заика: «Да, хо-хо-дил у-у-у-страива-а-а-ться на ра-а-а-боту». — «И куда ты ходил устраиваться?» — «На ра-ра-радио!» — «И кем ты там хотел работать?» — «Ди-ди-диктором!» — «И что, взяли?!» — «Не-не-нет, ко-ко-конечно, я же е-е-ев-рей! Ска-а-зали: “Евреев не бе-е-е-рем!”»

Если убрать из этих анекдотов имитацию заикающей речи, они полностью потеряют смысл. Заметим, что анекдоты о людях, страдающих какими-то заболеваниями (заиках, дистрофиках, сумасшедших), так же, как национальные анекдоты, сейчас считаются некорректными и обидными, однако, как кажется, их все-таки иногда продолжают рассказывать.

Также на имитации чужой речи целиком построена пуанта так называемых «фонологических анекдотов» (phonological jokes), а также межъязыковых каламбуров. Фонологическими анекдотами авторы статьи [Muñoz-Basols, Adrjan & David 2013] называют такие анекдоты, в которых с помощью слов или фонем родного языка имитируется звучание другого, иностранного языка. Конечно, примеры таких шуток были известны и ранее; в частности, мы в [Шмелева, Шмелев 2002] приводили примеры анекдотов, имитирующих «японскую» речь, которая на поверку оказывается русской, но включающей только слоги, состоящие из последовательности двух звуков согласный + гласный: *сука хама; А тому ли я дала-то?; Кимоно-то херовато* (что «переводится» на русский как «Хороша я, хороша, да плохо одета»). В статье [Muñoz-Basols, Adrjan & David 2013] не только вводится термин “phonological jokes”, но на основе анализа таких анекдотов в разных языках и культурах наглядно демонстрируются одни и те же механизмы порождения этого типа юмора, ср., например, американский, польский и немецкий анекдоты:

22. How do you say ‘you’re late’ in Chinese? — Wai Yu Kum Now [Why you come now]¹⁰
23. Jak się nazywa Japoński wynalazca namiotów? — Nacomi Tachata¹¹
24. Was heißt Kuhstall auf Arabisch? — Muh-barak¹²

Есть еще один тип анекдотов, комический эффект в которых создается столкновением двух сходно звучащих выражений, принадлежащих разным языкам (так

¹⁰ Как вы скажете *ты опаздываешь* по-китайски? — Почему ты иди сейчас (имитируется произношение и запись китайских слов).

¹¹ Как зовут японского изобретателя палатки? — Накоймне Тахата.

¹² Как называется коровник по-арабски? — Муу-барак (ср. немецкое слово *Baracke* и фамилию президента Египта Хосни Мубарак).

называемым межъязыковым каламбурам). Такие анекдоты также рассказываются на разных языках и в разных странах; ср., например, немецкий анекдот о том, как немцы в баре в Америке делают заказ по-английски: *“Two martinis, please.” “Dry?” — переспрашивает официант. „Nein, zwei,“ — отвечают немцы* [немцы интерпретируют английское слово *dry* ‘сухой’ как немецкое *drei* ‘три’] — или испанский анекдот о жене португальского посла, которая пришла на дипломатический прием в Мадриде с кольцом с огромным камнем. *¿Diamante? — спрашивают ее на приеме. Não, do marido — отвечает она* [жена португальского посла «услышала» испанское слово *diamante* ‘бриллиант’ как *do amante* ‘от любовника’ и ответила: «Нет, от мужа»]. Русские анекдоты, построенные на межъязыковых каламбурах, чаще всего устроены таким образом, что русское языковое выражение скрывает за собою возможность понимать его как сходно звучащее иноязычное выражение. Поскольку анекдот рассказывается в русской среде и рассказчик и употребившие данное выражение герои, как правило, говорят по-русски, для слушателя естественно интерпретировать это выражение как русское. Понимание таких анекдотов требует от слушателей некоторой лингвистической грамотности, знания того, что означает соответствующее выражение в иностранном языке. Во многих анекдотах этого типа, так же, как и в анекдотах о немцах в Америке или о португальке в Испании, обыгрывается тема межъязыковой коммуникации, которая сама по себе предполагает возможность межъязыкового каламбура. Ср., например, приводимый нами в [Шмелева, Шмелев 2011] анекдот о капитанах русской и американской подводных лодок:

25. Встретились в океане две подводные лодки: американская и русская. Американский капитан выходит на связь: *“I am Captain Smith.”* — «Капитан Фокин». В ответ тишина. Через час снова: *“I am Captain Smith.”* — «Капитан Фокин». Снова тишина. Еще через час: *“I am Captain Smith.”* — «Капитан Фокин». — *“What? Still fucking!?!”*¹³

Но на межъязыковых каламбурах построены также анекдоты и шутки, в которых нет упоминания представителя другой страны и другого языка, например некоторые анекдоты о Штирлице (*«Штирлиц, закройте окно, дует».* — *“Do it yourself, Vortmann!”*; *Штирлиц почувствовал запах гари. «Поттер», — подумал Штирлиц* и др.), шутки про Деда Мороза и Дед Лайна (*К хорошим детям на Новый год приходит Дед Мороз, а к плохим — Дед Лайн*) и др.

Иной, почти противоположный тип анекдотов, основанных на межъязыковом каламбуре, представлен анекдотами, в которых в качестве персонажа выступает русский, попавший в иноязычную среду или вынужденный вести беседу на иностранном языке и воспринимающий услышанные им иностранные слова и выражения как русские. Слушатель анекдота, напротив того, с самого начала понимает

¹³ Ср. анекдот о первом русском посольстве в Англии, в которое вошли бояре Лонгинов, Тихонов, Путятин, Фокин и Неверов. Их представляют королеве: *“Your Majesty! Long enough, thick enough, put it in, fuckin' and never off!”*

выражение, служащее базой каламбура, как иноязычное и для него неожиданной оказывается возможность восприятия его как русского, как в известном анекдоте:

26. Ирландец просит кассира в Москве: “Two tickets to Dublin.” — «Куда, блин?» — «Туда, блин».

Существуют разные классификации анекдотов — по главным персонажам анекдота (анекдоты о Вовочке, о новых русских) или по теме анекдота (анекдоты о семейной жизни, о дефиците «товаров народного потребления» и пр.). Еще одним основанием классификации анекдотов может служить то, на каких лингвистических основаниях, языковой игре основан комический эффект, соль анекдота. Как кажется, фонетические и фонологические анекдоты занимают в этой классификации почетное место.

Литература

Карачевцев С. Тысяча двести анекдотов. Рига: Orient, 1928. 220 с.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: ЯСК, 2002. 144 с.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Письменное бытование русского анекдота // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2011 г.). Вып. 9 (16). М., 2010. С. 596–603.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Межъязыковые каламбуры в русских анекдотах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17). М.: РГГУ, 2011. С. 782–789.

Muñoz-Basols J., Adrjan P., David M. Phonological humor as perception and representation of foreignness // Irony and humor. From pragmatics to discourse. Ed. by Gurillo L. R., Ortega M. B. A. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2013, pp. 159–188.

A. D. Shmelev¹, E. Ya. Smeleva²

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

shmelevalexei@gmail.com¹, eshkind@mail.ru²

PHONETICS IN RUSSIAN JOKES

Most native speakers naturally speak their language correctly, so it is no wonder that inaccurate pronunciation of certain sounds, a stress placed on the wrong syllable, or a non-standard intonation is an occasion for jokes in different countries and among different peoples. This article deals with Russian *phonetic jokes*, which are based on the features of

oral speech of certain joke characters. These include oral speech characteristics common for a group of people (accent, stuttering, etc.) and individual features of a joke character, or, so to say, a ‘linguistic mask’ of a character. In addition, the article considers so-called ‘phonological’ jokes, in which words or phonemes of one’s own language are supposed to imitate or mock the sounds of another language, as well as jokes built on interlingual puns.

Keywords: linguistic mask, “phonological” jokes, interlingual pun, accent.

References

Karachevtsev S. *Tysyacha dvesti anekdotov* [Twelve hundred jokes]. Riga, Orient, 1928. 200 p.

Muñoz-Basols J., Adrjan P., David M. Phonological humor as perception and representation of foreignness // Gurillo L. R., Ortega M. B. A. (eds.). *Irony and Humor: From Pragmatics to Discourse*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2013, pp. 159–190.

Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: tekst i rechevoi zhanr* [Russian jokes: text and speech genre]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul’tury Publ., 2002. 144 p.

Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. [Russian jokes in written form]. *Computational linguistics and intellectual technologies: papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 26–30, 2010)*. Issue 9 (16). Moscow, 2010, pp. 596–603.

Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. [Interlingual puns in Russian jokes]. *Computational linguistics and intellectual technologies: papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 25–29, 2011)*. Issue 10 (17). Moscow, RGGU Publ., 2011, pp. 782–789.

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2023 г., № 4 (38)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Печ. л. 21,0

Тираж 300 экз. Заказ №

В оформлении обложки использована осциллограмма слова *фонетика*